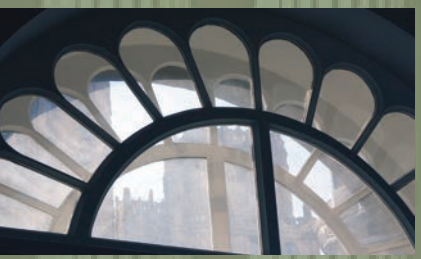
ВЕСТНИК

АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ГОРОДА МОСКВЫ

ВЫПУСК
№ 3 (168) 2025

ВЕСТНИК

Адвокатской палаты города Москвы

Выпуск № 3 (168) 2025

Москва
2025

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 273 30 октября 2025 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Адамов Анатолий Сергеевич
2. Адольшин Сергей Алексеевич
3. Алексеева Светлана Валерьевна
4. Андреева Ольга Игоревна
5. Баранникова Джамиля Абулмуслимовна
6. Богопольская Вера Владимировна
7. Вагабов Абумислим Абдулгусеевич
8. Григорьев Алексей Сергеевич
9. Гуляев Илья Владиславович
10. Зудин Михаил Васильевич
11. Ибрагимова Маргарита Карленовна
12. Коптюк Марина Яковлевна
13. Левкова Юлия Александровна
14. Пильтяй Сергей Геннадьевич
15. Подопригора Константин Александрович
16. Рипинский Анатолий Анатольевич
17. Роднов Александр Олегович
18. Сапожников Олег Евгеньевич
19. Сергиенко Андрей Николаевич
20. Тишкин Роман Алексеевич

21. Точилина Виктория Игоревна
22. Фенина Татьяна Михайловна
23. Ходаков Игорь Александрович
24. Цыпин Владлен Аркадьевич
25. Чеботарев Алексей Витальевич
26. Шикина Анна Евгеньевна
27. Юдакова Ольга Александровна
28. Якуба Елена Валерьевна.

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Белкина Сания Ахматшаевна, регистрационный номер 77/7058 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

2. Беридзе Николай Нодариевич, регистрационный номер 77/1691 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

3. Калугин Алексей Павлович, регистрационный номер 77/5119 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

4. Морозов Артур Сергеевич, регистрационный номер 77/12020 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

5. Рагулина Дарья Владимировна, регистрационный номер 77/14872 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

6. Ромко Дмитрий Дмитриевич, регистрационный номер 77/4742 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

7. Хватов Сергей Алексеевич, регистрационный номер 77/11556 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

8. Чекасина Ирина Вячеславовна, регистрационный номер 77/14147 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

3. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановила статус** адвоката

Безрукова Юлия Александровна, регистрационный номер 77/9043 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

4. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» приостановить с 05 ноября 2012 года (заявление вх. № 4267 от 30.10.2012) статус адвоката Пулатова Ахмада Каюмовича, регистрационный номер 77/9048 в Едином государственном реестре адвокатов, дополнив пункт 2 Постановления Совета Адвокатской палаты города Москвы от 12 ноября 2012 года № 11 «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 ФЗ ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’ подпунктом 9 следующего содержания:

«9. Пулатов Ахмад Каюмович, регистрационный номер в реестре адвокатов г. Москвы 77/9048, с 05 ноября 2012 года.».

5. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Абакаров Абакар Рамазанович, регистрационный номер 77/12847 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

2. Арнст Елена Викторовна, регистрационный номер 77/7480 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

3. Астапенко Валентина Васильевна, регистрационный номер 77/3703 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

4. Бабурин Сергей Николаевич, регистрационный номер 77/1031 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

5. Бенедская Ольга Александровна, регистрационный номер 77/7616 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

6. Бишенов Алим Султанович, регистрационный номер 77/12910 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

7. Бокарева Юлия Леонидовна, регистрационный номер 77/2795 в Едином государственном реестре адвокатов, с 1 ноября 2025 года.

8. Бурмистрова Елена Анатольевна, регистрационный номер 77/2680 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

9. Васильев Александр Витальевич, регистрационный номер 77/1970 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

10. Вольфсон Сергей Наумович, регистрационный номер 77/7570 в Едином государственном реестре адвокатов, с 1 ноября 2025 года.

11. Воробьев Борис Михайлович, регистрационный номер 77/4308 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

12. Гандилов Тофик Мир Таги оглы, регистрационный номер 77/3149 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

13. Доброхвалова Ирина Александровна, регистрационный номер 77/10238 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

14. Жарких Наталия Владимировна, регистрационный номер 77/1653 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

15. Заика Леонид Михайлович, регистрационный номер 77/5584 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

16. Зыкин Иван Семенович, регистрационный номер 77/6157 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

17. Ибрагимов Фазиль Алишевич, регистрационный номер 77/9862 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

18. Истомин Сергей Борисович, регистрационный номер 77/940 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

19. Калашников Владимир Ильич, регистрационный номер 77/5608 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

20. Климов Сергей Викторович, регистрационный номер 77/5676 в Едином государственном реестре адвокатов, с 1 ноября 2025 года.

21. Копцев Владимир Георгиевич, регистрационный номер 77/2298 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

22. Королёва Мария Александровна, регистрационный номер 77/12122 в Едином государственном реестре адвокатов, с 1 ноября 2025 года.

23. Кочарян Сергей Айкарамович, регистрационный номер 77/11440 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

24. Крючкова Юлия Александровна, регистрационный номер 77/11071 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

25. Кузьмин Александр Борисович, регистрационный номер 77/1721 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2025 года.

26. Кучеров Борис Леонидович, регистрационный номер 77/14599 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

27. Лаккай Александр Эдмундович, регистрационный номер 77/12601 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

28. Лапихин Сергей Васильевич, регистрационный номер 77/6382 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

29. Ларионов Анатолий Сергеевич, регистрационный номер 77/1298 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

30. Лубшева Ольга Юрьевна, регистрационный номер 77/3798 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

31. Мальцев Евгений Евгеньевич, регистрационный номер 77/6828 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

32. Милицына Татьяна Лаврентьевна, регистрационный номер 77/1774 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

33. Павлов Борис Михайлович, регистрационный номер 77/6814 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

34. Печалов Иван Олегович, регистрационный номер 77/5655 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

35. Рябчиков Сергей Вячеславович, регистрационный номер 77/4059 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

36. Сергеев Владимир Иванович, регистрационный номер 77/6422 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

37. Сорокин Сергей Борисович, регистрационный номер 77/1964 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

38. Сорокина Зинаида Игоревна, регистрационный номер 77/1053 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

39. Стифеева Юлия Юрьевна, регистрационный номер 77/1563 в Едином государственном реестре адвокатов, с 1 ноября 2025 года.

40. Титова Ирина Ивановна, регистрационный номер 77/4582 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2025 года.

41. Тонаканян Гоар Геворковна, регистрационный номер 77/9893 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

42. Хорошев Анатолий Иванович, регистрационный номер 77/2041 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

43. Цибульская Елена Борисовна, регистрационный номер 77/1111 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

44. Ширяева Наталья Аркадьевна, регистрационный номер 77/1851 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

45. Шиян Михаил Игоревич, регистрационный номер 77/14830 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

46. Яковлева Виктория Сергеевна, регистрационный номер 77/12552 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

47. Якушев Валерий Кимович, регистрационный номер 77/5452 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

6. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Абаловой Марины Евгеньевны, регистрационный номер 77/6360 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 апреля 2024 года.

2. Абдуллина Расиля Васимовича, регистрационный номер 77/50 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 января 2017 года.

3. Александровой Светланы Нинельевны, регистрационный номер 77/717 в Едином государственном реестре адвокатов, с 04 февраля 2018 года.

4. Алешина Виктора Александровича, регистрационный номер 77/2999 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 декабря 2016 года.

5. Аношина Виктора Михайловича, регистрационный номер 77/5527 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июня 2024 года.

6. Арефьева Анатолия Юрьевича, регистрационный номер 77/2771 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 апреля 2021 года.

7. Бадальяна Юрия Григорьевича, регистрационный номер 77/6576 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 августа 2021 года.

8. Барановского Юрия Давидовича, регистрационный номер 77/381 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 июля 2021 года.

9. Беликовой Галины Федоровны, регистрационный номер 77/6177 в Едином государственном реестре адвокатов, с 07 марта 2024 года.

10. Бендерской Лилии Владимировны, регистрационный номер 77/4717 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 июня 2008 года.

11. Бонч-Бруевича Андрея Анастасьевича, регистрационный номер 77/4143 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 ноября 2012 года.

12. Боршигова Ризаудина Зияудиновича, регистрационный номер 77/2399 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 августа 2017 года.

13. Бояркина Бориса Владимировича, регистрационный номер 77/7216 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 февраля 2012 года.

14. Брагинского Евгения Михайловича, регистрационный номер 77/3324 в Едином государственном реестре адвокатов, с 13 марта 2025 года.

15. Броневицкого Дмитрия Владимировича, регистрационный номер 77/1401 в Едином государственном реестре адвокатов, с 09 сентября 2021 года.

16. Бурдина Роберта Альбертовича, регистрационный номер 77/6952 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 декабря 2023 года.

17. Воронова Леонида Германовича, регистрационный номер 77/15119 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 сентября 2024 года.

18. Габидуллина Фарита Мухамедовича, регистрационный номер 77/1003 в Едином государственном реестре адвокатов, с 09 мая 2010 года.

19. Гавриленко Натальи Владимировны, регистрационный номер 77/4782 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 апреля 2021 года.

20. Гайгерова Александра Борисовича, регистрационный номер 77/7617 в Едином государственном реестре адвокатов, с 12 июня 2022 года.

21. Гандзюка Виктора Васильевича, регистрационный номер 77/11008 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 июля 2016 года.

22. Голговской Валентины Николаевны, регистрационный номер 77/5773 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2015 года.

23. Голотвина Владимира Михайловича, регистрационный номер 77/7200 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 августа 2023 года.

24. Гриднева Михаила Владимировича, регистрационный номер 77/5749 в Едином государственном реестре адвокатов, с 02 октября 2020 года.

25. Гудковой Галины Васильевны, регистрационный номер 77/6266 в Едином государственном реестре адвокатов, с 20 августа 2025 года.

26. Гурова Александра Юрьевича, регистрационный номер 77/5475 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 декабря 2014 года.

27. Даудриха Виктора Николаевича, регистрационный номер 77/2604 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 января 2021 года.

28. Демидовой Лилии Степановны, регистрационный номер 77/2238 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 октября 2013 года.

29. Емельяненко Владимира Лукича, регистрационный номер 77/6402 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 сентября 2021 года.

30. Емельянова Анатолия Сергеевича, регистрационный номер 77/444 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 января 2014 года.

31. Есакова Виталия Александровича, регистрационный номер 77/6513 в Едином государственном реестре адвокатов, с 02 марта 2021 года.

32. Жугана Василия Петровича, регистрационный номер 77/5585 в Едином государственном реестре адвокатов, с 11 января 2017 года.

33. Забейвороты Александра Ивановича, регистрационный номер 77/3896 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2020 года.

34. Залипахина Олега Федоровича, регистрационный номер 77/5794 в Едином государственном реестре адвокатов, с 06 марта 2008 года.

35. Иванова Евгения Ивановича, регистрационный номер 77/7245 в Едином государственном реестре адвокатов, с 24 апреля 2021 года.

36. Идрисовой Юлии Борисовны, регистрационный номер 77/9295 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 декабря 2023 года.

37. Ионова Юрия Петровича, регистрационный номер 77/3014 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 февраля 2007 года.

38. Иорданского Евгения Львовича, регистрационный номер 77/5485 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 июля 2021 года.

39. Исаевой Розы Вахаевны, регистрационный номер 77/5930 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 февраля 2010 года.

40. Камлыка Павла Ивановича, регистрационный номер 77/6300 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 августа 2023 года.

41. Каневского Бориса Семеновича, регистрационный номер 77/5839 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 мая 2012 года.

42. Клименкова Владимира Ивановича, регистрационный номер 77/3481 в Едином государственном реестре адвокатов, с 06 апреля 2018 года.

43. Козаченко Павла Ивановича, регистрационный номер 77/512 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 февраля 2018 года.

44. Козырева Анатолия Алексеевича, регистрационный номер 77/385 в Едином государственном реестре адвокатов, с 20 августа 2017 года.

45. Кондакова Юрия Анатольевича, регистрационный номер 77/3571 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 декабря 2010 года.

46. Кузнецова Владислава Борисовича, регистрационный номер 77/4434 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 сентября 2014 года.

47. Кузнецова Николая Николаевича, регистрационный номер 77/986 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 января 2020 года.

48. Куприянова Евгения Константиновича, регистрационный номер 77/8487 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 ноября 2024 года.

49. Куреневой Елены Петровны, регистрационный номер 77/8879 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2021 года.

50. Ладгина Михаила Ивановича, регистрационный номер 77/16139 в Едином государственном реестре адвокатов, с 13 ноября 2022 года.

51. Лаптева Юрия Филипповича, регистрационный номер 77/12226 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июля 2023 года.

52. Лозебо Александра Владимировича, регистрационный номер 77/2259 в Едином государственном реестре адвокатов, с 09 мая 2004 года.

53. Лукьяновой Генриэтты Павловны, регистрационный номер 77/5486 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 мая 2016 года.

54. Любичева Сергея Григорьевича, регистрационный номер 77/6526 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 октября 2013 года.

55. Лямзина Николая Владимировича, регистрационный номер 77/3575 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 ноября 2021 года.

56. Лятохо Сергея Владимировича, регистрационный номер 77/2588 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2015 года.

57. Ляхова Дмитрия Павловича, регистрационный номер 77/1311 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 июня 2024 года.

58. Малышева Виктора Зиновьевича, регистрационный номер 77/8524 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 сентября 2025 года.

59. Мартынова Василия Васильевича, регистрационный номер 77/4390 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 марта 2015 года.

60. Матвеева Максима Вячеславовича, регистрационный номер 77/423 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 января 2006 года.

61. Мирзоева Натика Борисовича, регистрационный номер 77/2042 в Едином государственном реестре адвокатов, с 02 октября 2025 года.

62. Михайловой Надежды Анатольевны, регистрационный номер 77/875 в Едином государственном реестре адвокатов, с 12 октября 2008 года.

63. Михайловой Светланы Эдуардовны, регистрационный номер 77/876 в Едином государственном реестре адвокатов, с 07 июля 2024 года.

64. Морозовой Екатерины Евгеньевны, регистрационный номер 77/5663 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 июля 2015 года.

65. Мурашова Игоря Борисовича, регистрационный номер 77/10154 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 сентября 2013 года.

66. Новосадова Владимира Дмитриевича, регистрационный номер 77/4987 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 марта 2011 года.

67. Обуховой Татьяны Дмитриевны, регистрационный номер 77/6208 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 мая 2022 года.

68. Огадзе Автандила Александровича, регистрационный номер 77/6156 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 января 2017 года.

69. Огнева Валерия Александровича, регистрационный номер 77/332 в Едином государственном реестре адвокатов, с 14 ноября 2021 года.

70. Осипова Михаила Ивановича, регистрационный номер 77/3526 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 июля 2012 года.

71. Павленко Валерия Павловича, регистрационный номер 77/8178 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 февраля 2012 года.

72. Панеровского Виктора Валентиновича, регистрационный номер 77/6049 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2015 года.

73. Пантюхина Александра Алексеевича, регистрационный номер 77/5633 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 февраля 2021 года.

74. Панфиловой Ирины Кабировны, регистрационный номер 77/5650 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 сентября 2017 года.

75. Пахомова Михаила Анатольевича, регистрационный номер 77/2840 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июля 2014 года.

76. Петренко Михаила Герасимовича, регистрационный номер 77/7436 в Едином государственном реестре адвокатов, с 16 марта 2021 года.

77. Пильгуя Владимира Алексеевича, регистрационный номер 77/2696 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 декабря 2015 года.

78. Пирогова Александра Викторовича, регистрационный номер 77/2695 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 августа 2024 года.

79. Позднякова Павла Владимировича, регистрационный номер 77/14530 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 октября 2025 года.

80. Пугача Николая Петровича, регистрационный номер 77/4510 в Едином государственном реестре адвокатов, с 14 мая 2021 года.

81. Рамазановой Дании Дамировны, регистрационный номер 77/3819 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 февраля 2017 года.

82. Рощина Валентина Дмитриевича, регистрационный номер 77/3229 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 сентября 2022 года.

83. Рыбакова Сергея Игоревича, регистрационный номер 77/2984 в Едином государственном реестре адвокатов, с 24 июля 2015 года.

84. Свердлыка Григория Алексеевича, регистрационный номер 77/1639 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июня 2011 года.

85. Сенина Геннадия Ивановича, регистрационный номер 77/2397 в Едином государственном реестре адвокатов, с 13 апреля 2022 года.

86. Симонянца Михаила Арутюновича, регистрационный номер 77/8139 в Едином государственном реестре адвокатов, с 07 июня 2020 года.

87. Сиряка Виктора Михайловича, регистрационный номер 77/4204 в Едином государственном реестре адвокатов, с 07 мая 2020 года.

88. Скачкова Владимира Анатольевича, регистрационный номер 77/4999 в Едином государственном реестре адвокатов, с 14 сентября 2017 года.

89. Славинера Анатолия Алексеевича, регистрационный номер 77/1486 в Едином государственном реестре адвокатов, с 12 октября 2023 года.

90. Смоленского Александра Павловича, регистрационный номер 77/9072 в Едином государственном реестре адвокатов, с 12 октября 2024 года.

91. Соловьевой Валентины Валентиновны, регистрационный номер 77/6317 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 сентября 2024 года.

92. Стрелкова Олега Евгеньевича, регистрационный номер 77/5515 в Едином государственном реестре адвокатов, с 16 марта 2019 года.

93. Струкова Николая Николаевича, регистрационный номер 77/6568 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 марта 2020 года.

94. Торлиной Светланы Владимировны, регистрационный номер 77/5347 в Едином государственном реестре адвокатов, с 07 марта 2007 года.

95. Трегубова Александра Валерьевича, регистрационный номер 77/8834 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

96. Уханова Филиппа Викторовича, регистрационный номер 77/7808 в Едином государственном реестре адвокатов, с 04 сентября 2022 года.

97. Фоминой Галины Львовны, регистрационный номер 77/176 в Едином государственном реестре адвокатов, с 11 мая 2021 года.

98. Фроловой Ираиды Николаевны, регистрационный номер 77/5669 в Едином государственном реестре адвокатов, с 23 октября 2019 года.

99. Хмелевской Елены Леонидовны, регистрационный номер 77/695 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2025 года.

100. Хорошавина Николая Юрьевича, регистрационный номер 77/13191 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2024 года.

101. Чумаченко Михаила Александровича, регистрационный номер 77/13058 в Едином государственном реестре адвокатов, с 20 августа 2018 года.

102. Шалугина Кирилла Анатольевича, регистрационный номер 77/4110 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 марта 2024 года.

103. Швецова Владислава Ивановича, регистрационный номер 77/8265 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 июля 2016 года.

104. Щербакова Олега Николаевича, регистрационный номер 77/3427 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 сентября 2024 года.

105. Юфы Юрия Иосифовича, регистрационный номер 77/1670 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 мая 2016 года.

106. Яценко Ивана Семеновича, регистрационный номер 77/2572 в Едином государственном реестре адвокатов, с 24 сентября 2020 года.

7. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката

Сидоренковой Елены Валерьевны, регистрационный номер 77/11168 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

8. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Аграновский Андрей Владимирович, регистрационный номер 77/6633 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

2. Бугулов Георгий Гаврилович, регистрационный номер 77/14692 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 ноября 2025 года.

3. Васильев Сергей Анатольевич, регистрационный номер 77/15489 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2025 года.

4. Кузьмин Владислав Геннадьевич, регистрационный номер 77/14138 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

5. Леонов Игорь Николаевич, регистрационный номер 77/13647 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2025 года.

6. Соловьев Алексей Александрович, регистрационный номер 77/14409 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

7. Степанова Татьяна Семеновна, регистрационный номер 77/5441 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

8. Столярова Анастасия Сергеевна, регистрационный номер 77/12523 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 октября 2025 года.

9. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 4 апреля 2025 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы:

– 1 адвоката, с 30 октября 2025 года, в связи со стажем адвокатской деятельности свыше 40 лет;

– 1 адвоката, с 25 ноября 2025 года, в связи со стажем адвокатской деятельности свыше 40 лет.

10. Изменить с 17 октября 2024 года основание приостановления статуса адвоката Сатыренко Виктора Михайловича, регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов 77/14330 (статус приостановлен с 15 августа 2019 года по решению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 15 августа 2019 года № 152 (подпункт 12 пункта 3)), с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» на пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

11. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключен из членов Адвокатской палаты города Москвы адвокат Бугулов Георгий Гаврилович, регистрационный номер 77/14692 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 ноября 2025 года в связи с принятием им решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Республики Северная Осетия – Алания.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 274 30 октября 2025 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Белкина Нина Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5453, с 24 сентября 2025 года.
2. Врадий Андрей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5459, с 17 октября 2025 года.
3. Гагулова Елена Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5450, с 29 сентября 2025 года.
4. Жидков Сергей Георгиевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5462, с 23 октября 2025 года.
5. Жукова Евгения Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5451, с 06 октября 2025 года.
6. Лебедев Сергей Валерианович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5452, с 07 октября 2025 года.
7. Лебедева Инга Олеговна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5455, с 09 октября 2025 года.
8. Маллаев Багир Магомедович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5460, с 20 октября 2025 года.
9. Мельников Геннадий Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4981, с 02 июня 2025 года.
10. Мустафин Азат Фаритович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5458, с 14 октября 2025 года.

11. Смагина Ирина Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5461, с 21 октября 2025 года.

12. Смирнова Мария Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5454, с 08 октября 2025 года.

13. Столярова Анастасия Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3278, с 30 октября 2025 года.

14. Сурков Ярослав Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5463, с 28 октября 2025 года.

15. Таранищенко Никита Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5456, с 09 октября 2025 года.

16. Царёва Ирина Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5457, с 14 октября 2025 года.

17. Шаповалов Артур Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5464, с 28 октября 2025 года.

18. Яралиев Эльвин Исакович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5449, с 29 сентября 2025 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Безрукова Юлия Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2348, с 30 октября 2025 года.

2. Бергер Ольга Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1343, с 30 сентября 2025 года.

3. Варгентин Олег Гербертович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3899, с 26 сентября 2025 года.

4. Глинин Роман Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3148, с 06 октября 2025 года.

5. Зарванская Ирина Игоревна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4919, с 30 сентября 2025 года.

6. Калугин Алексей Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-326, с 01 ноября 2025 года.

7. Ковалев Петр Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4516, с 06 октября 2025 года.

8. Коляда София Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3628, с 17 сентября 2025 года.

9. Куприянов Евгений Константинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1222, с 15 ноября 2024 года.

10. Лютиков Иван Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5442, с 06 октября 2025 года.

11. Матвейчик Александр Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3808, с 11 сентября 2025 года.

12. Поздняков Павел Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3951, с 08 октября 2025 года.

13. Сизов Алексей Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2806, с 26 августа 2025 года.

14. Хватов Сергей Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2781, с 30 октября 2025 года.

15. Хмелевская Елена Леонидовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3325, с 01 августа 2025 года.

16. Якубов Файзали Махмадалиевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4916, с 17 октября 2025 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Коллегия адвокатов г. Москвы «Ковалев и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1098, с 17 сентября 2025 года.

2. Московская коллегия адвокатов «Коляда, Чубов и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1099, с 17 сентября 2025 года.

3. Московская коллегия адвокатов «Мальгора», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1100, с 10 октября 2025 года.

4. Коллегия адвокатов города Москвы «ПрофЗащита», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1101, с 06 октября 2025 года.

4. Ликвидирована коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Коллегия адвокатов г. Москвы «РКТ», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-667, с 10 октября 2025 года.

5. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро г. Москвы «Глинин и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-550, с 06 октября 2025 года.

2. Адвокатское бюро города Москвы «Люмина Лигал» (Свет Закона), регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-551, с 09 октября 2025 года.

6. Изменено наименование адвокатского бюро:

Адвокатское бюро «ЗКС» города Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-485, изменило наименование на Адвокатское бюро города Москвы «Корвус» с 05 августа 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 275 30 октября 2025 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представление первого вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Полякова И.А., а также ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, одобренные Комиссией Совета Адвокатской палаты города Москвы по награждениям, решил:

внести в Книгу почета московской адвокатуры имена адвокатов:

Кипниса Николая Матвеевича, регистрационный номер 77/5677 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1);

Полякова Игоря Алексеевича, регистрационный номер 77/10 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита»;

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением Свидетельства о присвоении звания

Лукирской Анне Витальевне, регистрационный номер 77/63 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Адвокатское партнерство»;

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы:

1. Григорьеву Екатерину Александровну, регистрационный номер 77/15820 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1);
2. Крижановского Ивана Евгеньевича, регистрационный номер 77/10659 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1);
3. Шклярова Владимира Витальевича, регистрационный номер 77/11726 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1);

присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры»
с вручением удостоверения и нагрудного знака

Панферовой Татьяне Владимировне, регистрационный номер 77/1742 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены

Почетной грамотой
Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации:

1. Галушина Наталия Борисовна, регистрационный номер 77/5944 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов (МГКА-1);
2. Игнатов Максим Юрьевич, регистрационный номер 77/13294 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1);
3. Михайлин Никита Юрьевич, регистрационный номер 77/6971 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов (МГКА-1).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 303 27 ноября 2025 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абдуллаев Курбан Габибуллаевич
2. Адыгезалов Асиф Шамсаддин оглы
3. Алистанов Артур Артурович
4. Байрамов Шахин Вагифович
5. Бахаев Максим Владимирович
6. Бычков Иван Иванович
7. Волкова Анна Вадимовна
8. Герголенко Михаил Алексеевич
9. Гольтяпин Сергей Владимирович
10. Дамбаев Алдар Бабудоржиевич
11. Дугаров Биликто Борисович
12. Ершов Владимир Михайлович
13. Ильясов Хамзат Хайдарович
14. Исмагулов Равиль Минбелиевич
15. Криницкий Андрей Андреевич
16. Курбанов Шихали Курбан оглы
17. Лызлов Роман Николаевич
18. Мамаев Иван Яковлевич
19. Маркин Станислав Эдуардович

20. Матвеев Валерий Михайлович
21. Мельникова Елена Ивановна
22. Мельниченко Александр Алексеевич
23. Мурзич Светлана Николаевна
24. Неручок Николай Львович
25. Новик Елена Дмитриевна
26. Овчинников Альберт Игоревич
27. Перязев Андрей Алексеевич
28. Строченко Ирина Викторовна
29. Уберт Владимир Иванович
30. Успенская Анна Анатольевна
31. Устюжанина Наталья Александровна
32. Фатеев Кирилл Дмитриевич
33. Фролова Наталья Евгеньевна
34. Хачатрян Роланд Жорович
35. Цатурян Грант Врежович
36. Чемодуров Сергей Александрович
37. Шибалко Андрей Александрович.

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Бессонов Сергей Александрович, регистрационный номер 77/7928 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

2. Молодожён Юлия Михайловна, регистрационный номер 77/14928 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2025 года.

3. Пугленков Владислав Владимирович, регистрационный номер 77/12217 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

4. Санжиев Байр Юрьевич, регистрационный номер 77/16197 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

5. Сивицкая Анастасия Павловна, регистрационный номер 77/642 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2025 года.

6. Чернов Сергей Витальевич, регистрационный номер 77/6620 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

3. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Адаменко Дантес Артурович, регистрационный номер 77/15150 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

2. Андрюшин Юрий Васильевич, регистрационный номер 77/5825 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

3. Апевалова Елена Анатольевна, регистрационный номер 77/4702 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2025 года.

4. Бабакин Роман Алексеевич, регистрационный номер 77/8746 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

5. Басова Дарья Александровна, регистрационный номер 77/13284 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

6. Бекетов Владимир Викторович, регистрационный номер 77/11791 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

7. Буланова Анна Константиновна, регистрационный номер 77/7484 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

8. Быков Анатолий Александрович, регистрационный номер 77/3126 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

9. Быкова Марина Сергеевна, регистрационный номер 77/9982 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

10. Ведменская Наталья Николаевна, регистрационный номер 77/1204 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

11. Волков Игорь Вячеславович, регистрационный номер 77/1057 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

12. Головачева Тамара Юрьевна, регистрационный номер 77/5859 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

13. Гудерхэм Светлана Юрьевна, регистрационный номер 77/13674 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

14. Дубровина Алена Владимировна, регистрационный номер 77/11492 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

15. Елисеев Роман Александрович, регистрационный номер 77/8230 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

16. Зворыгина Ольга Юрьевна, регистрационный номер 77/5821 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

17. Игнатова Милена Алексеевна, регистрационный номер 77/4686 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

18. Илатовских Любовь Васильевна, регистрационный номер 77/13686 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

19. Истомина Ольга Николаевна, регистрационный номер 77/7995 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

20. Кабазов Александр Евгеньевич, регистрационный номер 77/3397 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

21. Канчиков Павел Николаевич, регистрационный номер 77/4876 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

22. Киселев Анатолий Алексеевич, регистрационный номер 77/1635 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

23. Киселева Галина Александровна, регистрационный номер 77/1633 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

24. Кондрашова Наталия Андреевна, регистрационный номер 77/9733 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

25. Королев Алексей Николаевич, регистрационный номер 77/2755 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2025 года.

26. Кубанов Расул Мекерович, регистрационный номер 77/2501 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

27. Лазовский Александр Сергеевич, регистрационный номер 77/11460 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

28. Макеев Андрей Евгеньевич, регистрационный номер 77/1334 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

29. Мачин Александр Иванович, регистрационный номер 77/6829 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

30. Мельянцев Сергей Михайлович, регистрационный номер 77/5380 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

31. Морев Андрей Евгеньевич, регистрационный номер 77/1969 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

32. Мороз Надежда Сергеевна, регистрационный номер 77/3489 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

33. Морозов Александр Георгиевич, регистрационный номер 77/2328 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

34. Науменко Влада Стефановна, регистрационный номер 77/4545 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

35. Никитина Елена Николаевна, регистрационный номер 77/1276 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

36. Никонов Николай Валентинович, регистрационный номер 77/4605 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

37. Одинцов Вячеслав Юрьевич, регистрационный номер 77/5201 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

38. Перетрухина Анна Алексеевна, регистрационный номер 77/5223 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

39. Прошин Егор Владимирович, регистрационный номер 77/10993 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

40. Прошкин Леонид Георгиевич, регистрационный номер 77/274 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

41. Пушкин Денис Сергеевич, регистрационный номер 77/1625 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

42. Рылатко Николай Николаевич, регистрационный номер 77/1119 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

43. Самойлова Марина Анатольевна, регистрационный номер 77/6866 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

44. Самсонова Вера Николаевна, регистрационный номер 77/2289 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

45. Свиридова Ольга Леонидовна, регистрационный номер 77/4761 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

46. Тупиков Михаил Юрьевич, регистрационный номер 77/4958 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

47. Федотова Елена Григорьевна, регистрационный номер 77/2498 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

48. Филюшина Елена Ивановна, регистрационный номер 77/6114 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2025 года.

49. Шагалова Анна Юрьевна, регистрационный номер 77/5273 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2025 года.

50. Шокин Андрей Владимирович, регистрационный номер 77/3684 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

51. Яцук Виталий Петрович, регистрационный номер 77/4188 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

4. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Вилля Дениса Александровича, регистрационный номер 77/8092 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 октября 2025 года.

2. Замалеевой Нины Александровны, регистрационный номер 77/8446 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2019 года.

3. Клюжева Сергея Михайловича, регистрационный номер 77/10637 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 октября 2025 года.

4. Лобова Александра Алексеевича, регистрационный номер 77/6102 в Едином государственном реестре адвокатов, с 12 ноября 2021 года.

5. Меликова Рафаэля Гасана оглы, регистрационный номер 77/12357 в Едином государственном реестре адвокатов, с 16 января 2022 года.

6. Мондровского Валерия Петровича, регистрационный номер 77/15261 в Едином государственном реестре адвокатов, с 20 ноября 2025 года.

7. Мухортова Александра Николаевича, регистрационный номер 77/8088 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 июня 2025 года.

8. Нешкова Владислава Валерьевича, регистрационный номер 77/14126 в Едином государственном реестре адвокатов, с 11 ноября 2025 года.

9. Нисимова Сергея Яковлевича, регистрационный номер 77/7872 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2025 года.

10. Павленко Елены Васильевны, регистрационный номер 77/8296 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2013 года.

11. Панариной Натальи Владимировны, регистрационный номер 77/10530 в Едином государственном реестре адвокатов, с 06 октября 2017 года.

12. Смирнова Сергея Львовича, регистрационный номер 77/10484 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 сентября 2023 года.

13. Федорова Александра Александровича, регистрационный номер 77/9768 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 июля 2022 года.

14. Ходыкова Джангара Валериевича, регистрационный номер 77/11140 в Едином государственном реестре адвокатов, с 07 июня 2021 года.

15. Черновой Светланы Александровны, регистрационный номер 77/5127 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2019 года.

16. Шергина Александра Владимировича, регистрационный номер 77/1104 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 декабря 2024 года.

5. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката

Рамазанова Хас-Магомеда Идрисовича, регистрационный номер 77/14719 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

6. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Карымов Сергей Вадимович, регистрационный номер 77/16963 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

2. Кирьянова Алина Александровна, регистрационный номер 77/15655 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 ноября 2025 года.

3. Лошагин Сергей Олегович, регистрационный номер 77/14270 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2025 года.

4. Петрова Людмила Александровна, регистрационный номер 77/12999 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2025 года.

5. Шатунов Александр Александрович, регистрационный номер 77/9549 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2025 года.

7. В соответствии с п. 16 Решения Двадцать второй ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 5 апреля 2024 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы

1 адвоката, с 23 апреля 2024 года по 09 сентября 2024 года, в связи с отпуском по беременности и родам.

8. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 4 апреля 2025 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы

1 адвоката, с 13 октября 2025 года по 01 марта 2026 года, в связи с отпуском по беременности и родам.

9. Изменить с 17 ноября 2022 года основание приостановления статуса адвоката Шрама Дмитрия Викторовича, регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов 77/16106 (статус приостановлен с 01 октября 2022 года по решению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 сентября 2022 года № 267 (подпункт 23 пункта 2)), с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» на пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

10. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **исключены** из членов Адвокатской палаты города Москвы адвокаты:

1. Лисовская Диана Владимировна, регистрационный номер 77/14959 в Едином государственном реестре адвокатов, в связи с принятием ею решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Красноярского края с 27 ноября 2025 года.

2. Береснева Светлана Викторовна, регистрационный номер 77/10291 в Едином государственном реестре адвокатов, в связи с принятием ею решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Санкт-Петербурга с 27 ноября 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 304 27 ноября 2025 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Абашина Екатерина Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5478, с 25 ноября 2025 года.
2. Адамов Анатолий Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5473, с 18 ноября 2025 года.
3. Айтуганова Гульсара Маратовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5475, с 21 ноября 2025 года.
4. Арутюнян Александр Ашотович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5468, с 07 ноября 2025 года.
5. Винокуров Евгений Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5465, с 30 октября 2025 года.
6. Зудин Михаил Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5472, с 18 ноября 2025 года.
7. Иванова Галина Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5469, с 05 ноября 2025 года.
8. Кадовик Елена Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5467, с 01 ноября 2025 года.
9. Крауялис Денис Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5477, с 25 ноября 2025 года.
10. Петрухин Иван Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5474, с 11 ноября 2025 года.

11. Подопригора Константин Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5471, с 20 ноября 2025 года.

12. Рыжков Илья Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2553, с 01 ноября 2025 года.

13. Точилина Виктория Игоревна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5476, с 21 ноября 2025 года.

14. Федорова Серафима Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5470, с 11 ноября 2025 года.

15. Фирсов Сергей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5466, с 30 октября 2025 года.

2. Прекращена деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Долгов Алексей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4421, с 17 ноября 2025 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

2. Епифанова Наталья Игоревна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-239, с 05 ноября 2025 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

3. Канчиков Павел Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5080, с 27 ноября 2025 года (статус адвоката прекращен).

4. Королев Павел Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-398, с 30 октября 2025 года (статус адвоката прекращен).

5. Кубанцев Сергей Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4645, с 10 ноября 2025 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

6. Макоева Анна Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2881, с 17 ноября 2025 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

7. Нешков Владислав Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5010, с 11 ноября 2025 года (статус адвоката прекращен).

8. Пархоменко Людмила Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4904, с 24 ноября 2025 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

9. Самсонова Вера Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4454, с 27 ноября 2025 года (статус адвоката прекращен).

10. Сумина Яна Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3998, с 05 ноября 2025 года (адвокатом принято реше-

ние об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

11. Шергин Александр Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-916, с 22 декабря 2024 года (статус адвоката прекращен).

12. Якушев Кирилл Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4962, с 05 ноября 2025 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

3. Временно приостановлена профессиональная деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Бессонов Сергей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1575, с 27 ноября 2025 года (приостановлен статус адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

2. Санжиев Байр Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4820, с 27 ноября 2025 года (приостановлен статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

4. Возобновлена профессиональная деятельность адвокатского кабинета (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Сивцев Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3203, с 21 ноября 2025 года.

5. Из реестра исключены сведения об адвокатском бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Адвокатское бюро города Москвы «Ключевая Стратегическая Группа», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-531, с 05 марта 2025 года (реорганизация адвокатского бюро, влекущая прекращение деятельности адвокатского бюро).

6. Временно приостановлена профессиональная деятельность адвокатского бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Московский филиал Адвокатского бюро «Прайм Эдвайс» Санкт-Петербург, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-412, с 27 октября 2025 года (в составе адвокатского бюро отсутствуют адвокаты по причине избрания иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

7. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская коллегия адвокатов «Путь доверия», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1102, с 15 октября 2025 года.

2. Коллегия адвокатов города Москвы «Ключевая Стратегическая Группа», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1103, с 18 марта 2025 года (преобразована из Адвокатское бюро города Москвы «Ключевая стратегическая группа»).

3. Московская коллегия адвокатов «Справедливость, Право и Закон», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1104, с 31 июля 2025 года.

4. Московская коллегия адвокатов «Ауксилиум (Помощь)», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1105, с 20 октября 2025 года.

5. Московская коллегия адвокатов «Правовая надежность», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1106, с 06 ноября 2025 года.

8. Из реестра исключены сведения о коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Коллегия адвокатов города Москвы «Сивцев и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-919, с 19 ноября 2025 года (ликвидация коллегии адвокатов).

9. Временно приостановлена профессиональная деятельность коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Центральная Московская коллегия адвокатов «На Тверской», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-735, с 27 ноября 2025 года (прекращение или приостановление статуса всех адвокатов, осуществлявших профессиональную деятельность в коллегии адвокатов).

10. Изменено наименование адвокатского образования:

Некоммерческое партнерство «Коллегия адвокатов ‘‘Лига защиты’’, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-43, изменило наименование на Московская коллегия адвокатов «Лига защиты» с 10 ноября 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 305 27 ноября 2025 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представления Президента Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубкова, а также ходатайство о награждении, поступившее из адвокатского образования, одобренные Комиссией Совета Адвокатской палаты города Москвы по награждениям, решил:

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением Свидетельства о присвоении звания

Соловьеву Сергею Александровичу, регистрационный номер 77/4000 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Адвокатского бюро г. Москвы «Сословие»;

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Полякову Елену Анатольевну, регистрационный номер 77/11245 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Плесовских и партнеры»;

присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры» с вручением удостоверения и нагрудного знака

Иванову Александру Геннадьевичу, регистрационный номер 77/4837 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Астрея».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлена

Благодарностью
Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

Вольвач Януара Валентиновна, регистрационный номер 77/1890 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Межреспубликанской коллегия адвокатов (г. Москва).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 329 18 декабря 2025 года

О созыве Двадцать четвертой ежегодной конференции адвокатов Адвокатской палаты города Москвы

1. В соответствии со статьями 30 и 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» созвать Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы 3 апреля 2026 года по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль», начало работы конференции – 10.00 час. (регистрация делегатов с 9 час. 15 мин.).

2. Сформировать следующую повестку дня конференции:

1) Отчет о деятельности Совета Адвокатской палаты города Москвы за 2025 год.

2) Отчет Совета Адвокатской палаты города Москвы об исполнении сметы доходов и расходов Адвокатской палаты города Москвы за 2025 год.

3) Отчет Ревизионной комиссии о результатах ревизии финансово-хозяйственной деятельности Адвокатской палаты города Москвы за 2025 год.

4) О смете доходов и расходов Адвокатской палаты города Москвы на 2026 год. Об определении размера обязательных ежемесячных отчислений адвокатов на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы в 2026 году.

5) Избрание членов Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 330 18 декабря 2025 года

О норме представительства на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы и порядке избрания делегатов

1. В соответствии с пп. 3 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определить норму представительства на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы:

1.1. 1 делегат от 20 адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы, сведения о которых внесены в Единый государственный реестр адвокатов.

1.2. Члены Совета Адвокатской палаты города Москвы, Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, избранные из числа адвокатов, Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы избираются делегатами Конференции Советом Адвокатской палаты города Москвы вне установленной нормы представительства.

2. Утвердить порядок избрания делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы (прилагается).

3. Утвердить Регламент проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

УТВЕРЖДЕН
Решением Совета Адвокатской палаты
города Москвы № 330 от 18 декабря 2025 года

ПОРЯДОК
избрания делегатов
на Двадцать четвертую ежегодную конференцию
адвокатов Адвокатской палаты города Москвы

1. Делегаты на Конференцию избираются в следующем порядке:

1.1. Адвокаты – члены Адвокатской палаты города Москвы, осуществляющие адвокатскую деятельность в коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с **численностью 20 и более адвокатов**, проводят в своих адвокатских образованиях собрания по избранию делегатов по установленной норме представительства от числа адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы, осуществляющих адвокатскую деятельность в соответствующей коллегии адвокатов или адвокатском бюро.

Собрание считается правомочным, если в его работе приняло участие не менее 25 процентов адвокатов от числа адвокатов данного адвокатского образования, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы.

1.2. Адвокаты – члены Адвокатской палаты города Москвы, осуществляющие адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с численностью менее 20 адвокатов, принимают участие в Общем собрании, организуемом Советом Адвокатской палаты города Москвы 20 марта 2026 года в 15.00 часов (начало регистрации с 14.30 час.) по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль».

1.3. Члены Совета Адвокатской палаты города Москвы, Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, избранные из числа адвокатов, Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы избираются делегатами на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы простым большинством голосов членов Совета, участвующих в заседании.

2. Решения на собраниях, указанных в подпунктах 1.1 и 1.2 настоящего Порядка, принимаются простым большинством голосов адвокатов, участвующих в данных собраниях.

При принятии решений каждый участник собрания обладает одним голосом.

Передача права голоса участником собрания иным лицам по доверенности не допускается.

3. При избрании делегатов необходимо иметь в виду следующее.

В случае, если число адвокатов, участвующих в собрании, не является кратным числу 20, адвокаты вправе избрать делегатов по следующему принципу: если число адвокатов, участвующих в избрании делегатов, превышает 20 человек, то в случае оставшейся численности, равной или свыше 50 процентов (от 20), избирается еще

один делегат, если менее 50 процентов (девять адвокатов и менее) – делегат не избирается.

Например:

а) число адвокатов, внесенных в список, насчитывает 95 человек. В этом случае собрание избирает пять делегатов: 20 x 4 = 80, и от 15 адвокатов (свыше 50 процентов) – один делегат, итого: 4 + 1 = 5 делегатов;

б) если в списки включены 83 адвоката, то избираются только четыре делегата (80 : 20 = 4), оставшиеся три адвоката составляют менее 50 процентов от 20.

4. Ответственными за организацию собраний, указанных в подпункте 1.1 настоящего Порядка, являются руководители адвокатских образований.

5. Протоколы собраний по избранию делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы (форма прилагается) представляются нарочным в Совет Адвокатской палаты города Москвы не позднее 20 марта 2026 года.

ПРОТОКОЛ

собрания адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность в составе _____

(наименование адвокатского образования)

г. Москва «___» _____ 202___ года

Всего по списку:

_____

общее число адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы

ПРИСУТСТВОВАЛО:

_____

общее число адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Избрание Председателя и секретаря Собрания.

2. Избрание делегата(ов) на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы.

1. Избрание Председателя и секретаря собрания.

_____ предложил(а) избрать Председателем Собрания

_____,

Ф.И.О. адвоката

секретарем собрания _____.

Ф.И.О. адвоката

РЕШИЛИ: Избрать Председателем собрания _____,

Ф.И.О. адвоката

секретарем собрания _____

Ф.И.О. адвоката

Результаты голосования: «за» – _____

«против» – _____

«воздержались» – _____

2. Избрание делегата(ов) на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы.

_____, сообщил о норме представительства на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы, определенную решением Совета Адвокатской палаты города Москвы, которая будет проходить 3 апреля 2026 года по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль», – и разъяснил порядок избрания делегатов. Учитывая количество адвокатов по списку, предложил избрать делегата(ов)

_____

_____

Результаты голосования: «за» – _____

«против» – _____

«воздержались» – _____

По результатам голосования принято решение: избрать делегатом(ами) на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы:

_____

_____

Ф.И.О., номер в реестре адвокатов города Москвы

Председатель собрания

Секретарь

УТВЕРЖДЕН
Решением Совета Адвокатской палаты
города Москвы № 330 от 18 декабря 2025 года

РЕГЛАМЕНТ
проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы

1. Настоящий Регламент определяет порядок проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы.

2. Общее собрание членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы (далее – Общее собрание или Собрание) в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката, Уставом Адвокатской палаты города Москвы, решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы и настоящим Регламентом.

3. Время и место проведения Общего собрания определяются Советом Адвокатской палаты города Москвы.

4. Участниками Общего собрания являются только адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с численностью менее 20 адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы.

5. Общее собрание считается правомочным вне зависимости от числа адвокатов, принявших участие в Собрании.

6. Все решения Общего собрания принимаются простым большинством голосов его участников. Во время работы Общего собрания ведется протокол.

7. Регистрация участников Общего собрания проводится на основании списков адвокатских кабинетов, членов коллегий адвокатов и адвокатских бюро при предъявлении адвокатских удостоверений.

Участник Общего собрания удостоверяет факт регистрации, а также правильность сведений, указанных в регистрационном листе, собственноручной подписью.

Регистрация по доверенности в качестве участника Общего собрания не допускается.

8. По результатам регистрации участников Общего собрания составляется протокол, который подписывается всеми членами группы регистрации.

9. Общее собрание открывает и ведет Президент Адвокатской палаты города Москвы, выполняя функцию Председателя.

10. Председатель назначает секретаря Общего собрания из числа присутствующих на собрании адвокатов.

11. Председатель вносит на утверждение Общего собрания повестку дня, предоставляет возможность выступлений участникам Собрания, проводит голосование по вопросам повестки дня, ведет подсчет голосов совместно с секретарем Общего собрания, закрывает Собрание, осуществляет иные функции.

По предложению Председателя, в случае необходимости, может быть избрана счетная комиссия.

12. Общее собрание избирает делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы согласно утвержденной Советом Адвокатской палаты города Москвы норме представительства от числа присутствующих на Собрании адвокатов.

13. Список кандидатов в делегаты Конференции формируется Председателем Общего собрания на основе предложений участников Собрания из числа адвокатов, присутствующих на Собрании.

14. Участники Общего собрания вправе:

– выступать и вносить предложения по поводу формирования списка;

– выдвигать себя и другие кандидатуры в список;

– заявлять самоотвод.

15. Решение об избрании делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы принимается открытым голосованием, простым большинством голосов.

По решению Общего собрания голосование может осуществляться как персонально, так и списком.

В случае, если число кандидатов в делегаты превышает установленную норму представительства, проводится рейтинговое голосование.

По итогам рейтингового голосования избранными делегатами считаются те из кандидатов, которые набрали относительное большинство голосов по сравнению с другими.

16. Результаты голосования указываются в протоколе Общего собрания.

17. После принятия решения об избрании делегатов на Конференцию Общее собрание прекращает свою работу.

18. Составленный по результатам работы Общего собрания протокол подписывается Председателем и секретарем Общего собрания.

Адвокатская палата города Москвы

пер. Сивцев Вражек, д. 43
г. Москва, 119002

тел.: +7(495) 909-85-94
e-mail: info@advokatymoscow.ru

Исх. № _____ «____» _____ 20__ г.

Руководителям органов управления коллегиями адвокатов и адвокатскими бюро, адвокатским кабинетам

Уважаемые коллеги!

Направляются документы Совета Адвокатской палаты города Москвы, определяющие норму представительства, порядок избрания делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы, которая состоится 3 апреля 2026 года по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль».

Обращаем ваше внимание на то, что адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с численностью **менее 20 адвокатов**, являющиеся членами Адвокатской палаты города Москвы, принимают участие в избрании делегатов на Конференцию только на Общем собрании, организуемом Советом Адвокатской палаты города Москвы 20 марта 2026 года в 15.00 часов (начало регистрации с 14.30 час.) по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль».

Убедительно прошу довести данную информацию до членов вашего коллектива.

Приложение: на _____ листах.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

Адвокатская палата
города Москвы

пер. Сивцев Вражек, д. 43
г. Москва, 119002

тел.: +7(495) 909-85-94
e-mail: info@advokatymoscow.ru

Исх. № _____ «____» _____ 20__ г.

Руководителю
коллегии адвокатов,
адвокатского бюро

Уважаемые коллеги!

Направляются документы Совета Адвокатской палаты города Москвы, определяющие норму представительства, порядок избрания делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы, которая состоится 3 апреля 2026 года по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, Отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль».

Прошу Вас принять меры к организации в Вашем коллективе собрания по избранию делегатов на Конференцию.

Обращаем Ваше внимание на то, что в собрании по избранию делегатов на Конференцию вправе принимать участие адвокаты – члены Адвокатской палаты города Москвы, осуществляющие адвокатскую деятельность только в Вашей коллегии адвокатов или адвокатском бюро.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 331 18 декабря 2025 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Андреев Антон Геннадьевич
2. Аршун Павел Юрьевич
3. Герасимов Артем Юрьевич
4. Давыдов Игорь Николаевич
5. Двуреченский Павел Александрович
6. Иванов Алексей Владимирович
7. Казаков Дмитрий Сергеевич
8. Клишина Анна Алексеевна
9. Конищев Александр Владимирович
10. Контуганов Максим Игоревич
11. Краева Елена Николаевна
12. Кузина Елена Сергеевна
13. Мелентьева Виктория Алексеевна
14. Образцов Максим Дмитриевич
15. Пинчук Алексей Петрович
16. Попов Владимир Александрович
17. Прохоров Александр Сергеевич
18. Сергеев Виктор Владимирович
19. Сидлер Ирина Викторовна

20. Симонов Олег Борисович
21. Таширов Сергей Геннадьевич
22. Шайхутдинова Регина Анваровна
23. Швидько Александр Сергеевич.

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановила статус** адвоката Гращенкова Людмила Ефимовна, регистрационный номер 77/5730 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

3. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Вакина Ольга Николаевна, регистрационный номер 77/1386 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
2. Гуров Алексей Викторович, регистрационный номер 77/7524 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
3. Дорофеев Богдан Юрьевич, регистрационный номер 77/17662 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
4. Карташов Сергей Васильевич, регистрационный номер 77/15465 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
5. Коржов Михаил Михайлович, регистрационный номер 77/12919 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 декабря 2025 года.
6. Свиридова Анастасия Васильевна, регистрационный номер 77/16349 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
7. Селезнев Сергей Александрович, регистрационный номер 77/432 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

4. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Александров Николай Михайлович, регистрационный номер 77/772 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
2. Апаршин Михаил Иванович, регистрационный номер 77/764 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.
3. Аристова-Данемар Анна Владиславовна, регистрационный номер 77/13616 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
4. Блохин Геннадий Алексеевич, регистрационный номер 77/5958 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
5. Гусак Александр Иванович, регистрационный номер 77/4532 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
6. Ефимичев Петр Сергеевич, регистрационный номер 77/3181 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
7. Иванов Алексей Викторович, регистрационный номер 77/12779 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
8. Калинина Елена Владимировна, регистрационный номер 77/6429 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
9. Квасов Петр Викторович, регистрационный номер 77/8601 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

10. Козин Александр Вячеславович, регистрационный номер 77/1839 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

11. Козлова Ольга Сергеевна, регистрационный номер 77/17490 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

12. Куликов Евгений Станиславович, регистрационный номер 77/13943 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

13. Ладейщиков Александр Александрович, регистрационный номер 77/13065 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2025 года.

14. Набиева Севиль Рауфовна, регистрационный номер 77/8149 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

15. Писаренко Александр Викторович, регистрационный номер 77/5852 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

16. Писаренко Юлия Анатольевна, регистрационный номер 77/1913 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

17. Плешков Максим Алексеевич, регистрационный номер 77/14033 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

18. Поваева Амуланг Александровна, регистрационный номер 77/13214 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

19. Правдолюбова Ирина Георгиевна, регистрационный номер 77/1985 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

20. Ремнева Людмила Ивановна, регистрационный номер 77/13556 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.

21. Савчуков Николай Васильевич, регистрационный номер 77/3879 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

22. Сафиханов Ряшит Абдулберович, регистрационный номер 77/2506 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

23. Семенова Нина Олеговна, регистрационный номер 77/14065 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

24. Смирнов Владимир Борисович, регистрационный номер 77/7979 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

25. Стома Владимир Васильевич, регистрационный номер 77/207 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

26. Тальцева Лина Анатольевна, регистрационный номер 77/12480 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

27. Туйчиев Шавкат Латифович, регистрационный номер 77/7089 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

28.Уманец Юрий Михайлович, регистрационный номер 77/2158 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

29. Ципис Иосиф Борисович, регистрационный номер 77/2151 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

30. Шабанова Светлана Валентиновна, регистрационный номер 77/8079 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

31. Ширвинская Ольга Валерьевна, регистрационный номер 77/1852 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

32. Шлиппер Сергей Леонидович, регистрационный номер 77/6084 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката

Кабанова Ивана Александровича, регистрационный номер 77/12713 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 ноября 2025 года.

6. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката

Агишева Шамиля Таировича, регистрационный номер 77/2274 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.

7. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Абдусаламов Магомед Хабибович, регистрационный номер 77/10489 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.
2. Анпилов Артем Викторович, регистрационный номер 77/13846 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
3. Барщевский Михаил Юрьевич, регистрационный номер 77/3889 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.
4. Безрукова Ксения Евгеньевна, регистрационный номер 77/15296 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
5. Ватолин Александр Иванович, регистрационный номер 77/10145 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
6. Журавель Владимир Адамович, регистрационный номер 77/16043 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.
7. Колганова Ольга Владиславовна, регистрационный номер 77/5166 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.
8. Кутараева Джамиля Магалиевна, регистрационный номер 77/6739 в Едином государственном реестре адвокатов, с 23 декабря 2025 года.
9. Макушева Елена Сергеевна, регистрационный номер 77/6801 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.
10. Поцелуйко Валерий Владимирович, регистрационный номер 77/10375 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
11. Пулатов Ахмад Каюмович, регистрационный номер 77/9048 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
12. Родионов Владимир Игоревич, регистрационный номер 77/15478 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
13. Салуквадзе Дмитрий Владимирович, регистрационный номер 77/6459 в Едином государственном реестре адвокатов, с 12 января 2026 года.
14. Становова Анна Вячеславовна, регистрационный номер 77/16185 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.
15. Стоянов Андрей Владимирович, регистрационный номер 77/14300 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 декабря 2025 года.
16. Юлдашева Наргис Бахадыровна, регистрационный номер 77/2256 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2026 года.

8. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 4 апреля 2025 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы:

1 адвоката, с 20 октября 2025 года по 08 марта 2026 года, в связи с отпуском по беременности и родам;

1 адвоката, с 11 декабря 2025 года по 26 декабря 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам.

9. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» уведомить Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве об изменении адвокатом членства в Адвокатской палате города Москвы:

Нургалиев Арман Сейтбаталович, регистрационный номер 77/12160 в Едином государственном реестре адвокатов, в связи с принятием им решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате г. Севастополя с 18 декабря 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 332 18 декабря 2025 года

О прекращении процедуры изменения членства адвоката Бересневой Светланы Викторовны в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате города Санкт-Петербурга

29 декабря 2010 года сведения об адвокате Бересневой С.В. были исключены из реестра адвокатов Тверской области.

18 января 2011 года адвокат Береснева С.В. обратилась в Совет Адвокатской палаты города Москвы с заявлением о приеме в члены Адвокатской палаты города Москвы (вх. № 174 от 19.01.2011).

Постановлением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 января 2011 года (протокол № 1) адвокат Береснева С.В. принята в члены Адвокатской палаты города Москвы в соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», о чем уведомлено Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве (исх. № 253 от 31.01.2011).

Сведения об адвокате Бересневой Светлане Викторовне были внесены Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве в реестр адвокатов города Москвы за регистрационным номером 77/10291.

Адвокат, принявший решение об изменении членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации, уведомляет об этом совет адвокатской палаты, членом которой он является (п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Порядок изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации определяется Советом Федеральной палаты адвокатов по согласованию с федеральным органом юстиции (п. 8 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 01 июля 2025 года (протокол № 3) утверждено Положение о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской

Федерации (https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/polozhenie-o-chlenstve-v-advokatskoy-palate-subekta-rossiyskoy-federatsii-i-poryadke-razresheniya-ne/), в соответствии с которым:

«3.3. Статус адвоката и членство в адвокатской палате являются непрерывными.

Изменение членства в адвокатской палате представляет собой единую процедуру, которая инициируется направляемым адвокатом уведомлением об изменении членства и завершается вынесением решения о принятии в члены адвокатской палаты субъекта Российской Федерации по месту регистрации.

В период изменения членства адвокат вправе осуществлять профессиональную деятельность в ранее избранном им адвокатском образовании.

3.4. До вынесения советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой адвокат намерен стать, решения о приеме в члены палаты адвокат обязан информировать совет адвокатской палаты, из состава членов которой выбывает, по вопросам, связанным с завершением адвокатской деятельности на территории субъекта Российской Федерации, в том числе об отсутствии либо исполнении обязательств перед доверителями, и несет перед этой палатой ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей.

3.5. Основанием для изменения членства в адвокатской палате является уведомление адвоката об изменении членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации. …

Совет адвокатской палаты в семидневный срок со дня получения уведомления от адвоката уведомляет территориальный орган юстиции об изменении адвокатом членства в адвокатской палате. …

3.7. В случае если решение о принятии в члены адвокатской палаты не вынесено либо если адвокат решил отказаться от изменения членства до вынесения решения о принятии в члены палаты, он вправе обратиться в совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является, с заявлением об отзыве уведомления об изменении членства.

Решение совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации о прекращении процедуры изменения членства, принятое на основании заявления адвоката об отзыве уведомления об изменении членства, направляется в территориальный орган юстиции».

26 ноября 2025 года адвокат Береснева Светлана Викторовна (регистрационный номер 77/10291 в Едином государственном реестре адвокатов) приняла решение об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате города Санкт-Петербурга, о чем уведомила Совет Адвокатской палаты города Москвы (вх. № 10766 от 26.11.2025).

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 ноября 2025 года № 303 адвокат Береснева Светлана Викторовна (регистрационный номер 77/10291 в Едином государственном реестре адвокатов) исключена из членов Адвокатской палаты города Москвы в соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с принятием ею решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате города Санкт-Петербурга с 27 ноября 2025 года.

В соответствии с абз. 2 п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Совет Адвокатской палаты города Москвы в семидневный срок со дня получения уведомления от адвоката уведомил

территориальный орган юстиции – Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве об изменении адвокатом Бересневой С.В. членства в адвокатской палате (исх. № 5873 от 27.11.2025).

15 декабря 2025 года адвокат Береснева Светлана Викторовна обратилась в Совет Адвокатской палаты города Москвы с заявлением об отзыве уведомления об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате города Санкт-Петербурга. При этом сообщила, что до настоящего времени она не обращалась с заявлением о приеме в члены Адвокатской палаты города Санкт-Петербурга в связи со сложившимися семейными обстоятельствами (вх. № 11368 от 15.12.2025).

Адвокат Береснева С.В. зарегистрирована в городе Москве по месту жительства 19 августа 2010 года и с этого времени регистрацию по месту жительства не изменяла.

Поскольку адвокат Береснева Светлана Викторовна (регистрационный номер 77/10291 в Едином государственном реестре адвокатов) решила отказаться от изменения членства в Адвокатской палате города Москвы до вынесения решения о принятии в члены Адвокатской палаты города Санкт-Петербурга и даже не обращалась в Совет Адвокатской палаты города Санкт-Петербурга с заявлением о приеме в члены этой Палаты, она правомерно обратилась в Совет Адвокатской палаты города Москвы, членом которой является, с заявлением об отзыве уведомления об изменении членства.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 5 и 8 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пунктами 3.3 и 3.7 Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 01 июля 2025 года (протокол № 3)), Совет Адвокатской палаты города Москвы

РЕШИЛ:

1. Принять заявление адвоката Бересневой Светланы Викторовны, регистрационный номер 77/10291 в Едином государственном реестре адвокатов, от 15 декабря 2025 года об отзыве уведомления об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате города Санкт-Петербурга (вх. № 11368 от 15.12.2025).

2. Прекратить процедуру изменения адвокатом Бересневой Светланой Викторовной, регистрационный номер 77/10291 в Едином государственном реестре адвокатов, членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате города Санкт-Петербурга на основании заявления адвоката Бересневой С.В. об отзыве уведомления об изменении членства.

3. Отменить абзац третий пункта 9 Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 ноября 2025 года № 303 «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» в части указания на исключение адвоката Бересневой Светланы Викторовны (регистрационный номер 77/10291 в Едином государственном реестре адвокатов) из членов Адвокатской палаты города Москвы в соответствии с п. 5 ст. 15 Федераль-

ного закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с принятием ею решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате города Санкт-Петербурга с 27 ноября 2025 года.

4. Направить в Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве настоящее решение Совета Адвокатской палаты города Москвы о прекращении процедуры изменения членства адвоката Бересневой Светланы Викторовны, принятое на основании заявления адвоката об отзыве уведомления об изменении членства.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 333 18 декабря 2025 года

Об адвокатах, статус которых приостановлен по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Федеральным законом от 02 декабря 2019 года № 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’», вступившим в силу с 1 марта 2020 года, пункт 1 статьи 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» был дополнен новым подпунктом 5 следующего содержания: «5) подача адвокатом заявления о приостановлении статуса адвоката по личным обстоятельствам в совет адвокатской палаты».

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (законопроект № 469485-7) указывалось, что расширение перечня оснований приостановления статуса адвоката позволит упростить процедуру приостановления статуса адвоката.

Таким образом, по действующему законодательству существуют два основания приостановления статуса адвоката по личным обстоятельствам (помимо избрания (назначения) адвоката на должность в орган государственной власти или орган местного самоуправления и призыва адвоката на военную службу): «неспособность адвоката более шести месяцев исполнять свои профессиональные обязанности» и «подача адвокатом заявления о приостановлении статуса адвоката по личным обстоятельствам в совет адвокатской палаты».

В Адвокатской палате города Москвы по основаниям, предусмотренным подпунктами 2 и 5 пункта 1 статьи 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», приостановлен статус более 1 500 адвокатов.

При этом в Адвокатской палате города Москвы в ряде случаев не имеется документов, подтверждающих сохранение до настоящего времени у конкретного адвоката такого основания приостановления статуса адвоката, как неспособность адвоката более шести месяцев исполнять свои профессиональные обязанности.

В целях приведения правового статуса адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы, чей статус приостановлен по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствие с действующим законодательством (с учетом дополнений, внесенных в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Федеральным законом от 02 декабря 2019 года № 400-ФЗ) Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. Предложить всем адвокатам – членам Адвокатской палаты города Москвы, чей статус по состоянию на 18 декабря 2025 года приостановлен по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в срок до 15 марта 2026 года представить в Адвокатскую палату города Москвы документы, подтверждающие сохранение состояния «неспособности адвоката более шести месяцев исполнять свои профессиональные обязанности».

2. Разъяснить, что в случае непредоставления в срок до 15 марта 2026 года адвокатом – членом Адвокатской палаты города Москвы, чей статус по состоянию на 18 декабря 2025 года приостановлен по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в Адвокатскую палату города Москвы документов, подтверждающих сохранение у него в настоящее время состояния «неспособности адвоката более шести месяцев исполнять свои профессиональные обязанности», Совет Адвокатской палаты города Москвы, с учетом дополнений, внесенных в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Федеральным законом от 02 декабря 2019 года № 400-ФЗ, рассмотрит вопрос об изменении основания приостановления статуса такого адвоката с подпункта 2 на подпункт 5 пункта 1 статьи 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

3. Настоящее решение подлежит опубликованию в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» и на сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 334 18 декабря 2025 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Абрамов Алексей Адамович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5483, с 04 декабря 2025 года.
2. Аграновский Андрей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3748, с 26 ноября 2025 года.
3. Адыгезалов Асиф Шамсаддин оглы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5485, с 16 декабря 2025 года.
4. Акинин Дмитрий Эдуардович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5227, с 27 ноября 2025 года.
5. Баласян Геворк Вазгенович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2777, с 03 декабря 2025 года.
6. Грибене Алевтина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5480, с 28 ноября 2025 года.
7. Кирьянова Алена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5482, с 01 декабря 2025 года.
8. Курбанов Шихали Курбан оглы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5487, с 17 декабря 2025 года.
9. Леонов Игорь Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1369, с 10 декабря 2025 года.
10. Масалова Олеся Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5484, с 03 декабря 2025 года.

11. Радович Иван Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5488, с 17 декабря 2025 года.

12. Сергиенко Андрей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5481, с 27 ноября 2025 года.

13. Фенина Татьяна Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-54779, с 26 ноября 2025 года.

14. Чваненко Дмитрий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5486, с 16 декабря 2025 года.

2. Прекращена деятельность адвокатских кабинетов (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Апаршин Михаил Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-40, с 01 января 2026 года (статус адвоката прекращен).

2. Воробьев Николай Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1693, с 27 ноября 2025 года (статус адвоката прекращен).

3. Гусак Александр Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5053, с 18 декабря 2025 года (статус адвоката прекращен).

4. Кабанов Иван Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3401, с 26 ноября 2025 года (статус адвоката прекращен).

5. Никитина Оксана Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3042, с 01 декабря 2025 года (адвокатом принято решение об избрании иной формы адвокатского образования для осуществления адвокатской деятельности).

6. Сабитов Ильдар Тагирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3516, с 27 ноября 2025 года (статус адвоката прекращен).

7. Туйчиев Шавкат Латифович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5166, с 15 декабря 2025 года (статус адвоката прекращен).

3. Временно приостановлена профессиональная деятельность адвокатского кабинета (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Гращенковой Людмилы Ефимовны, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2143, с 18 декабря 2025 года (приостановлен статуса адвоката, учредившего адвокатский кабинет).

4. Учреждено адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Адвокатское бюро «Савенков и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-552, с 21 июня 2024 года (исключено из реестра адвокатских образований Московской области).

5. Учреждена коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Коллегия адвокатов города Москвы «Княжев, Решетняк и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1107, с 22 октября 2025 года.

6. Изменено наименование адвокатского образования:

Московская коллегия адвокатов «Спицын, Пивоваров и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-873, изменила наименование на Московская коллегия адвокатов «Пивоваров и партнеры» с 09 декабря 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 335 18 декабря 2025 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представление первого вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Г.М. Резника, а также ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, одобренные Комиссией Совета Адвокатской палаты города Москвы по награждениям, решил:

внести в Книгу почета московской адвокатуры имя адвоката

Городисского Андрея Михайловича, регистрационный номер 77/5551 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката адвокатского бюро «Андрей Городисский и партнеры»;

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Сердобинцева Александра Михайловича, регистрационный номер 77/11948 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «ЮрСовет»;

присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры» с вручением удостоверения и нагрудного знака

Житину Андрею Ивановичу, регистрационный номер 77/4252 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокатский кабинет;

Аршиновой Галине Анатольевне, регистрационный номер 77/6034 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1);

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением Свидетельства о присвоении звания

Замошкину Сергею Дмитриевичу, регистрационный номер 77/1678 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1);

Цаплину Алексею Сергеевичу, регистрационный номер 77/2936 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлена

медалью
Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации
«За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени

Околотина Елена Юрьевна, регистрационный номер 77/6477 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКОЕ СООБЩЕСТВО

Приняли присягу и получили статус адвоката

30 октября 2025 года

1. Андреева Яна Валерьевна
2. Батищева Виктория Юрьевна
3. Лаптев Олег Николаевич
4. Денисова Полина Сергеевна
5. Пегов Петр Вениаминович
6. Страунинг Эдуард Леонидович.

27 ноября 2025 года

1. Андреева Яна Валерьевна
2. Батищева Виктория Юрьевна
3. Денисова Полина Сергеевна
4. Костырко-Стоцкий Данил Дмитриевич
5. Лаптев Олег Николаевич
6. Моисеев Владимир Серафимович
7. Мудрик Валентина Павловна
8. Пегов Петр Вениаминович
9. Пугачева Дарья Кирилловна
10. Страунинг Эдуард Леонидович.

18 декабря 2025 года

1. Аслониди Андрей Андреевич
2. Ахтырская Наталия Викторовна
3. Василович Дарья Александровна
4. Волокитина Лариса Сергеевна
5. Горских Ольга Владимировна
6. Гуторов Максим Сергеевич
7. Демьяненко Анастасия Андреевна
8. Зайцев Владимир Васильевич
9. Лобачев Павел Михайлович
10. Миронова Дарья Дмитриевна
11. Сондор Михаил Андреевич
12. Шатров Владислав Николаевич
13. Янузакова Карина Азаматовна
14. Ясноградская Виктория Николаевна.

Обзор дисциплинарной практики

1. Дисциплинарные производства по жалобам на ненадлежащее исполнение адвокатами обязанностей перед доверителями, а также по вопросам «двойной защиты» и вступления адвокатов в уголовные дела в качестве защитников по назначению в нарушение установленного порядка

1.1. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав выдвинутое доверителем дисциплинарное обвинение в ненадлежащем исполнении адвокатом обязательств по оказанию юридической помощи необоснованным.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А.О. и А.А. от 02 июня 2025 г. в отношении адвоката Д.

Квалификационная комиссия 23 июля 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Д. по жалобе А.О. и А.А., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявители жалобы А.О. и А.А., извещенные надлежащим образом и своевременно получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились. Адвокат Д. в заседание Совета также не явилась, подала ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства без ее участия, в котором также подтвердила, что Заключение Квалификационной комиссии получила, ознакомилась и полностью согласна с ним. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает, что Квалификационной комиссией верно и полно установлены обстоятельства дела, соглашается с выводами Комиссии и полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в полном объеме в силу следующего.

Заявители А.О. и А.А. выдвинули в отношении адвоката Д. дисциплинарные обвинения в том, что юридическая помощь была оказана ею несвоевременно, некачественно, недобросовестно и неквалифицированно, что выразилось в следующем:

– заявители неоднократно указывали адвокату Д. на необходимость приобщения документов к материалам дела, в том числе в деле о признании их утратившими право пользования жилым помещением. Доверители предоставили адвокату документы, подтверждающие фактическое проживание ответчика в жилом доме, доказательства проведения работ в спорной квартире, оплаты жилищно-коммунальных услуг, но адвокат Д. ни одно из переданных доказательств суду не представила;

– заявители указали адвокату Д. на наличие свидетелей, которые могут пояснить суду обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, организовали ей встречу со свидетелями, но в судебном заседании на следующий день после этой встречи свидетели допрошены не были;

– в результате непрофессионального и некомпетентного поведения адвоката Д. суд отказал А.О. в удовлетворении ее исковых требований, признав недоказанными факты, на которые она ссылалась;

– на направленное А.А. адвокату Д. уведомление о расторжении соглашений, в котором доверители попросили адвоката Д. вернуть оплаченную ей сумму, последняя заявила о готовности вернуть лишь 20 000 руб.;

– в ответ на напоминание о необходимости возврата выплаченных денежных средств адвокат Д. угрожала доверителю подачей заявления о вымогательстве в ОМВД.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 28 декабря 2024 г. заявитель А.А. обратился к адвокату Д. с просьбой оказать ему юридическую помощь. Адвокат Д. устно проконсультировала его, после чего заявителями А.А. и А.О. было принято решение заключить с ней два соглашения об оказании им юридической помощи по двум гражданским делам.

Так, 30 декабря 2024 г. адвокатом Д. и доверителем А.А. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи, согласно условиям которого адвокат Д. приняла на себя обязательства изучить предоставленные доверителем А.А. материалы гражданского дела № … подготовить апелляционную жалобу на решение Ч. районного суда …Республики от 30 октября 2024 г. и ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу апелляционной жалобы.

В этот же день, 30 декабря 2024 г., между адвокатом Д. и доверителем А.О. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи, согласно условиям которого адвокат Д. приняла на себя обязательства изучить предоставленные доверителем материалы и представлять интересы А.О. в суде первой инстанции по иску о разделе совместно нажитого имущества, в том числе составить исковое заявление, подготовить необходимые документы и принять участие в судебных заседаниях по гражданскому делу по иску А.О.

21 февраля 2025 г. адвокатом Д. было исполнено первое из указанных соглашений, поскольку суд восстановил пропущенный процессуальный срок на подачу апелляционной жалобы, которая была подготовлена и подана адвокатом Д. и принята судом к производству.

22 января 2025 г. в Ч. районный суд …Республики поступило подготовленное адвокатом Д. исковое заявление А.О. к А.Б. о признании имущества совместно нажитым, определением суда от 24 января 2025 г. оно было принято к производству с присвоением гражданскому делу № … 26 февраля 2025 г. по делу состоялось судебное заседание, в котором адвокат Д. приняла участие в качестве представителя истца. Судебное разбирательство было отложено на 20 марта 2025 г. по ходатайству представителя ответчика. В судебном заседании 20 марта 2025 г., в котором рассмотрение дела судом завершилось, адвокат Д. также приняла участие, в удовлетворении исковых требований А.О. было отказано.

Адвокат Д. утверждает, что ею были исполнены все обязательства, принятые по обоим заключенным с А.А. и А.О. соглашениям. Она постоянно была на связи с доверителями, разъясняла им, что

и куда необходимо сдать, как оплатить государственную пошлину и т. д. Созвонившись с судом, она узнала, что все подготовленные ею документы приняты судом к производству и по ним назначены соответствующие рассмотрения. По делу о разделе имущества были приобщены все письменные доказательства, в том числе и предоставленные доверителем, поданы возражения на заявление о применении срока исковой давности, была допрошена свидетель. Адвокат Д. встречалась и с другими свидетелями, которые пришли в суд 26 февраля 2025 г. Однако судебное заседание было отложено, а в судебное заседание 20 марта 2025 г. эти свидетели явиться отказались. Отчет о проделанной работе был представлен доверителям, кроме того, после каждого судебного заседания она звонила им и сообщала о его ходе и результатах, посылала копии судебных актов. По этим причинам адвокат Д. считает, что выдвинутые в отношении нее обвинения являются надуманными и необоснованными.

Давая оценку выдвинутым заявителем дисциплинарным обвинениям, Совет приходит к следующим выводам.

Дисциплинарное обвинение в том, что по гражданскому делу № … адвокатом Д. ее обязательства были выполнены не в полном объеме, а именно было составлено только ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока, опровергается самим фактом подачи апелляционной жалобы одновременно с заявлением о восстановлении пропущенного процессуального срока на ее подачу. При этом срок был восстановлен судом по результатам судебного заседания 21 февраля 2025 г. с участием адвоката Д. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что юридическая помощь по соглашению об оказании юридической помощи, заключенному с А.А., была оказана адвокатом Д. своевременно и квалифицированно.

Совет также отмечает, что вопрос об исследовании и приобщении дополнительных доказательств мог быть рассмотрен судом апелляционной инстанции только при рассмотрении апелляционной жалобы по существу, однако предмет соответствующего соглашения об оказании юридической помощи не предусматривает участия адвоката Д. в судебном разбирательстве на стадии апелляционного рассмотрения дела.

Оценивая дисциплинарные обвинения, выдвинутые заявителем А.О. в том, что адвокат Д. ненадлежаще исполнила свои обязательства по Соглашению с ней об оказании юридической помощи, Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии об их необоснованности. Как указано выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокатом Д. было составлено исковое заявление А.О., которое было принято судом к производству. После того, как ответчиком А.Б. было подано письменное заявление о пропуске истцом срока исковой давности, адвокат Д. составила письменные возражения на него, приняла участие в двух судебных заседаниях по делу, где, представляя интересы истца А.О., поддержала ее позицию, заявила ходатайства о приобщении письменных доказательств и о допросе явившегося свидетеля, которые были удовлетворены судом.

Претензия А.О. в том, что в судебном заседании по делу по ее иску к А.Б. не были допрошены свидетели, не нашла своего подтверждения, поскольку по указанному гражданскому делу судом были проведены два судебных заседания, одно из которых, 26 февраля 2025 г., было отложено, что соответственно делало невозможным опрос

свидетелей со стороны истца в отсутствии стороны ответчика по уважительной причине.

Второе по счету и завершающее судебное заседание по указанному гражданскому делу было проведено 20 марта 2025 г.

В процессе судебного разбирательства адвокат Д. поддержала доводы истца А.О., изложенные в исковом заявлении, заявила ходатайства о приобщении к материалам дела письменных доказательств и о допросе свидетеля К.

Оба заявленных адвокатом Д. ходатайства были судом удовлетворены.

Доказательств того, что свидетели со стороны истца с указанием их фамилий, имен и отчеств и обстоятельств, которые они должны были подтвердить, не были допрошены и что это произошло именно по вине адвоката Д., а также что в приобщении каких-то доказательств судом было отказано, в материалы дисциплинарного производства заявителями не представлено.

Дисциплинарное обвинение в непрофессиональном и некомпетентном поведении адвоката Д., в результате чего суд отказал А.О. в удовлетворении ее исковых требований, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает не соответствующим требованиям подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым жалоба доверителя должна содержать указания на обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Совет в этой связи отмечает, что вынесение судом решений не в пользу доверителей адвоката само по себе не может являться основанием для обвинения адвоката в оказании неквалифицированной юридической помощи и (или) в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем.

К такому же выводу Совет приходит в отношении дисциплинарного обвинения в угрозе адвоката Д. обратиться в правоохранительные органы с заявлением о вымогательстве в отношении доверителей, поскольку оно не подтверждено какими-либо доказательствами. Требование адвоката выразить финансовые претензии заявителя в письменной форме не может быть расценено как содержащее признаки вымогательства. Кроме того, Совет отмечает, что рассмотрение заявлений о совершении преступления (к числу которых относится вымогательство) не входит в компетенцию органов адвокатского самоуправления, равно как и рассмотрение споров о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи, а также о размере компенсации расходов, связанных с исполнением поручения.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Д. в отношении всех выдвинутых заявителем дисциплинарных обвинений неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению в полном объеме.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении Д. по жалобе А.О. и А.А. от 02 июня 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.2. Адвокат привлечен к ответственности за защиту доверителя без заключения соглашения в письменной форме и за то, что не внес полученные от доверителя деньги в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Х. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Б. от 17 июня 2025 г. в отношении адвоката Х.

Квалификационная комиссия 06 августа 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Х. профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившемся в том, что 25 октября 2024 г. он осуществлял защиту Б.К. по уголовному делу, находящемуся в производстве СО по … ГСУ СК РФ по г. Москве, без заключения соглашения в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения с Б., а также в том, что, получив 24 октября 2024 г. от доверителя Б. на личную банковскую карту денежные средства в размере …руб. в счет оплаты юридической помощи, адвокат Х. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Х. по жалобе Б., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Х. нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Б., извещенная надлежащим образом, в заседание не явилась, письменно уведомила Совет о получении Заключения Квалификационной комиссии и нежелании участвовать в заседании. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся участников.

Адвокат Х. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, согласился с выводами Комиссии частично. Дополнительно пояснил, что изготовил проект соглашения об оказании юридической помощи и незамедлительно направил его доверителю Б. посредством электронной связи. Впоследствии оригинал указанного соглашения был им предоставлен дочери Б. в здании арбитражного суда. По вопросу невыдачи квитанции адвокат пояснил, что между ним и доверителем имелась устная договоренность о другом, большем размере вознаграждения, нежели фактически уплаченные …руб. Выдача финансового документа (квитанции) была обусловлена исполнением доверителем обязательства по полной оплате. В частности, доверитель должна была вернуться из сельской местности, после чего стороны намеревались подписать дополнительное соглашение, и после

внесения оставшейся части денежных средств он планировал выдать единую квитанцию на всю сумму вознаграждения.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Х., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 23 октября 2024 г. в отношении сына заявителя, Б.К., было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 291.1 УК РФ. В тот же день Б.К. был задержан, а для его защиты по назначению следователя в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ, привлечен адвокат Х. Впоследствии адвокат Х. связался с матерью и сестрой Б.К. и предложил заключить соглашение на осуществление защиты. Стороны достигли устной договоренности о том, что стоимость юридической помощи будет составлять …руб. в месяц. При этом какие-либо документы, формализующие данные правоотношения, не подписывались. 24 октября 2024 г. заявитель Б. по указанию адвоката Х. перевела …руб. на его личную банковскую карту. 25 октября 2024 г. при рассмотрении судом ходатайства об избрании в отношении Б.К. меры пресечения адвокат Х. представил ордер, в графе об основании выдачи которого было указано «соглашение» несмотря на то, что письменный договор на тот момент заключен не был. В дальнейшем, после того, как Б.К. выразил нежелание продолжать сотрудничество с адвокатом Х. и семья потребовала возврата уплаченных средств, адвокат отказался вернуть денежные средства в полном объеме, а также отказался предоставить соглашение и платежные документы, подтверждающие внесение гонорара в кассу адвокатского образования. После того, как адвокату стало известно о намерении семьи подать на него жалобу, он посетил Б.К. в следственном изоляторе и предложил ему подписать соглашение об оказании юридической помощи «задним числом», от чего Б.К. отказался. В материалы дисциплинарного производства адвокат Х. представил копию не подписанного доверителем соглашения, датированного 24 октября 2024 г.

Оценивая действия адвоката Х., выразившиеся в защите Б.К. без заключения соглашения в установленной законом форме, Совет отклоняет довод адвоката Х. о том, что им были предприняты все необходимые действия для надлежащей формализации отношений с доверителем. В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом. Данное требование закона императивно и является важнейшей гарантией прав как доверителя, так и самого адвоката. Письменная форма соглашения призвана внести правовую определенность в отношения сторон, четко зафиксировать предмет поручения, объем принимаемых адвокатом обязательств, условия и размер выплаты вознаграждения, а также порядок компенсации расходов. Несоблюдение этого императивного требования неизбежно создает почву для неопределенности, разночтений и конфликтов, подрывая тем самым доверие, которое является основой отношений между адвокатом и доверителем.

Дисциплинарная практика органов адвокатского самоуправления последовательно исходит из того, что требование закона о простой письменной форме соглашения означает не просто составление проекта документа, а его подписание сторонами, что является выражением их согласованной воли и подтверждением принятия на себя взаимных прав и обязанностей. Направление проекта соглашения в электронном виде или передача его оригинала третьему лицу являются лишь подготовительными действиями, направленными на заключение договора, но не свидетельствуют о его заключении. Адвокат как профессиональный участник правоотношений обязан обеспечить именно юридический результат – наличие подписанного обеими сторонами документа, а не только продемонстрировать намерение его заключить. Отсутствие подписи доверителя на соглашении означает, что оно в установленной законом форме заключено не было. Следовательно, осуществляя защиту Б.К. на основании устной договоренности, адвокат Х. допустил нарушение указанных императивных требований законодательства.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом Х. профессиональных обязанностей перед доверителем Б. при описанных обстоятельствах.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в невыдаче доверителю Б. финансового документа, подтверждающего внесение полученных адвокатом Х. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи денежных средств в размере …руб. в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, Совет исходит из следующего.

В соответствии с п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет. Данная норма также носит императивный характер. Она не допускает каких-либо исключений или возможности ее изменения по соглашению сторон. Обязанность адвоката оприходовать полученные от доверителя денежные средства возникает в момент их получения, вне зависимости от размера суммы, наличия устных договоренностей о будущих платежах или иных обстоятельств.

Совет расценивает довод адвоката Х. о том, что выдача квитанции была обусловлена последующим заключением дополнительного соглашения и внесением оставшейся части гонорара, как несостоятельный и свидетельствующий о недостаточном осознании им базовых профессионально-этических требований. Принимая гонорар на личный счет, адвокат фактически выводит эти отношения из правового поля профессиональной деятельности в сферу частных договоренностей, что лишает доверителя институциональных гарантий, предоставляемых адвокатурой. Как неоднократно указывалось дисциплинарными органами Адвокатской палаты города Москвы, действия (бездействие) адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств и невыдаче доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление доверительных отношений между ним и его доверителем и направлены к подрыву доверия к адвокатуре в целом.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что профессиональное поведение адвоката Х. при описанных обстоятельствах не соответствовало требованиям законодательства и профессиональной этики. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Х. опровергнутой, а его вину в нарушении требований законодательства об адвокатской деятельности и норм профессиональной этики при описанных обстоятельствах установленной.

Вместе с тем Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части обвинений в оказании юридической помощи в отсутствие соглашения, а также во введении в заблуждение и незаконном получении денежных средств. Данный вывод основан на разграничении между полным отсутствием правового основания оказания юридической помощи и получения вознаграждения и несоблюдением установленной законом формы соглашения. В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что между адвокатом Х. и Б. было заключено устное соглашение об оказании юридической помощи сыну последней.

Установление факта наличия устного соглашения является ключевым для оценки оставшихся обвинений. Поскольку соглашение, пусть и в ненадлежащей форме, все же существовало, действия адвоката не могут быть квалифицированы как оказание юридической помощи в условиях полного отсутствия соглашения. Соответственно, указание в ордере «соглашения» в качестве основания его выдачи не являлось введением в заблуждение. Аналогичным образом получение денежных средств от Б. не может быть квалифицировано как «незаконное», поскольку оно было произведено во исполнение достигнутой договоренности. Нарушение заключалось не в самом факте получения вознаграждения, а в ненадлежащем его оформлении – минуя кассу адвокатского образования. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части указанных дисциплинарных обвинений вследствие отсутствия в действиях адвоката Х. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Совет также отмечает, что имущественные споры между доверителями и адвокатами, в том числе о возврате уплаченного вознаграждения полностью или в части, неподведомственны дисциплинарным органам адвокатского самоуправления. Данные споры носят гражданско-правовой характер и подлежат разрешению путем переговоров либо судом в порядке гражданского судопроизводства.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Х. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и неоднократный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом нормативных требований о надлежащей формализации отношений с доверителем. Одновременно Совет учитывает, что адвокат Х. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет небольшой профессиональный стаж, нарушения носили кратковременный характер. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет полагает необходимым применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде

замечания. По мнению Совета, данная мера в наибольшей степени отвечает требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату Х. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания, повышать профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов и Адвокатской палатой города Москвы.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что 25 октября 2024 г. он осуществлял защиту Б.К. по уголовному делу, находящемуся в производстве СО по …ГСУ СК РФ по г. Москве, без заключения соглашения в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения с Б., а также в том, что, получив 24 октября 2024 г. от доверителя Б. на личную банковскую карту денежные средства в размере …руб. в счет оплаты юридической помощи, он не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Х. по жалобе Б., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Х. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.3. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав необоснованными дисциплинарные обвинения в исполнении адвокатом функций «защитника-дублера» и в сговоре со следователем. Совет отметил недопустимость искусственного создания обвиняемым и его защитниками оснований для осуществления защиты одного лица одновременно защитниками по соглашению и по назначению, а также постановки назначенного защитника в уязвимое положение, зависимое от конъюнктурных соображений защитника по соглашению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Ш. и заявителя – адвоката Г. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Я. от 15 и 24 апреля 2025 г., адвоката Ф. от 21 мая 2025 г., адвоката Г. от 09 июня 2025 г. в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 23 июля 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в делах по назначению», исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем Я., выразившемся в том, что 22 апреля 2025 г. он не поддержал ходатайство доверителя об отказе от него, не настоял на рассмотрении заявленного Я. ходатайства следователем СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве Ш.Ю., не заявил собственное аналогичное ходатайство, не заявил о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства, не покинул место проведения процессуальных действий и не обжаловал действия (бездействие) следователя;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по жалобам Я. от 15 и 24 апреля 2025 г., жалобе адвоката Ф. от 21 мая 2025 г., жалобе адвоката Г. от 09 июня 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Ш. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представление интересов заявителя Я., находящегося под стражей, обеспечивалось заявителем самостоятельной жалобы – адвокатом Г., подтвердившей в заседании Совета своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и не согласившейся с его выводами в части необходимости прекращения дисциплинарного производства, поддержавшей свои письменные возражения.

Заявитель – адвокат Ф., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть жалобу в его отсутствие.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Адвокат Ш. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, не согласился с его выводами, поддержал свои письменные возражения, указав, что заявление Я. об отказе от него от 22 апреля 2024 г. было им поддержано, а также незамедлительно рассмотрено и разрешено следователем.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в полном объеме в силу следующего.

Заявителем Я. против адвоката Ш. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в несогласовании позиции с защитником по соглашению – адвокатом Ф. в ходе производства следственных действий 03 апреля 2025 г.;

– в нарушающем права Я. убеждении со стороны адвоката Ш. подписать

03 апреля 2025 г. все процессуальные документы без замечаний;

– в участии в следственных действиях 22 апреля 2025 г. вопреки заявленному в этот день Я. отказу от адвоката Ш.

Заявителем – адвокатом Ф. против адвоката Ш. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в недопустимом участии в качестве «защитника-дублера» в следственных действиях 07 апреля 2025 г., несмотря на предупреждение адвокатом Ф. о недопустимости этого, 22 апреля 2025 г. – вопреки заявленному ходатайству Я. об отказе от защитника – адвоката Ш. в связи с противоречием в позиции;

– в сговоре со следователем, направленном на нарушение прав Я., в отсутствии у адвоката Ш. «принципиальной позиции» по делу.

Заявителем – адвокатом Г. против адвоката Ш. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в неправомерном участии в период с 27 апреля по 03 мая 2025 г. в раздельном с Я. ознакомлении с материалами уголовного дела, когда адвокат Г. находилась на больничном, без фактического ознакомления с 31 томом дела, что препятствовало совместному ознакомлению с делом адвоката Г. и Я.;

– в том, что адвокат Ш. не предпринял действий по выходу из дела после отказа от него Я. 06 июня 2025 г. в заседании К. районного суда г. Москвы.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

23 апреля 2024 г. С. МРСО СУ по … ГСУ СК РФ по г. Москве возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282.1 и ч. 2 ст. 282.1 УК РФ, по которому 06 июня 2024 г., в 06.50 час., в порядке ст. 90, 91 УПК РФ задержан Я., сообщивший о наличии у него защитника по соглашению – адвоката Ф., который не мог участвовать в следственных действиях до 10 июня 2024 г. и впоследствии вступил в уголовное дело на основании ордера от 06 июня 2024 г. № …

В связи с невозможностью защитника по соглашению – адвоката Ф. в соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ вступить в уголовное дело и прибыть для участия в следственных действиях в течение 24 часов с момента задержания Я. на основании заявки АИС АПМ № … размещенной 07 июня 2024 г., в 09.30 час., защиту Я. по назначению осуществлял адвокат Ш.

При рассмотрении 07 июня 2024 г. в С. районном суде ходатайства следственного органа об избрании Я. меры пресечения в виде заключения под стражу адвокат Ш. ходатайствовал об освобождении его от защиты, мотивируя это наличием у доверителя соглашения на защиту с другим адвокатом, что было поддержано Я. В освобождении от участия в деле адвокату Ш. было судом отказано, действия Я. и адвоката Ф., заявившего о невозможности прибытия ранее 10 июня 2024 г., судом квалифицированы как злоупотребление правом на защиту.

В дальнейшем срок содержания Я. под стражей неоднократно продлевался судами, в том числе 17 июля 2024 г., 5 января и 19 марта 2025 г. Во всех перечисленных судебных заседаниях защиту Я. осуществлял адвокат Ш.

03 апреля 2025 г. с участием адвоката Ш. были произведены допрос Я. в качестве обвиняемого и ознакомление стороны защиты с заключениями эксперта от 04 и 31 марта 2025 г. В протоколах этих процессуальных действий каких-либо заявлений, в том числе связанных с участием в них адвоката Ш., не содержится.

В ноябре и декабре 2024 г., январе и марте 2025 г., а также в период

с 15 апреля по 05 июня 2025 г. адвокату Ф., проживающему в городе Р., неоднократно направлялись телеграммы и телефонограммы, в которых сообщалось о необходимости его явки в судебные заседания и в следственный изолятор для осуществления защиты Я. На основании поручения следователя от 18 апреля 2025 г. сотрудниками ЦПЭ ГУ МВД России по Р. области 19 апреля 2025 г. безуспешно предприняты действия по вручению адвокату Ф. уведомления о явке на следственные действия.

15 апреля 2025 г. с участием адвоката Ш. и без участия адвоката Ф. К. районным судом г. Москвы продлен срок содержания под стражей Я. В тот же день адвокатом Ш. следователю заявлено ходатайство о невозможности оказания юридической помощи Я. в связи с несогласием доверителя с линией защиты адвоката Ш., отказом доверителя и адвоката Ф. посвятить адвоката Ш. в иную позицию защиты, которой ими принято решение придерживаться. Следователем в удовлетворении ходатайства об освобождении адвоката Ш. от осуществления защиты Я. отказано, поскольку от обвиняемого Я. не поступало заявлений об отказе от адвоката Ш.

17 апреля 2025 г. в уголовное дело в защиту Я. по соглашению вступила адвокат Г., представив следователю удостоверение адвоката и ордер от 17 апреля 2025 г. № … а также заявив ходатайство о невозможности своего участия в производстве следственных действий с Я. 18, 21 и 24 апреля 2025 г. и о переносе данных следственных действий на другую дату. Следователем в удовлетворении данного ходатайства было отказано с вручением адвокату Г. уведомления о необходимости явки в следственный изолятор в указанные даты.

22 апреля 2025 г. обвиняемый Я. отказался от адвоката Г. в связи со своим материальным положением, что было удовлетворено следователем постановлением от 22 апреля 2025 г.

В тот же день, 22 апреля 2025 г., Я. в следственном кабинете следственного изолятора передал следователю письменное ходатайство об отказе от защитника – адвоката Ш. в связи с наличием у него защитника по соглашению – адвоката Ф., не уведомленного, согласно заявлению, надлежащим образом о проведении в указанный день следственных действий. Постановлением следователя от того же дня в удовлетворении ходатайства Я. отказано в связи с тем, что оно приведет к необоснованному затягиванию хода судопроизводства, что нарушит право на судопроизводство в разумный срок.

Адвокатом Ш. в тот же день, 22 апреля 2025 г., в следственном изоляторе в протоколах ознакомления с заключениями эксперта сделаны письменные заявления, в которых он, указав на нарушение прав Я., поддержал ходатайство Я. о невозможности производства следственных действий в отсутствие защитника по соглашению – адвоката Ф., который надлежащим образом не был уведомлен о дате следственных действий. Данные заявления были рассмотрены следователем как ходатайства и в их удовлетворении также отказано.

23 апреля 2025 г. следователем вынесено постановление о злоупотреблении обвиняемым Я. и его защитником по соглашению – адвокатом Ф. правом на защиту, что выразилось в неоднократных неявках защитника в суд и следственный изолятор: 15 ноября 2024 г., 10 января, 14 и 31 марта, 11, 15, 18 апреля 2025 г., без представления доказательств, уважительности причин неявки, а также отказом 18 апреля 2025 г. Я. от приглашения другого защитника. Такое поведение следователем было квалифицировано как действия, направленные на срыв следственных действий, т.е. явно недобросовестные.

24 апреля 2025 г. адвокат Г. вновь вступила в уголовное дело в качестве защитника Я., представив ордер от 24 апреля 2025 г. № … а 28 апреля 2025 г. заявила ходатайство о невозможности производства следственных действий с Я. в связи с состоянием ее здоровья, в удовлетворении которого следователем было отказано.

25 апреля 2025 г. в удовлетворении заявленного обвиняемым Я. отказа от защитника по назначению – адвоката Ш. следователем было вновь отказано по мотивам злоупотребления правом на защиту защитниками по соглашению – адвокатами Ф. и Г.

С 29 апреля 2025 г. адвокат Ш. раздельно со своим подзащитным Я. знакомился с материалами уголовного дела в объеме 31 тома в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ.

06 июня 2025 г. при рассмотрении К. районным судом г. Москвы ходатайства следователя об установлении обвиняемому Я. и его защитникам срока для ознакомления с материалами уголовного дела Я. заявил отвод адвокату Ш. «в связи с существенными расхождениями в позициях защиты», в удовлетворении которого судом было отказано. Адвокатом Ш. данное ходатайство было поддержано и заявлено собственное ходатайство об освобождении от участия в уголовном деле, в удовлетворении которого судом также было отказано.

Переходя к оценке выдвинутых заявителями дисциплинарных обвинений, Совет исходит из следующего.

Согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников. В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ право дознавателя и следователя принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, возникает в случае неявки приглашенного защитника в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О “двойной защите”» (действует с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)…».

В пунктах 2 и 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города

Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано, что недопустимо осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 данных Разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в Постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П, и Пленума Верховного Суда Российской Федерации – в Постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезор-

ганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т.е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ш. вступил в уголовное дело 07 июня 2024 г., будучи назначен АИС АПМ защитником Я. по заявке следователя, размещенной более чем через 24 часа после задержания подозреваемого в порядке ст. 90, 91 УПК РФ. При этом защитник по соглашению – адвокат Ф. в тот момент в уголовное дело еще не вступил и заявил о невозможности такого вступления до 10 июня 2024 г. При подобных обстоятельствах вступление адвоката Ш. в уголовное дело в качестве назначенного защитника являлось правомерным и не может быть квалифицировано как исполнение функций «защитника-дублера».

В дальнейшем адвокат Ш., ссылаясь на наличие у Я. соглашений об оказании юридической помощи с адвокатами Ф. и Г., неоднократно заявлял ходатайства суду и следователю об освобождении от защиты, в удовлетворении которых каждый раз отказывалось со ссылками на неявки защитников по соглашению.

В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что в течение более 10 месяцев (с 08 июня 2024 г. по 22 апреля 2025 г.) Я. не заявлял о своем несогласии с участием в деле адвоката Ш., с участием которого было произведено большинство следственных и иных процессуальных действий. Это обстоятельство не отрицается и самими заявителями. Таким образом, адвокат Ш., законно вступив в уголовное дело, осуществлял защиту Я. на предварительном следствии в соответствии с требованиями закона и решениями органов адвокатского самоуправления, не выполняя функции «защитника-дублера».

Дисциплинарные обвинения в несогласовании 03 апреля 2025 г. адвокатом Ш. позиции с защитником по соглашению – адвокатом Ф., убеждении Я. 03 апреля 2025 г. подписать процессуальные документы без замечаний, недопустимом участии в следственных действиях 07 и 22 апреля 2025 г. в качестве «защитника-дублера», сговоре со следователем, направленном на нарушение прав Я., фактическом неознакомлении с 31 томом уголовного дела и формальном подписании соответствующего графика ознакомления в порядке ст. 217 УПК РФ, несовершении адвокатом Ш. действий по выходу из дела после отказа от него Я. 06 июня 2025 г. в заседании К. районного суда г. Москвы Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает голословными и необоснованными. Презумпцию добросовестности адвоката Ш. в части этих дисциплинарных обвинений Совет признает неопровергнутой. В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этих выводов, с которыми Совет также соглашается.

Вместе с тем Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о совершении адвокатом Ш. дисциплинарного нарушения, выразившегося в том, что он не поддержал заявленный 22 апреля 2025 г. подзащитным Я. отказ от него, не заявил самостоятельно о выходе из дела, не настоял на немедленном рассмотрении ходатайств и не покинул место производства процессуальных действий. Совет полагает, что в данной части Квалификационная комиссия правильно установила фактические обстоятельства, но допустила ошибку в правовой квалификации деяния адвоката.

Так, вопреки выводам Квалификационной комиссии, вынесение следователем постановления от 22 апреля 2025 г. об отказе в удовлетворении заявленно-

го Я. отказа от адвоката Ш. в печатном виде и наличие в нем ссылки на отправку его копий Я. и адвокату Ш. почтой, само по себе не свидетельствует о том, что соответствующее ходатайство Я. не было рассмотрено и разрешено следователем по существу непосредственно в момент его заявления – в следственном кабинете следственного изолятора. Не свидетельствует об этом и то обстоятельство, что использование компьютерной техники в следственном изоляторе ограничено. Так, в результате дисциплинарного разбирательства не были опровергнуты доводы адвоката Ш., подтвержденные представленными им копиями соответствующих процессуальных документов, о наличии у следователя разрешения начальника ФКУ СИЗО… ГУФСИН России по г. Москве на пронос компьютерной техники и принтера в следственный изолятор, действие которого распространялось и на 22 апреля 2025 г., а также о стандартном использовании следователем фразы о направлении ответа по почте во всех без исключения постановлениях, в том числе и в тех, с которыми он знакомил обвиняемого и его защитника в следственном изоляторе.

Вместе с тем адвокат Ф отказался представить в подтверждение доводов своей жалобы протоколы следственных и иных процессуальных документов, сославшись на отсутствие согласия Я. и возможное нарушение законодательства о противодействии экстремистской деятельности.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. неопровергнутой и в данной части, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению в полном объеме.

Совет в связи с описанными обстоятельствами, установленными в результате дисциплинарного разбирательства, считает необходимым отметить следующее. Установленные чч. 3 и 4 ст. 50 УПК РФ сроки явки приглашенного защитника соответственно в 5 суток и 24 часа направлены на соблюдение права подозреваемого (обвиняемого) на свободный выбор защитника. При этом действия защитников по соглашению, направленные на удлинение сроков судопроизводства, в конкретных случаях также могут быть вызваны сложившейся по конкретному уголовному делу процессуальной ситуацией и соответствовать интересам доверителя. Адвокат, являясь в силу закона независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), самостоятельно определяет тактику осуществления защиты и тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя. Тем не менее ответственность за такие решения и такие действия несет принявший (совершивший) их адвокат и она не может быть возложена на другого адвоката, назначенного в соответствии с требованиями закона и решений органов адвокатского самоуправления защитником того же лица, в том числе и в связи с неявкой его защитников по соглашению.

При этом искусственное создание обвиняемым и его защитниками оснований для осуществления защиты одного лица одновременно защитниками по соглашению и по назначению недопустимо, поскольку подобный способ защиты противоречит законодательно установленному порядку организации защиты. Недопустимой является и постановка назначенного защитника в уязвимое, зависимое от конъюнктурных соображений защитника по соглашению, положение, поскольку такие вза-

имоотношения не отвечают принципам адвокатской деятельности, закрепленным в п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В этой связи Совет вновь обращает внимание адвокатов на целесообразность размещения ими через личный кабинет в АИС АПМ заявлений о защите по соглашению, информация о которых направляется назначенным защитникам как до, так и после их назначения по заявкам АИС АПМ. Такой порядок взаимодействия позволяет обеспечить своевременное, вне зависимости от воли должностных лиц, и достоверное информирование о наличии у подозреваемого (обвиняемого) защитника по соглашению, соблюдение его интересов и бесконфликтное осуществление защиты.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по жалобам Я. от 15 и 24 апреля 2025 г., адвоката Ф. от 21 мая 2025 г., адвоката Г. от 09 июня 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Ш. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей.

1.4. Совет прекратил статус адвоката, который в отсутствие доверителя и при нарушении его права на свободный выбор защитника принял участие в процессуальных действиях по уголовному делу, производившихся с нарушением требований законодательства.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката М. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. от 22 апреля 2025 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к адвокатуре; в любой ситуации адвокат обязан избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней; честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнении адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившемся в принятии им в отсутствие Г. и в условиях нарушения права последнего на свободный выбор защитника участия 10 апреля 2025 г. в проведении процессуальных действий по уголовному делу – избрании заявителю меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и предъявлении обвинения, производство которых заочно, т.е. в отсутствие

лица, привлекаемого к уголовной ответственности, было недопустимо;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе Г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Г., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, с выводами которого он согласился, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть дисциплинарное дело в его отсутствие через своего представителя – адвоката В., которая также в письменном заявлении просила рассмотреть дисциплинарное дело без ее участия. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся заявителя Г. и его представителя – адвоката В.

Адвокат М. в письменном заявлении и в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласился с его выводами, признал совершение проступка, мотивы которого пояснить не смог. Сообщил, что предпринял действия по примирению с заявителем путем предложения выплаты ему денежной компенсации, однако ответа на данное предложение не получил. В отношении ранее занятой в данном дисциплинарном производстве позиции о несогласии с тем, что его действия являются проступком, поскольку все решения по делу принимает следователь, сообщил, что признает данную позицию ошибочной, осознание этой ошибки произошло у него в процессе дисциплинарного разбирательства. Просил не применять к нему меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката М., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Против адвоката М. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– во вступлении в уголовное дело и участии в отсутствие на то законных оснований в заочном проведении процессуальных действий по этому уголовному делу 10 апреля 2025 г. с нарушением права заявителя на свободный выбор защитника и без соблюдения установленного ст. 50 УПК РФ срока в 5 суток для приглашения защитника;

– в том, что он не связался с доверителем для обсуждения позиции по уголовному делу и проверки наличия обстоятельств, препятствующих вступлению в уголовное дело;

– в неверном указании в ордере регистрационного номера адвоката в Едином государственном реестре адвокатов – две цифры переставлены местами;

– в подрыве доверия к адвокатуре вследствие совершения действий, явно не отвечающих целям и задачам адвокатской деятельности в уголовном процессе, призванной защищать права и законные интересы доверителей.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве Л. МРСО СУ по …ГСУ СК России по г. Москве находилось уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2

ст. 216 УК РФ, т.е. в нарушении правил безопасности при ведении строительных или иных работ, повлекшем по неосторожности смерть человека. Заявитель Г. изначально имел по уголовному делу статус свидетеля, допрашивался в данном качестве 12 сентября 2024 г., юридическую помощь ему с 16 августа 2024 г. оказывал адвокат К.

Следователем Ж. составлены постановления об избрании в отношении подозреваемого Г. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем подведении и о привлечении Г. в качестве обвиняемого, датированные 08 апреля 2025 года. 10 апреля 2025 г. следователем вынесено постановление об отводе защитника – адвоката К., мотивированное тем, что адвокат ранее участвовал в допросах по тому же уголовному делу двух свидетелей – И. и Г.Р. и потому в связи с изменением процессуального статуса Г. не может осуществлять защиту последнего.

По заявке, размещенной следователем 10 апреля 2025 г. в АИС АПМ, защитником Г. был назначен адвокат М., который вступил в уголовное дело в тот же день на основании ордера от 10 апреля 2025 г. Вступив в дело, адвокат М. расписался о получении 10 апреля 2025 г. копии постановления об избрании подозреваемому Г. меры пресечения от 08 апреля 2025 г., в котором машинописным способом было указано о необходимости уведомления о принятом решении как подозреваемого Г., так и его защитника – адвоката М. Кроме того, адвокат М., несмотря на отсутствие соответствующей графы для подписи защитника, в отсутствие своего доверителя Г. расписался в том, что у последнего 10 апреля 2025 г. отобрана подписка о невыезде и надлежащем поведении при том, что ни такая обязанность, ни такое полномочие защитника законом не предусмотрены.

Также 10 апреля 2025 г. адвокат М. в отсутствие Г. расписался в объявлении своему доверителю 10 апреля 2025 г. постановления о привлечении в качестве обвиняемого от 08 апреля 2025 г., разъяснении существа обвинения, прав, предусмотренных ч. 4 ст. 47 УПК РФ, и в получении копии этого постановления.

В постановлении об избрании меры пресечения от 08 апреля 2025 г., подписке о невыезде и надлежащем поведении от 10 апреля 2025 г., постановлении о привлечении в качестве обвиняемого от 08 апреля 2025 г. имеются рукописные записи Г. о фактическом вручении ему этих процессуальных документов только 16 апреля 2025 г. и несогласии со вступлением адвоката М. в уголовное дело в качестве его защитника.

В период с 10 по 16 апреля 2025 г. неизвестным лицом было изготовлено заявление от имени Г. об отказе от защитника – адвоката М., в котором подпись Г. отсутствует, но имеется рукописная запись о нарушившем его право на свободный выбор защитника незаконном назначении защитником адвоката М., который незаконно принял участие в процессуальных действиях 10 апреля 2025 г.

В ходе допроса в качестве обвиняемого 16 апреля 2025 г., проведенного с защитником по соглашению – адвокатом В., и в отдельном письменном ходатайстве от той же даты Г. указал на незаконный характер процессуальных действий, проведенных 10 апреля 2025 г. с участием адвоката М., о своем нахождении в командировке в эту дату, неполучении повесток и фактическом уведомлении об отводе адвоката К. только 16 апреля 2025 г.

Переходя к оценке выдвинутых против адвоката М. обвинений, Совет отмечает, что органами адвокатского самоуправления уже неоднократно ука-

зывались первоочередные действия, которые должен совершить адвокат, получивший в порядке ст. 51 УПК РФ назначение защитником, для обеспечения реализации права обвиняемого (подозреваемого) на свободный выбор защитника. Так, указывалось на необходимость выяснить у должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, обеспечен ли обвиняемый (подозреваемый) защитником, приглашенным им или с его согласия третьими лицами, после чего выяснить, надлежащим ли образом уведомлен приглашенный защитник о дне, времени и месте производства процессуального действия. В зависимости от характера полученной информации назначенный защитником адвокат должен принять решение о возможности продолжения участия в процессуальном действии или о необходимости заявить ходатайство о его отложении, либо о совершении иных действий. Согласно п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. (далее – Стандарт), адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу, для чего выяснить существо обвинения или подозрения и ознакомиться с документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться.

Частью 3 ст. 50 УПК РФ установлено, что лишь в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ. При этом согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ.

В Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, т. е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют злоупотреблением обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение). Одновременно абз. 4 п. 2.1 указанного решения установлено, что «когда участвующий в уголовном деле защитник по соглашению или по назначению в течение 5 суток, если иное не предусмотрено законом, не может принять участие в уголовном процессе, адвокат, назначенный защитником в соответствии со ст. 50 УПК РФ, обязан принять на себя защиту подсудимого».

Несмотря на то, что оказывавший юридическую помощь свидетелю Г. адвокат К. уже был отведен от участия в деле постановлением следователя от 10 апреля 2025 г., а адвокат В. вступила в уголовное дело только 16 апреля 2025 г., адвокатом М. не были совершены действия, направленные на обеспечение соблюдения права Г. на свободный выбор защитника. Так, адвокат М. оставил без внимания, что в представленных ему следователем повестках от 03 апреля 2025 г. о явке Г. 08 апреля 2025 г. процессуальный статус Г. не был конкретизирован, а прямо предусмотренное ч. 2 ст. 172 УПК РФ уведомление о дне предъявления обвинения с разъяснением права самостоятельно пригласить защитника или ходатайствовать об обеспечении его назначения следователем в порядке ст. 50 УПК РФ отсутствовало вовсе. Из описанных выше датированных 08 апреля 2025 г. постановлений ясно следовало, что в момент явки адвоката М. к следователю не имели место ни объявление Г. подписки о невыезде, ни предъявление ему обвинения, а копия постановления об отводе адвоката К. была направлена Г. не ранее 10 апреля 2025 г.

Описанные достоверно установленные Квалификационной комиссией обстоятельства указывают на то, что Г. по состоянию на 10 апреля 2025 г. не имел возможности самостоятельно реализовать свое право на свободный выбор защитника, что требовало от адвоката М. после ознакомления в порядке п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ с процессуальными документами заявить о невозможности своего участия в процессуальных действиях и покинуть место их производства, сообщив об этом в Адвокатскую палату города Москвы и обжаловав действия следователя.

Кроме того, характер процессуальных действий по отобранию у обвиняемого (подозреваемого) подписки о невыезде и надлежащем поведении, а также по предъявлению обвинения в силу их характера и соответствующих требований уголовно-процессуального закона не предполагает возможности их производства с участием защитника в отсутствие подзащитного, так как предусматривают доведение этой значимой для осуществления защиты информации по уголовному делу до подзащитного, а не до его адвоката-защитника. Лишь в случае неявки обвиняемого в назначенный следователем срок, а также в случае, когда место нахождения обвиняемого не установлено, обвинение предъявляется в день фактической явки обвиняемого или в день его привода при условии обеспечения следователем участия защитника (ч. 6 ст. 172 УПК РФ). Ни один из предусмотренных уголовно-процессуальным законом способов реагирования на неявку обвиняемого в виде привода, задержания, объявления в розыск следователем в отношении Г. не реализовывался.

Согласно ст. 47 УПК РФ право обвиняемого на защиту выражается, помимо прочего, в его праве знать, в чем он обвиняется (а реализация этого права, прежде всего, предполагает его право своевременно узнать о выдвинутом в отношении него обвинении, получить копию постановлений о привлечении в качестве обвиняемого и об избрании и применении к нему меры пресечения), возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний, подавать жалобы и ходатайства.

Лишь при намерении следователя направить уголовное дело прокурору с обвинительным заключением для его рассмотрения в суде в порядке ч. 5 ст. 247 УПК РФ, т.е. в отсутствие подсудимого, ознакомление адвоката-защитника с постановлением о привлечении его дове-

рителя в качестве обвиняемого в отсутствие последнего может быть признано обоснованным, так как в данном случае адвокат, зная существо предъявленного обвинения, далее знакомится в порядке ст. 217 УПК РФ с материалами уголовного дела для осуществления защиты объявленного в международный розыск обвиняемого. Адвокатом, назначенным в таком случае защитником, после выяснения наличия в деле приглашенного защитника дается оценка соблюдения предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ условий участия в описанных действиях и фиксации этого участия своей подписью.

Ни одно из этих условий в рассматриваемом случае не было соблюдено: Г. в международный розыск не объявлялся, в тяжком преступлении либо прямо предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ преступлении небольшой или средней тяжести не обвинялся.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, а п. 1 ст. 2 того же федерального закона устанавливает, что адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

Участие в уголовном судопроизводстве – наиболее острой сфере судопроизводства, создающей вероятность лишения или ограничения свободы, возникновения судимости и других существенных негативных изменений в правовом положении доверителей, возлагает на адвоката повышенные требования к правильному осознанию своего профессионального долга и качественному его исполнению. Это тем более относится к ситуациям, когда адвокат вступает в дело не по приглашению доверителя, а по назначению следователя или суда и при этом не имеет контактов с доверителем.

При этом основой деятельности адвоката является доверие к нему со стороны защищаемого лица, а условием такого доверия согласно ст. 5 Кодекса профессиональной этика адвоката является профессиональная независимость адвоката, убежденность доверителя в его порядочности, честности и добросовестности. Доверие обвиняемого к назначенному защитнику, который вступает в уголовное дело вне зависимости от воли подзащитного, а в ряде случаев и без его ведома (как это было и в рассматриваемом случае), и является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, наделенным широким кругом процессуальных прав и обязанностей, основывается на самом факте его принадлежности к профессиональному сообществу адвокатов, которое как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. При этом адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней (п. 1 ст. 4, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката). Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Принятие адвокатом М. поручения в условиях нарушения права его подзащитного Г. на свободный выбор защитника и даже без его ведома, дальнейшее участие адвоката М. в проведении заведомо незаконных процессуальных действий по уголовному делу при отсутствии каких-либо его попыток возражать против действий следователя и обеспечить соблюдение права Г. на

защиту создало у заявителя крайне негативное впечатление от действий (бездействия) представителя адвокатского сообщества, назначенного для осуществления его защиты. Тем самым доверие Г. было подорвано не только к адвокату М., но и к адвокатуре в целом, поскольку у него возникло обоснованное сомнение в ее независимости как института гражданского общества, отделенного от государства, в том числе и от органа предварительного расследования как инициатора назначения адвоката.

Сопоставив приведенные выше правовые и профессионально-этические положения с установленными и описанными выше обстоятельствами, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом М. допущено умышленное нарушение предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также соглашается с Квалификационной комиссией в том, что дисциплинарное обвинение в несовершении адвокатом М. перед участием в процессуальных действиях попыток установления связи с Г. и обсуждения позиции по уголовному делу охватывается выводом о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившемся в принятии им в условиях нарушения права Г. на свободный выбор защитника участия 10 апреля 2025 г. при заочном проведении процессуальных действий по уголовному делу и дополнительной квалификации не требует.

Оценивая пояснения адвоката М. в заседании Совета о том, что проступок совершен им по грубой неосторожности, основанной на неверном понимании им положений уголовно-процессуального законодательства и законодательства об адвокатуре, Совет рассматривает их в качестве его защитительной позиции, сформировавшейся на поздней стадии дисциплинарного производства в результате оценки им вероятности применения меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет полагает, что действительное отношение адвоката М. к своим действиям в момент их совершения отражают первоначально высказанные и длительное время поддерживаемые им доводы о том, что порядок, способ и момент производства процессуальных действий определяются по усмотрению следователя, в том числе и в части их заочного проведения, а адвокат не может и не должен оспаривать такие решения следователя. Это свидетельствует об искаженном восприятии адвокатом М. существа профессиональных обязанностей и о наличии у него мотивации, свойственной «карманному адвокату», сводящейся к необходимости во всем подчиняться следователю и не возражать ему. К такому выводу Совет приходит в том числе с учетом длительности стажа профессиональной деятельности адвоката М. – с 2000 г. Это обстоятельство само по себе исключает возможность непонимания им таких фундаментальных основ уголовного судопроизводства, как порядок предъявления обвинения, избрания меры пресечения, а также ограниченность свободы усмотрения следователя требованиями закона.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Поскольку на момент явки 10 апреля 2025 г. адвоката М. к следователю

и вступления в уголовное дело в качестве защитника Г. у последнего отсутствовал защитник по соглашению (как указано выше, адвокат К., оказывавший юридическую помощь свидетелю Г., уже был отведен от участия в деле постановлением следователя от 10 апреля 2025 г., а адвокат В. вступила в уголовное дело только 16 апреля 2025 г.), Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что адвокат М. не являлся дублером какого-либо защитника Г. по соглашению, и у него отсутствовала обязанность уведомить о своем вступлении в дело адвоката К. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает дисциплинарного проступка и в неверном указании адвокатом М. в ордере своего регистрационного номера в Едином государственном реестре адвокатов – перестановке в номере одной цифры местами. Совет полагает, что эта ошибка носит явно технический характер. Кроме того, учитывая, что доводов, обосновывающих нарушение его прав и законных интересов неверным указанием в ордере регистрационного номера, заявителем не приведено, а остальные сведения (фамилия, имя, отчество адвоката, информация об адвокатском образовании) в нем отражены достоверно, Совет признает дисциплинарное обвинение в допущенном адвокатом М. нарушении ввиду недостоверного указания регистрационного номера адвоката в ордере необоснованным.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный, грубый и злостный характер, свидетельствующий о том, что адвокат М. при осуществлении адвокатской деятельности откровенно игнорирует профессиональные обязанности и обязательные правила участия адвокатов в уголовном судопроизводстве в качестве защитников по назначению.

Анализ сложившейся по уголовному делу ситуации, которая была очевидной с точки зрения требований процессуального законодательства и профессиональной этики, в сочетании с длительным профессиональным стажем адвоката М. свидетельствуют о том, что он при осуществлении профессиональной деятельности преследует цели, чуждые профессиональному назначению и профессиональному долгу адвоката, а также достоинству профессии. Профессиональное поведение адвоката М. нанесло существенный вред авторитету адвокатуры и доверию к ней, а между тем на адвокатуру возложено исполнение публично-правовой функции по обеспечению конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь. Эта функция может реализовываться надлежащим образом лишь в условиях независимости адвоката от дознавателей, следователей и судов (судей) и убежденности в этом доверителей.

Совет также исходит из своей приверженности защите признанного в Российской Федерации авторитета московской адвокатуры, который подразумевает самые высокие профессионально-этические стандарты адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных проступков.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведе-

ние адвоката М. недопустимым и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

То обстоятельство, что ранее адвокат М., имеющий длительный профессиональный стаж, к дисциплинарной ответственности не привлекался, Совет также принимает во внимание, но не находит возможности применения к адвокату М. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление М. в составе адвокатского сообщества могло бы создать ложное представление о совместимости профессионального поведения, основанного на демонстративном игнорировании фундаментальных и обязательных профессионально-этических требований, со статусом адвоката.

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которого он является, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При определении в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срока, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет учитывает всю совокупность установленных и описанных выше обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности М., и считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к адвокатуре; в любой ситуации адвокат обязан избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней; честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнение профессиональных обязан-

ностей перед доверителем Г., выразившееся в принятии им в отсутствие Г. и в условиях нарушения права последнего на свободный выбор защитника участия 10 апреля 2025 г. в проведении процессуальных действий по уголовному делу – избрании заявителю меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и предъявлении обвинения, производство которых заочно, т.е. в отсутствие лица, привлекаемого к уголовной ответственности, было недопустимо.

Установить срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 1 (один) год.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе Г. от 22 апреля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.5. Адвокат отказался от осуществления защиты доверителя по уголовному делу, за что получил предупреждение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя заявителя Ш. – Ш.И. и адвоката Б. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ш. от 30 мая 2025 г. в отношении адвоката Б.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 6 п. 4 ст. 6, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с ч. 7 ст. 49 УПК РФ, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокатом Б. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ш., что выразилось в отказе от осуществления его защиты по уголовному делу по обвинению Д., Е., Н., Ш. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, рассматриваемому Т. районным судом Тамбовской области, начиная со 02 мая 2024 г.;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по жалобе Ш., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен. Вину в установленном Квалификационной комиссией дисциплинарном проступке признал. До заседания Совета от адвоката Б. поступило письменное заявление аналогичного содержания, в котором последний просил учесть, что своим проступком он никаким образом не умалил авторитет адвокатуры, не опорочил честь и достоинство адвоката Адвокатской палаты города Москвы. Просил также принять во внимание недобросовестное поведение заявителя.

Заявитель Ш., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, обеспечил участие представителя – Ш.И., которая в заседании Совета пояснила, что с Заключением Квалификационной комиссии она и Ш. ознакомлены и согласны. Полагает, что

с учетом тяжести совершенного адвокатом Б. дисциплинарного проступка, связанного с оставлением доверителя без защиты, в отношении данного адвоката необходимо применить меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося заявителя.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

25 августа 2023 г. в Т. районный суд Тамбовской области поступило уголовное дело по обвинению Д., Е., Н., Ш. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Уголовному делу был присвоен номер…

Между адвокатом Б., осуществляющим свою деятельность в Московской коллегии адвокатов «…», и Ш.К. было заключено Соглашение на оказание правовой помощи № … датированное 01 сентября 2023 г.

В соответствии с п. 1 Соглашения адвокат Б. принял на себя обязательства «по оказанию правовой помощи отцу Доверителя Ш., в отношении которого возбуждено уголовное дело и передано для рассмотрения в Т. районный суд по признакам преступления, ответственность за которое наступает п. ‘‘б’’ ч. 3 ст. 163 УК РФ, для чего:

– консультировать Доверителя и Ш. по предмету Соглашения;

– защищать Ш. в рамках уголовного дела № … находящегося в производстве Т. районного суда Тамбовской области».

Пунктом 4.1 Соглашения предусмотрено вознаграждение адвоката Б. в размере …руб. ежемесячно.

Адвокат Б. вступил в указанное уголовное дело в качестве защитника подсудимого Ш., предъявив удостоверение адвоката и ордер от 23 августа 2023 г., в графе «основание выдачи» которого было указано «дог. № … от 02.09.2023».

По 07 мая 2024 г. включительно по упомянутому уголовному делу состоялись судебные заседания в следующие даты: 15, 21, 25 сентября, 03, 05, 23, 27 октября, 03, 07, 24 ноября, 07, 14, 21 декабря 2023 г., 23, 24, 30 января, 01, 07, 16, 21 февраля, 01, 05, 14, 19, 28 марта, 27 апреля и 07 мая 2024 г.

Адвокат Б. принимал участие в судебных заседаниях 21 и 25 сентября, 03, 05, 23 и 27 октября, 03 и 07 ноября, 07, 14 и 21 декабря 2023 г., 23 января, 07 и 16 февраля 2024 г.

Защиту Ш. по указанному уголовному делу на основании соглашений также осуществляли адвокаты П. и Ч., с участием которых с согласия подсудимого проводились судебные заседания при неявке в них адвоката Б.

Кроме того, адвокат Б. в период с 24 августа 2023 г. по 28 февраля 2024 г. неоднократно посещал Ш. в ФКУ СИЗО… УФСИН России по Тамбовской области.

После 16 февраля 2024 г. адвокат Б. участия в судебных заседаниях по указанному уголовному делу не принимал, а после 28 февраля 2024 г. не посещал Ш. в следственном изоляторе. Сведений об оказании адвокатом Б. иной юридической помощи Ш. после 28 февраля 2024 г. в материалах дисциплинарного производства не содержится.

02 мая 2024 г. адвокат Б. направил доверителю Ш.К. по электронной почте

уведомление о расторжении вышеуказанного соглашения в одностороннем порядке.

Решением Т. районного суда Тамбовской области от 03 марта 2025 г. были частично удовлетворены исковые требования адвоката Б. к Ш.К., взыскано с последнего в пользу Б. …рублей за период работы по соглашению на защиту Ш. с сентября 2023 г. по март 2024 г. включительно. Апелляционным постановлением Т. областного суда от 30 июля 2025 г. указанное решение изменено в части взысканной суммы по договору (снижена взысканная сумма до …руб.).

Заявитель Ш. выдвигает в отношении адвоката Б. дисциплинарные обвинения в том, что он:

– выборочно участвовал в судебных заседаниях по делу;

– самовольно прекратил осуществление его защиты с 02 мая 2024 г.;

– подделал в ордере подпись председателя коллегии адвокатов и участвовал в судебных заседаниях по поддельному ордеру;

– получил от Ш.К. излишнюю сумму денежных средств при обращении к журналисту С.

Адвокат Б. в ходе дисциплинарного производства выдвинутые в отношении него дисциплинарные обвинения первоначально отрицал. Ссылался на то, что со Ш.К. была достигнута договоренность о том, что он будет приезжать в судебные заседания по мере необходимости. С Ш. адвокат Б. договорился о том, что его отсутствие в судебных заседаниях и отсутствие со стороны суда проверки возможности проведения судебного заседания без его участия будет являться процессуальным нарушением, которое в дальнейшем, в случае обвинительного приговора, повлияет на результаты рассмотрения апелляционной жалобы. 24 марта 2024 г. адвокат Б. узнал от Ш.К., что в дело вступает еще один защитник по соглашению – адвокат Адвокатской палаты города Москвы Ч. К этому времени адвокат Б. «серьезно» заболел, вознаграждения по соглашению не получал, был не нужен Ш. как защитник, поэтому принял решение расторгнуть соглашение, о чем сообщил Ш.К. Через адвоката П. адвокат Б. передал Ш., что не сможет осуществлять его защиту в связи с болезнью. Уведомление об одностороннем расторжении соглашения он направил Ш.К. в связи с тем, что оплата по соглашению не осуществлялась. После ознакомления с Заключением Квалификационной комиссии адвокат Б. с дисциплинарным проступком, выявленным Квалификационной комиссией, согласился. Признал, что соглашение об оказании юридической помощи не предусматривало возможности его одностороннего расторжения в связи с неоплатой, просил учесть, тем не менее, факт указанного ненадлежащего исполнения своих обязательств доверителем.

Давая оценку выдвинутому дисциплинарному обвинению в неявке адвоката Б. в судебные заседания, Совет учитывает, что, как установлено в ходе дисциплинарного разбирательства, адвокат Б. в период с 15 сентября 2023 г. по 27 апреля 2024 г. не явился в судебные заседания в следующие даты: 15 сентября и 24 ноября 2023 г., 24 и 30 января, 01 и 21 февраля, 01, 05, 14, 19 и 28 марта, 27 апреля 2024 г. В указанных заседаниях защиту Ш. осуществляли адвокаты П. и Ч., а подсудимый Ш. всякий раз не возражал против проведения судебного заседания в отсутствие неявившегося адвоката Б. с участием других защитников.

Несмотря на ссылки адвоката Б. на неоплату доверителем причитающегося ему вознаграждения по соглашению об оказании юридической помощи, под-

твержденную указанным выше вступившим в законную силу судебным решением, названное обстоятельство само по себе, при наличии нерасторгнутого соглашения, не позволяло адвокату Б. не исполнять свои профессиональные обязанности перед доверителем и не являться в указанные судебные заседания.

Не являются, по мнению Совета, обстоятельством, указывающим на отсутствие необходимости явки адвоката Б. в судебные заседания, ссылки последнего на наличие у Ш. других защитников, а также на то, что Ш. не возражал против проведения судебных заседаний в отсутствие адвоката Б., а Ш.К. доводила до его сведения, когда ему следует являться в судебные заседания, и приобретала ему билеты, при этом неявка адвоката Б. в судебные заседания и невыяснение судом возможности проведения судебного заседания в его отсутствие являлись процессуальным нарушением, которое в дальнейшем, в случае обвинительного приговора, повлияло бы при рассмотрении апелляционной жалобы.

Совет, давая оценку названным доводам адвоката Б., отмечает, что в соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

Таким образом, именно лицо, привлеченное к уголовной ответственности, принимает решение о численном составе защитников, которые, по его мнению, должны оказывать ему юридическую помощь с учетом сложности уголовного дела и иных значимых для него обстоятельств.

Согласно п. 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее – Стандарт) (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2017. № 2 (57). С. 140–142), защитник участвует в следственных и процессуальных действиях, проводимых с участием подзащитного либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также в судебных заседаниях по уголовному делу, за исключением случаев, когда такое участие не является обязательным в силу закона и отсутствия просьбы подзащитного.

Заключенное между адвокатом Б. и Ш.К. соглашение на защиту Ш. предусматривало осуществление защиты последнего по уголовному делу, находящемуся в производстве упомянутого районного суда, при этом положений о том, что адвокат Б. как защитник Ш. оказывает ему лишь вспомогательную юридическую помощь, не предусматривающую вступление адвоката Б. в уголовное дело в качестве защитника Ш., либо предусматривает участие адвоката только в обособленных и факультативных судебных процедурах, указанное соглашение не содержит.

В этой связи, учитывая содержание предмета заключенного соглашения, адвокат Б., по общему правилу, был обязан принимать участие во всех без исключения судебных заседаниях по делу. Вопросы же распределения обязанностей между защитниками подлежали разрешению с учетом воли доверителя, являющегося получателем юридической помощи, исходя из принципов разумности, добросовестности, а также достаточности прилагаемых ими усилий для соблюдения универсальных требований об активном и своевременном исполнении профессиональных обязанностей адвоката в объеме, определенном со-

глашением об оказании юридической помощи и Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. Однако доказательств согласования с доверителем Ш. вопросов, связанных с возможностью своей неявки в какие-либо судебные заседания, адвокатом Б. не представлено, а переписка с доверителем Ш.К. таким доказательством не является, поскольку Ш.К. не являлась получателем юридической помощи, а следовательно, не была наделена правом решать вопросы о явке (неявке) адвоката Б. в судебные заседания.

Отсутствие возражений со стороны Ш. проводить судебные заседания с участием другого защитника в условиях неявки в них адвоката Б. также не может являться достаточным доказательством достижения между подсудимым и адвокатом соответствующей договоренности, так как согласно абз. 4 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», когда защиту обвиняемого осуществляют несколько приглашенных им адвокатов, неявка кого-либо из них при надлежащем уведомлении о дате, времени и месте судебного разбирательства не препятствует его проведению при участии хотя бы одного из адвокатов. В этой связи несогласие подсудимого Ш. с проведением судебного заседания в отсутствие адвоката Б. в любом случае не могло повлиять на решение суда о его проведении, поэтому заявлять об этом было бессмысленно.

По этой же причине Советом не принимаются доводы адвоката Б. о том, что рассмотрение уголовного дела в его отсутствие будет являться процессуальным нарушением.

При таких обстоятельствах Совет признает доказанным волеизъявление доверителя Ш. на участие адвоката Б. в качестве его защитника во всех судебных заседаниях, поскольку оно следует как из предмета поручения, сформулированного в соглашении на его защиту, так и из приведенных выше норм законодательства и профессиональной этики адвоката. По этой причине Совет полагает необходимым дать оценку уважительности причин неявки адвоката Б. в каждое конкретное заседание.

По утверждениям адвоката Б., судебные заседания 15 сентября и 24 ноября 2023 г. не состоялись, так как были отменены судом. При этом из имеющегося в материалах дисциплинарного производства протокола судебного заседания усматривается, что:

– 15 сентября 2023 г. состоялось судебное заседание, однако, помимо адвоката Б., в него не явились подсудимые Ш. и Е., и судебное заседание было отложено на 21 сентября 2023 г.;

– 24 ноября 2023 г. состоялось судебное заседание, однако, помимо адвоката Б., в него не явились адвокаты З., П., П., А., подсудимые Ш., Е., Н., Д. При этом председательствующий сообщил, что судебное заседание не может быть продолжено ввиду того, что подсудимый Ш. заболел, и согласно предварительной информации не сможет принимать участие в судебных заседаниях по 01 декабря 2023 г. включительно.

С учетом данных обстоятельств Совет соглашается с доводами адвоката Б. и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части.

Оценивая обстоятельства неявки адвоката Б. в судебные заседания 24 и 30 января 2024 г., в ходе которых защиту подсудимого Ш. осуществлял адвокат П., а сам Ш. не возражал против проведения заседаний в отсутствие адвоката Б., Совет учитывает, что согласно имеющейся в материалах дисципли-

нарного производства копии выписки из медицинской карты амбулаторного больного в период с 24 по 30 января 2024 г. адвокат Б. находился на лечении в медицинском учреждении в связи с заболеванием, что является уважительной причиной неявки в судебные заседания. Это же относится и к неявке адвоката Б. в судебные заседания 01 и 21 февраля, 01, 05, 14, 19 и 28 марта, 27 апреля 2024 г.

Совет отмечает, что право на жизнь и охрану здоровья является фундаментальным и неотчуждаемым конституционным правом человека, не подлежащим ограничению, поэтому осуществление адвокатами профессиональной деятельности в условиях, создающих угрозу их жизни и здоровью, недопустимо. С учетом этого Совет полагает, что адвокат Б., находясь на лечении, а впоследствии под медицинским наблюдением после проведенного лечения и заботясь о своем состоянии здоровья, имел право самостоятельно принимать решение о возможности или невозможности явки в судебное заседание в конкретный день.

Таким образом, до расторжения адвокатом Б. в одностороннем порядке соглашения на защиту Ш. его неявки в судебные заседания при описанных обстоятельствах были обусловлены уважительными причинами.

Рассматривая доводы жалобы о том, что адвокат Б. подделал в ордере подпись председателя коллегии адвокатов и выступал в суде по поддельному ордеру, Совет отмечает, что факт выдачи адвокатским образованием адвокату Б. ордера на осуществление защиты Ш. подтверждается письмом Московской коллегии адвокатов «…» от 10 июля 2024 г. Указание же в графе «основание выдачи ордера» на несуществующее соглашение к каким-либо неблагоприятным последствиям для заявителя не привело.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части.

Давая оценку доводам жалобы Ш. о получении адвокатом Б. от Ш.К. излишней суммы денежных средств при обращении к журналисту С. «для получения положительного исхода уголовного дела», Совет отмечает, что согласно Разъяснению Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденному Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 г. (Протокол № 3) и опубликованному на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://www.fparf.ru>, компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ. Оценка указанных обстоятельствах в рамках дисциплинарного разбирательства к компетенции органов адвокатского самоуправления не относится.

Рассматривая доводы жалобы о том, что адвокат Б. в одностороннем порядке

с 02 мая 2024 г. отказался от исполнения заключенного соглашения на защиту Ш. и самоустранился от осуществления его защиты по уголовному делу, Совет отмечает, что в соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства.

Согласно ч. 7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты.

Согласно п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда.

Согласно п. 17 Стандарта адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов.

Как указано в Разъяснении Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката от 06 декабря 2022 г., утвержденном Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г., Протокол № 18:

«Адвокат, принявший по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда (пункт 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката)...

Закрепленное в пункте 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката общее правило о запрете на отказ от защиты проистекает из необходимости обеспечения перечисленных конституционных ценностей, а также из публично-правового характера адвокатской деятельности и взаимосвязано с частью 7 статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и с подпунктом 6 пункта 4 статьи 6 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”.

...Адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем (пункт 1 статьи 25 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”).

В случае, когда адвокат в соответствии с соглашением принимает на себя обязанность осуществлять защиту лица по уголовному делу, именно указанное соглашение является основанием оказания подзащитному соответствующей юридической помощи (пункт 1 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20 апреля 2017 г.). В совокупности с установленным в пункте 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката регулированием института отказа от защиты по уголовному делу это означает, что адвокат не вправе отказаться

от такой защиты при наличии действующего (не расторгнутого в установленном порядке) соглашения.

Подобное регулирование обусловлено не только публично-правовым характером адвокатской деятельности, но и тем, что квалифицированной стороной отношений доверителя и адвоката является именно последний. Принося присягу, претендент, сдавший квалификационный экзамен, принимает на себя ответственность за выполнение обязанностей адвоката и соблюдение правил поведения, установленных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката (пункт 2.1 статьи 4 Кодекса профессиональной этики адвоката). Заключая соглашение об осуществлении защиты по уголовному делу, адвокат должен руководствоваться пунктом 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При этом ни норма пункта 2 статьи 13, ни иные положения Кодекса профессиональной этики адвоката не содержат указания на то, что неисполнение (ненадлежащее исполнение) доверителем или иным лицом обязанности по выплате адвокату вознаграждения за осуществление защиты по уголовному делу при наличии действующего (не расторгнутого в установленном порядке) соглашения наделяет адвоката правом отказаться от защиты.

Вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными Федеральным законом ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’ (п. 2 ст. 25 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’).

Законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекс профессиональной этики адвоката не содержат прямого запрета на включение в соглашение об осуществлении защиты по уголовному делу условия о праве адвоката на односторонний отказ от такого соглашения (от его исполнения) в случае невыплаты адвокату вознаграждения либо условия о том, что невыплата вознаграждения доверителем рассматривается сторонами в качестве отказа последнего от дальнейшего исполнения соглашения.

Определяя нормативную возможность одностороннего отказа от исполнения соглашения об осуществлении защиты по уголовному делу, адвокат должен во всяком случае руководствоваться требованиями разумности и добросовестности, предъявляемыми п. 4 ст. 450.1 Гражданского кодекса РФ и подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’...

Гражданско-правовая природа соглашения об осуществлении защиты по уголовному делу не исключает включение сторонами в указанное соглашение условия о праве отказаться от исполнения обязательств по соглашению (в одностороннем порядке отказаться от соглашения) в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) другой стороной обязанности по выплате адвокату вознаграждения. С учетом очевидно различного уровня юридической квалификации указанное выше условие должно быть отдельно и особо разъяснено доверителю» (Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Это Разъяснение принято органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции и подлежит безусловному исполнению адвокатами в со-

ответствии с требованиями подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б. объясняет свой отказ от исполнения Соглашения на оказание правовой помощи от 01 сентября 2023 г. № … неисполнением доверителем Ш.К. обязательств по оплате его труда, ссылаясь при этом на вступившее в законную силу судебное решение по иску Б. к Ш.К. Указанные доводы защитительной позиции адвоката Б. заявителем Ш. не опровергнуты. Вместе с тем из содержания соглашения на защиту Ш. усматривается, что в нем отсутствует положение о праве адвоката Б. на односторонний отказ от заключенного соглашения (от его исполнения) в случае невыплаты ему вознаграждения либо условие о том, что невыплата вознаграждения доверителем Ш.К. рассматривается сторонами соглашения в качестве отказа доверителя Ш.К. от дальнейшего исполнения соглашения.

Пункт 5.4 соглашения, согласно которому «в случае добросовестного исполнения Поверенным своих обязанностей и нарушений со стороны Доверителя либо Ш. условий настоящего Соглашения, Поверенный вправе расторгнуть настоящее Соглашение без возврата денежных средств, выплаченных Доверителем Поверенному», не может быть признан Советом в качестве такого условия, поскольку содержит неясные формулировки.

При этом Совет также отмечает, что данное соглашение имеет своим предметом оказание юридической помощи не Ш.К., а назначенному ею лицу – Ш., а согласно п. 2 ст. 430 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору, стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

Положения, которое позволяло бы сторонам соглашения расторгнуть его без согласия Ш., Соглашение на оказание правовой помощи от 01 сентября 2023 г. № … также не содержит.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что у адвоката Б. отсутствовали законные основания для одностороннего отказа от исполнения соглашения на оказание правовой помощи, и приходит к выводу о неисполнении адвокатом Б. профессиональных обязанностей перед доверителем Ш., что выразилось в отказе от осуществления его защиты при описанных обстоятельствах.

То обстоятельство, что в момент отказа адвоката Б. от осуществления защиты подсудимого Ш. защиту последнего осуществляли еще два адвоката по соглашению, на указанный вывод не влияет по причинам, изложенным выше.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Б. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет длительный стаж адвокатской деятельности, вину в дисциплинарном проступке признал, обязался пересмотреть свое отношение к исполнению профессиональных обязанностей. Вместе с тем Совет учитывает грубый характер допущенного адвокатом Б. нарушения, свидетельствующий об умышленном игнорировании им норм профессиональной этики и недобросовестном отношении к доверителю.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к ад-

вокату Б. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Б. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за неисполнение, вопреки предписаниям подп. 6 п. 4 ст. 6, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с ч. 7 ст. 49 УПК РФ, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., профессиональных обязанностей перед доверителем Ш., выразившееся в отказе от осуществления его защиты по уголовному делу № … по обвинению Д., Е., Н., Ш. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, рассматриваемому Т. районным судом Тамбовской области, начиная с 02 мая 2024 г.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по жалобе Ш., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.6. Совет прекратил статус адвоката в связи с тем, что он подписал протокол задержания доверителя, при котором не присутствовал, принял участие в следственных действиях до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания доверителя и не заявил ходатайств об истребовании сведений, подтверждающих его алиби.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката В., его представителя – адвоката В.Л., заявителя – адвоката М. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Б. от 27 марта 2025 г. и адвоката М. от 26 августа 2025 г. в отношении адвоката В.

Квалификационная комиссия 8 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившемся в принятии им 4 февраля 2024 г. участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу в проведении допроса Б. в качестве подозреваемой, который был окончен в 04.00 час., очной ставки между Б. и Т.У. в период с 04.05 час. по 04.40 час., проверке показаний на месте в период с 05.26 час. по 05.56 час., привлечении Б. в качестве обвиняемой в 06.30 час., допросе Б. в качестве обвиняемой в период с 06.35 час. по 06.55 час., в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания Б.;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к адвокатуре; в любой ситуации адвокат обязан избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней; честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, участвуя в судопроизводстве адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнении адвокатом В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившемся в том, что он, не присутствуя при ее задержании в 03.05 час. 4 февраля 2024 г., подписал протокол задержания Б.; не присутствуя при начале ее допроса в качестве подозреваемой в 03.10 час. 4 февраля 2024 г. и игнорируя нарушение следователем требований ч. 2 ст. 190 УПК РФ при производстве допроса Б., подписал соответствующий протокол, не внеся в него каких-либо замечаний;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), что выразилось в неисполнении адвокатом В. обязанности по обеспечению подозреваемой Б. возможности реализовать ее право иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально до первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ); в неисполнении обязанности потребовать от следователя Т. МРСО СУ по …ГСУ СК России по г. Москве Ж. предоставления подозреваемой Б. свидания наедине с адвокатом и несовершение всех последующих действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы № 2 от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» (заявление о невозможности осуществлять защиту; обжалование действий (бездействия) следователя прокурору или в суд);

4) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнении адвокатом В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившемся в том, что 25 апреля 2024 г. при ознакомлении с материалами уголовного дела совместно с подзащитной адвокат В. не проверил правильность указания следователем Т. МРСО СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве Д. времени начала и окончания ознакомления адвоката В. и Б. с материалами уголовного дела в протоколе данного процессуального действия;

5) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального

закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 12 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнении адвокатом В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившемся в том, что 25 апреля 2024 г. адвокат В., ознакомившись с материалами уголовного дела, не заявил ходатайств об истребовании сведений, подтверждающих алиби Б., перечень которых был указан в поданных ею ходатайствах;

6) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по жалобе Б. от 27 марта 2025 г. и жалобе адвоката М. от 26 августа 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель – адвокат М., действующая также от имени заявителя Б., содержащейся под стражей, в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласилась с его выводами. В соответствии с позицией ее доверительницы Б. просила применить к адвокату В. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, учитывая сложившуюся из-за привлечения к уголовной ответственности жизненную ситуацию Б., которая была разлучена со своими четырьмя детьми и при этом не совершила никакого преступления. Сослалась также на допущенный ее подзащитной, не владеющей русским языком, самооговор под влиянием Т.У., выразившийся в признании вины в инкриминированном преступлении, пострадавшим в котором являлся ее малолетний ребенок. При этом адвокат В. никакой помощи Б. не оказал даже после ее заявления о наличии алиби и просьбы о его проверке.

Адвокат В. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласился с его выводами, признал вину в установленных Комиссией нарушениях. Сообщил, что в день задержания Б. был убежден в искренности признания ею вины в инкриминированном преступлении, просил не лишать его статуса адвоката, сославшись на маленький размер пенсии и свое желание продолжать оказывать юридическую помощь людям. Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердил, что ни разу не посещал Б. в следственном изоляторе, а беседовал с ней только в зале суда перед началом судебных заседаний о продлении срока содержания под стражей. При ознакомлении с материалами дела не поддержал заявленное Б. ходатайство об истребовании доказательств, подтверждающих ее алиби, и сам не заявил аналогичное ходатайство, предполагая это сделать в суде.

Представитель адвоката В. – адвокат В.Л. в заседании Совета подтвердила, что ее муж – адвокат В. после первоначального непризнания своих нарушений позднее согласился с ними и раскаивается. Просила учесть его возраст, лично ручалась за то, что он не совершит подобного впредь, а также подтвердила, что доход В. от адвокатской деятельности очень важен для их семьи, поскольку размер пенсий недостаточен.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но с ее выводами соглашается частич-

но и полагает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

Против адвоката В. заявителями выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в незаконном участии в следственных действиях в качестве назначенного в порядке ст. 51 УПК РФ защитника Б. до истечения 24 часов с момента ее фактического задержания;

– в неисполнении обязанности обеспечить право Б. на конфиденциальное свидание с защитником до начала следственных действий и несовершении всех последующих действий в случае непредоставления следователем конфиденциального свидания с защитником – заявления о невозможности своего участия в деле и обжалования действий следователя;

– в подписании протокола ознакомления Б. с материалами уголовного дела при отсутствии фактического ее ознакомления с ними;

– в неисполнении профессиональных обязанностей, выразившемся в непроведении проверки правильности указания времени процессуального действия в протоколе окончания ознакомления с материалами уголовного дела;

– в неподдержании заявленных Б. ходатайств об истребовании сведений, подтверждающих ее алиби, и незаявлении самостоятельных ходатайств об этом;

– в игнорировании несоответствия фактической позиции Б. ее показаниям, зафиксированным в протоколах, вследствие оказания на нее давления Т.У. перед дачей ею показаний;

– в неразъяснении Б. права отказаться от участия в следственных действиях в ночное время;

– в пассивном поведении в ходе допросов Б., что выразилось в непостановке адвокатом самостоятельных вопросов ей;

– в подписании протоколов задержания Б. в порядке ст. 91 УПК РФ, протоколов ее допросов в качестве подозреваемой и обвиняемой, очной ставки с Т.У., изготовленных до его прибытия к следователю.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 3 февраля 2024 г. в Т. МРСО СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве зарегистрирован рапорт об обнаружении признаков преступления по факту причинения телесных повреждений малолетнему Б.Б. В ходе доследственной проверки от матери пострадавшего ребенка – Б., не владеющей русским языком, были получены признательные объяснения, составленные на русском языке, при этом информации об участии переводчика и адвоката при получении от нее этих объяснений в соответствующем протоколе не имеется. В тот же день, в 23.55 час., следователем Ж. в отношении Б. возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Заявка следователя Ж. в АИС АПМ от 4 февраля 2024 г. о назначении защитника подозреваемой Б. была принята 4 февраля 2024 г., в 02.52 час., и в 02.57 час. распределена адвокату В., который вступил в уголовное дело на основании ордера от 4 февраля 2024 г. № … выданного его адвокатским кабинетом, расположенным в городе Х., с адресом для корреспонденции…

Б. задержана в порядке ст. 91 УПК РФ 4 февраля 2024 г., в 03.05 час., о чем составлен протокол, в котором указано о его составлении с участием адвоката В., о несогласии Б. с задержанием, о ее нежелании уведомлять кого-либо о своем задержании. Информация о номере ордера адвоката в протоколе задержания вписана от руки.

В период с 03.10 час. по 04.00 час. 4 февраля 2024 г. Б. была допрошена в качестве подозреваемой с участием

переводчика М.М. и защитника – адвоката В. В протоколе допроса номер ордера адвоката также вписан от руки. Далее, с 04.05 час. по 04.40 час., с участием тех же лиц следователем проведена очная ставка между подозреваемой Б. и свидетелем Т.У., с 05.26 час. по 05.56 час. – проверка показаний Б. на месте, в 06.30 час. Б. предъявлено обвинение, текст которого прочитан переводчиком М.М., с 06.35 час. по 06.55 час. Б. допрошена в качестве обвиняемой. В протоколе допроса, составленном с участием адвоката В., она указала, что обвинение ей понятно, и она признает себя виновной полностью.

5 февраля 2024 г. судом в отношении Б. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Позднее на стадии предварительного следствия Б. заявила два ходатайства о производстве следственных действий, направленных на проверку ее алиби, а именно нахождения в другом месте в момент совершения вмененных ей противоправных действий в отношении ребенка. В удовлетворении этих ходатайств следователь отказал со ссылкой на то, что они составлены на русском языке, которым Б. не владеет, а также на то, что ранее она дала признательные показания.

25 апреля 2024 г. в ФКУ СИЗО… ГУФСИН России по г. Москве с участием адвоката В. и переводчика М.М. Б. предъявлено обвинение, с 11.40 час. по 12.00 час. она допрошена в качестве обвиняемой, с 12.10 час. по 12.25 час. Б. и адвокат В. уведомлены об окончании предварительного следствия и ознакомлены с материалами уголовного дела с составлением соответствующего протокола. При этом согласно справке следственного изолятора 25 апреля 2024 г. адвокат В. завершил работу с Б. в 12.15 час., а следователь и переводчик – в 12.20 час.

Уголовное дело в отношении Б. зарегистрировано 13 мая 2024 г. в Т. районном суде г. Москвы, где ее защиту осуществляла адвокат М.Р.

Переходя к оценке выдвинутых против адвоката В. дисциплинарных обвинений, Совет учитывает следующее.

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 г. № 9 «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указано, что адвокат, назначенный защитником задержанного подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, обвиняемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника, кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок.

Согласно подп. «а» и «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу, разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению.

Вопреки этим обязательным требованиям адвокат В., в отсутствие на

то законных оснований, до истечения 24 часов с момента фактического задержания Б., 4 февраля 2024 г. принял участие в производстве следственных и иных процессуальных действий, не только не располагая достоверными сведениями о том, что в указанный срок не явится приглашенный защитник Б., но даже не выясняя это обстоятельство.

Наличие заявления Б. на русском языке, которым она не владеет, о согласии на осуществление ее защиты адвокатом В. ни в коей мере не освобождало его от исполнения приведенных выше обязательных требований и поэтому не свидетельствовало о наличии законных оснований для его участия в следственных действиях в качестве назначенного защитника Б. до истечения 24-часового срока с момента ее фактического задержания.

Учитывая, что в составлении протокола задержания Б. в порядке ст. 91 УПК РФ 4 февраля 2024 г. адвокат В. участия не принимал (что он подтвердил в заседании Совета), он незаконно подписал его, что создало видимость выполнения требований ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ об обязательном участии защитника. Тем самым адвокат В. нарушил требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о допущенном адвокатом В. нарушении, выразившемся в его неучастии 4 февраля 2024 г. в «начале допроса» подозреваемой Б., сопровождавшегося нарушением требований ч. 2 ст. 190 УПК РФ, и в подписании соответствующего протокола без внесения в него заявлений и замечаний. Совет прежде всего отмечает, что этот обвинительный вывод сформулирован неконкретно, без связи с определенными действиями, совершаемыми в ходе допроса: объявлением о производимом следственном действии, установлением личности и внесением в протокол допроса анкетных данных допрашиваемого лица, разъяснением ему процессуальных прав, выяснением отношения к существу подозрения, выслушиванием его показаний, получением ответов на вопросы и их внесением в протокол допроса. В такой декларативной формулировке состав дисциплинарного проступка не может быть признан установленным и доказанным. По этой причине сообщенная адвокатом В. в заседании Совета информация о том, что, возможно, в самом начале допроса подозреваемой Б. 4 февраля 2024 г. его еще действительно не было, не влияет на этот вывод Совета.

Кроме того, свой вывод о неконкретизированном неучастии адвоката в «начале допроса» подозреваемой Б. Квалификационная комиссия основывала лишь на том, что номер ордера адвоката был указан в протоколе допроса рукописным способом, в то время как в остальной части этот протокол выполнен машинописным способом. Однако это обстоятельство само по себе не свидетельствует об отсутствии адвоката В. при производстве следственного действия, поскольку рукописное указание номера ордера могло иметь различные причины. При этом, как указано выше, Квалификационная комиссия в рамках другого дисциплинарного нарушения признала установленным и указала в заключении, что адвокат В. в отсутствие законных оснований участвовал в этом же допросе Б. в качестве подозреваемой до истечения 24-часового срока с момента ее фактического задержания.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым исключить из формулировки дисциплинарного об-

винения указания на неучастие адвоката В. «в начале допроса» подозреваемой Б., о подписании им протокола этого допроса без замечаний, а также о нарушении этими действиями предписаний п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу, что адвокат В., приступив сразу после своего приезда к следователю к участию в следственных действиях, не провел 4 февраля 2024 г. свидание с доверителем Б. наедине в условиях конфиденциальности, т.е. не исполнил минимальный стандарт оказания квалифицированной юридической помощи при осуществлении защиты по уголовному делу. В нарушение Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. № 2 «Об участии в делах по назначению» адвокат В. не совершил и все последующие действия, а именно: не заявил о невозможности осуществлять защиту, не обжаловал действия (бездействие) следователя прокурору или в суд, что свидетельствует о ненадлежащем исполнении им профессиональных обязанностей перед доверителем.

Совет также признает обоснованным дисциплинарное обвинение в том, что 25 апреля 2024 г., при ознакомлении с материалами уголовного дела совместно с подзащитной Б. и с участием переводчика, адвокат В. не проверил правильность указания следователем времени начала и окончания этого процессуального действия в соответствующем протоколе.

Согласно протоколу ознакомления с материалами уголовного дела оно проходило в ФКУ СИЗО… ГУФСИН России по г. Москве в период с 12.30 час. до 13.10 час. 25 апреля 2024 г. Однако согласно справке следственного изолятора адвокат В. завершил работу с Б. в 12.15 час., а следователь и переводчик – в 12.20 час.

В соответствии с предписаниями Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве в процессе осуществления защиты адвокат оказывает подзащитному помощь в ознакомлении с материалами дела (подп. «б» п. 8 Стандарта), использует иные средства и способы защиты, не запрещенные законодательством (подп. «в» п. 8 Стандарта), по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного (п. 9 Стандарта). Адвокат должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания (п. 10 Стандарта).

Учитывая, что достоверное указание даты и времени совершения следственных и иных процессуальных действий имеет существенное значение для защиты прав и законных интересов доверителя, адвокат В. должен был проявить разумную осмотрительность и убедиться в правильном указании в протоколе времени производства указанного процессуального действия. Однако эту профессиональную обязанность адвокат В. также не исполнил. Его ссылка на отсутствие мобильного телефона, изымаемого при входе в режимную зону следственного изолятора, Советом отклоняется как несостоятельная, поскольку использование именно часов в мобильном телефоне не является единственно возможным способом узнать время. При этом о необходимости сдать мобильный телефон при посещении следственного изолятора адвокату В. было заведомо и достоверно известно.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат В. должен был поддержать заявленные Б. ходатайства об истребовании сведений, подтверждающих ее алиби, и самостоятельно принять меры к их получению, но не сделал ни того, ни другого, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что оно нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства. Кроме того, как указано выше, адвокат В. в заседании Совета признал свое бездействие в этой части. Совет в данной связи подчеркивает, что это недопустимое бездействие адвоката не может быть оправдано ссылками на реализацию какой-либо стратегии и тактики защиты. Более того, поскольку адвокат В. при вступлении в дело не провел конфиденциальное свидание с Б. наедине, а впоследствии не посещал ее в следственном изоляторе вплоть до окончания предварительного следствия, то, узнав о заявляемом ею алиби при ознакомлении с материалами дела, он тем более обязан был безотлагательно предпринять все возможные действия, направленные на проверку и подтверждение этого алиби, включая заявление собственных ходатайств и принятие мер по собиранию доказательств в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Приведенная выше мотивировка отказа следователя в удовлетворении ходатайства Б. об истребовании доказательств, безусловно, обязывала адвоката В. как профессионального советника по правовым вопросам, действующего в интересах своего доверителя, сделать это. В силу п. 12 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, ознакомившись с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ, он должен был заявить собственные ходатайства о дополнении материалов уголовного дела, как это предусмотрено чч. 1, 2 ст. 219 УПК РФ.

Ссылку адвоката В. на то, что Б. к нему с такой просьбой не обращалась, Совет отклоняет как несостоятельную и прямо противоречащую назначению адвоката-защитника. В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, а п. 1 ст. 2 того же федерального закона устанавливает, что адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Участие в уголовном судопроизводстве – наиболее острой сфере судопроизводства, сопряженной с лишением и ограничением свободы, возникновением судимости и другими существенными негативными изменениями в правовом положении доверителей, возлагает на адвоката повышенные требования к правильному осознанию своего профессионального долга и качественному его исполнению.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом В. в данной части допущено умышленное нарушение предписаний подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката В. опровергнутой в части описанных выше дисциплинарных обвинений, а его умышленную вину в совершении этих дисциплинарных нарушений установленной.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией, признавшей недоказанными дисциплинарные обвинения в неучастии адвоката В. 4 февраля 2024 г. при производстве очной ставки между Б. и свидетелем Т.У., предъявлении ей обвинения и допросе в качестве

обвиняемой, а также в том, что он в момент дачи Б. показаний 4 февраля 2024 г. был осведомлен о несоответствии показаний Б., изложенных в протоколах допросов, ее фактической позиции по делу, однако никак на это не реагировал. В Заключении Квалификационной комиссии приведены исчерпывающие обоснования этих выводов, с которыми Совет также соглашается.

Правильно отвергнуты Квалификационной комиссией как надуманные и доводы жалоб о неразъяснении Б. адвокатом В. ее права отказаться от участия в следственных действиях в ночное время, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 164 УПК РФ наличие или отсутствие не терпящих отлагательства случаев, позволяющих проводить следственные действия в ночное время, определяется следователем, а самой Б. было сделано добровольное заявление о том, что она не возражает против производства следственных действий в ночное время.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в формальном участии адвоката В. в следственных действиях, что выражалось в невыполнении им обязанности задавать Б. какие-либо вопросы. Такая обязанность на адвоката-защитника не возложена, а принятие решений о степени активности адвоката при производстве следственных действий относится к вопросам тактического характера, решаемым адвокатом самостоятельно в силу законодательно установленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам. По этой причине дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в вопросы определения тактики работы по делу.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает дисциплинарного проступка в подписании адвокатом В. протокола ознакомления с материалами уголовного дела при, возможно, неполном ознакомлении Б. с материалами уголовного дела, о чем заявляют авторы жалоб. В силу п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК РФ ознакомление с материалами уголовного дела является правом, а не обязанностью обвиняемого, и лишь он сам принимает решение об объеме такого ознакомления и его тщательности. При этом в материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо доказательства того, что Б. вопреки ее воле была ограничена в возможности ознакомления с материалами уголовного дела.

С учетом изложенных обстоятельств Совет приходит к выводу о прекращении в этой части дисциплинарного производства.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката В. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет исходит из следующего. Достоверно установленные в результате дисциплинарного разбирательства и описанные выше обстоятельства свидетельствуют не просто об их грубом, системном и умышленном характере, но о фактическом оставлении адвокатом В. без защиты и какой-либо профессиональной помощи своей доверительницы Б., которая при этом не владеет русским языком и заявила о наличии алиби. Проявленное адвокатом безразличие к положению и судьбе подзащитной в сочетании с умышленным, системным и злостным характером нарушений свидетельствует о том, что адвокат В. при осуществлении адвокатской деятельности игнорирует профессиональные обязанности и обязательные требования к участию адвокатов в качестве защитников, а также преследует цели, чуждые как про-

фессиональному назначению и профессиональному долгу адвоката, так и достоинству профессии.

В этой связи Совет также учитывает, что в ходе дисциплинарного разбирательства адвокат В. занимал позицию полного непризнания каких-либо нарушений в своих действиях, что нашло отражение в его письменных возражениях на поданные заявителями жалобы. Признание вины во всех установленных Квалификационной комиссией нарушениях было сделано адвокатом В. только в заседании Совета, что с учетом его длительного профессионального стажа позволяет рассматривать это признание в качестве реализации защитительной позиции.

Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных проступков.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката В. недопустимым и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

То обстоятельство, что ранее адвокат В., имеющий длительный профессиональный стаж (с 2005 г.), к дисциплинарной ответственности не привлекался, Совет также принимает во внимание, но не находит возможности применения к адвокату В. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление В. в составе адвокатского сообщества могло бы создать ложное представление о совместимости профессионального поведения, основанного на демонстративном игнорировании фундаментальных и обязательных профессионально-этических требований, со статусом адвоката.

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которого он является, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При определении в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срока, по истечении которого В. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет учитывает всю совокупность установленных и описанных выше обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности В., в том числе его возраст и профессиональный стаж, и считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 4, 7,

подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату В. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в участии 4 февраля 2024 г. в качестве защитника по назначению по уголовному делу в проведении допроса Б. в качестве подозреваемой, который был окончен в 04.00 час., очной ставки между Б. и Т.У. с 04.05 час. по 04.40 час., проверке показаний на месте с 05.26 час. по 05.56 час., привлечении Б. в качестве обвиняемой в 06.30 час., допросе Б. в качестве обвиняемой с 06.35 час. по 06.55 час., в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания Б.;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что он, не присутствуя при ее задержании в 03.05 час. 4 февраля 2024 г., подписал протокол задержания Б.;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в неисполнении адвокатом В. обязанности по обеспечению подозреваемой Б. возможности реализовать ее право иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально до первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), в неисполнении обязанности потребовать от следователя Т. МРСО СУ по …ГСУ СК России по г. Москве Ж. предоставления подозреваемой Б. свидания наедине с адвокатом и несовершении всех последующих действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. № 2 «Об участии в делах по назначению» (заявление о невозможности осуществлять защиту; обжалование действий (бездействия) следователя прокурору или в суд);

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом ад-

вокатов 20 апреля 2017 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что 25 апреля 2024 г., при ознакомлении с материалами уголовного дела совместно с подзащитной, он не проверил правильность указания следователем Т. МРСО СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве Д. времени начала и окончания ознакомления адвоката В. и Б. с материалами уголовного дела в протоколе данного процессуального действия;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 12 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что 25 апреля 2024 г. адвокат В., ознакомившись с материалами уголовного дела, не заявил ходатайств об истребовании сведений, подтверждающих алиби Б., перечень которых был указан в поданных ею ходатайствах.

Установить срок, по истечении которого В. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 1 (один) год.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. по жалобе Б. от 27 марта 2025 г. и жалобе адвоката М. от 26 августа 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.7. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав необоснованными дисциплинарные обвинения в неисполнении адвокатом требований к формализации отношений с доверителем, а также в даче им обещания положительного результата по делу, действиях вопреки воле доверителя и злоупотреблении его доверием. Вместе с тем Совет указал на недопустимость фрагментарной защиты и описал алгоритм действий адвоката в случае самооговора доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. от 13 августа 2025 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 8 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе Г. от 13 августа 2025 г., в части доводов о несогласии с размером полученного адвокатом К. вознаграждения, а также требований о его частичном возврате вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе Г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей.

Заявитель Г., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил.

Адвокат К., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении Заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. При этом Совет считает необходимым частично изменить обоснование этих выводов, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

1 июня 2025 г. Г. обратился к адвокату К. за оказанием юридической помощи в уголовном судопроизводстве, а 5 июня 2025 г. перечислил на счет личной банковской карты адвоката К. …руб. 6 июня 2025 года между адвокатом К. и доверителем Г. путем обмена светокопиями в мессенджере *WhatsApp* заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 5 июня 2025 г. № … (далее – Соглашение от 5 июня 2025 г.), предусматривающее в качестве предмета поручения «составление стратегии защиты для Г., Л. и М. для допросов их по уголовному делу…» (п. 1.2.2), за вознаграждение в размере …руб. (п. 4.1), которое может быть выплачено двумя частями с уплатой второй части вознаграждения 10 июня 2025 г. (п. 4.4).

10 июня 2025 г. адвокат К. посредством мессенджера *WhatsApp* направил заявителю Г. письменный анализ материалов дела, в разделе «Выводы» которого в числе прочего было указано: «*На основании законодательства и сложившейся практики приходим к выводу, что в действиях Г. нет состава преступления*» (лист 10 письменного анализа материалов дела). Кроме того, на листе 15 вышеуказанного письменного анализа материалов дела отмечается: «*Вместе с тем есть небольшой риск привлечения Г. по ст. 204.1 ч. 3 УК РФ при следующих условиях: – Если ГА. будет настаивать на том, что он “номинал”, и это будут подтверждать другие свидетели; – Если Л. будет настаивать на том, что Г.А. “номинал”, и это будут подтверждать другие свидетели и какие-то вещественные доказательства; – Если сам Г. даст признательные показания. Соответственно, чтобы уменьшить риски привлечения Г. по ст. 204.1 ч. 3 УК РФ, необходимо следующее: – Составить показания для Л. с минимальными расхождениями с его данными показаниями. <…> – При допросе Г. выдать им подготовленные показания*».

11 июня 2025 года Г. перечислил на счет личной банковской карты адвоката К. …руб.

Не позднее 18 июля 2025 г. между адвокатом К. и доверителем Г. была достигнута устная договоренность о вылете адвоката К. в г. Х. для осуществления защиты Г. в ходе следственных и иных процессуальных действий, запланированных на 20 июля 2025 года. 18 июля 2025 г. по поручению Г. его «доверенное лицо» И. перечислил на счет личной банковской карты адвоката К. …руб.

20 июля 2025 г. между адвокатом К. и доверителем Г. подписано Соглашение об оказании юридической помощи от 18 июля 2025 г. № … (далее – Соглашение от 18 июля 2025 г.), предусматривающее в качестве предмета поручения «*Выезд в город Х. для защиты Г. при следственных действиях по уголовному делу 20 июля 2025 г., при необходимости выезд в город С.* [так указано в соглашении об оказании юридической помощи. Правильно – город Ю-С. – *Примечание Совета*] *для участия в заседании по мере пресечения*» (п. 1.2.2). Пункт 4.1 Соглашения от 18 июля 2025 г. предусматривает выплату адвокату К. вознаграждения за оказание юридической помощи в размере …руб., которое подлежит уплате двумя частями, а именно: …руб. «при подписании Соглашения», а также …руб. в срок до 20 июля 2025 г. (соответственно п. 4.3 и п. 4.4 Соглашения от 18 июля 2025 г.).

20 июля 2025 г. адвокат К. вступил в качестве защитника в уголовное дело, возбужденное 11 июля 2025 г. в отношении Г. постановлением старшего следователя …отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по С. области по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204.1 УК РФ.

В период с 20 по 21 июля 2025 г. Г. с участием адвоката К. был задержан и допрошен в качестве подозреваемого, после чего ему было предъявлено обвинение. 20 июля 2025 г. Г. перечислил на счет личной банковской карты адвоката К. …руб. 21 июля 2025 года Г. отказался от защитника – адвоката К., а 22 июля 2025 г. в отношении него судом была избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий.

23 июля 2025 г. Г. сообщениями в мессенджере *WhatsApp* потребовал от адвоката К. возврата …руб., которые назвал «ошибочно переведенными» перед его задержанием 20 июля 2025 г., а также проинформировал адвоката К., что не получил от него экземпляр соглашения об оказании юридической помощи, и что у него «нет никакого соглашения». 26 июля 2025 г. адвокат К. в мессенджере *WhatsApp* отправил Г. текстовый файл, содержащий Соглашение о расторжении соглашения об оказании юридических услуг от 22 июля 2024 г., которым был предусмотрен возврат доверителю …руб.

28 июля 2025 г. вознаграждение в сумме …руб., полученное адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от 5 июня 2025 г., перечислено на расчетный счет адвокатского образования на основании платежного поручения от 27 июля 2025 г. № … В этот же день адвокат К. посредством мессенджера *WhatsApp* отправил Г. сообщение, содержащее отчет о юридической помощи, оказанной по Соглашению от 18 июля 2025 г.

6 августа 2025 г. адвокат К. посредством мессенджера *WhatsApp* отправил Г. светокопию подписанного адвокатом К. отчета от 6 августа 2025 г. о выполненной юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи от 18 июля 2025 г., а также светокопию подписанного адвокатом К. и доверителем Г. Соглашения от 18 июля 2025 г.

7 августа 2025 г. адвокат К. посредством мессенджера *WhatsApp* отправил Г.:

– квитанцию к приходной кассовой доверенности от 5 июня 2025 г. № … о принятии адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от 5 июня 2025 г. «предоплаты» в размере …руб.;

– квитанцию к приходной кассовой доверенности от 11 июня 2025 г. № … о принятии адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от 5 июня 2025 г. «доплаты» в размере …руб.;

– квитанцию к приходной кассовой доверенности от 18 июля 2025 г. № … о принятии адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от 18 июля 2025 г. «предоплаты» в размере …руб.;

– квитанцию к приходной кассовой доверенности от 20 июля 2025 г. № … о принятии адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от 18 июля 2025 г. «доплаты» в размере …руб.

27 августа 2025 г. вознаграждение в сумме …руб., полученное адвокатом К. от доверителя Г. по Соглашению от 18 июля 2025 г., перечислено на расчетный счет адвокатского образования на основании платежного поручения от 27 августа 2025 г. № …

Заявитель Г. выдвигает в отношении адвоката К. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в оказании юридической помощи по оценке риска привлечения к уголовной ответственности и осуществлению защиты в уголовном судопроизводстве без заключения соглашений об оказании юридической помощи в простой письменной форме;

2) в злоупотреблении доверием, выразившемся:

– в передаче ему на подписание Соглашения от 18 июля 2025 г., «включая акты выполненных работ», при проведении следственных и иных процессуальных действий, проводимых с участием Г. 20 июля 2025 г., которые тот подписывал «с наручниками на руках, не глядя», находясь в паническом и спутанном состоянии сознания и безоговорочно доверяя своему адвокату;

– в «присвоении» ошибочно перечисленных ему Г. 20 июля 2025 г. денежных средств в размере …руб.;

3) в невыдаче экземпляра Соглашения от 18 июля 2025 г.;

4) в обещании положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения Г. к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204.1 УК РФ;

5) в совершении действий вопреки воле доверителя Г. в ходе следственных и иных процессуальных действий 20 июля 2025 г.

Кроме того, заявитель Г. в жалобе выражает несогласие с размером вознаграждения адвоката К., предъявляя требование о его частичном возврате.

В ходе дисциплинарного производства адвокат К. все выдвинутые в отношении него дисциплинарные обвинения последовательно отрицал. Ссылался на то, что оказание юридической помощи Г. осуществлялось на основании заключенного с ним письменного соглашения. Анализ материалов дела проводился на основании устных пояснений и копий документов, полученных от Г. Каких-либо гарантий непривлечения Г. к ответственности он не давал, а выразил свое мнение об отсутствии состава преступления. Подписание соглашения состоялось позже, 20 июля 2025 г., в г. Х., хотя предварительные договоренности были достигнуты ранее и оговорены перепиской в мессенджере. Вознаграждение адвоката составляло …руб., включая компенсацию транспортных расходов. Юридическую помощь он оказывал надлежащим образом. Оформление соответствующих финансовых документов задержалось из-за отпуска адвоката и срочного характера поездки в г. Х.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оказании Г. юридической помощи по оценке риска его привлечения к уголовной ответственности и при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве без заключения соглашений об оказании юридической помощи в простой письменной форме, Совет отмечает, что согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем» (п. 1), которое представляет собой «гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу» (п. 2).

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

В силу п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относятся указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате (подп. 1); предмет поручения (подп. 2); условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (подп. 3); порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (подп. 4); размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения (подп. 5).

Пункт 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает, что «вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением».

Согласно п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запре-

щенными законодательством Российской Федерации средствами» (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., напр.: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

Требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены и, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном счете подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту (см.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). С. 18).

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения при формализации отношений с доверителем, адвокат в период действия соглашения об оказании юридической помощи имеет возможность их устранить.

Проверяя соблюдение адвокатом К. вышеуказанных профессионально-этических предписаний, Совет приходит к выводу о том, что установленные в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства фактические обстоятельства опровергают довод заявителя Г. о том, что адвокат К. приступил к оказанию ему юридической помощи без заключения соглашения об оказании юридической помощи. В материалах дисциплинарного производства имеются скриншоты переписки посредством мессенджера *WhatsApp*, которая велась адвокатом К. с абонентом, использующим номер мобильного телефона… соответствующий номеру мобильного телефона, указанному самим заявителем Г. в своей жалобе в качестве контактного. Указанную переписку заявитель Г. не оспаривал, более того, сам ссылался на нее в письменном дополнении к жалобе от 6 октября 2025 г. Из содержания этой переписки усматривается, что адвокат К. 6 июня 2025 г., в 13.09 час., получил от Г. файл, содержащий светокопию Соглашения от 5 июня 2025 г., на котором имеются подписи как адвоката К., так и доверителя Г. Кроме того, этому предшествовало направление адвокатом К. доверителю Г. подписанной им светокопии Соглашения от 5 июня 2025 г. с просьбой к Г. «прислать подписанные страницы». При этом п. 6.2 Соглашения от 5 июня 2025 г. предусматривал возможность направления юридически значимых сообщений в том числе через мессенджер *WhatsApp*, тогда как номер… мобильного телефона Г. был указан в качестве принадлежащего ему номера

«телефона/мессенджера» в п. 7.2 данного соглашения об оказании юридической помощи. В заседании Квалификационной комиссии заявитель Г. признал получение от адвоката К. Соглашения от 5 июня 2025 г.

Согласно доводам как адвоката К., так и доверителя Г. объективные условия для непосредственного подписания Соглашения от 5 июня 2025 г. отсутствовали, поскольку Г. находился в Турецкой Республике, а адвокат К. – в Российской Федерации. Вместе с тем направленная адвокату К. доверителем Г. посредством мессенджера *WhatsApp* копия Соглашения от 5 июня 2025 г. позволяет воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, а использованный сторонами способ ее оформления позволяет достоверно определить лиц, выразивших волю на ее заключение.

Соглашение от 5 июня 2025 г. предусматривает в том числе «составление стратегии защиты для Г.», на выработку которой и был направлен письменный анализ материалов дела, подготовленный адвокатом К.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат К. приступил к оказанию юридической помощи по оценке риска привлечения Г. к уголовной ответственности на основании Соглашения от 5 июня 2025 г., заключенного в простой письменной форме.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении оказания адвокатом К. юридической помощи Г. при производстве следственных и иных процессуальных действий 20 июля 2025 г. в силу следующего.

Как адвокат К., так и заявитель Г. в ходе дисциплинарного производства указали на то, что перед выездом адвоката К. в г. Х. между ними была достигнута устная договоренность об осуществлении адвокатом К. защиты Г. при производстве следственных и иных процессуальных действий 20 июля 2025 г. При этом адвокат К. представил в материалы дисциплинарного производства копию подписанного им и доверителем Г. Соглашения от 18 июля 2025 г., предусматривающего в качестве предмета поручения выезд в г. Х. для защиты Г. в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу 20 июля 2025 г., а также при необходимости участие адвоката К. в судебном заседании по рассмотрению вопроса об избрании в отношении Г. меры пресечения.

В своих объяснениях адвокат К. последовательно настаивал на том, что Соглашение от 18 июля 2025 г. доверитель Г. подписал при их личной встрече в г. Х. 20 июля 2025 г., до начала следственных и иных процессуальных действий с ним.

В свою очередь, заявитель Г. первоначально занял противоречивую позицию, изложенную в жалобе и дополнении к ней, в соответствии с которой он не помнит момент подписания им Соглашения от 18 июля 2025 г., не знал о его подписании, одновременно обвиняя адвоката К. в том, что в ходе следственных и иных процессуальных действий 20 июля 2025 г. тот «подсунул» ему на подпись в том числе и «бланк соглашения», злоупотребив его доверием. Вместе с тем принадлежность ему подписей в Соглашении от 18 июля 2025 г. заявитель не оспаривал. В дальнейшем в ходе дисциплинарного разбирательства, вопреки своим первоначальным утверждениям, заявитель сообщил, что в действительности Соглашение от 18 июля 2025 г. подписывалось 20 июля 2025 г., когда Г. предъявлялось обвинение и составлялся протокол задержания.

Оценка довода заявителя Г. о злоупотреблении его доверием, в том числе и в связи с обстоятельствами подписания Соглашения от 18 июля 2025 г., будет дана далее, однако даже из приведенных его объяснений следует, что Соглашение от 18 июля 2025 г. было им подписано как минимум до окончания оказания ему юридической помощи адвокатом К. При этом доказательств, опровергающих довод адвоката К. о подписании этого соглашения перед началом следственных и иных процессуальных действий 20 июля 2025 г., заявителем Г. не представлено. Кроме того, заявитель Г. признает, что заявление об отказе от защитника – адвоката К. было им написано утром 21 июля 2025 г., в период его нахождения в изоляторе временного содержания, т. е. уже после окончания следственных и иных процессуальных действий, производившихся с участием адвоката К.

При таких обстоятельствах основания для вывода о совершении адвокатом К. дисциплинарного проступка в виде оказания юридической помощи без заключения соглашения в простой письменной форме отсутствуют, и дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению.

Вместе с тем Совет отмечает, что Соглашение от 18 июля 2025 г. в качестве предмета поручения предусматривает участие адвоката К. в следственных и иных процессуальных действиях в конкретную дату, а именно 20 июля 2025 г., что противоречит требованиям Разъяснений № 6 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту», утвержденных Советом 30 мая 2013 г., согласно которым «заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции Российской Федерации» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2013. Выпуск № 6, 7 (116,117). С. 14–15). Однако Совет лишен возможности сформулировать правовые выводы по данному факту ввиду отсутствия соответствующего дисциплинарного обвинения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в злоупотреблении адвокатом К. доверием Г., Совет отмечает, что согласно ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката «профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему» (п. 1); «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре» (п. 2); «злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката» (п. 3).

Согласно доводам жалобы заявителя Г. злоупотребление его доверием выразилось в том, что «в ходе подписания документов по уголовному делу адвокат ‘‘подсунул’’» Г. «бланк соглашения» между ними, «включая акты выполненных работ», и даже «взял подпись» Г. о том, что тот «получил свой экземпляр всех документов». При этом адвокат К. воспользовался тем, что Г. подписывал документы «с наручниками на руках, не глядя», находясь в паническом и спутанном состоянии сознания и безоговорочно доверяя своему адвокату.

Совет отмечает, что доказательства подписания заявителем Г. «актов выполненных работ» материалы дисциплинарного производства не содержат,

тогда как представленный в эти материалы адвокатом К. отчет «о выполненной юридической помощи по соглашению об оказании юридической помощи № … от 18 июля 2025 г.» датирован 6 августа 2025 г., подписан только адвокатом К. и направлен доверителю Г. в форме светокопии в тот же день посредством мессенджера *WhatsApp*. Таким образом, доводы заявителя о подписании им «актов выполненных работ» по Соглашению от 18 июля 2025 г. не могут быть признаны доказанными.

Оценивая приведенные доводы заявителя об обстоятельствах подписания им Соглашения от 18 июля 2025 г., Совет отмечает, что они не указывают на злоупотребление его доверием со стороны адвоката К. Подписи доверителя Г. содержатся на каждом из трех листов Соглашения от 18 июля 2025 г., а также в Приложении № 1 к нему («Прайс-лист»). Доказательств того, что Соглашение от 18 июля 2025 г. было подписано им в условиях порока воли на его заключение, а равно того, что он находился в состоянии, исключающем его способность понимать значение своих действий или руководить ими, заявитель также не представил. Его довод о том, что адвокат «подсунул» ему «бланк соглашения» в числе других документов, носит голословный характер и ничем не подтвержден.

Не свидетельствуют о пороке воли доверителя Г. и его доводы о подписании Соглашения от 18 июля 2025 г. на фоне уголовного преследования, а также в условиях применения к нему мер процессуального принуждения и специальных средств. Наличие данных обстоятельств не только не может опровергнуть волеизъявление доверителя на заключение соглашения об оказании юридической помощи, а, наоборот, свидетельствует о наличии у него потребности в юридической помощи защитника. При этом содержащиеся в переписке в мессенджере *WhatsApp* обстоятельства детального согласования между адвокатом К. и доверителем Г. выезда адвоката К. в г. Х. для участия в следственных и иных процессуальных действиях 20 июля 2025 г., равно как и факт частичной выплаты адвокату К. вознаграждения за оказание данной юридической помощи третьим лицом по поручению Г., указывают на то, что последний желал пригласить для оказания юридической помощи именно адвоката К., в связи с чем заключение письменного Соглашения от 18 июля 2025 г. соответствует воле Г. и фактическому поведению сторон правоотношения.

С учетом отсутствия доказательств злоупотребления доверием Г. при заключении Соглашения от 18 июля 2025 г. не может рассматриваться в качестве такового и отказ адвоката К. от возврата денежных средств в сумме … руб., которые заявитель Г. считает ошибочно перечисленными адвокату К. 20 июля 2025 г., а впоследствии «присвоенными» последним. Из материалов дисциплинарного производства следует, что указанные денежные средства адвокат К. включил в сумму денежных средств, перечисленную им на расчетный счет адвокатского образования 27 августа 2025 г. на основании платежного поручения от 27 августа 2025 г. № … т.е. как вознаграждение, полученное на основании Соглашения от 18 июля 2025 г. Данная оценка адвоката соответствует условиям Соглашения от 18 июля 2025 г., в соответствии с п. 4.4 которого вторая часть вознаграждения в размере …руб. подлежит выплате адвокату К. в срок до 20 июля 2025 г. При этом согласно п. 6.1 Соглашения от 18 июля 2025 г. адвокат довел до сведения доверителя, в чем заключается его работа, а доверитель объективно оценивает соотношения объема работы

адвоката и установленного размера вознаграждения и согласен с ними.

В связи с этим Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства и в данной части, признавая презумпцию добросовестности адвоката К. неопровергнутой.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в невыдаче адвокатом К. экземпляра Соглашения от 18 июля 2025 г. доверителю Г., Совет учитывает, что согласно п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., «в соответствии со ст. 25 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’ соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (126). С. 7; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 128). Указанные Разъяснения приняты Советом в пределах его компетенции и обязательны для исполнения всеми адвокатами, являющимися членами Адвокатской палаты города Москвы.

В данном случае на последнем (третьем) листе Соглашения от 18 июля 2025 г. над подписью доверителя Г. имеется запись: «Ниже поставленной подписью доверитель также подтверждает, что получил на руки копию данного соглашения». Таким образом, приведенное выше профессионально-этическое предписание адвокатом К. исполнено.

При таких обстоятельствах ссылка Г. лишь на содержание сообщений в мессенджере *WhatsApp* от 23 июля 2025 г., в которых он сам утверждает, что соглашение об оказании юридической помощи ему не выдавалось, и просит адвоката К. прислать его копию, не может рассматриваться в качестве достаточного доказательства, подтверждающего данное дисциплинарное обвинение. Совет дополнительно отмечает в этой связи, что данные заявления Г. сделал уже после предъявления к адвокату К. требования о возврате …руб., высказанной неудовлетворенности результатом оказания юридической помощи, а также получения от адвоката К. сообщения, в котором тот ссылался на условия соглашения об оказании юридической помощи, т.е. после возникновения между адвокатом К. и доверителем Г. разногласий, в том числе и о размере подлежащей возврату доверителю денежной суммы. Вместе с тем сам адвокат К. факт невыдачи доверителю Г. экземпляра Соглашения от 18 июля 2025 г. отрицал, указав в сообщении от 23 июля 2025 г. следующее: «Не мог не дать копию, в графе ‘‘копия соглашения мною получена’’ стоит ваша подпись».

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что довод заявителя Г. о невыдаче ему экземпляра Соглашения от 18 июля 2025 г. подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства не нашел, в связи с чем дисциплинарное производство и в данной части подлежит прекращению.

Рассматривая довод заявителя Г. об обещании ему адвокатом К. положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204.1 УК РФ, Совет отмечает, что в соответствии с подп. 6 п. 1 ст. 9

Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе «навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами». Согласно п. 2 ст. 10 названного кодекса «адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения».

В обоснование указанного дисциплинарного обвинения заявитель Г. ссылается на следующую формулировку, содержащуюся на листе 10 письменного анализа материалов дела, направленного в его адрес адвокатом К. 10 июня 2025 г.: «На основании законодательства и сложившейся практики приходим к выводу, что в действиях Г. нет состава преступления». Однако из содержания данного документа следует, что приведенная формулировка, во-первых, является не обещанием положительного исхода дела, а профессиональным мнением адвоката, а во-вторых, она не исключает риска привлечения Г. к уголовной ответственности. На наличие такового, например, прямо указано в примечании на листе 15 вышеуказанного письменного анализа материалов дела: «Вместе с тем есть небольшой риск привлечения Г. по ст. 204.1 ч. 3 УК РФ при следующих условиях…». Там же, как указано выше, приводятся условия наступления этого риска, а также указываются действия, необходимые для снижения вероятности его наступления. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу об отсутствии оснований для толкования приведенных формулировок в качестве обещания адвокатом К. доверителю Г. положительного результата оказания юридической помощи.

Не дают таких оснований и приведенные заявителем Г. в дополнении от 6 октября 2025 г. к поданной им жалобе ссылки на сообщение адвоката К. от 18 июня 2025 г., в котором он указал, что в протоколе допроса «одного из участников преступления» (Л.) «есть фразы, которых бы лучше не было», но в целом, по его оценке, показания для Г. «хорошие». На основе данного утверждения также невозможно прийти к выводу о том, что Г. не будет привлечен к уголовной ответственности, а тем более о том, что адвокат К. дает ему такое обещание.

Кроме того, согласно п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)».

Иных доказательств дачи адвокатом К. заявителю Г. обещаний положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения к уголовной ответственности заявителем не представлено.

Довод заявителя Г. о том, что адвокат К. исключил возможность избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, указав в одном из сообщений, что при избрании меры пресечения «негласно суды учитывают по коммерческим статьям» Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 1, был заявлен Г. лишь в дополнении от 6 октября 2025 г. к поданной ранее жалобе. В первоначальной жалобе Г. от 13 августа 2025 г., по которой и было возбуждено настоящее дисциплинарное производство, указанный довод не содержится.

Поскольку в силу требований п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное разбирательство осуществляется в пределах жалобы, указанный довод оснований для наступления дисциплинарной ответственности адвоката К. не образует. При этом он во всех случаях не может рассматриваться как доказательство дачи им доверителю Г. обещания положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения Г. к уголовной ответственности. Так, сам заявитель Г. в своей жалобе от 13 августа 2025 г. настаивает на том, что адвокат К. гарантировал ему именно непривлечение к уголовной ответственности, однако в вышеупомянутом дополнении от 6 октября 2025 г. к указанной жалобе сообщает, что в ходе состоявшегося 10 июня 2025 г. аудиозвонка посредством мессенджера *WhatsApp* адвокат К. убеждал Г. в том, что последнему «ничего не будет за совершенные действия, а даже если и будет, то под стражу его следователь взять не сможет. Таким образом, вопреки первоначально заявленным доводам, дополнительные доводы заявителя Г. свидетельствуют о том, что возможность привлечения Г. к уголовной ответственности адвокат К. не исключал.

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о недоказанности доводов заявителя Г. об обещании ему адвокатом К. положительного результата оказания юридической помощи в виде непривлечения Г. к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204.1 УК РФ, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части также подлежит прекращению.

Рассматривая доводы жалобы о совершении адвокатом К. действий вопреки воле доверителя Г. в ходе следственных и иных процессуальных действий 20 июля 2025 г., Совет отмечает следующее.

Недопустимость поведения адвоката К. заявитель усматривает в том, что тот вступил со следователем в конфликт, из-за чего Г. даже не разрешили позвонить родственникам и сообщить о своем задержании. При этом, когда Г. попросил следователя «заменить адвоката и не слушать его», сообщив о признании своей вины, а также о необходимости совершить звонок другому адвокату и родственнику, адвокат К. заявил, что Г. «просто ‘‘посыпался’’ и слушать его не надо».

В соответствии с п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан в числе прочего уважать права доверителей.

В силу подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе «действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне». При этом согласно подп. 2 п. 1 ст. 9 названного кодекса адвокат не вправе «занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного».

Адвокат К. в ходе дисциплинарного разбирательства подобные высказывания со своей стороны не подтверждал, а заявитель Г. доказательств совершения адвокатом К. названных действий не представил. При этом в ходе дисциплинарного разбирательства неоднократно предлагалось представить в материалы дисциплинарного производства, в том числе, копии протоколов следственных

и иных процессуальных действий, произведенных с его участием 20 и 21 июля 2025 г., а также копии его заявления об отказе от защитника – адвоката К. Однако заявитель Г. копии этих документов не представил, как не представил и никаких иных доказательств, подтверждающих рассматриваемое дисциплинарное обвинение при том, что в силу подп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката бремя доказывания выдвинутого дисциплинарного обвинения лежит именно на нем.

Кроме того, Совет учитывает, что Г., давая 20 июля 2025 г. показания при участии адвоката К., свою вину признал, что впоследствии послужило основанием для применения к нему меры пресечения, не связанной с заключением под стражу. В этой связи доводы заявителя о том, что адвокат К., оказывавший ему юридическую помощь при даче по своей воле признательных показаний, действовал вопреки его же интересам, противоречивы.

При таких обстоятельствах Совет полагает, что презумпция добросовестности адвоката К. в отношении данного дисциплинарного обвинения также не опровергнута, а потому дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

При этом Совет не может согласиться с содержащимся в Заключении Квалификационной комиссии доводом о том, что и в случае доказанности подобного поведения адвоката К. последний имел на него право, поскольку якобы полагал, что Г., давая признательные показания, оговаривает себя. Совет в этой связи, во-первых, отмечает неуместность данного предположения, сделанного Комиссией, поскольку ни адвокат К., ни сам заявитель довод о самооговоре со стороны последнего не выдвигали. Во-вторых, Совет подчеркивает, что действия адвоката в одной из самых сложных этических ситуаций – при несогласии с самооговором доверителя и его опровержении – должны предусматривать кардинально иной алгоритм поведения, включающий в том числе проведение дополнительной конфиденциальной беседы с доверителем, разъяснение и обсуждение последствий избранной им позиции, мотивированное письменное выражение несогласия с самооговором в соответствующих протоколах следственных действий и иных процессуальных документах, последующее обжалование действий сотрудников правоохранительных органов, оказывавших на доверителя давление. Совет также подчеркивает, что ни при каких обстоятельствах оппонирование адвокатом самооговору доверителя не может выражаться в таких поверхностных, легкомысленных и неуважительных действиях, на которые указал заявитель Г. и которые, как указано выше, не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Давая оценку доводам заявителя Г., выражающим его несогласие с размером полученного адвокатом К. вознаграждения, а также требованиям о его частичном возврате, Совет отмечает, что они не могут быть рассмотрены в настоящем дисциплинарном производстве. Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации неподведомственны, поскольку находятся за пределами их компетенции. Такие споры и разногласия между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Г. от 13 августа 2025 г.:

в части доводов о несогласии с размером полученного адвокатом К. вознаграждения, а также требований о его частичном возврате – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей.

1.8. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав технической ошибкой неправильное указание адвокатом наименования доверителя в ордере, представленном в суд для ознакомления с делом. При этом Совет отметил, что адвокат имел право на ознакомление с материалами дела и не нарушил ничьи интересы.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Л. от 22 июля 2025 г. в отношении адвоката М

Квалификационная комиссия 8 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом М. взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6, подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», приказа Министерства юстиции РФ от 23 сентября 2024 г. № 282 «Об утверждении формы ордера, требований по его заполнению и оформлению», подп. 5, 6 п. 5 Требований к заполнению и оформлению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282, п. 2.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8), выразившемся в том, что, не заключив соглашения об оказании юридической помощи по представлению интересов Л. в Г. районном суде г. Москвы, адвокат М. 17 июня 2025 г. оформил и предъявил в указанный суд Ордер от 17 июня 2025 г. № … в который он внес недостоверную информацию о лице, которого он представляет, и о наличии соглашения об оказании юридической помощи на представление интересов Л., после чего ознакомился с материалом о рассмотрении постановления следователя …отдела СЧ по РОПДСУ УВД по …ГУ МВД России по г. Москве Д. о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока меры процессуального принуждения в виде наложении ареста на имущество в рамках уголовного дела;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе Л., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской

деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Л., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, представила письменное заявление, в котором просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие, на своих требованиях настаивала, просила лишить М. статуса адвоката.

Адвокат М. извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, письменно уведомил Совет о невозможности своего участия в заседании в связи с профессиональной занятностью, также указав, что с материалами дела он ознакомлен, допущенную ошибку признает.

При таких обстоятельствах, учитывая положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объеме по следующим основаниям.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

23 сентября 2024 г. в отношении неустановленного круга лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, возбуждено уголовное дело, находящееся в производстве …отдела СЧ по РОПДСУ УВД по …ГУ МВД России по г. Москве. 2 октября 2024 г. потерпевшей по данному уголовному делу признана Л.

В ходе предварительного следствия по уголовному делу потерпевшей Л. было подано ходатайство о наложении ареста на имущество, принадлежащее ей на праве собственности, которое, по мнению последней, может быть обращено неустановленными следствием лицами в пользу третьих лиц. Рассмотрев ходатайство потерпевшей Л., следователь указанного отдела Д. обратилась в Г. районный суд г. Москвы с ходатайством о наложении ареста на имущество, принадлежащее на праве собственности Л. Следователь мотивировала свое ходатайство тем, что наложение ареста необходимо в целях защиты прав и законных интересов потерпевшей. Указанный суд удовлетворил ходатайство следователя, разрешив наложение ареста на имущество, принадлежащее на праве собственности Л., в виде недвижимого имущества в К. и М. областях, г. Москве, автомобилей… «запретив кому-либо производить действия по распоряжению указанным имуществом, в том числе совершать какие-либо сделки по его отчуждению на срок до 23 марта 2025 года». Постановлением указанного суда от 07 мая 2025 г. срок ареста имущества продлен судом до 5 июня 2025 г., а постановлением от 4 июня 2025 г. – до 5 декабря 2025 г.

Вместе с тем определением Арбитражного суда М. области от 18 сентября 2024 г. по делу… в отношении должника Л. введена процедура реструктуризации долгов гражданина сроком на 6 месяцев, финансовым управляющим имуществом должника утвержден К. 17 марта 2025 г. определением упомя-

нутого арбитражного суда по делу № … должник Л. признана несостоятельной (банкротом), в отношении нее введена процедура реализации имущества гражданина сроком на 6 месяцев. Финансовым управляющим имуществом должника утвержден К.

17 июня 2025 г. адвокат М., осуществляющий свою деятельность в адвокатском кабинете, заключил с финансовым управляющим К. Соглашение № … на оказание юридической помощи. В тот же день адвокат М. оформил ордер, в соответствии с которым ему поручается с 17 июня 2025 г. защита Л. в упомянутом суде. Представив этот ордер в суд, адвокат М. ознакомился с материалом № … о продлении срока ареста имущества и получил копию соответствующего постановления суда.

26 июня 2025 г. адвокат М. подал апелляционную жалобу на постановление о наложении ареста по материалу № … одновременно попросив восстановить срок для подачи апелляционной жалобы. К указанной апелляционной жалобе адвокат М. приложил ордер от 26 июня 2025 г., в соответствии с которым ему поручается с 26 июня 2025 г. представление интересов К. в М. городском суде. В ходе рассмотрения дела адвокат М. представил в М. городской суд еще один ордер – от 31 июля 2025 г., в соответствии с которым ему поручается с 31 июля 2025 г. представление интересов К. в том же городском суде. Также он представил в материал № … доверенность от 11 июля 2025 г., выданную ему финансовым управляющим Л. – К.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что у адвоката М. имелись законные основания для ознакомления с указанным материалом о продлении срока ареста на имущество, принадлежащее Л., в качестве представителя финансового управляющего К. Он также был вправе в этом качестве обжаловать постановление суда. Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии, содержащимся в ее Заключении, о том, что указание в ордере от 17 июня 2025 г. на защиту интересов Л., а не К. носило характер непреднамеренной технической ошибки, не нарушившей права Л.

Признав установленными эти обстоятельства, Квалификационная комиссия в то же время пришла к выводу о совершении адвокатом К. дисциплинарного нарушения, выразившегося именно в тех действиях, которые она признала непреднамеренной технической ошибкой. С этим выводом Квалификационной комиссии, противоречащим установленным ею фактическим обстоятельствам, Совет согласиться не может, поскольку согласно п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение мер дисциплинарной ответственности влечет лишь нарушение адвокатом требований законодательства и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности. Действия, совершенные в результате непреднамеренной технической ошибки, не могут быть отнесены ни к умышленным, ни к совершенным в силу грубой неосторожности. По этой причине Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но совершившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей.

При этом Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о голословности довода жалобы заявителя Л. о том, что, подав апелляционную жалобу на постановление Г. районного суда г. Москвы от 4 июня 2025 г. о продлении срока ареста на имущество Л. по уголовному делу, адвокат М. действовал в интересах злоумышленников, стремящихся незаконно лишить заявителя собственности, чем нарушил права Л. Каких-либо доказательств в подтверждение этого довода заявителем не представлено. По этой причине дисциплинарное производство в данной части также подлежит прекращению.

Таким образом, презумпция добросовестности адвоката М. в результате дисциплинарного разбирательства не опровергнута.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе Л. от 22 июля 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей.

1.9. Адвокат получил предупреждение за то, что заключил соглашение на защиту в обособленной процедуре судебного контроля меры пресечения, уже осуществляя защиту этого же лица по назначению по уголовному делу, а также за нарушение требований к формализации отношений с доверителем.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Р.В. и адвоката Ш. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Р. и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… от 29 сентября 2025 г. № 8633 в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 22 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Ш. положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката, исполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 2 Разъяснения № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению», утвержденного Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. (Протокол № 11), п. 1 Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам о некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования от 29 апреля 2020 г. № 02/20, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 29 апреля 2020 г., выразившемся в заключении с доверителем Р.В. в пользу Р.А. Соглашения об оказании юридической помощи по уголовному делу № … от 23 апреля 2025 г., предусматривающего только защиту Р.А. в обособленной процедуре по

осуществлению судебного контроля за избранием в отношении Р.А. меры пресечения в виде заключения под стражу («Защита Р.А. Обжалование постановления Б. районного суда г. Москвы в МГС» (п. 1.2 Соглашения от 23 апреля 2025 г.); «Составление апелляционной жалобы и участие в МГС» (п. 1.3 Соглашения от 23 апреля 2025 г.)), т.е. поручение, которое уже входило в объем принятого и исполняемого адвокатом Ш. поручения на осуществление защиты Р.А. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, на стадии предварительного расследования по уголовному делу, находящемуся в производстве СО ОМВД России по району… г. Москвы;

2) о нарушении адвокатом Ш. положений подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат не вправе… навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей… недостойными способами»), выразившемся в навязывании адвокатом Ш. доверителю Р.В. (с целью получения от нее не причитающегося ему вознаграждения в размере …руб.) заключения соглашения об оказании юридической помощи по уголовному делу от 23 апреля 2025 г., которое адвокат Ш. не вправе был заключить в связи с тем, что предусмотренное в нем поручение он уже принял и был обязан исполнять с 18 апреля 2025 г. как защитник Р.А. на стадии предварительного расследования по уголовному делу, находящемуся в производстве указанного следственного отдела;

3) о неисполнении адвокатом Ш., вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением; адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката, исполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката («О соглашении на оказание юридической помощи»), принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г., своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р.В., выразившемся в том, что:

– заключив 22 апреля 2025 г. с доверителем Р. В. Соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу, датированное 23 апреля 2025 г., адвокат Ш. не выдал доверителю Р.В. экземпляр данного соглашения об оказании юридической помощи;

– получив от доверителя Р.В. 22 апреля 2025 г. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи доверителю Р.А. в наличной форме денежные средства в размере …руб., адвокат Ш. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования вплоть до 10 июня 2025 г. и не выдал доверителю Р.В. финансовый документ по проведению операции с ее денежными средствами (квитанцию к приходному кассовому ордеру от 01 августа 2025 г.) в порядке, установленном действующим законодательством;

4) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по жалобе Р.В., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части доводов заявителя Р.В.:

– о получении адвокатом Ш. 19 апреля 2025 г. от друга Р.А. – Н. …руб. посредством оказания на него «психологического давления»;

– об оказании некачественной юридической помощи доверителю Р.А., выразившемся в том, что он не ознакомился с «материалами дела», «путал фамилию» Р.А., ни разу не посетил его в следственном изоляторе;

– об оказании Р.В. содействия в возврате ей денежных средств, выплаченных адвокату Ш. в виде вознаграждения за юридическую помощь, фактически не оказанную Р.А.

Адвокат Ш. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласился с выводами Комиссии.

Заявитель Р. В. в заседании Совета также подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, с выводами Комиссии согласилась частично, выразив несогласие с выводом о необходимости частичного прекращения дисциплинарного производства.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

18 апреля 2025 г. адвокату Ш. Коллегией адвокатов «…» выдан ордер на осуществление с этого дня защиты Р.А. в СО ОМВД по району… г. Москвы по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ. На основании этого ордера адвокат Ш. вступил в уголовное дело и приступил к исполнению поручения. Несмотря на это, 22 апреля 2025 г., в ходе личной встречи, состоявшейся около 19.00 час., между адвокатом Ш. и доверителем Р.В. – матерью обвиняемого Р.А. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу № ., датированное 23 апреля 2025 г. (далее – Соглашение от 23 апреля 2025 г.). В качестве предмета поручения в Соглашении от 23 апреля 2025 г. было предусмотрено: «Защита Р.А. Обжалование постановления Б. районного суда города Москвы в МГС» (п. 1.2), а в качестве характера поручения и места его исполнения – «Составление апелляционной жалобы и участие в МГС» (п. 1.3). За оказание данной юридической помощи Соглашением от 23 апреля 2025 г. была предусмотрена выплата адвокату Ш. вознаграждения в размере …руб. (п. 3.1) в срок до 23 апреля 2025 г. (п. 3.2). Согласно доводам заявителя Р.В. она подписала незаполненное соглашение об оказании юридической помощи. 1 августа 2025 г. Коллегией адвокатов «…» оформлена квитанция к приходному кассовому ордеру от 1 августа 2025 г., согласно которой от Р.В. принято …рублей на основании…

Заявителем Р.В. против адвоката Ш. выдвигаются следующие дисциплинарные обвинения:

1) в навязывании адвокатом Ш., осуществляющим защиту Р.А. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, заключения соглашения об оказании юридической помощи с матерью обвиняемого Р.А. – Р.В. и в привле-

чении ее в качестве доверителя недостойным способом;

2) в ненадлежащем исполнении обязанностей по формализации отношений с доверителем Р.В., выразившемся:

в невыдаче Р.В. экземпляра заключенного ею с адвокатом Ш. соглашения об оказании юридической помощи Р.А.;

в невыдаче Р.В. финансового документа, подтверждающего принятие от нее адвокатом Ш. вознаграждения в размере …руб. в наличной форме;

3) в получении от знакомого Р.А. – Н. …руб. 19 апреля 2025 г. посредством оказания на него «психологического давления»;

4) в оказании некачественной юридической помощи Р.А., выразившемся в том, что он не ознакомился с «материалами дела», «путал фамилию» Р.А., ни разу не посетил его в следственном изоляторе.

В представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… выдвинуто дисциплинарное обвинение в заключении адвокатом Ш. Соглашения от 23 апреля 2025 г. с предусмотренным в нем предметом поручения в ситуации, когда им уже было принято и исполнялось поручение о защите Р.А. по назначению.

Адвокат Ш. подтвердил, что Соглашение от 23 апреля 2025 г. предусматривало только подготовку и подачу апелляционной жалобы и участие в апелляционной инстанции Московского городского суда. На это же указывает и содержание ордера от 22 апреля 2025 г., выданного адвокату Ш. на осуществление защиты Р. в Московском городском суде на основании Соглашения об оказании юридической помощи № …

Таким образом, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ш., не изменяя правового основания своего участия в качестве защитника Р.А. по назначению в уголовном деле, заключил с Р.В. соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее исполнение за отдельное вознаграждение в размере …руб. поручения, которое он уже был обязан исполнить как защитник Р.А. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ. Кроме того, заключение адвокатом Ш. Соглашения от 23 апреля 2025 г., предусматривающего поручение на осуществление защиты Р.А. только в обособленной процедуре по осуществлению судебного контроля за избранием в отношении Р.А. меры пресечения в виде заключения под стражу, а не на осуществление защиты Р.А. на всей стадии предварительного расследования по уголовному делу в целом, являлось недопустимой формой самоограничения объема его профессиональных обязанностей как защитника Р.А. по назначению, т. е. недопустимым профессиональным поведением.

В соответствии с подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 7 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты.

Адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая при необходимости подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда. Адвокат, принявший поручение на защиту в стадии предварительного следствия в порядке назначения или по соглашению, не вправе отказаться без уважительных причин от защиты в суде первой инстанции (п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Согласно п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 2 Разъяснения № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению», утвержденного Решением Совета от 30 сентября 2019 г., адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению в досудебном производстве, обязан участвовать не только в процессуальных действиях, проводимых следователем (дознавателем), но и в судебно-контрольном производстве в первой и апелляционной инстанциях (при избрании, изменении и продлении меры пресечения, мер процессуального принуждения, обжаловании действий (бездействия) и решений в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, и др.).

Кроме того, в п. 1 Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам о некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования от 29 апреля 2020 г. № 02/20, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 29 апреля 2020 г., указано: «Защитник обязан принять участие в заседании суда апелляционной инстанции при обжаловании постановления об избрании меры пресечения».

Эти обязательные требования адвокатом Ш. нарушены при описанных обстоятельствах. В связи с этим Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Совет, также соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает обоснованными выдвинутые доверителем Р.В. дисциплинарные обвинения в невыдаче ей экземпляра соглашения об оказании юридической помощи и финансового документа, подтверждающего принятие от нее адвокатом Ш. вознаграждения в размере …руб. в наличной форме.

Адвокат Ш. совершение этих нарушений также признал.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением».

Согласно п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., «в соответствии со ст. 25 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’ соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экзем-

плярах. Получение, равно как и отказ в получении доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката».

Эти обязательные требования адвокатом Ш. не исполнены, в связи с чем и в данной части Совет признает презумпцию его добросовестности опровергнутой.

Вместе с тем Совет полагает избыточным и не основанным на установленных Квалификационной комиссией фактических обстоятельствах дисциплинарное обвинение в навязывании адвокатом Ш. своей юридической помощи доверителю недостойными способами. В материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства таких действий адвоката Ш., а в Заключении Квалификационной комиссии отсутствует указание на то, какими именно недостойными способами адвокат Ш., по мнению Комиссии, навязал доверителю свою юридическую помощь и в каких именно его действиях выразилось это навязывание. Сам по себе факт предложения адвоката Ш. заключить с ним соглашение об оказании юридической помощи не свидетельствует о ее навязывании и привлечении доверителя недостойным способом, тем более что на момент этого предложения адвокат Ш. уже оказывал юридическую помощь доверителю Р.А. Оценка же незаконности и недопустимости его действий по заключению в сложившейся ситуации соглашения с таким предметом уже дана в рамках дисциплинарного обвинения, выдвинутого в представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… Какой-либо дополнительной квалификации этих действий не требуется. При таких обстоятельствах Совет исключает как необоснованное и избыточное дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом Ш. требований подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в навязывании доверителю Р.В. заключения соглашения об оказании юридической помощи.

В части, касающейся дисциплинарных обвинений в получении 19 апреля 2025 г. от друга Р.А. – Н. …руб. посредством оказания на него «психологического давления» и в некачественном оказании юридической помощи доверителю Р.А. (не ознакомился с «материалами дела», «путал фамилию» Р.А., ни разу не посетил его в следственном изоляторе), а также в части требования Р.В. об оказании ей содействия в возврате денежных средств, выплаченных адвокату Ш. в виде вознаграждения за юридическую помощь, фактически не оказанную Р.А., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства и, соответственно, о прекращении в данной части дисциплинарного производства по этому основанию. В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание грубый, злостный и корыстный характер его действий, а также игнорирование им основополагающих требований о надлежащей формализации отношений с доверителем. Такое профессиональное поведение адвоката Ш. Совет признает недопустимым. В то же время Совет учитывает, что он, имея длительный стаж профессиональной деятельности, действующих дисциплинарных взысканий не имеет,

признал вину в совершенных нарушениях. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет предоставляет адвокату Ш. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

1) нарушение подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката, исполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с пунктом 2 Разъяснения № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению», утвержденного Решением Совета от 30 сентября 2019 г. (Протокол № 11), пунктом 1 Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «О некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования» от 29 апреля 2020 г. № 02/20, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 29 апреля 2020 г., выразившееся в заключении с доверителем Р.В. в пользу Р.А. Соглашения об оказании юридической помощи по уголовному делу от 23 апреля 2025 г., предусматривающего только защиту Р.А. в обособленной процедуре по осуществлению судебного контроля за избранием в отношении Р.А. меры пресечения в виде заключения под стражу, т.е. поручение, которое уже входило в объем принятого и исполняемого адвокатом Ш. поручения на осуществление защиты Р.А. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, на стадии предварительного расследования по уголовному делу, находящемуся в производстве СО ОМВД России по району… г. Москвы;

2) ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением; адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката, исполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые

в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Р.В., выразившееся в том, что:

– заключив 22 апреля 2025 г. с доверителем Р.В. Соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу, датированное 23 апреля 2025 г., он не выдал доверителю Р.В. экземпляр данного соглашения;

– получив от доверителя Р.В. 22 апреля 2025 г. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи доверителю Р.А. денежные средства в наличной форме в размере …руб., адвокат Ш. вплоть до 10 июня 2025 г. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и, как следствие этого, не выдал доверителю Р.В. финансовый документ по проведению операции с ее денежными средствами (квитанцию к приходному кассовому ордеру от 01 августа 2025 г. № …) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по жалобе Р.В.:

в части дисциплинарных обвинений в получении 19 апреля 2025 г. от друга Р.А. – Н. …руб. посредством оказания на него «психологического давления» и в некачественном оказании юридической помощи доверителю Р.А. (не ознакомился с «материалами дела», «путал фамилию» Р.А., ни разу не посетил его в следственном изоляторе); а также в части требования об оказании Р.В. содействия в возврате денежных средств, выплаченных адвокату Ш. в виде вознаграждения за юридическую помощь, фактически не оказанную Р.А., – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.10. Совет признал недопустимым профессиональное поведение адвоката, которая вступила в дело о недобровольной госпитализации в обход АИС АПМ и не подала апелляционную жалобу. Адвокату объявлено предупреждение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката М. без даты в отношении адвоката З.

Квалификационная комиссия 22 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом З. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в принятии ею 28 октября 2024 г. участия в качестве представителя К. в судебном заседании С. районного суда г. Москвы по административному делу о госпитализации К. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке в нарушение п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утверж-

денного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176;

2) о нарушении адвокатом З взаимосвязанных положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в неподаче ею апелляционной жалобы на решение указанного суда от 28 октября 2024 г. по упомянутому административному делу по административному исковому заявлению ГБУЗ «ПКБ № … ДЗМ» к К. о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката З. по жалобе адвоката М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель – адвокат М., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, отношения к которому не выразил, в заседание Совета не явился, представил письменное заявление, в котором просил рассмотреть дисциплинарное дело в его отсутствие.

Адвокат З., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, отношения к которому не выразила, в заседание Совета не явилась, представила письменное заявление, в котором просила рассмотреть дисциплинарное дело в ее отсутствие.

Учитывая изложенные обстоятельства и в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В жалобе адвоката М. против адвоката З. выдвигаются дисциплинарные обвинения:

– в неправомерном участии 28 октября 2024 г. в деле о принудительной госпитализации в психиатрический стационар в качестве представителя К. по назначению суда, минуя получение заявки АИС АПМ;

– в необжаловании решения С. районного суда г. Москвы от 28 октября 2024 г. о принудительной госпитализации К. в психиатрический стационар;

– в непринятии мер, чтобы связаться с родственниками доверителя К.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве ОД УВД… ГУ МВД России по г. Москве находилось уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 214 УК РФ, в котором защиту подозреваемого К. осуществлял адвокат М. сначала по назначению на основании заявки АИС АПМ от 23 августа 2024 г., а затем – на основании соглашения.

Впоследствии уголовное дело было передано для расследования Следственному управлению УВД… ГУ МВД России по г. Москве, следователем ко-

торого 5 декабря 2024 г. вынесено постановление о направлении уголовного дела в отношении К. в суд для применения принудительных мер медицинского характера. В данном постановлении указано, что согласно заключению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы от 24 октября 2024 г. К. в период, относящийся к инкриминируемому ему деянию (13 августа 2024 г.), и в настоящее время страдает хроническим психическим расстройством в форме параноидной шизофрении (эпизодический тип течения с нарастающим дефектом, повлекшим изменение психики), что лишило его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в период инкриминируемого деяния.

После поступления уголовного дела в суд первой инстанции защиту К. по соглашению продолжал осуществлять адвокат М. на основании ордера от 29 января 2025 г.

В производстве С. районного суда г. Москвы находилось административное дело о госпитализации К. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке. В этом деле представителем К. по назначению суда в соответствии со ст. 54, 277 КАС РФ, ч. 3 ст. 34 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» являлась адвокат З., представившая ордер от 28 октября 2024 г. и участвовавшая в тот же день в судебном заседании.

При этом в АИС АПМ не поступала заявка на обеспечение назначения адвоката по указанному административному делу. Следовательно, адвокат З. не могла принять и не принимала заявку АИС АПМ на представление интересов К. по этому делу в указанном районном суде.

Решением данного суда от 28 октября 2024 г. административное исковое заявление ГБУЗ «ПКБ № … ДЗМ» к К. о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке было удовлетворено. Это решение суда никем не обжаловалось и вступило в законную силу 8 ноября 2024 г.

Переходя к оценке выдвинутых против адвоката З. дисциплинарных обвинений, Совет учитывает, что согласно п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства может быть жалоба, поданная другим адвокатом. При этом дисциплинарными органами Адвокатской палаты города Москвы выработана позиция о критериях допустимости жалобы адвоката в отношении другого адвоката, в соответствии с которой такая жалоба признается допустимой, если адвокатом-заявителем выдвигаются претензии в том, что профессиональным поведением другого адвоката задеты права и интересы доверителя адвоката-заявителя, собственные профессиональные права и интересы адвоката-заявителя, причинен вред авторитету и базовым ценностям адвокатуры, защита которых является одновременно правом и обязанностью каждого члена адвокатской корпорации.

Совет отмечает, что лицо, в отношении которого подано административное исковое заявление о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, является наиболее уязвимым, поскольку в результате удовлетворения иска происходит фактическое удержание лица в психиатрическом стационаре и, следовательно, это затрагивает закрепленные Конституцией Россий-

ской Федерации права на свободу передвижения (ст. 27), на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22).

В связи с этим положениями ч. 4 ст. 54, ч. 6 ст. 277 КАС РФ предусмотрено, что в случае, если у административного ответчика, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, нет представителя, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях суд назначает в качестве такого представителя адвоката.

Согласно подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 2.1 которого установлено, что «В целях организации исполнения настоящего Порядка советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5 пункта 3 статьи 31 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’, принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей».

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 утверждены Правила Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (далее – Правила).

В соответствии с п. 3 Правил «обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ). Уведомления инициаторов… об обеспечении представителя в порядке, установленном статьей 50 ГПК РФ и статьей 54 КАС РФ, направленные в адвокатское образование или адвокату, исполнению не подлежат. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарными проступками и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности».

Приведенные Правила в силу положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката подлежат обязательному исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

Вместе с тем в результате дисциплинарного разбирательства установлено и признано самой адвокатом З., что она представляла интересы К. в указанном административном деле, минуя получение заявки в АИС АПМ.

Довод адвоката З. о том, что она допустила это нарушение в силу неосторожности, поскольку ранее не осуществляла представление интересов административных ответчиков по данной категории административных дел и не нашла в АИС АПМ заявок по подобным делам, Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку ее участие в указанном административном деле на основании определения суда без заявки АИС АПМ явно противоречило обязательным к исполнению решениям органов адвокатского самоуправления. Для адвоката, участвующего в деле по назначению, добросовестное исполнение своих обязанностей начинается именно с соблюдения вышеназванных Правил, которое является безусловным и не предусматривающим исключений профессиональным требованием.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката З. в данной части опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении этого дисциплинарного нарушения установленной.

Оценивая профессиональное поведение адвоката З. в части дисциплинарного обвинения в необжаловании решения С. районного суда г. Москвы от 28 октября 2024 г. о недобровольной госпитализации К. в психиатрический стационар, Совет исходит из того, что подобная госпитализация по существу является одной из форм лишения свободы, что позволяет по аналогии распространять на эти решения требования положений п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего обязанность адвоката-защитника обжаловать приговор: (1) по просьбе подзащитного; (2) если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный; (3) при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам.

В качестве обоснования допустимости подобной аналогии в Заключении Квалификационной комиссии правильно приведены правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых указывается, что закрепленные ст. 22 и 46 Конституции Российской Федерации гарантии в отношении ограничения свободы только по решению суда, до вынесения которого лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов, действует и в качестве гарантии от необоснованного принудительного помещения гражданина в психиатрический стационар (Постановление от 27 февраля 2009 г. № 4-П), предусмотренные КАС РФ гарантии представительства прав и законных интересов гражданина, помещаемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, исключают оставление его без квалифицированной юридической помощи, в том числе при возникновении необходимости обжалования судебного акта (Определение от 26 октября 2017 г. № 2483-О).

Аналогичные требования содержатся и в Методических рекомендациях по представлению адвокатом интересов граждан в административном судопроизводстве по делам о недобровольной госпитализации в психиатрический стационар, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 17 марта 2025 г. Однако неисполнение этих рекоменда-

ций не может быть поставлено в вину адвокату З., поскольку их действию не может придаваться обратная сила при том, что предметом настоящего дисциплинарного производства являются действия (бездействие) адвоката З., совершенные в октябре 2024 г.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката З. о том, что причиной неподачи ею апелляционной жалобы на решение суда стала неясность позиции К. В судебном заседании адвокат З. возражала против недобровольной госпитализации К. в стационар, однако суд с этой позицией не согласился и принял решение о такой госпитализации. Таким образом, основания для обжалования решения суда были налицо.

Пассивное поведение К., отказ от беседы с адвокатом и от дачи объяснений в судебном заседании свидетельствовали о его беспомощном состоянии, что вкупе с правилами ч. 6 ст. 279 КАС РФ, согласно которым решение суда о принудительной госпитализации подлежит немедленному исполнению, затрудняло административному ответчику возможность самостоятельного апелляционного обжалования, что тем более требовало от адвоката З. активных и исчерпывающих действий по защите прав доверителя всеми не запрещенными законом способами.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката З. опровергнутой и в данной части, а ее умышленную вину в совершении описанного дисциплинарного нарушения установленной.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат З. не предприняла мер для того, чтобы связаться с родственниками К., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает недоказанным.

В соответствии с положениями подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами, что заявителем выполнено не было. Доказательств того, что адвокату З. были известны сведения о родственниках К., не представлено.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката З. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом профессиональных обязанностей и обязательных правил участия адвокатов в качестве защитников и представителей по назначению судов. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат З. к дисциплинарной ответственности не привлекалась, имеет длительный стаж адвокатской деятельности (с 2002 г.). При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату З. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату З. на необходимость неукоснительного исполнения следующих обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компе-

тенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату З. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в участии 28 октября 2024 г. в качестве представителя К. в судебном заседании С. районного суда г. Москвы по административному делу о госпитализации К. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке в нарушение п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176;

– нарушение взаимосвязанных положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в неподаче ею апелляционной жалобы на решение указанного суда от 28 октября 2024 г. по упомянутому административному делу по административному исковому заявлению ГБУЗ «ПКБ № … ДЗМ» к К. о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката З. по жалобе адвоката М. без даты, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.11. Статус адвоката прекращен с установлением трехлетнего срока запрета на допуск к квалификационному экзамену за недобросовестное отношение к обращению с денежными средствами доверителя и самоустранение от защиты.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Н.С, адвоката К.В., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Н. от 15 февраля 2024 г. в отношении адвоката К.В.

Квалификационная комиссия 19 ноября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниями подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исполнении адвокатом К.В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Н.Г., выразившемся в том, что, согласовав с ней в устной форме вознаграждение за осуществление защиты ее сына Н.С. на стадии предварительного расследования в размере …руб., 22 января 2024 г. он получил от нее указанную сумму полностью, при этом заключил с Н.Г. в письменной форме Соглашение об оказании юридической помощи № … от 22 января 2024 г., в п. 3.1 которого указал, что гонорар адвоката, являющийся вознаграждением за оказание юридической помощи по соглашению сторон, устанавливается в размере …руб. в месяц, а также выдал Н.Г. квитанцию к приходному кассовому ордеру от 22 января 2024 г. на сумму …рублей в качестве оплаты ею вознаграждения адвоката за шесть месяцев работы и расписку о получении …руб., не внеся указанную сумму в кассу адвокатского образования;

2) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом К.В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Н.Г., выразившемся в том, что, заключив с ней 22 января 2024 г. соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее осуществление им защиты Н.С. по уголовному делу, находящемуся в производстве СУ УМВД России по городскому округу… Московской области, на стадии предварительного расследования, адвокат К.В. самоустранился от его защиты, перепоручив защиту доверителя Н.С. в период с 8 по 29 февраля 2024 г. адвокату Адвокатского бюро «…» (далее – АБ) Д.В., без оформления дополнительного соглашения к ранее заключенному Соглашению от 22 января 2024 г., указанному выше, а затем и адвокатам Д.А. и К.Т., не являющимся партнерами АБ.;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К.В. по жалобе Н.Г. от 15 февраля 2024 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката К.В. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Н.Г. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась. Отвечая на вопросы членов Совета, сообщила, что была в офисе адвоката К.В. со свидетелем – ее другом, в присутствии которого адвокат К.В. лично передал ей …руб. и дал ей расписаться, что она получила эти …руб. Так и появилась «Расписка о возврате денежных средств» от 10 сентября 2024 г. Она не помнит точную дату этой встречи, но это было уже после того, как ее сын Н.С. был осужден в июне 2024 г. Адвокат К.В. обещал вернуть ей все деньги, но потом сам принес эту расписку в Адвокатскую палату города Москвы. Она очень надеялась, что адвокат К.В. поможет в деле ее сына, но потом начала понимать, что на самом деле ее обманывают. Поэтому считает, что адвоката К.В. нужно наказать так, чтобы в дальнейшем он не обманывал людей, т.е. лишить его адвокатского статуса.

Адвокат К.В. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комис-

сии и очень внимательное ознакомление с ним, с выводами Комиссии полностью согласился. Отвечая на вопросы членов Совета, утверждал, что «Расписка о получении денежных средств» от 22 января 2024 г. составлялась с его ведома и с его участием, при этом не может подтвердить версию, изложенную в данной расписке. Осознает, что допустил ряд ошибок, связанных с «управленческой осмотрительностью», и они повлекли за собой невозможность «исполнения финансовой дисциплины». Но денег Н.Г. он в руках не держал. Тем не менее он, осознавая свою ответственность, почти два год пытается вернуть деньги Н. Г. Ему известен круг лиц, которые в этой ситуации, воспользовавшись доверием Н.Г., взяли у нее деньги. Но он в этих отношениях выступает как медиатор. Есть группа третьих лиц, которые вели с его доверителем переговоры на стороне об оказании ей юридической помощи. К адвокату К.В. Н.Г. приехала для заключения соглашения, но за его спиной (о чем ему стало известно уже позже) эти третьи лица взяли у нее деньги, в том числе составив расписку на …руб. Впоследствии они «вытащили» из нее еще деньги, в связи с чем она обращалась в правоохранительные органы. С указанной группой людей он находится в диалоге по поводу того, чтобы они возместили Н.Г. ущерб. «Расписку о возврате денежных средств» он забрал у третьих лиц для подтверждения того, что они выплачивали Н.Г. деньги по договоренности – как забирали, так и возвращали.

На вопрос, с чем именно он в таком случае согласен в выводах Квалификационной комиссии, пояснил, что согласен «с каждым пунктом итога Заключения Комиссии»: что в кассу АБ было внесено …руб., а остальные …руб. им не были оприходованы, и на эту сумму была выдана расписка, но при этом этих денег он не видел и в руках не держал. Один из упоминавшихся им третьих лиц работал в качестве его помощника в АБ. Поэтому он признает, что «недостаточно обеспечивал доступ к реквизитам адвокатского бюро, не обеспечил сохранность печати, при которых возможно было бы составление данных документов» за его, адвоката К.В., спиной. Он также согласен с выводом Квалификационной комиссии о его самоустранении от защиты сына заявителя Н. Г. Признает, что допустил ошибку при оформлении соглашения с Н.Г. в части его исполнения. Он привлек к работе по делу адвокатов, которые были членами его АБ, и адвокатов, находившихся в «стадии перехода в бюро», которые при оказании юридической помощи Н.С. «вышли на некоторый результат». Его работа содержит определенные дефекты, и их Квалификационная комиссия как раз изложила в своем Заключении. Согласен с тем, что вся совокупность его поведения по существу к адвокатской деятельности отношения не имеет. Он очень сильно переживает, и это для него не стандартная практика, а небольшой опыт в качестве руководителя адвокатского бюро. Произошедшее заставило его критически пересмотреть принимаемые управленческие решения и степень личного контроля за финансовыми и договорными вопросами. В полной мере осознает, что вся ответственность за возникшую ситуацию лежит на нем. Его недостаточный контроль «привел к тем последствиям, которые рассматриваются сегодня на Совете». На мировое соглашение он не мог пойти, поскольку требования Н.Г. были избыточными и составляли …руб. Это непосильно и не соответствует фактическим обстоятельствам дела. Кроме того, Н.Г. до настоящего момента не обращалась в АБ с требованием возврата денег по распискам.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве СУ УМВД России по городскому округу находилось уголовное дело по обвинению Н.С. по ч. 4 ст. 159 УК РФ. 22 января 2024 г. между Н.Г. и адвокатом К.В. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № 13-В (далее – Соглашение). Из текста Соглашения следует, что оно заключено между адвокатами АБ в лице управляющего партнера К.В., действующего на основании Устава, именуемого в дальнейшем как Исполнитель, и Н.Г., именуемой в дальнейшем Доверитель. В соответствии с п. 1 Соглашения Исполнитель обязуется оказать юридическую помощь Н.С. на предварительном следствии по уголовному делу в СУ УМВД России по городскому округу… В соответствии с п. 3.1 Соглашения гонорар адвоката устанавливается в размере …руб. в месяц. Н.Г. была выдана квитанция к приходному кассовому ордеру от 22 января 2024 г., в соответствии с которой от нее в качестве оплаты вознаграждения адвоката по Соглашению за шесть месяцев принято …руб.

8 февраля 2024 г. Н.С. подал заявление на имя следователя К.П., в котором указал, что желает, чтобы его защиту осуществлял адвокат Д.В., отказываясь при этом от защитника – адвоката М. В тот же день АБ адвокату Д.В. был выдан ордер от 8 февраля 2024 г. на защиту Н.С. в СУ УМВД России по городскому округу… Московской области.

12 февраля 2024 г. Н.С. с участием адвоката Д.В. было предъявлено обвинение, и он был допрошен в качестве обвиняемого. В тот же день Н.С. и адвокат Д.В. были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу.

В период с 14 по 29 февраля 2024 г. следователем осуществлялось ознакомление Н.С. и его защитников – адвокатов Д.В., К.Т. и Д.А. с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ.

25 февраля 2024 г. адвокату К.Т. был выдан и представлен им следователю ордер на защиту Н.С. в СУ УМВД России по городскому округу… Ордер выдан «Адвокатским кабинетом» на основании соглашения от 25 февраля 2024 г. В тот же день Н.С. в присутствии адвоката К.Т. подал следователю К.П. заявление об отказе от защитника К.Т., поскольку его защиту осуществляет адвокат Д.В.

28 февраля 2024 г. Коллегией адвокатов города Москвы «Б.» адвокату Д.А. был выдан ордер на защиту Н.С. на стадии предварительного расследования. 29 февраля 2024 г. Н.С. подал следователю К.П. заявление об отказе от защитника – адвоката Д.В.

14 марта 2024 г. Н.С. и его защитник – адвокат Д.А. вновь были уведомлены в порядке, предусмотренном ст. 215 УПК РФ, об окончании следственных действий по уголовному делу, после чего в период с 15 по 22 марта 2024 г. они ознакомились с материалами уголовного дела.

С 26 марта по 24 июня 2024 г. уголовное дело по обвинению Н.С. по ч. 4 ст. 159 УК РФ находилось в производстве Х. городского суда Московской области, где защиту Н.С. осуществляли адвокат Д.А. (ордер от 5 апреля 2024 г., выданный АБ) и адвокат Г. (ордер от 15 мая 2024 г., выданный Коллегией адвокатов города Москвы «Ч.»). Приговором Х. районного суда г. Москвы от

24 июня 2024 г. Н.С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на 5 лет. На основании ст. 73 УК РФ суд постановил назначенное наказание считать условным. На указанный приговор осужденным Н.С. и его защитниками – адвокатами Г. и Д.А. были поданы апелляционные жалобы. 5 сентября 2024 г. апелляционным определением М. областного суда приговор оставлен без изменения, апелляционные жалобы – без удовлетворения. В заседании суда апелляционной инстанции защиту Н.С. осуществляли адвокаты Г. и Д.А.

Заявитель Н. Г. выдвинула против адвоката К.В. ряд дисциплинарных обвинений.

В первую очередь Н.Г. сообщила, что изначально адвокат К.В. запросил …руб. за оказание юридической помощи ее сыну – Н.С. на стадии предварительного расследования, а после получения денежных средств в этой сумме выдал Н.Г. квитанцию к приходному кассовому ордеру на сумму … руб. и расписку на оставшуюся сумму. В подписанном с ней соглашении об оказании юридической помощи он указал размер вознаграждения адвоката … руб. в месяц. Позднее адвокат К.В. заявил Н.Г. о необходимости доплаты за оказание юридической помощи Н.С. еще …руб. и получил от нее через третьих лиц указанную сумму без оформления каких-либо документов.

По поводу денежных расчетов заявителя Н.Г. с адвокатом К.В. в результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

Н.Г. была выдана расписка о получении денежных средств от 22 января 2024 г., в соответствии с которой АБ в лице управляющего партнера К.В. получило от Н.Г. денежные средства в размере …руб. На расписке имеются неразборчивая подпись с рукописной расшифровкой «К.В.» и оттиск печати АБ. Обстоятельства передачи адвокату К.В. денежных средств в размере … руб. в счет оплаты вознаграждения по Соглашению в ходе встречи, состоявшейся 22 января 2024 г., были подробно изложены в ходе дисциплинарного разбирательства не только заявителем Н.Г., но и свидетелем П., участвовавшей в этой встрече. Факт ее участия во встрече подтвердил и адвокат К.В.

Опрошенная по ходатайству заявителя Н.Г. свидетель П. сообщила, что она присутствовала на двух встречах Н.Г. с адвокатом К.В. Первая встреча состоялась зимой 2024 г. в офисе его адвокатского образования. Предварительно П. и Н.Г. собрали денежные средства, поскольку Н.Г. сказала, что некий «Алексей» от имени адвоката К.В. сообщил, что на встречу необходимо приехать с денежными средствами в размере … руб., и без оплаты соглашение заключено не будет. «Алексей» также сообщил, что сотрудничает с АБ, и он договорился с адвокатом К.В., назвал адрес и время, когда нужно будет приехать в офис для знакомства с адвокатом К.В.

Условия заключения соглашения на защиту сына Н.Г. были известны П., поскольку эту семью она знает давно, и Н.Г. занимала у нее …руб. для оплаты адвокату К.В. юридической помощи. На встрече присутствовали несколько человек: «Я.Е.» и «Алексей», познакомивший Н.Г. и П. с адвокатом К.В., и бухгалтер, которого адвокат К.В. пригласил, чтобы пересчитать денежные средства. Адвокат К.В. составил расписку. Сумма денежных средств составляла …рублей, из которых …руб. были уплачены за «юридические услуги иного характера», а … руб. составила оплата юридической помощи адвокатов, которые должны

были присутствовать на судебных заседаниях.

При предъявлении П. расписки о получении денежных средств от 22 января 2024 г. та подтвердила, что именно данная расписка составлялась в ее присутствии. Адвокат К.В. заполнил расписку непосредственно при ней, П. Адвокат К.В. сказал, что он не всегда сможет присутствовать лично, тогда делом будут заниматься его помощники, которые будут ему все докладывать. Он также сообщил, что сумма в размере …руб. не будет оформлена, чтобы не оплачивать налоги. Эта сумма предназначалась для «решения вопросов», и адвокат К.В. пояснил, что Н.Г. и П. не нужно знать, с кем они будут решаться. П. убедилась в наличии подписи в расписке и попросила поставить печать организации. Она, правда, не обратила внимания, что в расписке не заполнена графа о передаче денежных средств. Впоследствии П. также присутствовала при передаче денег, состоявшейся в доме Н.Г. От адвоката К.В. приехал человек и сказал Н.Г., что он «от К.В.», после чего Н.Г. передала ему …руб. П. настаивала на составлении расписки, но ее не послушали.

В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат К.В. по собственной инициативе представил копию «Расписки о возврате денежных средств» от 10 сентября 2024 г., согласно которой АБ в лице Управляющего партнера К.В. и Н.Г. подтверждено составление долговой расписки, «по которой гр. Н.Г. передавала АБ денежные средства в сумме в размере … (…) рублей». Здесь же имеется удостоверенная подписью Н.Г. запись следующего содержания: «Я, Н.Г., подтверждаю, что получила от АБ денежные средства в сумме … (…) рублей, переданные по долговой расписке от 22.01.2024 г. Претензий по частичному исполнению обязательств не имею».

При изложенных обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает доказанным факт получения адвокатом К.В. от заявителя Н.Г. денежных средств в размере …руб., которые не были внесены в кассу адвокатского образования. Этот вывод подтверждается совокупностью собранных в ходе дисциплинарного производства доказательств, а именно: пояснениями Н.Г., «Распиской о получении денежных средств» от 22 января 2024 г., пояснениями свидетеля П., «Распиской о возврате денежных средств» от 10 сентября 2024 г., полным согласием адвоката К.В. с выводами Квалификационной комиссии. Совет признает правильным вывод Квалификационной комиссии о том, что действия адвоката К.В., в том числе и как управляющего партнера АБ, свидетельствуют о фактическом признании им подлинности расписки от 22 января 2024 г. и получении в общей сложности …руб. от Н.Г. в указанную дату.

Совет отклоняет как несостоятельные и надуманные утверждения адвоката К.В. о том, что он «не брал деньги в руки», а Н.Г. обманывали «за его спиной» некие «третьи лица», имевшие доступ не только в помещение адвокатского образования, но и к его печати, а также к доверителям адвоката К.В. Как указано выше, и заявитель Н.Г., и свидетель П. последовательно и уверенно утверждают, что именно адвокат К.В. запросил …руб. и получил их в своем офисе, выдав расписку на …руб.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом К.В. професси-

ональных обязанностей перед доверителем Н.Г., выразившемся в том, что, согласовав с доверителем Н.Г. в устной форме вознаграждение за осуществление защиты ее сына Н.С. на стадии предварительного расследования в размере …руб., он 22 января 2024 г. получил от нее указанную сумму полностью, при этом заключил с Н.Г. в письменной форме Соглашение от 22 января 2024 г. № … в п. 3.1 которого указал, что вознаграждение адвоката за оказание юридической помощи устанавливается в размере …руб. в месяц, а также выдал Н.Г. квитанцию к приходному кассовому ордеру от 22 января 2024 г. на сумму … руб. в качестве оплаты ею вознаграждения адвоката за 6 месяцев работы и расписку о получении …руб., не внеся указанную сумму в кассу адвокатского образования.

В то же время доказательства передачи адвокату К.В. денежных средств в размере …руб. заявителем Н.Г. представлены не были, а ее собственные объяснения и объяснения свидетеля П. в отсутствие других доказательств не могут быть положены в основу вывода о получении адвокатом К.В. указанных денежных средств. Согласно п. 1 ст. 162 ГК РФ несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства. Однако заявителем Н.Г. не представлено письменных доказательств согласования с адвокатом К.В. условия о выплате дополнительного вознаграждения за осуществление защиты ее сына на предварительном следствии в размере …руб. При этом адвокат К.В. факт передачи ему Н.Г. через третьих лиц …руб. отрицает.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части доводов жалобы о передаче Н.Г. адвокату К.В. дополнительно …руб.

Переходя к рассмотрению дисциплинарного обвинения в том, что, несмотря на данное обещание лично осуществлять защиту Н.С. на стадии расследования уголовного дела, адвокат К.В. не осуществлял его защиту, для участия в следственных действиях не являлся, никакой юридической помощи Н.С. в период с 23 января по 14 марта 2024 г. не оказывал, Совет отмечает следующее.

В соответствии с п. 3 ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи с доверителем заключается управляющим партнером адвокатского бюро или иным партнером от имени всех партнеров на основании выданных ими доверенностей. В соответствии с подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате относится к существенным условиям соглашения об оказании юридической помощи. Указанное положение не содержит каких-либо исключений для соглашений об оказании юридической помощи, заключаемых в адвокатских бюро.

Из текста Соглашения следует, что оно заключено между адвокатами АБ в лице управляющего партнера К.В., действующего на основании Устава, именуемого в дальнейшем Исполнитель, и Н.Г., именуемой в дальнейшем Доверитель. Никаких указаний на иных

адвокатов АБ, принявших исполнение поручения, в Соглашении не содержится.

В соответствии с п. 1 Соглашения Исполнитель обязан оказать Доверителю юридическую помощь Н.С. на предварительном следствии по уголовному делу в СУ УМВД России по городскому округу… Московской области. При этом сам адвокат К.В. признает, что именно он являлся адвокатом – исполнителем поручения, предусмотренного Соглашением. Так, в письменных объяснениях от 2 марта 2025 г. он указывает: «…было заключено Соглашение № … об оказании юридической помощи в интересах ее сына, Н.С., мной». Таким образом, именно адвокат К.В. принял исполнение поручения на осуществление защиты Н. С. Однако, как достоверно установлено в ходе дисциплинарного разбирательства, адвокат К.В., приняв на себя защиту Н.С., в уголовное дело не вступил и никаких полномочий защитника не осуществлял.

Как указано выше, защиту Н.С. в период с 8 по 29 февраля 2024 г. осуществлял адвокат Д.В., с участием которого Н.С. было предъявлено обвинение, и он был допрошен в качестве обвиняемого. В период с 28 февраля по 22 марта 2024 г. защитником Н.С. был адвокат Д.А., с участием которого осуществлялось ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ. При этом адвокат Д.А. на момент вступления в уголовное дело состоял в другом адвокатском образовании (Коллегии адвокатов города Москвы «Б.»), а в АБ был принят лишь 11 марта 2024 г. Адвокат К.Т., чей ордер также имеется в материалах уголовного дела и который, по утверждениям адвоката К.В., также был «назначен» им для защиты Н.С., вообще никогда не состоял в АБ, при этом от адвоката К.Т. обвиняемый Н.С. отказался в день его вступления в уголовное дело. Это обстоятельство опровергает утверждение адвоката К.В. о том, что замена адвокатов – защитников Н.С. производилась им с согласия самого Н.С. и была направлена на реализацию выбранной стратегии защиты. Совет также отмечает, что наличие в Соглашения п. 2.2, предусматривающего право адвоката-исполнителя привлекать третьих лиц для выполнения поручения с согласия доверителя, ни в коей мере не освобождало адвоката К.В., принявшего поручение на защиту Н.С., от личного участия в исполнении этого поручения, поскольку третьи лица могли привлекаться к его исполнению только наряду с самим адвокатом К.В., но никак не вместо него. По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный и не соответствующий требованиям закона и профессиональной этики довод адвоката К.В. о том, что управляющий партнер адвокатского бюро, указав себя в соглашении об оказании юридической помощи в качестве адвоката-исполнителя, в дальнейшем без предварительного письменного согласования с доверителем может устраниться от непосредственного исполнения принятого им поручения, «перепоручая» его исполнение иным партнерам бюро, не указанным в соглашении в качестве адвокатов-исполнителей. Такое перепоручение тем более невозможно иным адвокатам, не состоящим в адвокатском бюро.

По этим причинам одностороннее изменение адвокатом К.В. существенных условий Соглашения, а именно его «самозамена» в качестве защитника Н.С. другими адвокатами бюро в отсутствие соответствующих письменных изменений и дополнений Соглашения, а также перепоручение принятого на себя обязательства по защите Н.С. адвокату, не входящему в АБ, не может быть

признано надлежащим исполнением адвокатом К.В. профессиональных обязанностей перед доверителем Н.Г. При этом именно адвокат как профессиональный участник отношений между ним и доверителем несет полную ответственность за надлежащее урегулирование и документальное закрепление этих отношений.

Вместе с тем, как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и описано выше, адвокат К.В. в уголовное дело в качестве защитника Н.С. не вступил, никаких юридически значимых действий по защите Н.С. не осуществлял. Фактически адвокат К.В. самоустранился от принятой на себя защиты Н.С., что он и признал полностью в заседании Совета.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом К.В. профессиональных обязанностей перед доверителем Н.Г., выразившемся в том, что, заключив с ней 22 января 2024 г. соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее осуществление им защиты Н.С. по уголовному делу, находящемуся в производстве СУ УМВД России по городскому округу… Московской области, на стадии предварительного расследования, адвокат К.В. самоустранился от его защиты, перепоручив защиту доверителя Н.С. в период с 8 по 29 февраля 2024 г. адвокату АБ Д.В. без оформления дополнительного соглашения к ранее заключенному Соглашению от 22 января 2024 г. № … а затем и адвокатам Д.А. и К.Т., не являвшимся партнерами АБ.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К.В. за совершенные нарушения, Совет учитывает их системный, умышленный и грубый характер, свидетельствующий о злостном игнорировании основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и профессиональной этики. Адвокат К.В., являющийся к тому же управляющим партнером адвокатского бюро, не только не обеспечил надлежащую формализацию отношений с доверителем Н.Г., но и как адвокат, принявший поручение доверителя, уклонился от исполнения обязанности по оказанию квалифицированной юридической помощи Н.С., находившемуся под стражей в связи с привлечением к уголовной ответственности. Совет оценивает профессиональное поведение адвоката К.В. как недопустимое и несовместимое со статусом адвоката. С учетом установленных и описанных выше обстоятельств Совет полагает, что адвокат К.В. при осуществлении профессиональной деятельности руководствуется целями и мотивами, не связанными с ее назначением и существом профессии адвоката. При таких обстоятельствах Совет считает необходимым применить к адвокату К.В. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката и не находит оснований для применения к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как с учетом тяжести нарушений и необходимости обеспечения требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что это могло бы создать ложное впечатление о совместимости подобного поведения

с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К.В. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные по настоящему дисциплинарному делу обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности К.В., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К.В. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниями подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Н.Г., выразившееся в том, что, согласовав с ней в устной форме вознаграждение за осуществление защиты ее сына Н.С. на стадии предварительного расследования в размере …руб., он 22 января 2024 г. получил от нее указанную сумму полностью, при этом заключил с Н.Г. в письменной форме Соглашение об оказании юридической помощи № … от 22 января 2024 г., в п. 3.1 которого указал, что гонорар адвоката, являющийся вознаграждением за оказание юридической помощи по Соглашению сторон, устанавливается в размере …руб. в месяц, а также выдал Н.Г. квитанцию к приходному кассовому ордеру от 22 января 2024 г. на сумму …руб. в качестве оплаты ею вознаграждения адвоката за шесть месяцев работы и расписку о получении …руб., не внеся указанную сумму в кассу адвокатского образования;

– неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем Н.Г., выразившееся в том, что, заключив с ней 22 января 2024 г. соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее осуществление им защиты Н.С. по уголовному делу, находящемуся в производстве СУ УМВД России по городскому округу… Московской области, на стадии предварительного расследования, он самоустранился от защиты Н.С., перепоручив ее осуществление в период с 8 по 29 февраля 2024 г. адвокату АБ Д.В. без оформления дополнительного соглашения к ранее заключенному Соглашению от 22 января 2024 г., а затем и адвокатам Д.А. и К.Т., не являвшимися партнерами АБ.

Установить в отношении К.В. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К.В. по жалобе Н.Г. от 15 февраля 2024 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката К.В. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.12. Адвокат получил предупреждение за то, что не внес в протокол задержания доверителя замечание о времени его фактического задержания и не подал в установленный УПК срок апелляционную жалобу на постановление суда о заключении доверителя под стражу. Остальные дисциплинарные обвинения, выдвинутые доверителем, Совет признал неконкретными и необоснованными.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя заявителя М. – адвоката А. и адвоката П. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 22 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в невнесении в протокол задержания М. от 12 марта 2025 г. замечаний с указанием сведений о времени его фактического задержания, имевшего место еще 11 марта 2025 г.;

2) о неисполнении адвокатом П., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся в неподаче им в установленный уголовно-процессуальным законом срок апелляционной жалобы на постановление И. районного суда г. Москвы от 14 марта 2025 г. об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей перед доверителем М.

Заявитель М., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился (содержится под стражей), обеспечил участие представителя.

Представитель заявителя М. – адвокат А. и адвокат П. в заседании Совета подтвердили получение Заключения и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласились.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

30 января 2025 г. Следственным отделом ОМВД России по району С. г. Москвы в отношении неустановленного лица возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ. 11 марта 2025 г. М. был фактически задержан и доставлен в следственный отдел. Однако в протоколе задержания, составленном 12 марта 2025 г. с участием защитника по соглашению – адвоката П., время и место задержания были указаны неверно (17.00 час. 12 марта 2025 г.), на что адвокат не отреагировал и замечания в протокол не внес.

14 марта 2025 г. в отношении М. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Его защитник – адвокат П. возражал против этой меры, однако не подал апелляционную жалобу в установленный законом трехдневный срок, подав ее лишь 18 марта 2025 г. В восстановлении пропущенного срока на обжалование судом было отказано.

22 марта 2025 г. М.И. в мессенджере направила адвокату П. уведомление о расторжении соглашения.

Заявитель М. выдвигает в отношении адвоката П. дисциплинарные обвинения в игнорировании неправильного указания в протоколе задержания времени его фактического задержания (11 марта 2025 г.) и примененных к нему пыток, а также в склонении к признанию вины вместо активной защиты. Кроме того, по мнению заявителя, адвокат при избрании меры пресечения не указал суду на нарушения УПК РФ, а впоследствии сообщил ложные сведения о подаче апелляционной жалобы, скрыв пропуск срока, и недобросовестно получил вознаграждение от его матери. П. также вменяется заявителем неявка в судебное заседание 28 апреля 2025 г. без уважительных причин.

Оценивая выдвинутые дисциплинарные обвинения, Совет отмечает следующее.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что М. был фактически лишен свободы 11 марта 2025 г., однако в протоколе задержания, составленном 12 марта 2025 г., следователем неверно указано время задержания – 17.00 час. 12 марта 2025 г. Адвокат П., зная об этом от доверителя, никаких возражений и замечаний по этому поводу не сделал.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат обязан следить за соблюдением закона в отношении доверителя и ходатайствовать об устранении нарушений.

Описанное бездействие адвоката П. Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, квалифицирует как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей и отмечает, что оно затруднило доверителю возможность эффективно оспаривать законность и срок его содержания под стражей.

В соответствии с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве адвокат обязан обжаловать решение суда об избрании меры пресечения, если суд не разделил его позицию. Однако адвокат П. эту обязанность не исполнил, и его профессиональное поведение Совет расценивает как неисполнение профессиональных обязан-

ностей, повлекшее нарушение права доверителя на своевременный доступ к правосудию.

Письменного отказа доверителя М. от обжалования постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу адвокатом представлено не было. Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката П. о технической ошибке при подаче жалобы через электронный портал, так как доказательств надлежащих попыток своевременной подачи жалобы им не представлено, а суд признал причины пропуска неуважительными. Совет расценивает пропуск адвокатом процессуального срока как грубое нарушение предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В части дисциплинарных обвинений в ненадлежащем консультировании при допросах и склонении к признанию вины Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства. Данные доводы сформулированы заявителем неконкретно и не подкреплены доказательствами. Презумпция добросовестности адвоката П. в этой части не опровергнута.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении неявки адвоката в судебное заседание 28 апреля 2025 г., поскольку соглашение с адвокатом П. было расторгнуто доверителем М.И. 22 марта 2025 г., а сам обвиняемый М. отказался от него 25 марта 2025 г. Таким образом, у адвоката П. отсутствовали основания для участия в процессе.

Также Совет отклоняет довод об обмане адвокатом П. матери заявителя при заключении соглашения, поскольку заявитель не является участником этих отношений.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, сопряженный с явным и умышленным игнорированием основополагающих норм законодательства и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также интересов доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката П. Совет признает недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет учитывает значительный стаж адвокатской деятельности адвоката П. и отсутствие у него действующих дисциплинарных взысканий, а также факт признания им нарушений и данные Совету заверения о недопустимости подобного поведения впредь.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату П. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12

Кодекса профессиональной этики адвоката (участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в невнесении в протокол задержания последнего от 12 марта 2025 г. замечаний с указанием сведений о времени его фактического задержания, имевшего место еще 11 марта 2025 г.;

неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в неподаче им в установленный уголовно-процессуальным законом срок апелляционной жалобы на постановление И. районного суда г. Москвы от 14 марта 2025 г. об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.13. Адвокат привлечен к дисциплинарной ответственности за то, что не явился в судебное заседание, перепоручив участие в нем иному лицу, не являющемуся адвокатом, а после прекращения доверителем поручения не возвратил ему подлинник доверенности и не представил по требованию доверителя копии материалов адвокатского производства, что являлось его обязательством по соглашению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя заявителя ООО «Б.С.» – З., адвоката С. и его представителя – адвоката С.Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам генерального директора ООО «Б.С.» Б. в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 8 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом С. профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «Б.С.», выразившемся в том, что, получив 10 июля 2025 г. от доверителя уведомление от 21 апреля 2025 г. о расторжении договора об оказании юридической помощи, он:

– не возвратил ООО «Б.С.» подлинники доверенностей от 11 июня и от 30 сентября 2024 г.;

– не представил доверителю по его требованию копии материалов адвокатского производства (адвокатское досье), обязанность передать которые доверителю принята Адвокатским бюро «…» (далее – АБ) в лице управляющего партнера – адвоката С. по договору от 7 июня 2024 г.;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. профессиональ-

ных обязанностей перед доверителем ООО «Б.С.», выразившемся в том, что, заключив 7 июня 2024 г. с ООО «Б.С.» договор на оказание юридической помощи, в соответствии с пп. 1.1, 1.2 которого адвокаты-партнеры АБ приняли поручение на оказание юридической помощи доверителю по спорным правоотношениям с ООО «К.А.», возникшим из договора строительного подряда от 27 февраля 2024 г. № … включая представление интересов ООО «Б.С.» в арбитражном суде, адвокат С. не явился 24 октября 2024 г. в предварительное судебное заседание Арбитражного суда г. М. по делу № 1 по иску ООО «К.А.» к доверителю, а 21 ноября 2024 г. не явился в заседание того же суда по рассмотрению дела № 2 по иску доверителя к ООО «К.А.», не обеспечил участие в указанных заседаниях других адвокатов АБ и перепоручил участие в заседаниях Б., не являвшемуся сотрудником этого АБ и не имеющему статуса адвоката, оставив тем самым доверителя ООО «Б.С.» без квалифицированной юридической помощи;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по жалобам генерального директора ООО «Б.С.» Б., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, ознакомился с ним, с выводами Комиссии частично не согласен, поддержал свои письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии. В этих возражениях указал, что в АБ произошли изменения, вследствие которых с 1 сентября 2024 г. из него вышли адвокат М. и часть сотрудников, в том числе Б. Последний трудоустроился в ООО «Юридическое бюро “Д.”», осуществляющее деятельность по адресу, где ранее находилось АБ. По этой причине после 1 сентября 2024 г. Б. не подчинялся адвокату С. и никаких его поручений получать и исполнять не мог. Кроме того, после 1 сентября 2024 г. юридическую помощь заявителю ООО «Б.С.» какое-то время параллельно оказывали и адвокаты АБ, и вышедший из АБ адвокат М., а также бывшие сотрудники АБ, в том числе Б. В связи с такой реорганизацией заявитель выдал доверенность от 30 сентября 2024 г. адвокату М. и бывшим сотрудникам АБ, в том числе Б., однако указанную доверенность адвокат С. не получал и обязанности вернуть ее доверителю у него нет. После 1 сентября 2024 г. между адвокатами АБ, адвокатом М. и ООО «Б.С.» была достигнута устная договоренность о том, что представительство заявителя в судебных заседаниях по делу № 2 будут осуществлять адвокаты АБ, а по делу № 1 – адвокат М. и ушедшие из АБ сотрудники, в том числе Б. Все документы, составляющие адвокатское досье, были в наличии у заявителя, и передавать ему что-то еще дополнительно не было никакой необходимости. Юридическая помощь ООО «Б.С.» была оказана качественно и в полном объеме, при этом исковые требования ООО «Б.С.» были удовлетворены. Судебные заседания, в которых не участвовали он и другие адвокаты АБ, проводились по инициативе суда и носили технический (процедурный) характер, поэтому от участия в них адвокатов ничего не зависело. По этим причинам адвокат С. согласился с выводом Квалификационной комиссии о неисполнении профессиональных обязанностей перед ООО «Б.С.» в части невозврата заявителю подлинника доверенности

от 11 июня 2024 г., однако в остальной части полагает, что в его действиях отсутствует дисциплинарный проступок.

Представитель ООО «Б.С.» З. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии заявителем получено, с выводами Комиссии Общество согласно в полном объеме.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельства дела, однако с ее выводами соглашается частично и полагает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

7 июня 2024 г. между заявителем ООО «Б.С.» и АБ в лице управляющего партнера – адвоката С. был заключен договор на оказание юридической помощи (далее также – Договор), п. 1.2 которого предусмотрено: «*Предметом настоящего Договора является представление АБ интересов ООО "Б.С." по спорным правоотношениям с ООО "К.А.", возникшим из договора строительного подряда № … от 27.02.2024. При этом представление интересов включает в себя право на возбуждение дела в арбитражном суде с самостоятельным определением характера и объема исковых требований и возражений, возможность их изменения, с распоряжением материальными правами и процессуальными средствами их защиты, включая, при необходимости, возбуждение апелляционного и кассационного производства с участием в судебных заседаниях указанных инстанций*».

Согласованное сторонами вознаграждение в размере …руб. было оплачено заявителем полностью в безналичном порядке четырьмя платежами 7 июня, 16 июля, 29 августа и 30 сентября 2024 г.

Обязательства по представлению интересов ООО «Б.С.» приняли на себя адвокаты-партнеры АБ (п. 1.3 Договора). На дату заключения Договора с ООО «Б.С.» адвокатами АБ являлись С. (управляющий партнер), С.Е., М. и У.

Пунктами 2.2.1, 2.2.2 Договора предусматривалась возможность привлечения для выполнения поручения, наряду с адвокатами АБ, помощников и стажеров адвокатов АБ, привлечение других специалистов допускалось только с письменного согласия доверителя – ООО «Б.С.».

Для оказания юридической помощи заявителем была выдана доверенность от 11 июня 2024 г. сроком на три года адвокатам АБ С., С.Е. и М., а также Б. и иным лицам, которой каждый из поверенных был наделен правом представлять интересы ООО «Б.С.» в судах, арбитражных судах Российской Федерации со всем объемом полномочий, предусмотренных процессуальным законодательством. Кроме того, 30 сентября 2024 г. ООО «Б.С.» в лице генерального директора Б. выдало доверенность на представление интересов юридического лица при проведении испытаний проб и образцов М., Д., Б., Ф., Н.

Адвокат С. участвовал в оказании юридической помощи по договору от 7 июня 2024 г., в том числе анализировал документы, участвовал в совещаниях с заявителем по обсуждению позиции, подготовил исковое заявление к ООО «К.А.» в Арбитражный суд г. М., на основании которого было возбуждено производство по делу № 2. В судебных заседаниях по данному делу, а также по делу № 1, возбужденному по иску ООО «К.А.» к заявителю о взыскании денежных средств, в интересах заявителя участвовали представитель по дове-

ренности – юрист ООО «К.А.» З., а также адвокат С.Е. и Б.

Пунктом 4.2 Договора предусмотрено право ООО «Б.С.» в любой момент в одностороннем порядке отменить поручение, направив письменное предупреждение в адрес АБ.

23 апреля 2025 г. по указанному в Договоре адресу АБ Почтой России письмом с объявленной ценностью и описью вложения в АБ было направлено уведомление ООО «Б.С.» от 21 апреля 2025 г. о расторжении договора на оказание юридической помощи со ссылкой на п. 4.2 Договора. Однако в почтовых документах, оформляющих данное отправление, в качестве отправителя было указано ООО «Б.С.Д.». Уведомление содержало требование о возврате оригиналов документов и доверенностей, передаче заявителю копии адвокатского досье, подготовленных для заявителя «электронных документов», о предоставлении акта выполненных работ и возврате неотработанной части вознаграждения. Указанное почтовое отправление не было получено АБ и было возвращено отправителю ООО «Б.С.» 3 июня 2025 г., что подтверждается в том числе сведениями официального сайта Почты России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Как указал адвокат С. в письменных объяснениях, данное почтовое отправление не было получено по причине того, что отправитель – ООО «Б.С.Д.» не был известен получателю.

10 июля 2025 г. заявитель подал в АБ по электронной почте досудебную претензию, в которой было указано на расторжение Договора уведомлением от 23 апреля 2025 г. В претензии были повторены требования, изложенные в этом уведомлении: о возврате подлинников документов и доверенностей, предоставлении копии адвокатского досье и «электронных документов», предоставлении акта выполненных работ и возврате неотработанного вознаграждения. Кроме того, в претензии было указано, что для оценки стоимости оказанной адвокатами юридической помощи был привлечен сторонний специалист, согласно мнению которого подлежащая возврату сумма неотработанного вознаграждения составляет …руб. 11 июля 2025 года досудебная претензия от 10 июля 2005 г. была направлена в АБ также Почтой России.

14 июля 2025 г. управляющим партнером АБ – адвокатом С. по электронной почте был направлен ответ заявителю от 14 июля 2025 г. на досудебную претензию, в котором было указано на неполучение уведомления о расторжении договора и необоснованность претензий заявителя в ненадлежащем качестве оказанной юридической помощи, а также на то, что вознаграждение по Договору отработано полностью.

15 июля 2025 г. заявителем в АБ были направлены по электронной почте уведомление от 21 апреля 2025 г. о расторжении Договора и подтверждение его отправки Почтой России. В этот же день АБ по электронной почте был направлен ответ заявителю следующего содержания: «*Вы прекрасно направляли и получали корреспонденцию по электронной почте и данный порядок сложился между нашими компаниями. Ваши действия вызывают просто недоумение. Вы утверждаете о некачественных услугах? Просьба сообщить, какие именно услуги были оказаны некачественно и на чем основаны Ваши утверждения?*».

Заявителем в жалобах выдвинуты многочисленные дисциплинарные обвинения в отношении адвоката С., а именно:

– в невозврате после расторжения Договора подлинников доверенностей,

подлинников документов, переданных для работы и непредставлении копии адвокатского досье с «электронными документами», подготовленными адвокатами в ходе выполнения поручения;

– непредоставлении акта выполненных работ;

– невозврате неотработанной части вознаграждения;

– использовании неуважительных формулировок в адрес заявителя, содержащихся в ответе по электронной почте;

– невыдаче квитанций об оплате вознаграждения;

– неоказании квалифицированной юридической помощи;

– неучастии адвоката С. и иных адвокатов АБ в судебных заседаниях и направлении в судебные заседания Б., не являющегося адвокатом, а также в подписании Б. заявления об ознакомлении с аудиопротоколом судебного заседания.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что после расторжения заявителем Договора от 7 июня 2024 г. подлинники доверенностей и документов, переданные в АБ для выполнения поручения, не были возвращены, а также заявителю не была представлена копия адвокатского досье, «электронные документы», подготовленные в ходе выполнения поручения, не был представлен акт выполненных работ, не была возвращена неотработанная часть вознаграждения, несмотря на то, что соответствующие требования содержались в уведомлении от 21 апреля 2025 г. о расторжении Договора и в досудебной претензии от 10 июля 2025 г., направленных в АБ, Совет пришел к следующим выводам.

Пунктом 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката установлено, что при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу и доверенность, а также при отмене или по исполнении поручения предоставить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе.

Адвокат С., имеющий длительный профессиональный стаж, обязан знать и исполнять эти нормативные требования. При этом из его устных объяснений следует, что после получения досудебной претензии и уведомления о расторжении договора он понимал невозможность продолжения оказания юридической помощи заявителю и не имел таких намерений. Следовательно, он, являясь управляющим партнером АБ, должен был обеспечить возврат заявителю подлинников доверенностей.

В материалах дисциплинарного производства имеются копии следующих доверенностей, выданных заявителем: от 11 июня 2024 г. адвокатам АБ С., М. и С.Е., сотруднику АБ Б. и иным лицам, а также от 30 сентября 2024 г. адвокату М., Д., Б. и иным лицам.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокаты С., С.Е., У. и М. являлись адвокатами АБ в период оказания юридической помощи заявителю, при этом адвокат М. вышел из состава адвокатов бюро 1 сентября 2024 г.

Вместе с тем в доверенности от 30 сентября 2024 г. отсутствует упоминание адвоката С. и иных адвокатов АБ, а в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства получения адвокатом С. этой доверенности.

При таких обстоятельствах Совет, согласившись с Квалификационной комиссией, пришел к выводу о неисполнении адвокатом С. профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «Б.С.», выразившемся в невозвра-

щении при описанных обстоятельствах подлинника доверенности от 11 июня 2024 г.

Вместе с тем Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в невозвращении адвокатом С. подлинника доверенности от 30 сентября 2024 г.

Рассматривая претензии заявителя в невозврате адвокатом С. подлинников документов, Совет пришел к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части в связи со следующими обстоятельствами.

Согласно положениям подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба должна содержать указания на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса, а также на соответствующие обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Адвокат С. последовательно указывал, что для выполнения правовой работы по Договору от 7 июня 2024 г. заявителем передавались лишь копии документов, и доказательств обратного в материалах дисциплинарного производства не имеется. Более того, Квалификационная комиссия предлагала заявителю конкретизировать рассматриваемое дисциплинарное обвинение, указав, какие именно подлинники документов, помимо доверенностей, передавались в АБ для оказания юридической помощи, и представить соответствующие доказательства, чего заявителем сделано не было.

Рассматривая довод жалобы о том, что адвокатом С. не исполнено требование заявителя о предоставлении копии адвокатского досье, документов в электронном виде, подготовленных в ходе выполнения поручения, Совет пришел к следующим выводам.

Пункт 2.1.4 Договора от 7 июня 2024 г. содержит обязательство адвокатов о передаче заявителю по его письменному заявлению адвокатского досье со всеми находящимися в нем материалами и документами после окончания выполнения поручения. Кроме того, пунктом 2.4.2 Договора предусмотрено право ООО «Б.С.» «получить материалы делопроизводства по настоящему договору» после окончания исполнения поручения и при условии исполнения обязательств по оплате оказанной юридической помощи.

Согласно Методическим рекомендациям по ведению адвокатского производства (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 11 июня 2010 г. (Протокол № 5), действуют с изменениями и дополнениями, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 г. (Протокол № 7)) адвокатское досье – это условное название материалов адвокатского производства, которое может вестись на бумажных носителях и в электронном виде и должно содержать среди прочего составленные адвокатом для доверителя документы.

Как указано выше, определенное сторонами в п. 3.1 Договора вознаграждение в размере …руб. было оплачено заявителем полностью. Уведомление от 21 апреля 2025 г. о расторжении Договора было направлено заявителем в АБ Почтой России 23 апреля 2025 г. и по электронной почте 15 июля 2025 г.

А 10 июля 2025 г. заявителем в АБ Почтой России и по электронной почте была направлена досудебная претензия от 10 июля 2025 г., в которой содержались ссылка на уведомление о расторжении Договора и повторялись изложенные в нем требования. Таким образом, не позднее 10 июля 2025 г. адвокат С. узнал об отказе ООО «Б.С.» от продолжения сотрудничества и расторжении Договора. Однако требования доверителя, связанные в том числе с предоставлением копии адвокатского досье и подготовленных для ООО «Б.С.» документов в электронном виде, адвокатом С., являющимся управляющим партнером АБ, исполнены не были.

При таких обстоятельствах Совет, согласившись с Квалификационной комиссией, пришел к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом С. обязанностей перед заявителем ООО «Б.С.», выразившемся в непередаче заявителю копии материалов адвокатского производства (адвокатского досье), в том числе подготовленных для заявителя в ходе оказания юридической помощи по договору документов в электронном виде.

В то же время Совет пришел к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части доводов жалобы о том, что заявителю не был представлен акт выполненных работ, поскольку Договором от 7 июня 2024 г. не предусмотрено ни право ООО «Б.С.» требовать представления такого акта, ни обязанность адвокатов либо АБ его представить. Не возлагается на адвоката обязанность по оформлению акта выполненных работ и законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Претензия заявителя в невозвращении неотработанной части вознаграждения не подлежит рассмотрению по существу в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку ее рассмотрение находится за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Все споры и разногласия между адвокатом и доверителем, касающиеся размера вознаграждения, разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что формулировки ответа АБ на сообщение заявителя от 15 июля 2025 г. носят неуважительный характер, Совет, согласившись с Квалификационной комиссией, пришел к выводу об их необоснованности.

Приведенное выше письмо адвоката С. как по форме, так и по содержанию соответствует требованиям п. 2 ч. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, которым установлена обязанность адвоката уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения, соответствующих деловому общению. Это письмо не содержит неуважительных или грубых выражений, сниженной лексики. Сами по себе факт несогласия адвоката С. с мнением заявителя о ненадлежащем качестве оказанной тому юридической помощи, а также напоминание о том, что переписка между сторонами осуществляется по электронной почте, не свидетельствуют о проявлении неуважения к доверителю.

Таким образом, и в данной части дисциплинарное производство подлежит прекращению.

К такому же выводу Совет пришел в отношении довода жалобы заявителя о том, что ему не были выданы квитанции об оплате или иные финансовые документы по проведению операций с денежными средствами заявителя. Вопреки утверждениям заявителя, требования п. 6 ст. 25 Федерального за-

кона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» об обязательном внесении вознаграждения, выплачиваемого адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо о перечислении вознаграждения на расчетный счет адвокатского образования в рассматриваемых обстоятельствах были исполнены надлежащим образом. Так, доверитель осуществил оплату вознаграждения в безналичном порядке на банковский счет АБ, и такой порядок оплаты предусмотрен п. 3.1 Договора от 7 июня 2024 г. При такой форме оплаты дополнительное документальное подтверждение ее осуществления не требуется, поскольку у плательщика имеются соответствующие банковские документы об осуществлении платежа.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неоказании заявителю квалифицированной юридической помощи, неучастии адвоката С. и иных адвокатов АБ в судебных заседаниях и направлении в судебные заседания Б., не являющегося адвокатом, а также в подписании последним заявления об ознакомлении с аудиопротоколом судебного заседания, Совет пришел к следующим выводам.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в судебных заседаниях Арбитражного суда г. М. 24 октября 2024 г. по делу № 1 по иску ООО «К.А.» к доверителю и 21 ноября 2024 г. по делу № 2 по иску доверителя к ООО «К.А.» ни адвокат С., ни иные адвокаты АБ не участвовали. Интересы заявителя в указанных заседаниях представлял Б., не имеющий статуса адвоката. При этом, как указано выше, с 1 сентября 2024 г. Б. работником АБ не являлся, а 2 сентября 2024 г. был принят на работу в ООО «Юридическое бюро “Д.”».

Таким образом, после 1 сентября 2024 г. адвокат С. не имел никаких полномочий в отношении Б., в том числе не мог давать ему указания об участии в каких-либо судебных заседаниях вместо себя и иных адвокатов АБ. По этой причине Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о перепоручении адвокатом С. участия в судебных заседаниях Арбитражного суда г. М. 24 октября 2024 г. по делу № 1 и 21 ноября 2024 г. по делу № 2 Б., поскольку этот вывод противоречит установленным Квалификационной комиссией фактическим обстоятельствам. Данное дисциплинарное обвинение Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, исключает и приходит к выводу о прекращении в данной части дисциплинарного производства.

В то же время Совет отмечает, что адвокат, принявший поручение доверителя об оказании юридической помощи, несет личную профессиональную ответственность за его надлежащее и квалифицированное исполнение в соответствии с требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Представление интересов доверителя в конституционном, гражданском, административном судопроизводстве является видом адвокатской юридической помощи, прямо предусмотренным п. 2 ст. 2 указанного закона.

Совет отклоняет как несостоятельные и не соответствующие требованию надлежащего исполнения профессиональных обязанностей доводы адвоката С. о том, что он и иные адвокаты АБ не должны были принимать участие в судебных заседаниях по делу № 1, поскольку их должен был сопровождать адвокат М. согласно устной договоренности, достигнутой с ним после его выхода из АБ, а также о том, что судебные заседания 24 октября и 21 ноября 2024 г. носили формальный (процедурный, технический) характер, поскольку

в них судом принимались решения об объединении дел в одно производство, и это не требовало участия адвокатов. Никаких подтверждений наличия такой договоренности и ее согласования с доверителем адвокатом С. не представлено, а предметом Договора от 7 июня 2024 г., как указано выше, являлось представление адвокатами АБ интересов ООО «Б.С.» по вопросу урегулирования гражданско-правового спора с ООО «К.А.», возникшего вследствие предъявления взаимных претензий в связи с исполнением Договора строительного подряда № … от 27.02.2024, а не представление интересов заявителя в конкретном деле.

Процессуальным законом и правилами профессиональной этики не предусмотрено деление судебных заседаний на «формальные» и «сущностные». Совет уже неоднократно указывал, что такое деление является непрофессиональным хотя бы потому, что невозможно заранее знать, что произойдет в том или ином судебном заседании, а права и интересы доверителя должны быть во всех случаях представлены надлежащим образом. Таким образом, адвокат С., подписавший с ООО «Б.С.» Договор от 7 июня 2024 г. как управляющий партнер АБ, принявший и исполнявший поручение заявителя, должен был обеспечить надлежащее исполнение требований закона и принятых обязательств, что, безусловно, подразумевало участие адвокатов АБ во всех судебных заседаниях в целях защиты интересов ООО «Б.С.» вне зависимости от участия в них каких-либо иных представителей. В случае же невозможности по уважительной причине обеспечить участие кого-либо из адвокатов АБ в судебном заседании адвокат С. должен был проинформировать об этом доверителя и получить его прямое и недвусмысленное согласие на участие в судебном заседании иного лица.

При таких обстоятельствах Совет, согласившись в данной части с Квалификационной комиссией, пришел к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом С. профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «Б.С.», выразившемся в неявке при описанных обстоятельствах адвоката С. 24 октября 2024 г. в предварительное судебное заседание Арбитражного суда г. М. по делу № 1, а 21 ноября 2024 г. – в заседание того же суда по рассмотрению дела № 2 и необеспечении участия в указанных судебных заседаниях других адвокатов АБ. Вместе с тем Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что указанной неявкой доверитель был оставлен без квалифицированной юридической помощи, поскольку в результате дисциплинарного разбирательства установлено обратное: ООО «Б.С.» было обеспечено юридической помощью в указанных судебных заседаниях силами иных представителей. По этой причине дисциплинарное обвинение в оставлении доверителя без квалифицированной юридической помощи Совет также исключает с прекращением дисциплинарного производства в данной части.

Иные содержащиеся в жалобах заявителя претензии в ненадлежащем оказании юридической помощи Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованными, поскольку заявителем не представлены доказательства нарушений адвокатом С. требований профессиональной этики. Адвокат С. в письменных объяснениях категорически и последовательно возражал против претензий заявителя в неоказании ему квалифицированной юридической помощи, указывал, что позиция по делу и тактика ее реализации всегда обсуждались и согласовывались с заявителем в ходе неоднократных совещаний, предложение выбранной

судом экспертной организации и вопросы эксперту исходили именно от адвокатов АБ, все процессуальные документы, которые подавал в том числе Б. в интересах заявителя, согласовывались адвокатами АБ. Данные доводы адвоката С. заявителем не опровергнуты. Претензии в том, что юридическая помощь в целом не была оказана надлежащим образом, в том числе в бездействии адвокатов АБ при оказании юридической помощи, неконкретны, голословны и не подтверждены доказательствами.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. в данной части неопровергнутой.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за совершенные нарушения, Совет учитывает, что при их совершении адвокат проигнорировал требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре. В то же время Совет принимает во внимание, что адвокат С. имеет значительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, его действиями существенного вреда интересам доверителя и авторитету адвокатуры не причинено. При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к адвокату С. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за:

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «Б.С.», выразившемся в том, что, получив 10 июля 2025 г. от доверителя уведомление от 21 апреля 2025 г. о расторжении договора об оказании юридической помощи, он не возвратил ООО «Б.С.» подлинник доверенности от 11 июня 2024 г. и не представил доверителю по его требованию копии материалов адвокатского производства (адвокатское досье), обязанность передать которые доверителю принята АБ в лице управляющего партнера – адвоката С. по Договору от 7 июня 2024 г.;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «Б.С.», выразившееся в том, что, заключив 7 июня 2024 г. с ООО «Б.С.» договор на оказание юридической помощи, в соответствии с пп. 1.1, 1.2 которого адвокаты-партнеры АБ приняли поручение на оказание юридической помощи доверителю по спорным правоотношениям с ООО «К.А.», возникшим из Договора строительного подряда от 27 февраля 2024 г. № … включая представление интересов ООО «Б.С.» в арбитражном суде, адвокат С. не явился 24 октября 2024 г. в предварительное судебное заседание Арбитражного суда г. М. по

делу № 1 по иску ООО «К.А.» к доверителю, а 21 ноября 2024 г. – в заседание того же суда по рассмотрению дела № 2 по иску доверителя к ООО «К.А.» и не обеспечил участие в указанных заседаниях других адвокатов АБ.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобам генерального директора ООО «Б.С.» Б., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.14. Адвокат получил предупреждение за то, что подал кассационную жалобу на приговор без учета изменения ситуации по делу и позиции доверителя, без согласования с ним содержания жалобы, а в дальнейшем не принял мер по устранению этих недостатков кассационной жалобы.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Т.С. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. от 23 мая 2025 г. в отношении адвоката Т.

Квалификационная комиссия 22 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т.С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., что выразилось в подаче им 24 сентября 2023 г. в …кассационный суд общей юрисдикции кассационной жалобы только на приговор Т. районного суда г. Москвы от 6 апреля 2022 г. по уголовному делу без учета того обстоятельства, что 25 августа 2023 г. апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда были рассмотрены апелляционные жалобы осужденного Г. и его защитника – адвоката И. на указанный приговор Т. районного суда, и он был оставлен без изменения, а также без учета того обстоятельства, что осужденный Г. изменил защитительную позицию по уголовному делу, однако текст повторной кассационной жалобы не был согласован с осужденным Г. и в дальнейшем не были приняты меры по устранению указанных недостатков кассационной жалобы вплоть до расторжения соглашения на защиту Г. в суде кассационной инстанции, имевшего место 21 января 2024 г.;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т.С. по жалобе Г., в части доводов о неявке адвоката Т.С. 25 января 2024 г. в судебное заседание упомянутого кассационного суда по рассмотрению его кассационной жалобы на приговор Т. районного суда г. Москвы вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т.С. по жалобе Г., вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Заявитель Г., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился,

участие представителя не обеспечил. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося заявителя.

Адвокат Т. С. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен, с выводами о наличии в его действиях дисциплинарного проступка согласен. Поддержал доводы своих письменных пояснений на Заключение Квалификационной комиссии, в которых он также сообщает о согласии с выводами Заключения, однако отмечает, что согласовал содержание своей кассационной жалобы с заявителем Г. по телефону, а какие-либо негативные последствия в результате подачи данной жалобы для заявителя не наступили.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

По приговору Т. районного суда г. Москвы от 6 апреля 2022 г. Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Вину по предъявленному обвинению Г. в ходе судебного разбирательства признавал. Защиту Г. на основании заключенного соглашения осуществлял адвокат Т.С.

6 апреля 2022 г. Г. обратился к адвокату Т.С. с собственноручным заявлением, в котором просил его обжаловать приговор в кассационном порядке, а в апелляционном порядке – не обжаловать.

Впоследствии на указанный приговор осужденным Г. была подана апелляционная жалоба от 8 апреля 2022 г., которая впоследствии заявлением от 12 апреля 2022 г. была им отозвана.

22 апреля 2022 г. в упомянутый районный суд поступила кассационная жалоба защитника осужденного Г. – адвоката Т.С. от 18 апреля 2022 г. на названный приговор этого суда.

В мае 2022 г. осужденный Г. вновь подал в данный районный суд апелляционные жалобы на постановленный в отношении него приговор и просил суд восстановить ему пропущенный срок на их подачу. В восстановлении пропущенного процессуального срока судом первой инстанции Г. последовательно отказывалось. Однако апелляционным постановлением М. городского суда от 8 февраля 2023 г. было отменено постановление упомянутого районного суда от 26 июля 2022 г. о таком отказе, и указанный срок Г. был восстановлен.

23 февраля 2023 г. судьей Т. районного суда г. Москвы К. вынесено постановление о возвращении адвокату Т.С. ранее поданной кассационной жалобы. Суд мотивировал свое решение восстановлением Г. срока апелляционного обжалования приговора.

После восстановления срока на апелляционное обжалование приговора осужденным Г. подавались дополнительные апелляционные жалобы, в которых он приводил подробные доводы о допущенных, по его мнению, в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства нарушениях уголовно-процессуального закона.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 25 августа 2023 г. приговор Т. районного суда от 6 апреля 2022 г. по уголовному делу оставлен без изменения, апелляционные жалобы адвоката И. и осужденного Г. – без

удовлетворения. Адвокат Т.С. в апелляционном рассмотрении данного дела не участвовал.

4 октября 2023 г. в Т. районный суд поступила кассационная жалоба защитника осужденного Г. – адвоката Т.С. от 24 сентября 2023 г. на приговор данного суда от 6 апреля 2022 г. по уголовному делу, содержание которой полностью совпадает с содержанием ранее поданной им и возвращенной судом кассационной жалобы от 18 апреля 2022 г. В поданной адвокатом Т.С. кассационной жалобе отсутствовали указания на обжалование, наряду с приговором, также и апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 25 августа 2023 г., а также не были приведены доводы, приводившиеся Г. при апелляционном обжаловании приговора.

В судебное заседание …кассационного суда общей юрисдикции 16 января 2024 г. явились осужденный Г. и его защитники – адвокаты К.Е. и Т.С. Осужденный Г. заявил, что не готов к судебному заседанию, поскольку адвокат Т.С. подал кассационную жалобу только на приговор Т. районного суда. Кроме того, он не успел согласовать позицию с адвокатом К.Е. Судебное заседание было отложено на 12.00 час. 25 января 2024 г.

21 января 2024 г. соглашение об оказании юридической помощи Г., заключенное между его сыном – Г.Д. и адвокатом Т.С., было по поручению Г. расторгнуто. В связи с этим дальнейшую защиту Г. адвокат Т.С. не осуществлял.

Заявителем Г. выдвигаются в отношении адвоката Т.С. дисциплинарные обвинения:

1) в подаче кассационной жалобы «полуторагодовалой давности» от 24 сентября 2023 г. на смягчение приговора суда первой инстанции, противоречащей позиции Г. и его интересам, и в непринятии в дальнейшем мер по согласованию защитительной позиции с Г., в том числе в целях изменения или отзыва поданной адвокатом Т.С. кассационной жалобы;

2) в неявке 25 января 2024 г. в судебное заседание кассационного суда общей юрисдикции по рассмотрению его кассационной жалобы;

3) в невыполнении обязательств по заключенному соглашению, поскольку адвокат Т.С. на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции не ознакомился с материалами уголовного дела, дезориентировал его относительно защитительной позиции, фактических обстоятельств дела, склонил его к неправомерному изменению позиции, искажению истинных обстоятельств дела, предложил Г. признать вину.

Адвокат Т.С. в ходе дисциплинарного разбирательства выдвинутые дисциплинарные обвинения первоначально отрицал. Пояснял, что убедился в добровольном признании вины Г. и отсутствии самооговора, они согласовали позицию по делу и содержание выступления в прениях и последнего слова подсудимого. При этом он разъяснил Г. последствия признания вины. Давать суду признательные показания – это личное решение и личная позиция Г. 16 января 2024 г. в судебном заседании …кассационного суда общей юрисдикции Г. не поддержал кассационную жалобу адвоката Т.С., пригласил нового защитника – адвоката К.Е., который заявил ходатайство об отложении судебного заседания для ознакомления с материалами уголовного дела. На следующий день адвокату Т.С. позвонил Г. и сообщил, что отказывается от его юридической помощи. После этого, 21 января 2024 г., по просьбе Г. соглашение об оказании ему юридической помощи было расторгнуто Г.Д. в одностороннем порядке. Он уведомил об

этом суд кассационной инстанции, после чего в рассмотрении данного дела не участвовал. Его кассационная жалоба действительно не содержала доводов об обжаловании апелляционного определения по делу, однако она была согласована им по телефону с Т.С. Кроме того, это не повлекло никаких негативных последствий для доверителя. После ознакомления с Заключением Квалификационной комиссии адвокат Т.С. позицию изменил, признав вину в дисциплинарном нарушении, установленном Квалификационной комиссией.

Рассматривая первое выдвинутое заявителем дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката) применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в уголовное дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ.

Часть 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает обязанность адвоката следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 401.4 УПК РФ кассационная жалоба должна, в частности, содержать указание на суды, рассматривавшие уголовное дело в первой, апелляционной или кассационной инстанциях, и содержание принятых ими решений.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ в результате рассмотрения уголовного дела суд кассационной инстанции в числе прочего вправе внести изменения в приговор, определение или постановление суда и (или) последующие судебные решения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в нарушение требований п. 3 ч. 1 ст. 401.4 УПК РФ кассационная жалоба защитника осужденного Г. – адвоката Т.С. от 24 сентября 2023 г. была подана им только на приговор Т. районного суда г. Москвы от 6 апреля 2022 г. и не содержала указание на суд, рассматривавший уголовное дело в апелляционной инстанции, и на содержание принятого этим судом решения. Кроме того, в кассационной жалобе содержалась просьба об изменении только приговора указанного районного суда от 6 апреля 2022 г. Таким образом, поданная адвокатом Т.С. кассационная жалоба содержала пороки, препятствующие ее рассмотрению в суде кассационной инстанции.

Адвокат Т.С. не отрицал своей осведомленности о том, что уже после достижения между ним и доверителем Г. договоренности о подаче кассационной жалобы на приговор Т. районного суда г. Москвы от 6 апреля 2022 г. минуя стадию апелляционного обжалования, последний все-таки подал апелляционную жалобу на приговор суда, а срок на подачу апелляционной жалобы Г. был восстановлен М. городским судом. Не отрицал адвокат Т.С. и того, что ему как защитнику осужденного Г. поступали апелляционные жалобы Г. и его нового защитника, из которых ему было известно как о содержащейся в этих жалобах защитительной позиции и доводах в ее подтверждение, так и о решении суда апелляционной инстанции.

При таких обстоятельствах адвокат Т.С. как профессиональный участник уголовного судопроизводства был обязан не только привести ранее согласованную с Г. кассационную жалобу в соответствие с действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, но и учесть позицию осужденного Г., содержащуюся в его апелляционных жалобах, скорректировать доводы своей кассационной жалобы и принять меры к ее повторному согласованию с осужденным Г. Однако адвокат Т.С. ничего этого не сделал, уклонившись тем самым от исполнения профессиональных обязанностей. При этом адвокат Т.С. и в дальнейшем, в период после повторной подачи кассационной жалобы 24 сентября 2023 г. и вплоть до расторжения с ним 21 января 2024 г. соглашения об оказании юридической помощи, не принял мер по устранению указанных пороков поданной им кассационной жалобы, хотя имел такую возможность, а какие-либо препятствия для этого отсутствовали.

По этим причинам Совет отклоняет как несостоятельный и голословный довод адвоката Т.С. о том, что он согласовал вопрос о повторной подаче кассационной жалобы в той же редакции с доверителем Г. Этот довод ничем не подтвержден, заявитель Г. указанные обстоятельства отрицает, при этом в первоначальных письменных объяснениях адвоката Т.С. данные утверждения отсутствовали. Кроме того, адвокат Т.С., являясь профессиональным советником по правовым вопросам, не мог не понимать, что его кассационная жалоба не соответствует позиции подзащитного Г. в суде апелляционной инстанции, и, следовательно, в таком виде данная жалоба не могла быть согласована Г. и подана адвокатом Т.С. как его защитником. По этой же причине Совет отклоняет и довод адвоката Т.С. о том, что этими его действиями не причинен вред интересам доверителя Г.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом Т.С. профессиональных обязанностей перед доверителем Г. при описанных обстоятельствах.

Рассматривая второе дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что в результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлен факт расторжения доверителем 21 января 2024 г. соглашения об оказании юридической помощи. В связи с этим у адвоката Т.С. после 21 января 2024 г. отсутствовали правовые основания для продолжения осуществления защиты Г. в суде кассационной инстанции, включая участие в судебных заседаниях по делу, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Рассматривая третье дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что в соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения).

Жалоба Г. поступила в Адвокатскую палату города Москвы 3 сентября 2025 г., описанные в ней нарушения, за исключением доводов о подаче адвокатом Т.С. кассационной жалобы от 24 сентября 2023 г. и в непринятии в дальнейшем мер по согласованию позиции с Г., не являются длящимися и совершены в 2022 г., в период рассмотрения уголовного дела по существу в Т. районном суде.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части доводов жалобы заявителя о нарушении адвокатом Т.С. в период рассмотрения указанным районным судом уголовного дела в отношении Г. требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, подлежит прекращению вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Т.С. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает грубый и злостный характер допущенного адвокатом Т.С. нарушения, свидетельствующий об умышленном игнорировании им норм профессиональной этики, а также уголовно-процессуального законодательства, и недобросовестном отношении к доверителю. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым для адвоката. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет значительный стаж адвокатской деятельности, нарушение признал.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Т.С. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Т.С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившееся в подаче им 24 сентября 2023 г. в …кассационный суд общей юрисдикции кассационной жалобы только на приговор Т. районного суда г. Москвы от 6 апреля 2022 г. по уголовному делу без учета того обстоятельства, что 25 августа 2023 г. апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда были рассмотрены апелляционные жалобы осужденного Г. и его защитника – адвоката И. на указанный приговор, и он был оставлен без изменения, а также без учета того обстоятельства, что осужденный Г. изменил защитительную позицию по уголовному делу, однако текст повторной кассационной жалобы не был согласован с осужденным Г. и в дальнейшем не были приняты меры по устранению указанных недостатков кассационной жалобы вплоть до расторжения соглашения на защиту Г. в суде кассационной инстанции, имевшего место 21 января 2024 г.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т.С. по жалобе Г.:

в части довода о неявке адвоката Т.С. 25 января 2024 г. в судебное заседание …кассационного суда общей юрисдикции по рассмотрению его кассацион-

ной жалобы на приговор Т. районного суда г. Москвы – вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

в оставшейся части – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

1.15. Адвокат получил предупреждение за то, что подписал протокол уведомления об окончании следственных действий, в котором не были указаны дата и время проведения этого процессуального действия, и протокол ознакомления с материалами уголовного дела с указанием неверной даты, не предпринял никаких действий, чтобы воспрепятствовать подписанию этих документов заявителем, а также не провел с заявителем конфиденциального свидания до первого его допроса в качестве подозреваемого.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя адвоката М. – адвоката З. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 1 сентября 2025 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 19 ноября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката № 2 от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» и пп. 3–6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившемся в непроведении с ним конфиденциального свидания до первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнении адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившемся в том, что 6 июня 2025 г. адвокат М. подписал протокол уведомления об окончании следственных действий, в котором не были указаны дата и время проведения этого процессуального действия, и протокол ознакомления с материалами уголовного

дела с указанием даты 8 июня 2025 г. и не предпринял никаких действий, чтобы воспрепятствовать подписанию этих документов 6 июня 2025 г. заявителем П.;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе П. от 1 сентября 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель П., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть жалобу в его отсутствие.

Представитель адвоката М. – адвокат З. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласился с ее выводами, сообщил, что адвокат М. также полностью согласен с выводами Заключения Квалификационной комиссии, признает допущенные нарушения, сделал выводы о недопустимости подобного поведения впредь. Просил учесть, что его доверитель пользуется уважением коллег, и строго его не наказывать.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав представителя адвоката М. – адвоката З., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что адвокат М:

– вступил в уголовное дело в обход установленной процедуры назначения защитников;

– не провел конфиденциальную беседу до начала следственных действий и не определил позицию защиты;

– действовал по договоренности со следователем и выполнял его поручения вопреки интересам доверителя П.;

– не оказал квалифицированную юридическую помощь, не сделал замечаний о нарушении прав заявителя в протоколах следственных действий;

– поддержал якобы заявленное П. ходатайство об особом порядке рассмотрения уголовного дела в суде;

– не составил мотивированное ходатайство об отложении предъявления обвинения до приглашения защитника по соглашению;

– не получил копии постановлений о выделении уголовного дела и принятии его к производству и постановлений, обязательных для вручения заявителю;

– не заявил о незаконности предъявленного обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ;

– поставил 6 июня 2025 г. подписи в незаполненных бланках протоколов очной ставки между П. и Б., уведомления об окончании следственных действий и ознакомления с уголовным делом без даты и времени;

– участвовал в фальсификации следователем материалов уголовного дела и оказании вместе со следователем психологического давления на заявителя.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Следователем …следственного отдела на транспорте Западного межрегионального следственного управления на транспорте СК РФ С. 6 июня 2025 г., в 16.00 час., из уголовного дела № 1 выделено уголовное дело № 2 в отношении подозреваемого П. по признакам преступления, предусмотренно-

го ч. 3 ст. 291 УК РФ. В этот же день, с 15.00 час. по 15.45 час., следователем данного следственного органа, фамилия которого в протоколе не указана, П. допрошен в качестве свидетеля.

Следователь С. 6 июня 2025 г., в 13.51 час., разместил в АИС АПМ заявку № … для обеспечения участия защитника подозреваемому П., по которой в тот же день, в 15.32 час., был назначен адвокат М., вступивший в уголовное дело на основании ордера от 6 июня 2025 г. В тот же день, с 16.10 час. по 16.20 час., следователем С. составлены протокол явки с повинной П., в соответствии с которым П. добровольно сообщил о даче взятки в сумме ...тыс. руб., с 16.25 по 16.28 – протокол о разъяснении подозреваемому П. «права на помощь защитника», в котором отражено ходатайство П. об обеспечении участия защитника следователем.

С участием защитника – адвоката М. 6 июня 2025 г. был проведен ряд следственных и иных процессуальных действий: с 16.40 час. по 17.20 час. – допрос П. в качестве подозреваемого, с 17.30 час. по 18.00 час. – очная ставка между П. и Б., в 18.10 час. П. предъявлено обвинение, с 18.20 час. по 18.40 час. проведен его допрос в качестве обвиняемого. Кроме того, следователем С. 6 июня 2025 г. заполнены бланки протокола уведомления об окончании следственных действий по уголовному делу № 2 без указания даты и протокола ознакомления с материалами уголовного дела, датированного 8 июня 2025 г., которые 6 июня 2025 г. подписаны обвиняемым П. и его защитником – адвокатом М. В представленных в дисциплинарное производство протоколе уведомления об окончании следственных действий по уголовному делу дата и время (7 июня 2025 г., с 12.00 час. по 12.10 час.) внесены рукописным способом, протоколе ознакомления с материалами уголовного дела дата (8 июня 2025 г.) указана машинописным способом на первом листе, который не содержит подписей участников, время не указано.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. не общался с доверителем П. конфиденциально до начала следственных действий и не определил позицию защиты по уголовному делу, Совет исходит из того, что уголовно-процессуальный закон, обеспечивая гарантированное ст. 48 Конституции Российской Федерации право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, прямо закрепляет право подозреваемого иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально до первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), а также право обвиняемого на такие свидания, в том числе до первого допроса в этом качестве, без ограничения их числа и продолжительности (п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). При этом предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ право защитника иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания в соответствии с положениями ст. 46 и 47 УПК РФ является полномочием защитника, которое не предполагает произвольного отказа от его реализации.

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. № 2 «Об участии в делах по назначению» указано: «Адвокатам, назначаемым для защиты по запросам судов, прокуроров и органов предварительного расследования, с момента вступления в уголовное судопроизводство надлежит требовать предоставления свидания наедине с подзащитным. При отказе в реализации такого права, какими бы обстоятельствами он не обосновывался, адвокату допустимо заявить о невозможности осуществлять защиту, обжаловав неправомерные действия

следователя прокурору либо в суд, а судьи – в вышестоящий суд».

В соответствии с положениями Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя, дознавателя или суда адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления об этом нарушении (п. 3 Стандарта). В соответствии с п. 4 Стандарта в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует:

а) выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу;

б) получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом;

в) разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению;

г) выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий;

д) выяснить отношение к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления.

В соответствии с п. 5 Стандарта адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат:

а) принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться;

б) в случае вынужденного определения позиции по делу в отсутствие возможности ее предварительного согласования с подзащитным исходит из принципа презумпции невиновности подзащитного и согласовывает с ним такую позицию при первой возможности.

В соответствии с п. 6 Стандарта в случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором.

Приведенные Разъяснения и Стандарт приняты органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат М. признал, что перед началом следственных действий не общался с П. наедине, объяснив это отказом доверителя П. от подобной беседы и сформировавшейся у него позицией признания вины в инкриминированном преступлении, о чем он сообщил адвокату М. в присутствии следователя.

Совет в этой связи подчеркивает, что адвокат М. был не вправе ограничиться получением от доверителя этой информации в присутствии следователя и был обязан потребовать у следователя пре-

доставления ему свидания с П. наедине и конфиденциально. Именно в рамках конфиденциального разговора с П. адвокат М. должен был выяснить у него все приведенные выше вопросы, в том числе: применялись ли к подзащитному незаконные действия, каково его отношение к подозрению в совершении преступления, кроме того, определить защитительную позицию по уголовному делу и согласовать ее, а также разъяснить П. право на приглашение защитника. Адвокату М. как профессиональному советнику по правовым вопросам должно быть очевидно, что проведение предварительной беседы с подзащитным не наедине, а в присутствии следователя не способно обеспечить интересы доверителя, который мог ранее подвергнуться незаконному воздействию со стороны следователей или оперативных сотрудников либо мог быть введен ими в заблуждение относительно своего положения и различных правовых вопросов, включая реализацию права на защиту. В том случае, если П., находясь с адвокатом М. наедине, отказался бы обсуждать с ним позицию по уголовному делу, адвокату М. следовало выяснить причины такого отказа и в зависимости от них либо помочь подзащитному составить заявление об отказе от защитника, либо самостоятельно заявить о невозможности осуществления защиты П.

Совет обращает внимание на то, что в рассматриваемой ситуации важность проведения предварительной беседы наедине и конфиденциально возрастала в связи с проведением с подзащитным П. всех следственных действий, включая разъяснение подозрения, предъявление обвинения и заполнение протокола уведомления об окончании следственных действий, в течение одного дня – 6 июня 2025 г., а также в связи с дачей им в этот день до возбуждения уголовного дела № 2 изобличающих его показаний в качестве свидетеля без участия адвоката.

Квалификационная комиссия обоснованно указала в Заключении на то, что постановка адвокатом М. в протоколе допроса подозреваемого П. от 6 июня 2025 г. вопроса об оказании воздействия на него для дачи им признательных показаний уже после их получения следователем ни в коем случае не заменяла конфиденциального выяснения этих вопросов и не способствовала выявлению действительной воли подзащитного, а, напротив, лишь способствовала легитимации его показаний, в том числе и в случае отказа от них в дальнейшем.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой в части описанного дисциплинарного обвинения, а его вину в совершении этого дисциплинарного нарушения установленной.

Оценивая профессиональное поведение адвоката М. в части дисциплинарного обвинения в подписании вместе с заявителем незаполненных бланков протоколов уведомления об окончании следственных действий и ознакомления с материалами уголовного дела без даты, Совет исходит из того, что в соответствии с ч. 2 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

Согласно предписаниям Стандарта в процессе осуществления защиты адвокат: оказывает подзащитному помощь в ознакомлении с материалами дела (подп. «б» п. 8 Стандарта); использует иные средства и способы защиты, не запрещенные законодательством (подп. «в» п. 8 Стандарта); по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного (п. 9 Стандарта); должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания (п. 10 Стандарта).

При уведомлении об окончании следственных действий и по окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь составляет протокол в соответствии с требованиями ст. 166, 167 УПК РФ (ч. 1 ст. 215, ч. 1 ст. 218 УПК РФ). В силу требований п. 1 ч. 3 ст. 166 УПК РФ в протоколе следственного действия указываются дата его производства, а также время его начала и окончания с точностью до минуты.

Достоверное отражение даты и времени совершения следственных и иных процессуальных действий имеет существенное значение для защиты прав и интересов доверителя, а потому их наличие должно контролироваться участвующим в них адвокатом в процессе исполнения им своих профессиональных обязанностей перед доверителем. Требование указания соответствующих дат в протоколе уведомления об окончании следственных действий и протоколе ознакомления с материалами уголовного дела и контроль исполнения этого требования гарантируют, что в дальнейшем материалы уголовного дела не будут дополнены материалами, полученными после завершения ознакомления с делом стороны защиты.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что протокол уведомления об окончании следственных действий без указания даты и времени и протокол ознакомления с материалами уголовного дела, датированный 8 июня 2025 г. (без указания времени), были подписаны заявителем и его защитником – адвокатом М. 6 июня 2025 г. При этом все процессуальные действия по уголовному делу проводились 6 июня 2025 г., в более поздние даты обвиняемый и его защитник в следственный орган не являлись, подписав 6 июня 2025 г. указанные протоколы с недостоверным указанием дат и времени по просьбе следователя.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой и в данной части, а его вину в совершении этого дисциплинарного нарушения установленной.

Вместе с тем обстоятельства, установленные в результате дисциплинарного разбирательства, указывают на необоснованность других дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем против адвоката М.

Так, рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката М. в уголовное дело в обход установленной процедуры назначения защитника, Совет отмечает, что он вступил в дело в качестве защитника подозреваемого П. на основании распределенной ему АИС АПМ заявки от 6 июня 2025 г., размещенной следователем С., т.е. в соответствии с установленным порядком.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат М. действовал по договоренности со следователем и выполнял его поручения вопреки интересам доверителя, также не нашло подтверждения.

Адвокат М. был назначен защитником по заявке АИС АПМ после ее отклонения другими адвокатами, фактов перебора заявок в АИС АПМ в целях назначения защитником определенного адвоката, равно как и фактов неоднократного назначения адвоката М. защитником по заявкам того же инициатора – следователя С. не выявлено. Доказательств поступления угроз от следователя С. в адрес П. и его защитника по соглашению – адвоката К. не представлено. При этом обязанность опровержения презумпции добросовестности адвоката возложена на заявителя П., который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Факт представления адвокатом М. письма следователя С., в котором тот оценивает выдвинутые П. дисциплинарные обвинения в качестве защитительной позиции по уголовному делу, указывает на непроцессуальный характер общения между адвокатом М. и следователем, но сам по себе не доказывает наличия между ними каких-либо договоренностей, нарушающих права и интересы П.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении неконкретизированного и не подтвержденного доказательствами дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. не оказал П. квалифицированной помощи. В Заключении Квалификационной комиссии приведены исчерпывающие обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Незаявление мотивированного ходатайства об отложении предъявления обвинения до приглашения защитника по соглашению не может расцениваться как нарушение в действиях назначенного защитника, отказ от которого не был заявлен подзащитным.

Дисциплинарное обвинение в неполучении адвокатом М. копий постановлений о выделении уголовного дела, принятии его к производству и других, которые должны были предъявляться заявителю, также обоснованно отвергнуто Квалификационной комиссией, поскольку на адвоката не может возлагаться дисциплинарная ответственность за эти действия. Положения п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ наделяют адвоката правом знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому. В отсутствие прямого указания в уголовно-процессуальном законе о наличии у защитника права ознакомления с иными процессуальными решениями следователя неполучение их копий не может признаваться виновным поведением адвоката.

Это же относится и к дисциплинарному обвинению в незаявлении адвокатом М. о незаконности предъявленного заявителю обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ. Такое заявление, с одной стороны, предполагает уголовно-правовую оценку действий П., которая не входит в компетенцию органов адвокатского самоуправления. С другой стороны, принятие решения о таком заявлении относится к тактике работы по делу, избираемой адвокатом самостоятельно в силу его законодательно закрепленного статуса как независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Дисциплинарное обвинение в подписании адвокатом М. вместе с заявителем незаполненного бланка протокола очной ставки между П. и Б. Совет, соглашаясь с Квалификационной комис-

сией, также признает недоказанным, поскольку данная очная ставка проводилась 6 июня 2025 г., с 17.30 час. до 18.00 час., при этом заявителем не оспаривается присутствие адвоката М. и в более раннее время в этот день, а сам факт отсутствия даты и времени в протоколе очной ставки не подтвержден заявителем, поскольку им представлена фотография этого протокола с указанными реквизитами.

Дисциплинарное обвинение в участии адвоката М. в фальсификации материалов уголовного дела № 2 и оказании вместе со следователем психологического давления на заявителя является неконкретным, так как заявителем не указано, какие именно действия были совершены адвокатом М. Кроме того, компетенция Совета и Квалификационной комиссии ограничена лишь установлением дисциплинарного проступка. Установление же в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством, уполномоченными на это государственными органами и должностными лицами.

Таким образом, презумпция добросовестности адвоката М. в части других дисциплинарных обвинений не опровергнута.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил осуществления защиты обвиняемого по назначению следователя, сопряженный с нарушением прав доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат М. к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал допущенные нарушения, обязался впредь не допускать подобного в своей деятельности.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату М. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату М. на необходимость неукоснительного исполнения следующих обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адво-

ката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 2 марта 2004 г. № 2 «Об участии в делах по назначению» и п. 3–6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в непроведении с ним конфиденциального свидания до первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в том, что 6 июня 2025 г. он подписал протокол уведомления об окончании следственных действий, в котором не были указаны дата и время проведения этого процессуального действия, и протокол ознакомления с материалами уголовного дела с указанием даты 08 июня 2025 г. и не предпринял никаких действий, чтобы воспрепятствовать подписанию этих документов 6 июня 2025 г. заявителем П.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе П. от 1 сентября 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.16. Адвокат получила предупреждение за то, что, приняв соответствующее поручение, не подготовила ходатайство об уточнении исковых требований и не явилась в судебное заседание без уважительной причины.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. от 6 июня 2025 г. в отношении адвоката Б.

Квалификационная комиссия 8 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8

Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Б. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившемся в том, что она, заключив 12 декабря 2024 г. с доверителем Г. соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.2 которого она приняла поручение на составление заявлений, ходатайств и представление интересов доверителя в …районном суде г. О. по гражданскому делу, не подготовила ходатайство об уточнении исковых требований с указанием надлежащего ответчика – Департамента… Администрации г. О., которое обещала подготовить к судебному заседанию, назначенному на 14 апреля 2025 г., а также не явилась в указанное судебное заседание без уважительной причины, оставив тем самым заявителя без юридической помощи, а затем отказалась от участия в судебном заседании, назначенном на 28 апреля 2025 г. в связи с неисполнением доверителем ее требования об оплате дополнительного вознаграждения, не предусмотренного Соглашением об оказании юридической помощи от 12 декабря 2024 г.;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по жалобе Г., в части доводов о проявлении адвокатом Б. неуважения к суду, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по жалобе Г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Г. и адвокат Б., извещенные надлежащим образом и своевременно получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились.

От заявителя Г. поступило письменное сообщение о том, что она не будет присутствовать при рассмотрении дисциплинарного производства Советом.

От адвоката Б. поступило ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства без ее участия. Кроме того, от адвоката Б. поступили письменные возражения, в которых адвокат указывает, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлена, не согласна с выводами Комиссии. Ссылается на то, что, заключив соглашение с доверителем Г., добросовестно оказывала ей квалифицированную юридическую помощь, уделяла доверителю и ее делу большое количество времени, в том числе в нерабочее время и в выходные дни, круглосуточно была на связи с доверителем. Поясняет, что из-за недопонимания в ходе дистанционного общения с доверителем и ее сестрой, Г.Д., восприняла ситуацию таким образом, что доверитель с 14 апреля 2025 г. привлекла для дальнейшего представления ее интересов в суде иного представителя. Утверждает, что повесток с вызовами в последующие судебные заседания не получала, на сайте суда информация не отображалась, дозвониться до аппарата суда она не смогла. Поскольку доверитель на телефонные звонки не отвечала, она посчитала, что та отказалась от ее услуг и привлекла иного представителя. Полагает, что просьба доверителя Г. от 16 апреля 2025 г. предоставить акт выполненных работ свидетельствовала о том же, поэтому сочла их сотрудничество завершенным. Утверждает, что умысла на неисполнение обязанностей перед доверителем у нее не было.

Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно ко-

торому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает, что Квалификационной комиссией верно и полно установлены фактические обстоятельства, и в полном объеме соглашается с выводами Комиссии ввиду следующего.

Заявитель Г. выдвинула в отношении адвоката Б. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в ненадлежащем исполнении поручения по Соглашению от 12 декабря 2024 г., в неизучении «должным образом» материалов дела, в непринятии «реального участия в деле» (отсутствовало реальное правовое сопровождение, ее участие в деле носило формальный характер, не были составлены письменные документы);

2) в недобросовестном поведении, в отказе от взаимодействия с доверителем, игнорировании интересов доверителя;

3) в допущении грубой юридической ошибки: указании в уточненном исковом заявлении ненадлежащего ответчика – Администрации г. О. вместо Департамента… Администрации г. О.;

4) в отказе подготовить ходатайство об уточнении исковых требований и восстановлении срока;

5) в отказе от участия «в трех финальных заседаниях», а именно в неявке в судебные заседания после 12 апреля 2025 г. и оставлении заявителя «без защиты в процессе, где на кону стояло имущество семьи», чем подорвала доверие заявителя к адвокатуре, совершила злоупотребление доверием;

6) в «необеспечении процессуальной замены», непередаче доверителю надлежащим образом материалов дела и в том, что «заблокировала контакт» с сестрой заявителя;

7) в представлении недействительных актов оказанных услуг (с неверными сведениями, ошибками в суммах, с формулировкой об отсутствии претензий, когда таковые имелись, без подписи в акте) и в отказе от исправления ошибок в акте, в связи с чем заявителю пришлось отказаться от компенсации судебных расходов в размере …руб.;

8) в неэтичном поведении, что выразилось в грубости, а также в нарушении обещания частично возвратить заявителю денежные средства и подписать акт оказанных услуг;

9) в проявлении неуважения к суду, выразившемся в вызывающем, агрессивном поведении в судебных заседаниях, неэтичных высказываниях в адрес суда, в высказывании недовольства отложением судебного заседания, в неуведомлении суда о прекращении оказания юридической помощи заявителю.

Также в жалобе заявитель Г. указывает о невозврате ей адвокатом Б. оплаченного вознаграждения, о причинении ей морального вреда и материального ущерба в виде невозможности компенсировать расходы, просит оказать содействие в возврате всей суммы, уплаченной по соглашению в размере …руб.

Адвокат Б. не согласилась с доводом заявителя о нарушении ею норм Кодекса профессиональной этики адвоката, указала, что честно, добросовестно и разумно выполняла возложенные на нее обязательства, уважительно относилась к суду, доверителю и другим участникам процесса, соблюдала нормы процессуального законодательства, не совершала действий вопреки интересам доверителя, обсуждала с доверителем каждое действие, которое намеревалась совершить для наилучшего исхода дела, что подтверждает решение суда.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 12 декабря 2024 г. в г. О. между членом Московской коллегии адвокатов «…» адвокатом Б. и доверителем Г. было заключено соглашение «на оказание юридических услуг», в соответствии с пп. 1.1 и 1.2 которого адвокат Б. приняла на себя обязательство оказать доверителю следующую юридическую помощь: «Изучение материалов дела, ознакомление с материалами гражданского дела в суде, представление интересов в суде первой инстанции, составление заявлений, запросов, ходатайств». Указания на номер дела, стороны, предмет спора, суд, в котором рассматривается это дело, в соглашении отсутствуют. Пунктом 3.1 Соглашения предусмотрено, что вознаграждение адвоката устанавливается в размере …руб.

В тот же день, 12 декабря 2024 г., Г. перевела на счет упомянутой коллегии адвокатов денежные средства в размере …рублей в качестве оплаты адвокату Б. за оказание юридической помощи «по гражданскому делу Г.».

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Б. по соглашению, заключенному с заявителем, приняла поручение на представление интересов доверителя Г. в … районном суде г. О. по гражданскому делу по исковому заявлению В., Г.Д. и Г. к Ж. о признании отсутствующим права собственности на земельный участок. Указанное исковое заявление было подано в суд 23 августа 2024 г. и принято к производству судьей Б. 26 августа 2024 г., т. е. за несколько месяцев до заключения между адвокатом Б. и Г. Соглашения об оказании юридической помощи.

12 апреля 2025 г. адвокат Б. в переписке в мессенджере *WhatsApp* с сестрой заявителя Г.Д., являющейся соистцом по указанному гражданскому делу, сообщила, что свою работу по соглашению она выполнила, количество судебных заседаний оказалось больше трех, и истцам лучше продолжить работу со своим юристом. После этого адвокат Б. в судебные заседания по указанному делу не являлась, процессуальные документы не готовила. В период с 16 апреля по 12 мая 2025 г. адвокат Б. вела переписку с заявителем Г. относительно оформления акта сдачи-приемки оказанной юридической помощи, исправления в нем ошибок и неточностей. Однако ни этот акт, ни Соглашение о расторжении Соглашения об оказании юридической помощи от 12 декабря 2024 г. не были согласованы и подписаны заявителем и адвокатом Б.

Оценивая дисциплинарные обвинения в ненадлежащем исполнении адвокатом Б. поручения по Соглашению от 12 декабря 2024 г., а именно в неизучении «должным образом» материалов дела, в непринятии «реального участия в деле», а также в недобросовестном поведении, отказе от взаимодействия с доверителем, игнорировании ее интересов, в «необеспечении процессуальной замены», непередаче доверителю надлежащим образом материалов дела и в том, что адвокат Б. «заблокировала контакт» с сестрой заявителя, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает их неконкретными и не подтвержденными какими-либо доказательствами, что исключает возможность их оценки по существу. Кроме того, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Б. подготовила и представила суду ряд процессуальных документов, участвовала в судебных заседаниях по делу. Все имеющиеся у нее материалы дела были переданы в судебном заседании 31 марта 2025 г. сестре заявителя Г.Д., что последняя в переписке подтвердила. Заявитель не представила

доказательств передачи адвокату Б. оригиналов документов, которые она у нее истребует, перечень этих документов в жалобе не конкретизирован. Что касается копий протоколов судебных заседаний и определений суда, то обязанность адвоката по их передаче доверителю не предусмотрена законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. Это же относится и к претензии заявителя о необеспечении адвокатом Б. своей процессуальной замены при отказе от исполнения поручения.

Претензии заявителя в неэтичном поведении адвоката Б., выразившемся в «грубом поведении», а также в нарушении обещания частично возвратить заявителю денежные средства и подписать акт оказанных услуг, также характеризуются неконкретностью, голословностью и сами по себе не свидетельствуют о неэтичном поведении адвоката Б. по отношению к Г.

Претензии заявителя о том, что адвокат Б. «заблокировала контакт» с ее сестрой Г.Д., не могут являться предметом рассмотрения в дисциплинарном производстве, поскольку Г.Д. не является доверителем адвоката Б., и поэтому их отношения не регулируются законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и требованиями профессиональной этики адвоката.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Б. в части вышеизложенных претензий заявителя неопровергнутой, а дисциплинарное производство в данной части подлежащим прекращению.

Не нашло подтверждения и дисциплинарное обвинение в представлении адвокатом Б. «недействительных» актов оказанных услуг и в отказе от исправления ошибок в них, поскольку законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, не возлагает на адвоката обязанность по оформлению акта приема-передачи оказанной юридической помощи. При этом заявителем не представлено доказательств обращения к адвокату Б. с просьбой о представлении отчета, предусмотренного п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, а из материалов дисциплинарного производства следует, что в период оказания юридической помощи заявителю адвокат Б. предоставляла ей сведения о работе, проделанной по Соглашению от 12 декабря 2024 г. Поэтому Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что и в указанной части в действиях (бездействии) адвоката Б. не усматривается дисциплинарных нарушений.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в допущении адвокатом Б. грубой юридической ошибки: указании в уточненном исковом заявлении ненадлежащего ответчика – Администрации г. О. вместо Департамента… Администрации г. О. В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в проявлении адвокатом Б. неуважения к суду, выразившемся в вызывающем, агрессивном поведении в судебных заседаниях, неэтичных высказываниях в адрес суда, в высказывании недовольства отложением судебного заседания, в неуведомлении суда о прекращении оказания юридической помощи заявителю, Совет, также соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об отсутствии в данной части допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производ-

ства, поскольку Г. не наделена правом на обращение с жалобой в интересах суда (судьи).

Претензии заявителя о невозврате ей адвокатом Б. оплаченного вознаграждения, а также претензии о возмещении ей морального вреда и материального ущерба не подлежат рассмотрению в дисциплинарном производстве, поскольку их рассмотрение находится за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Такие споры между адвокатом и доверителем подлежат разрешению путем переговоров либо судом в порядке гражданского судопроизводства.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в отказе адвоката Б. подготовить ходатайство об уточнении исковых требований и восстановлении срока, а также обвинения в отказе от участия «в трех финальных заседаниях», а именно в неявке в судебные заседания после 12 апреля 2025 г. и оставлении заявителя «без защиты в процессе, где на кону стояло имущество семьи», чем было подорвано доверие заявителя к адвокатуре, совершено злоупотребление доверием, Совет отмечает следующее.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Б., заблаговременно извещенная о судебном заседании, назначенном на 14 апреля 2025 г., не подготовила ходатайство об уточнении исковых требований с указанием надлежащего ответчика – Департамента… Администрации г. О., которое обещала подготовить к этому судебному заседанию, а также не явилась в него без уважительной причины, лишив доверителя возможности обратиться к другому профессиональному советнику по правовым вопросам для представления ее интересов в суде первой инстанции. После этого адвокат Б. отказалась от участия в назначенном на 28 апреля 2025 г. судебном заседании в связи с неисполнением доверителем ее требования об оплате дополнительного вознаграждения, не предусмотренного Соглашением.

Указанное профессиональное поведение адвоката Б. не может быть признано надлежащим исполнением ею своей обязанности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). Оснований для иной квалификации действий (бездействия) адвоката Б. не имеется.

Довод адвоката Б. о том, что она устранилась от оказания юридической помощи, поскольку получила оплату лишь за участие в трех судебных заседаниях, Совет отклоняет как противоречащий приведенным выше требованиям законодательства и профессиональной этики, а также содержанию заключенного соглашения. Это же относится и к доводам адвоката Б. о ее предположениях относительно желания заявителя жалобы расторгнуть с ней соглашение с 12 апреля 2025 г., а также о якобы имевшихся у нее сложностях с выяснением информации о назначенных судебных заседаниях. Совет в этой связи подчеркивает, что адвокат Б. обязана была либо продолжать оказывать юридическую помощь доверителю, либо заблаговременно принять меры к расторжению соглашения, уведомив надлежащим образом доверителя и не допуская оставления ее без квалифицированной юридической помощи.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Б. в данной части опровергнутой, а ее вину в неисполнении при описанных обстоятельствах профессиональных обязанностей перед доверителем установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Б. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание их тяжесть и умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом основополагающих требований о надлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем. Совет также учитывает отсутствие у адвоката Б. критической оценки допущенных ею нарушений. Подобное профессиональное поведение Совет признает недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуре. В то же время Совет учитывает, что адвокат Б. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Б. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившееся в том, что она, заключив 12 декабря 2024 г. с доверителем Г. соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.2 которого приняла поручение на составление заявлений, ходатайств и представление интересов доверителя в …районном суде г. О. по гражданскому делу, не подготовила ходатайство об уточнении исковых требований с указанием надлежащего ответчика – Департамента… Администрации г. О., которое обещала подготовить к судебному заседанию, назначенному на 14 апреля 2025 г., а также не явилась в указанное судебное заседание без уважительной причины, оставив тем самым заявителя без юридической помощи, а затем отказалась от участия в судебном заседании, назначенном на 28 апреля 2025 г., в связи с неисполнением доверителем ее требования об оплате дополнительного вознаграждения, не предусмотренного Соглашением об оказании юридической помощи от 12 декабря 2024 г.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по жалобе Г. от 6 июня 2025 г.:

в части доводов о проявлении адвокатом Б. неуважения к суду – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Дисциплинарные производства, возбужденные по обращениям судей и Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве

2.1. Совет прекратил производство в отношении адвоката, обвиненной в ненадлежащем поведении. Совет не усмотрел в ее действиях нарушений норм законодательства, отметив, что настойчивость адвоката в защите доверителя не может влечь дисциплинарную ответственность.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Л. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному определению) судебной коллегии по гражданским делам М. областного суда от 15 мая 2025 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 06 августа 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по обращению указанной судебной коллегии, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Л., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве судебной коллегии по гражданским делам М. областного суда находилось гражданское дело… по рассмотрению апелляционной жалобы В. и других на решение О. городского суда М. области от 24 ноября 2023 г. В судебном заседании 01 апреля 2024 г. суд перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции, после чего 06, 08 мая, 09, 20, 25, 26 декабря 2024 г., 17 марта, 14 апреля и 15 мая 2025 г. состоялись судебные заседания. При рассмотрении данного дела адвокат Л. представляла интересы третьего лица – СНТ «…», а также ответчиков Ф.Р., Ф.Г., С. и М.

По итогам указанного судебного процесса в Адвокатскую палату города Москвы поступило частное определение судебной коллегии по гражданским делам М. областного суда от 15 мая 2025 г. о ненадлежащем поведении адвоката Л.

При рассмотрении и оценке выдвинутых судом дисциплинарных обвинений Совет исходит из того, что согласно положениям подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, представление, обращение в отношении адвоката должны, помимо прочего, содержать указание на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и дока-

зательства, подтверждающие эти обстоятельства. Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает дисциплинарные органы адвокатского самоуправления толковать все сомнения в пользу адвоката, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Кроме того, как уже неоднократно указывали Совет и Квалификационная комиссия, при отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность, однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката (см.: Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 205).

Руководствуясь указанными критериями, Совет отмечает, что дисциплинарные обвинения в некорректном поведении адвоката Л. в судебных заседаниях 06 и 08 мая 2024 г., 15 мая 2025 г. сформулированы исключительно в общем виде и не содержат указаний на какие-либо конкретные действия (бездействие) адвоката, нарушающие, по мнению заявителя, требования ч. 1 ст. 159 ГПК РФ и повлекшие объявление ей замечаний. В протоколах судебных заседаний за указанные даты содержатся лишь следующие сведения о замечаниях (предупреждениях), объявленных адвокату Л. и представителю СНТ «…» Т.: «Судебная коллегия объявляет предупреждение адвокату Л. за нарушение порядка в судебном заседании, на основании ст. 159 ГПК РФ», «Судебная коллегия объявляет предупреждение Т., адвокату Л. за нарушение порядка в судебном заседании на основании ст. 159 ГПК РФ»; «Судебная коллегия объявляет предупреждение Т. за нарушение порядка в судебном заседании, на основании ст. 159 ГПК РФ». При этом понять, в связи с какими именно нарушениями, допущенными данными лицами в судебном заседании, объявлены указанные замечания, не представляется возможным, так как описание этих нарушений в протоколах судебных заседаний отсутствует. Не приведено оно и в частном определении суда, послужившем поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства.

В протоколе судебного заседания от 06 мая 2024 г. содержится следующую запись: «Судебная коллегия делает третье замечание представителю третьего лица СНТ Л. за нарушение судебного процесса, поскольку вопросы свидетелю необходимо задавать по существу и не отвечать на данные вопросы самостоятельно». Однако и в данном случае сами вопросы и высказывания адвоката Л. в протоколе отсутствуют, что не позволяет Совету судить об их корректности и обоснованности.

При этом указанные в обращении ссылки на фрагменты аудиозаписей судебных заседаний с пояснениями о том, какие нарушения, допущенные, по мнению заявителя, адвокатом Л., отражены в каждом из фрагментов, не свидетельствуют о нарушении адвокатом Л. требований ч. 1 ст. 159 ГПК РФ, а также о проявлении ею неуважения к суду. При прослушивании указанных фрагментов аудиозаписей судебных заседаний также невозможно понять, о каких замечаниях идет речь и кому именно они сделаны судом.

Помимо этого, Совет отмечает, что решение о том, какие вопросы и в какой момент задавать допрашиваемым лицам, относится к тактике ведения дела, определяемой адвокатом самостоятельно в силу его законодательно установленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). В силу этого такие решения адвоката не могут быть предметом оценки в дисциплинарном производстве.

Возражая против выдвинутых в отношении нее дисциплинарных обвинений, адвокат Л. указала, что ею не было допущено каких-либо нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и ГПК РФ. Однако в ходе судебных заседаний ей действительно делались замечания, поскольку она была вынуждена обмениваться мнениями с доверителями или с иными представителями ответчика «на тот или иной процессуальный факт» для выработки общего мнения. Судебные заседания обычно длились не менее трех часов, что делало необходимым принимать решения оперативно, а для этого обмениваться мнениями шепотом, не нарушая порядка судебного заседания. В противном случае для обмена мнениями было бы необходимо заявлять ходатайства об объявлении перерыва, что привело бы к затягиванию процесса. Данные объяснения адвоката Л. заявителем не опровергнуты.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части.

Рассматривая доводы обращения о том, что адвокат Л. злоупотребляла предоставленными ей процессуальными правами, так как в нарушение требований ч. 3 ст. 56 ГПК РФ не соблюдала установленный судом порядок представления и раскрытия доказательств, Совет отмечает следующее. По мнению суда, такое злоупотребление со стороны адвоката Л. выразилось в том, что заранее подготовленные письменные доказательства и процессуальные обращения она представляла суду не в начале судебного заседания, как это определил суд, а при даче объяснений по существу спора. Так, заранее подготовленное письменное заявление о подложности доказательств сделано адвокатом Л. уже после исследования материалов дела, она ходатайствовала о приобщении к материалам дела ряда письменных документов, которые другим лицам, участвующим в деле, заблаговременно не направлялись. В этой связи Совет вновь отмечает, что органы адвокатского самоуправления не входят в оценку тактики, самостоятельно определяемой адвокатом при ведении конкретного дела. Критической оценке могут быть подвергнуты только такие нарушения норм процессуального законодательства, которые свидетельствуют о неисполнении (ненадлежащем исполнении) адвокатом профессиональных обязанностей и (или) влекут наступление негативных публично-правовых последствий.

Помимо этого, Совет отмечает, что заявителем не представлены доказательства установления конкретного срока (момента) раскрытия доказательств в ходе судебного разбирательства. Из протоколов судебных заседаний усматривается, что лица, участвующие в деле, представляли суду доказательства в каждом судебном заседании, а из протокола судебного заседания от 14 апреля 2025 г. видно, что адвокату Л. лишь было предложено заблаговременно направить участникам судебного разбирательства и суду для изучения доказательства, о приобще-

нии которых она намерена ходатайствовать.

При таких обстоятельствах, учитывая, что ГПК РФ не устанавливает срок (момент) представления лицам, участвующим в деле, копий документов, которые у них отсутствуют, адвокат Л. была вправе самостоятельно определять как этот момент, так и последовательность представления суду доказательств, и не была связана пожеланиями суда по этим вопросам, поскольку судом также не был установлен порядок представления и исследования доказательств.

Это же относится и к заявлению адвоката Л. о подложности доказательства. Для принятия решения по такому заявлению суду в любом случае необходимо сначала исследовать доказательство, которое лицо, участвующее в деле, считает подложным. Поэтому заявление о подложности доказательства, логично сделанное адвокатом Л. после исследования судом доказательств, не повлекло и не могло повлечь дезорганизацию судебного разбирательства или иные неблагоприятные последствия и не может расцениваться как проявление неуважения к суду.

Кроме того, данные дисциплинарные обвинения также сформулированы заявителем неконкретно, поскольку обращение не содержит указаний на то, когда именно адвокат Л. заявляла ходатайства о представлении доказательств, о подложности какого доказательства и в каком судебном заседании ею было сделано заявление, какие документы не направлялись ею заблаговременно лицам, участвующим в деле. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства и в указанной части.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокатом Л. без ссылок на конкретные обстоятельства, которые соответствовали бы положениям ст. 16 и 18 ГПК РФ, неоднократно и необоснованно заявлялись отводы эксперту и экспертному учреждению, а также судьям, Совет также признает необоснованным в силу следующего. Заявление адвоката Л. об отводе эксперта, сделанное ею в судебном заседании 26 декабря 2024 г., а также определение суда, которым было разрешено указанное заявление, в материалах дисциплинарного производства не содержатся. В протоколе судебного заседания за 26 декабря 2024 г. отмечено лишь то, что адвокат Л. огласила письменное заявление об отводе эксперта. В иных протоколах судебных заседаний сведений о заявлении адвокатом Л. отводов экспертам или экспертному учреждению не содержится. При этом в судебном заседании 09 декабря 2024 г. суд рассматривал некое «открытое ходатайство об отводе экспертной организации», поддержанное адвокатом Л., однако содержание этого ходатайства в протоколе судебного заседания не приведено. В материалах дисциплинарного производства указанное ходатайство и определение суда, которым оно было разрешено, также отсутствуют.

Из протокола судебного заседания от 14 апреля 2025 г. усматривается, что адвокат Л. сделала устное заявление: «*У меня есть замечание, наверное, они должны выглядеть как отвод. Мы слушаем дело более трех месяцев, судьи, которые пришли к нам сегодня на заседание, не могли овладеть таким количеством томов и знать дело. Б. никогда у нас не был председательствующим в судебном заседании, он был докладчиком по делу. Кроме того, хочу обратить внимание, что нам запретили занять нормальные места, на которых мы могли работать. За этой стойкой работать невозможно, мы считаем, что*

суд не создал условия для нормальной работы адвокатов и сторон по делу. Считаю, что Б. и Г. заслуживают отвода, так как они запретили расположиться на удобных местах. Б. не может быть докладчиком и председательствующим. Непредставление нормальных условий при таком объеме документов воспрепятствует осуществлению правосудия как объективного, законного и беспристрастного. Для судьи 3. замечаний нет». Данное выступление адвоката Л. было расценено судом как заявление об отводе и разрешено судом в совещательной комнате с вынесением соответствующего определения.

Совет в этой связи отмечает, что право лица, участвующего в деле, на заявление отводов судье либо возражений относительно действий председательствующего прямо предусмотрено ст. 16 и ч. 2 ст. 156 ГПК РФ. При этом одним из оснований для отводов судье являются обстоятельства, вызывающие объективные сомнения в его объективности и беспристрастности (п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ). Адвокат Л. мотивировала заявление отводов судьям, участвующим в рассмотрении дела, наличием именно таких обстоятельств, приведя их в своем заявлении. Это заявление было сделано ею в корректной форме и обусловлено как ее стремлением обеспечить нормальные условия для работы в судебном заседании, так и озабоченностью частыми изменениями состава суда, которые вследствие незнания новыми судьями материалов дела создают риск вынесения судом необъективного решения. Такое процессуальное поведение адвоката не может расцениваться ни как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, ни как нарушение порядка или неуважение к суду.

Совет также считает необходимым напомнить, что в соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности за высказанное им при осуществлении профессиональной деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном деянии.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства также и в указанной части.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в том, что при наличии в материалах дела определений о замене ранее участвовавших в рассмотрении дела судей по причинам длительного отсутствия и ухода в отставку со стороны СНТ «…» в судебных заседаниях 14 апреля и 15 мая 2025 г. заявлялось о «заинтересованности суда в длительности рассмотрения, замене состава», что, по мнению судебной коллегии, либо связано с незнанием норм процессуального законодательства, либо свидетельствует о попытках умаления доверия лиц, участвующих в деле, слушателей, присутствовавших в судебном заседании, к судебной власти.

В протоколе судебного заседания от 15 мая 2025 г. отражено следующее ходатайство председателя СНТ «…» Т.: «*Прошу разрешить вести аудиозапись судебного заседания. Мы усматриваем заинтересованность суда в длительности рассмотрения, замене состава*». В этом же судебном заседании, отвечая на вопрос судебной коллегии, Т. заявил следующее: «*Данная выписка имеется в материалах дела в копии, я предоставляю ее еще раз на обозрение коллегии, так как мы усматриваем заинтересованность суда*». Однако

каких-либо высказываний адвоката Л. по этому поводу протокол судебного заседания не содержит, а в протоколе от 14 апреля 2025 г. содержится лишь приведенное выше заявление адвоката Л. об отводе.

В этой связи Совет отмечает, что оценка поведения председателя СНТ «…» Т. в судебных заседаниях не относится к компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления, а адвокат Л. не может нести ответственность за поведение лиц, интересы которых она представляла в суде.

Рассматривая доводы обращения о том, что при выяснении явки и полномочий представителей адвокат Л. не всегда сообщала суду о том, что представляет также интересы М., однако в судебном заседании 09 декабря 2024 г. осуществляла представление его интересов, а в судебном заседании 25 декабря 2024 г. вновь не представила доверенность на представление его интересов, что, по мнению авторов обращения, свидетельствует о попытках введения суда в заблуждение о явившихся в судебное заседание участниках, Совет отмечает, что согласно ч. 1 ст. 161 ГПК РФ обязанность выяснения сведений о явке лиц, участвующих в деле, и доклада об этом суду возложена на секретаря судебного заседания.

Из протокола судебного заседания от 08 мая 2024 г. усматривается, что еще в данном судебном заседании ответчиком М. было заявлено в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 53 ГПК РФ, устное ходатайство о допуске к участию в деле в качестве его представителя адвоката Л., которое было удовлетворено судом, и в этом же протоколе судебного заседания адвокат Л. указана в качестве представителя М. Из этого следует, что начиная с 08 мая 2024 г. суд обладал информацией о том, что адвокат Л. в числе прочих лиц, участвующих в деле, также представляет интересы ответчика М.

В последующих протоколах судебного заседания адвокат Л. в ряде случаев не указана в качестве представителя ответчика М., в протоколе от 17 марта 2025 г. вновь указано, что она представляет его интересы по устному ходатайству, а в протоколе от 15 мая 2025 г. – по доверенности. Однако адвокат Л. не может нести ответственность за ненадлежащее исполнение секретарем судебного заседания своих функциональных обязанностей, которое могло повлечь отсутствие у суда полной и достоверной информации о лицах, участвующих в деле, в том числе допущенных самим судом в предыдущих судебных заседаниях. Таким образом, и в данной части дисциплинарное обвинение не нашло подтверждения.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объеме, признавая презумпцию добросовестности адвоката Л. неопровергнутой в отношении всех выдвинутых в отношении нее дисциплинарных обвинений.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по обращению (частному определению) судебной коллегии по гражданским делам М. областного суда от 15 мая 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.2. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, не явившегося в судебное заседание в связи с необходимостью получения медицинской помощи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи М. областного суда С. от 23 мая 2025 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 23 июня 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по обращению судьи С.:

в части дисциплинарных обвинений в том, что, не явившись в судебное заседание М. областного суда 23 мая 2025 г. по рассмотрению дела № … адвокат М. нарушил права обвиняемого Г., – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении Заключения Квалификационной комиссии и заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства без его участия. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившегося адвоката М.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

20 мая 2025 г. в М. областной суд поступило ходатайство о продлении срока содержания обвиняемого Г. под стражей. Судебное заседание было назначено на 13:00 час. 23 мая 2025 г. Защиту обвиняемого на стадии предварительного следствия по соглашению осуществляли адвокаты М. и М.М. 23 мая 2025 г. адвокат М. не явился в судебное заседание, о котором был извещен надлежащим образом. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, в этот день у него на 11.00 час. была назначена консультация в ФГБНУ «…». Он рассчитывал, что консультация займет 30–40 минут, что позволило бы ему своевременно прибыть в суд. Однако врач в последний момент перенес прием на 13.30 час. О невозможности своевременно прибыть в суд по причине нахождения в медицинском учреждении адвокат М. незамедлительно уведомил аппарат судьи по телефону. Право обвиняемого на защиту было обеспечено путем привлечения защитника по назначению в порядке ст. 51 УПК РФ. Доверитель адвоката М. – Г. также письменно подтвердил, что знал о визите адвоката к врачу и был согласен на участие в заседании защитника по назначению.

В обращении заявителя в отношении адвоката М. выдвинуты дисциплинарные обвинения в неявке без уважи-

тельных причин в указанное судебное заседание, что, по утверждению автора обращения, свидетельствует о фактическом отказе от исполнения обязательств по защите.

Оценивая выдвинутое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду. Развивая это положение, п. 1 ст. 14 Кодекса устанавливает, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

Причину неявки адвоката М. в судебное заседание 23 мая 2025 г. при описанных обстоятельствах (необходимость получения медицинской помощи в связи с заболеванием, что подтверждается представленными им медицинскими документами) Совет признает уважительной. Довод адвоката о том, что он не мог предвидеть значительную задержку приема у врача, ничем не опровергнут. При этом адвокат М. надлежащим образом исполнил профессиональную обязанность по уведомлению суда, поскольку он заблаговременно, до начала судебного заседания, по телефону проинформировал сотрудника аппарата судьи о возникших независимо от его воли обстоятельствах, как только узнал о них.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что в действиях адвоката М. отсутствует состав дисциплинарного проступка, поскольку в его действиях отсутствуют признаки неуважения к суду, совершенного умышленно или по грубой неосторожности. Презумпцию добросовестности адвоката Совет признает неопровергнутой.

Оценивая довод автора обращения о том, что неявка адвоката М. в судебное заседание фактически является отказом от принятой на себя защиты, Совет вновь отмечает, что вопросы, связанные с оценкой надлежащего исполнения адвокатом-защитником по соглашению профессиональных обязанностей перед доверителем, качеством оказываемой им юридической помощи, находятся в сфере правоотношений «адвокат – доверитель». Поэтому только доверитель адвоката, являющийся получателем его юридической помощи на основании соглашения, вправе выдвигать соответствующие дисциплинарные обвинения, включая обвинение в отказе от принятой защиты. Однако доверитель адвоката М. Г. с жалобой на его действия в Адвокатскую палату города Москвы не обращался. Более того, он представил заявление, из которого следует, что он знал о причине неявки адвоката М. и не имеет претензий к своему защитнику.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что дисциплинарное обвинение в отказе адвоката М. от защиты Г. не подлежит оценке по существу, поскольку суд не наделен полномочиями по выдвижению такого дисциплинарного обвинения в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению. Следовательно, в данной части отсутствует допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет

Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по обращению судьи М. областного суда С. от 23 мая 2025 г.:

в части дисциплинарного обвинения в том, что, не явившись в судебное заседание М. областного суда 23 мая 2025 г. по рассмотрению дела № … адвокат М. нарушил права обвиняемого Г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.3. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, не явившегося в судебное заседание, так как уведомление следователя о дате и времени судебного заседания было признано ненадлежащим.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи К. городского суда Московской области Г. от 11 июня 2025 г. в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 6 августа 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по обращению судьи Г.:

в части дисциплинарных обвинений в том, что, не явившись 10 июня 2025 г. в судебное заседание К. городского суда Московской области по рассмотрению дела № … адвокат С. нарушил права обвиняемого Н. и иных участников судебного разбирательства, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, представителя не направил, письменно ходатайствовал о рассмотрении дисциплинарного производства в свое отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также учитывая требования п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката С.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве судьи К. городского суда Московской области Г. находилось постановление старшего следователя Следственного управления УМВД России по г.о. … Московской области З. о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Защиту обвиняемого Н. по соглашению с 21 июня 2023 г. осуществлял адвокат С. Судебное заседание по рассмотрению вышеуказанного ходатайства было назначено на 14.30 час. 10 июня 2025 года. 06 июня 2025 г. адвокат С. был извещен следователем о месте, дате и времени рассмотрения материала. 10 июня 2025 г., в 14.30 час., адвокат С. в судебное заседание не явился, об уважительности причины неявки в судебное заседание суду не сообщил.

Заявитель выдвинул в отношении адвоката С. дисциплинарные обвинения в том, что он:

– несмотря на предварительное извещение о дате и времени судебного заседания, в него не явился и не уведомил суд о причинах неявки, ходатайство о назначении иного времени для рассмотрения дела не заявил;

– нарушил права обвиняемого Н. и других участников уголовного судопроизводства, не исполнил требования Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и УПК РФ.

По мнению заявителя, действия (бездействие) адвоката С. порочат звание адвоката и подрывают доверие ко всему адвокатскому сообществу.

Адвокат С. в своих письменных объяснениях пояснил, что 21 июня 2023 г. он заключил Соглашение № … об оказании Н. юридической помощи по уголовному делу и два года доказывал, что в действиях Н. отсутствует состав преступления. Считает, что данное уголовное дело не имеет никакого отношения к подследственности СУ УМВД России по г.о. … Московской области. После его многочисленных жалоб в органы прокуратуры, а также многочисленных ходатайств, заявленных в ходе судебного разбирательства, 04 июня 2025 г. уголовное дело было возвращено прокурору, однако срок содержания Н. под стражей был продлен до 16 июня 2025 года. 06 июня 2025 г. следователь З. посредством мессенджера *WhatsApp* известила его о том, что в 14.30 час. 10 июня 2025 г. в К. городском суде состоится судебное заседание по рассмотрению ходатайства следственного органа о продлении срока содержания Н. под стражей. Однако он считает, что следователь З. не имеет полномочий по назначению даты и времени судебного заседания; следователь не должен использовать мессенджер *WhatsApp* в указанных целях. Кроме того, на официальном сайте упомянутого суда 06 июня 2025 г. отсутствовала информация о дате и времени судебного заседания по указанному материалу, который поступил в суд только 10 июня 2025 г., а сотрудниками этого суда не направлялось адвокату С. соответствующее извещение о судебном заседании. Дополнительно свою неявку в судебное заседание адвокат С. объясняет заболеванием и нахождением в этот день у врача, поскольку требовалось медицинское вмешательство для выполнения обезболивающей процедуры.

В соответствии с постановлением следователя СУ УМВД России по г.о. … Б. от 10 июня 2025 г. для защиты обвиняемого Н. на одно судебное заседание для рассмотрения ходатайства следственного органа о продлении срока содержания под стражей в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, был назначен адвокат Пе., который уже 10 июня 2025 г. заявил самоотвод, а в дальнейшем защиту осуществлял адвокат По.

11 июня 2025 г. адвокат С. обратился к следователю З. с ходатайствами о прекращении незаконного уголовного преследования обвиняемого Н. и об освобождении обвиняемого Н. из-под стражи. 13 июня 2025 года Н. был освобожден, у него было взято обязательство о явке.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что 10 июня 2025 г. адвокат С. не явился в судебное заседание по рассмотрению упомянутого дела, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу, что в указанных действиях адвоката С. не усматривается нарушения каких-либо положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Заявителем в материалы дисциплинарного производства предоставлен рапорт старшего следователя З. об уведомлении 06 июня 2025 г. адвоката С. посредством мессенджера *WhatsApp* о судебном заседании К. городского суда Московской области по рассмотрению ходатайства следственного органа о продлении срока содержания обвиняемого Н. под стражей, назначенном на 14.30 мин. 10 июня 2025 г. По мнению заявителя, это означает, что адвокат С. был надлежащим образом извещен о судебном заседании, назначенном на 10 июня 2025 г. Однако согласно ч. 8 ст. 109 УПК РФ ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд по месту производства предварительного расследования либо месту содержания обвиняемого под стражей не позднее чем за 7 суток до его истечения. При этом ч. 4 ст. 231 УПК РФ возлагает на суд обязанность известить стороны о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала. Таким образом, уведомление следователя о дате и времени судебного заседания по делу (материалу), еще не поступившему в суд, не может быть признано надлежащим, а назначение судебного заседания в день поступления материала в суд само по себе исключает возможность надлежащего извещения его участников.

Кроме того, согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» внесены изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Постановление № 1 было дополнено п. 15.1 следующего содержания: «Извещение участников судебного заседания допускается в том числе посредством СМС-сообщения в случае их согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату. Факт согласия на получение СМС-извещения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике судопроизводства и его согласием на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона, на который оно направляется». Аналогичные требования о добровольном характере уведомлений посредством СМС-сообщений содержатся и в разд. 2 Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством смс-сообщений, утвержденного Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений». Вопреки этим требованиям, адвокат С. был уведомлен о судебном заседании (причем не судом, а следователем) посредством направления ему сообщения в мессенджере *WhatsApp* без его согласия.

В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что, несмотря на отсутствие надлежащего извещения, адвокат С. уведомил следователя З. о невозможности явки в судебное заседание по уважительной причине – в связи с заболеванием, а также

проинформировал об этом помощника судьи Г. – И.

При таких обстоятельствах в действиях адвоката С. отсутствуют какие-либо признаки проявления неуважения к суду.

В отношении дисциплинарного обвинения в нарушении прав доверителя адвоката С. – Н. и других участников судопроизводства Совет отмечает, что лишь при реализации судьей (судом) в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ полномочий по обеспечению участия в деле адвоката-защитника судья (суд) обладает правом на выдвижение в отношении такого адвоката дисциплинарного обвинения в отказе от принятой на себя защиты по уголовному делу и (или) в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем. Такое полномочие судьи (суда) в отношении назначенного по его поручению защитника проистекает из взаимосвязанных положений чч. 1 и 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующих каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно, в случаях, предусмотренных законом, а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления – право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, и ч. 7 ст. 49, ч. 2 ст. 50, ст. 51 УПК РФ, регламентирующих вопросы участия защитника в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя и суда и недопустимость отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого. Однако во всех случаях, когда адвокат-защитник или адвокат-представитель приглашается получателем юридической помощи или по его поручению (с согласия) иными лицами, только доверитель адвоката, являющийся получателем его юридической помощи, вправе выдвигать в отношении него дисциплинарные обвинения, связанные с отказом от принятой на себя защиты и ненадлежащим оказанием юридической помощи.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат С. осуществляет защиту обвиняемого Н. по соглашению, при этом жалоб от последнего на качество оказываемой ему адвокатом С. юридической помощи в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. Не поступало жалоб на нарушение их прав действиями адвоката С. и от других участников производства по делу. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по обращению судьи К. городского суда Московской области Г. от 11 июня 2025 г.:

в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом С. прав обвиняемого Н. и других участников судопроизводства – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.4. Адвокаты получили замечания за неявку в судебное заседание без уважительных причин.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращениям судьи М. районного суда г. Москвы К. от 13 мая 2025 г. в отношении адвокатов Т. и Ш.

Квалификационная комиссия 06 августа 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Ш. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен … проявлять уважение к суду…»), выразившемся в том, что 13 мая 2025 г. он без уважительных причин не явился в судебное заседание М. районного суда г. Москвы по уголовному делу для осуществления защиты подсудимой К.И., необоснованно отдав предпочтение участию в мероприятиях, не связанных с профессиональной деятельностью;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката исполнении адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К.М., выразившемся в том, что 13 мая 2025 г. он без уважительных причин не явился в судебное заседание упомянутого суда по уголовному делу для осуществления ее защиты, нарушив тем самым право К.И. на разумный срок уголовного судопроизводства, который является одним из принципов уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации;

3) о нарушении адвокатом Т. положений ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен … проявлять уважение к суду …», «Адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с Разъяснениями № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью», выразившемся в том, что 13 мая 2025 г. он без уважительных причин не явился в судебное заседание упомянутого суда по уголовному делу для осуществления защиты подсудимого М., необоснованно отдав предпочтение участию в проведении процессуальных действий по другому уголовному делу, находящемуся в производстве …отдела следственной части Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Москве;

4) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по обращению судьи К. от 13 мая 2025 г., в части дисциплинарных обвинений в том, что, не явившись в судебное заседание указанного суда 13 мая 2025 г. по рассмотрению уголовного дела, адвокат Ш. нарушил права иных участников судебного разбирательства, не являющихся получателем его юридической помощи, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

5) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по обращению судьи К. от 13 мая 2025 г., в части дисциплинарных обвинений

в том, что, не явившись в судебное заседание указанного суда 13 мая 2025 г. по рассмотрению уголовного дела, адвокат Т. нарушил права подсудимого М. и иных участников судебного разбирательства, не являющихся получателем его юридической помощи, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокаты Т. и Ш., извещенные надлежащим образом, в заседание Совета не явились, каждый из них письменно уведомил Совет о получении Заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся адвокатов Т. и Ш.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и приходит к выводу об изменении объема дисциплинарных обвинений, как указано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве судьи М. районного суда г. Москвы К. находится уголовное дело в отношении К.М. и М. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ, а также еще шести лиц, обвиняемых в совершении ряда преступлений.

Защиту подсудимой К.И. по назначению в порядке ст. 50, 51 УПК РФ осуществляет адвокат Ш., а защиту подсудимого М. по соглашению осуществляет адвокат Т.

В судебное заседание по рассмотрению уголовного дела, назначенное на 10.30 час. 13 мая 2025 г., адвокаты Т. и Ш. не явились, в связи с чем в 10.57 час. оно было отложено на 10.00 час. 20 мая 2025 г. При этом адвокат Т. в 08.43 час. 12 мая 2025 по телефону сообщил помощнику судьи К. – Б. о том, что не явится в указанное судебное заседание в связи с участием в следственных действиях по другому уголовному делу, а адвокат Ш. в 10.47 час. 13 мая 2025 г. по телефону сообщил тому же помощнику судьи об опоздании в судебное заседание.

Заявителем в отношении адвокатов Т. и Ш. выдвигаются дисциплинарные обвинения в неявке каждого из них в судебное заседание 13 мая 2025 г., а также в неуведомлении о причинах неявки, что повлекло необходимость отложения судебного заседания на другую дату. В указанных действиях адвокатов заявитель усматривает проявление неуважения к суду, нарушение прав других участников уголовного судопроизводства, неисполнение требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и УПК РФ.

Адвокат Ш., отрицая в ходе дисциплинарного разбирательства выдвинутые в отношении него дисциплинарные обвинения, указывал, что 13 мая 2025 г., рано утром, он прилетел из Тюмени, где находился по семейным обстоятельствам в связи с состоянием здоровья отца, и задержался в аэропорту в связи с долгим получением багажа. Поняв, что может опоздать в судебное заседание, он стал связываться с помощником судьи К., однако только в 10.47 час. ему удалось это сделать и сообщить о задержке, на что ему было сказано, что

«они никого не ждут». Указывает, что были и другие причины для отложения судебного заседания, которые являлись более весомыми, в отличие от его «незначительного опоздания».

Адвокат Т., также отрицая в ходе дисциплинарного разбирательства выдвинутые в отношении него обвинения, ссылался на то, что не явился в судебное заседание 13 мая 2025 г., поскольку получил от следователя …отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве К.Р. информацию о запланированном последним следственном действии с подзащитным по другому уголовному делу Л., который содержится в ФКУ СИЗО… ГУ ФСИН России по г. Москве. Следователем была получена электронная очередь на проход в указанное учреждение именно на 13 мая 2025 г. (09.30 час.). Так как получение электронной очереди на проход в следственные изоляторы г. Москвы в настоящее время является чрезвычайно сложным процессом, он согласовал свою неявку в судебное заседание с доверителем М., который согласился участвовать в судебном заседании с участием защитника по назначению. 12 мая 2025 г., в 08.43 час., он связался с помощником судьи К. по телефону и сообщил ей о невозможности участия в судебном заседании 13 мая 2025 г.

Давая оценку выдвинутым дисциплинарным обвинениям, Совет приходит к следующим выводам.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду. В развитие данного предписания п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

В Разъяснении № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» (утверждено Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 февраля 2018 г., Протокол № 1) содержатся следующие указания о профессиональном поведении адвоката, необходимом для надлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей, в том числе и перед судом:

«По общему правилу при совпадении даты следственных действий с датой судебного заседания адвокат должен отдать приоритет участию в судебном заседании, заблаговременно уведомив об этом дознавателя, следователя и согласовав с ними новую дату проведения следственных действий.

При участии адвоката в мероприятиях, не связанных с профессиональной деятельностью, адвокат всегда должен отдавать приоритет участию в качестве защитника, представителя в уголовном, административном, гражданском и арбитражном процессе (пункт 4 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката)» (Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2018. № 2 (61). С. 171–172).

Эти разъяснения приняты органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В подтверждение факта неявки 13 мая 2025 г. адвокатов Т. и Ш. в су-

дебное заседание по указанному делу заявителем представлен протокол судебного заседания, из которого следует: «*Судебное заседание открыто в 10 часов 55 минут …доложена явка … защитник-адвокат Т. не явился … защитник-адвокат Ш. не явился … в связи с чем судебное заседание подлежит отложению на 10 часов 00 минут 20 мая 2025 года, также суд полагает необходимым произвести замену адвоката Ш., направить письма в отношении неявившихся защитников в Адвокатскую палату города Москвы*». Таким образом, именно неявка адвокатов Ш. и Т. 13 мая 2025 г. в судебное заседание повлекла за собой необходимость его отложения.

Оценивая причины и обстоятельства неявки адвоката Т. в судебное заседание 13 мая 2025 г., Совет отмечает следующее. Как указано выше, свою неявку адвокат не оспаривает и объясняет ее отданным приоритетом участию в следственных действиях с другим обвиняемым в ФКУ СИЗО… УФСИН России по г. Москве. Такое профессиональное поведение адвоката Т. не соответствует вышеприведенным требованиям Разъяснения № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью». При этом адвокат Т. не представил доказательств как предпринятых им попыток согласования со следователем другой даты проведения следственных действий, так и неотложного характера данных следственных действий, в силу которого они должны были состояться именно 13 мая 2025 г.

Кроме того, извещение адвокатом Т. суда о невозможности явки в судебное заседание только 12 мая 2025 г. с учетом того, что о запланированных следственных действиях по другому уголовному делу ему стало известно еще 07 мая 2025 г., Совет также не может признать надлежащим.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Т. опровергнутой и приходит к выводу о том, что он, будучи еще 29 апреля 2025 г. извещен о судебном заседании, назначенном на 10.30 час. 13 мая 2025 г., без уважительных причин не явился в него, необоснованно отдав предпочтение участию в качестве защитника в следственных действиях по другому уголовному делу, чем нарушил положения ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, проявив неуважение к суду.

Адвокат Ш. в поддержку своего приведенного выше объяснения обстоятельств неявки представил посадочный талон на свое имя о перелете по маршруту Тюмень – Москва, рейс № … 13 мая 2025 г., с указанием времени прибытия в аэропорт Шереметьево – 05.05 час. Каких-либо иных доказательств уважительности причин неявки в судебное заседание не представил. При таких обстоятельствах Совет отмечает, что у адвоката Ш. с момента прилета в аэропорт Шереметьево было более 5 часов до времени начала судебного заседания, и даже при условии задержки получения багажа (доказательств которой не представлено) этого времени было вполне достаточно для своевременной явки в судебное заседание, не говоря уже о своевременном уведомлении суда о вынужденном опоздании, если бы оно было неизбежно. Однако адвокат Ш. позвонил в суд лишь в 10.47 час., когда судебное заседание уже должно было начаться. Совет также отмечает, что адвокат Ш. имел возможность уведомить суд о сложившейся ситуации не толь-

ко путем звонка помощнику судьи, но и через других защитников по этому же уголовному делу, чего им также сделано не было.

При таких обстоятельствах Совет, признавая презумпцию добросовестности адвоката Ш. опровергнутой, приходит к выводу о том, что последний, будучи еще 29 апреля 2025 г. извещен о судебном заседании, назначенном на 10.30 час. 13 мая 2025 г., без уважительных причин не явился в него, чем нарушил положения ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, проявив неуважение к суду.

При этом Совет полагает необходимым исключить из указанного дисциплинарного обвинения указание на то, что адвокат Ш. необоснованно отдал предпочтение участию в мероприятиях, не связанных с профессиональной деятельностью, поскольку в результате дисциплинарного разбирательства не было получено сведений о его участии в каких-либо подобных мероприятиях.

Кроме того, Совет признает избыточным выдвинутое в отношении адвоката Ш. дисциплинарное обвинение в нарушении права К.И. на разумный срок уголовного судопроизводства с учетом следующих обстоятельств.

В соответствии с ч. 1 ст. 6.1 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. Согласно ч. 3 той же статьи при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитываются правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, общая продолжительность уголовного судопроизводства. При этом право присуждения компенсации за нарушение права на разумный срок уголовного судопроизводства возникает при продолжительности производства по уголовному делу, превышающему четыре года. Квалификационная комиссия, признавая право К.И. на разумный срок уголовного судопроизводства нарушенным однократной неявкой адвоката Ш. в судебное заседание, не привела в своем заключении анализа и оценки указанных обстоятельств и не обосновала, каким образом эта неявка нарушила разумный срок судопроизводства.

Вместе с тем согласно базе данных М. районного суда г. Москвы общий срок рассмотрения указанного уголовного дела к моменту неявки адвоката Ш. в судебное заседание 13 мая 2025 г. не превышал двух месяцев. По уголовному делу, по которому к уголовной ответственности привлечены восемь человек, было к 13 мая 2025 г. проведено в общей сложности лишь пять заседаний. Из протокола судебного заседания от 29 апреля 2025 г. следует, что оно было отложено на 13 мая 2025 г. в связи с неявкой адвоката Ма. Как указано выше, судебное заседание 13 мая 2025 г. было отложено на 20 мая 2025 г. в связи с неявкой сразу двоих защитников – адвокатов Т. и Ш. Таким образом, даже при условии явки 13 мая 2025 г. в судебное заседание адвоката Ш. оно в любом случае не могло состояться из-за неявки адвоката Т. Наконец, каких-либо жалоб по этому поводу от подсудимой К. на действия адвоката Ш. не поступало.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики, приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению ввиду отсутствия в действиях (бездействии)

адвоката Ш. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В отношении же дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Ш. прав других участников уголовного судопроизводства Совет отмечает, что жалоб от указанных лиц на его действия не поступало, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие отсутствия допустимого повода.

К такому же выводу Совет приходит в отношении аналогичных дисциплинарных обвинений в отношении адвоката Т. Последний осуществляет защиту подсудимого М. по соглашению, при этом жалоб на качество оказываемой им юридической помощи или нарушение прав от самого подсудимого М., являющегося ее получателем, а также от иных участников производства по делу в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвокатов Т. и Ш. за совершенные ими дисциплинарные нарушения, Совет учитывает, что ранее каждый из них к дисциплинарной ответственности не привлекался, оба имеют длительный стаж адвокатской деятельности, допущенные нарушения признали. Вместе с тем Совет учитывает характер допущенных нарушений, свидетельствующий об умышленном игнорировании обоими адвокатами норм профессиональной этики адвоката и проявленном неуважении к суду. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить в отношении как адвоката Т., так и Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания каждому как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить в отношении адвоката Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение положений ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…», «Адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с Разъяснениями № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью», выразившееся в том, что 13 мая 2025 г. он без уважительных причин не явился в судебное заседание М. районного суда г. Москвы по уголовному делу для осуществления защиты подсудимого М., необоснованно отдав предпочтение участию в проведении процессуальных действий по уголовному делу, находящемуся в производстве …отдела следственной части Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Москве.

Применить в отношении адвоката Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя

в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…»), выразившееся в том, что 13 мая 2025 г. он без уважительных причин не явился в судебное заседание указанного суда по уголовному делу для осуществления защиты подсудимой К.И.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по обращениям судьи М. районного суда г. Москвы К. от 13 мая 2025 г. в отношении адвокатов Т. и Ш.:

в части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Ш., не явившись в судебное заседание указанного суда 13 мая 2025 г. по рассмотрению уголовного дела, нарушил право подсудимой К.И. на разумный срок уголовного судопроизводства, ввиду отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

в оставшейся части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2.5. Совет прекратил производство, признав необоснованным выдвинутое в отношении адвоката обвинение в злоупотреблении доверием умершего доверителя и действиях в личных интересах. Совет отметил: смешение адвокатской и коммерческой деятельности недопустимо.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе с участием адвоката Ш. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 05 марта 2025 г. в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 06 августа 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 05 марта 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

От представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., извещенной надлежащим образом, в Адвокатскую палату города Москвы поступило заявление, в котором она просила рассмотреть дисциплинарное производство без ее участия, а также сообщила, что полностью поддерживает доводы представления и не согласна в полном объеме с Заключением Квалификационной комиссии. Какая-либо мотивировка несогласия не приведена. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося представителя заявителя.

Адвокат Ш. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено, с выводами Комиссии она согласна в полном объеме. Отвечая на вопросы членов Совета о причинах кардинального изменения ее позиции в отношении заключенного 22 ноября 2024 г. Коллегией адвокатов «…» в ее, как председателя Коллегии, лице

договора с Б.М. уступки последним Коллегии права требования долга в сумме …руб. к умершему М.Е. [в заседании Совета 26 июня 2025 г. адвокат Ш. пояснила, что, по ее мнению, указанный договор по своей природе является договором «инкассо-цессии», т.е. смешанным договором, содержащим в себе элементы договоров цессии и оказания юридической помощи, а после направления дисциплинарного производства Советом в Квалификационную комиссию для нового разбирательства адвокат Ш., изменив свою позицию, представила в Комиссию дополнительное соглашение к Договору уступки права требования от 22 ноября 2024 г., заключенное с Б.М. 27 июля 2025 г. – спустя месяц после заседания Совета, в котором стороны договорились изложить п. 4 Договора уступки в новой редакции, а именно: «*За уступаемое право Новый кредитор уплачивает Первоначальному кредитору 75 (семьдесят пять) процентов указанной в п. 2 суммы долга, а именно …руб. (Цена договора) путем перечисления денежных средств на банковский счет Первоначального кредитора. Денежные средства перечисляются в срок не позднее 25 декабря 2026 г.*», а также предусмотрели новое условие, согласно которому Договор уступки не является агентским договором или договором оказания услуг и не создает соответствующих прав и обязанностей для Сторон. – *Пояснение Совета*], адвокат Ш. сообщила, что никакого изменения позиции, по ее мнению, не было. Коллегия адвокатов «…» заключила с гражданином Б.М. договор уступки права требования, а не оказания правовой помощи, однако если даже считать, что этот договор и содержит элементы и условия договора «об оказании юридических услуг», то такую «услугу» оказывает коллегия адвокатов, а не адвокат Ш. лично. При этом она осознает, что Коллегия выступает в этом договоре в ее лице, а деятельность по управлению адвокатским образованием является профессиональной адвокатской деятельностью.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Ш., Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

18 января 2022 г. между адвокатом Московской коллегией адвокатов «…» (руководителем которой является адвокат Ш.) Б.И. и доверителем Б.М. заключен Договор об оказании юридической помощи № … от 18 января 2022 г., предусматривающий в п. 2.1 следующий предмет поручения: «*Правовое сопровождение инвестиционного проекта доверителя в России в связи с заключением Договора участия в долевом строительстве (ДДУ) гр. М.Е. (…г.р.) от 12 января 2022 г. с ООО "…", а именно: 2.1.1. составление договора целевого займа и перечисление М.Е. предварительно полученной адвокатом суммы в размере … рублей по поручению доверителя, а также 2.1.2. составление соглашения о намерениях, по условиям которого доверитель, гр. М.Е. и гр. М.О. намереваются уступить права по ДДУ третьему лицу и разделить полученную прибыль за вычетом суммы инвестиций в размере 1/3 каждому*».

Согласно представленной адвокатом Ш. копии Договора целевого займа от 18 января 2022 г., в качестве сторон которого указаны Б.М. (займодавец) и М.Е. (заемщик) и подписанного в одностороннем порядке Б.М., последний предоставил М.Е. заем в размере … руб. с целью внесения М.Е. платежа по Договору от 12 января 2022 г. № …

с ООО «…» об участии в долевом строительстве объекта по строительному адресу… 18 января 2022 года Б.М. перечислил денежные средства в размере …долл. США на расчетный счет Московской коллегии адвокатов «…» с последующей их конвертацией 19 января 2022 г. в российские рубли по курсу …руб. за 1 долл. США. 19 января 2022 г. на основании платежного поручения от 18 января 2022 г. № … со счета Коллегии на счет М.Е. перечислены …руб. с указанием в качестве назначения платежа: «Перечисление денежных средств по Договору целевого займа № б/н от 18.01.2022. НДС не облагается».

27 октября 2022 г. нотариусом нотариального округа г. Владимира К. удостоверена доверенность на бланке, выданная Ш., Е., Г., Ш.А., Б.Е. на представление интересов М.Е. по вопросам, связанным с расторжением договоров участия в долевом строительстве от 12 и 28 января 2022 г.

25 декабря 2022 г. адвокат Ш. приняла поручение на представление интересов доверителя М.Е. при рассмотрении М. районным судом г. Москвы гражданского дела по иску ООО «…» к М.Е. о признании недействительными сделками односторонних отказов М.Е. от исполнения договоров участия в долевом строительстве от 12 и 28 января 2022 г., применении последствий недействительности сделок, взыскании долга по данным договорам, оформив ордер на представление интересов М.Е. с 29 декабря 2022 г. в указанном районном суде от 25 декабря 2022 года. 30 декабря 2022 г. упомянутым судом по указанному делу было вынесено определение о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество и денежные средства, принадлежащие М.Е. На это определение 04 апреля 2023 г. была принесена частная жалоба М.Е. с ходатайством о восстановлении процессуального срока, подписанным адвокатом Ш. как представителем ответчика М.Е. по доверенности. 16 ноября 2023 г. апелляционным определением М. городского суда вышеуказанное определение районного суда оставлено без изменения, а частная жалоба – без удовлетворения.

09 ноября 2024 г. М.Е. умер. 27 ноября 2024 г. определением М. районного суда г. Москвы производство по гражданскому делу прекращено по основанию, предусмотренному абз. 7 ст. 220 ГПК РФ, т.е. в связи со смертью гражданина (М.Е.), являвшегося одной из сторон по делу, и с тем, что спорное правоотношение не допускает правопреемства.

22 ноября 2024 г. между Московской коллегией адвокатов «…» и Б.М. заключен Договор об уступке права (требования) от 22 ноября 2024 г., в соответствии с пунктом 1 которого «Первоначальный кредитор» (Б.М.) уступает «Новому кредитору» (Московской коллегии адвокатов «…») «все права (требования) по Договору целевого займа от 18 января 2022 г. в отношении М.Е…». При этом согласно п. 4 указанного Договора уступки права требования от 22 ноября 2024 г. «за уступаемое право Новый кредитор уплачивает после фактического получения денежных средств Первоначальному кредитору 75 (семьдесят пять) процентов указанной в п. 2 суммы долга, а именно – …рублей путем перечисления денежных средств на банковский счет Первоначального кредитора».

14 января 2025 г. О. районным судом г. Владимира зарегистрировано поступившее исковое заявление М.О. к М.А.. к о признании сделок недействительными, в котором указано, что М.О. является наследницей по закону первой очереди после смерти своего отца М.Е., и ей стало известно, что в 2023 г. М.Е. подарил все принадлежащие ему объ-

екты недвижимого имущества своему сыну М.А., при этом «отчуждение недвижимого имущества ответчику носило формальный и временный характер и имело единственную цель – недопущение обращения взыскания на активы по требованиям кредитора наследодателя».Вобоснованиедоводовозлоупотреблении правом со стороны обеих сторон мнимых и противоречащих основам правопорядка сделок (ст. 10, 170 ГК РФ) в исковом заявлении в числе прочего указывается на их совершение непосредственно после принятия на основании определения М. районного суда г. Москвы от 30 декабря 2022 г. обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество и денежные средства, принадлежащие М.Е., в целях избежать регистрации ареста на имущество для последующего обращения на него взыскания со стороны ООО «…», а также на то, что фактический порядок пользования спорными объектами недвижимости после совершения сделок не изменился, в связи с чем М.Е. и его дочь М.О. фактически проживали в спорной квартире, тогда как о прекращении права пользования ею М.О. узнала лишь после смерти своего отца М. Е. Указанное исковое заявление рассматривается в настоящее время О. районным судом г. Владимира, и адвокат Ш. участвует в деле в качестве представителя истца М.О.

14 января 2025 г. в Л. районный суд г. Владимира поступило исковое заявление Московской коллегии адвокатов «…» к наследственному имуществу М.Е. 25 февраля 2025 г. производство по указанному гражданскому делу было приостановлено в связи с невозможностью его рассмотрения до истечения срока принятия наследства. 24 июня 2025 г. производство по гражданскому делу возобновлено.

Как указано выше, 27 июля 2025 г. между Московской коллегией адвокатов «…» и Б.М. заключено Дополнительное соглашение от 27 июля 2025 г. к Договору об уступке права (требования) от 22 ноября 2024 г., согласно п. 1 которого п. 4 Договора уступки права требования от 22 ноября 2024 г. стороны договорились изложить в следующей редакции: «4. За уступаемое право Новый кредитор уплачивает Первоначальному кредитору 75 (семьдесят пять) процентов указанной в п. 2 суммы долга, а именно … рублей (Цена договора) путем перечисления денежных средств на банковский счет Первоначального кредитора. Денежные средства перечисляются в срок не позднее 25 декабря 2026 года по следующим банковским реквизитам <…> В случае просрочки или неполного перечисления денежных средств по настоящему договору Новый кредитор уплачивает Первоначальному кредитору пени в размере 0,01% от суммы неисполненного денежного обязательства за каждый день просрочки (за исключением случаев, если банковский перевод не может быть совершен по техническим причинам, например ограничительных мер). В случае просрочки оплаты более чем на 30 дней Первоначальный кредитор имеет право в одностороннем внесудебном порядке расторгнуть договор». Кроме того, п. 2 Дополнительного соглашения от 27 июля 2025 г. предусматривает, что стороны договорились дополнить договор об уступке права (требования) от 22 ноября 2024 г.п. 8 следующего содержания: «Настоящий Договор не является агентским договором или договором оказания услуг и не создает соответствующих прав и обязанностей для Сторон. К любым действиям Нового кредитора не подлежат применению нормы статей 782, 978,1003 Гражданского кодекса Российской Федерации».

В представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 05 марта 2025 г.

против адвоката Ш. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

1) в нарушении пп. 2, 3 ст. 5, п. 2 ст. 6, подп. 1, 2, 4, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в злоупотреблении доверием умершего доверителя М.Е., совершении адвокатом Ш. действий, направленных к подрыву доверия к ней, принятии ею поручения доверителя М.О., заявляющей требования против интересов умершего доверителя М.Е., в использовании в интересах доверителя М.О. информации, которая стала известна адвокату Ш. в ходе оказания юридической помощи умершему доверителю М.Е., а также в совершении действий вопреки законным интересам умершего доверителя М.Е.;

2) в нарушении пп. 1, 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката; ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, выразившемся в том, что адвокат Ш. 14 января 2025 г. подала в интересах доверителя М.О. в О. районный суд г. Владимира исковое заявление «О признании недействительными сделок» (гражданское дело № …), а затем 12 февраля 2025 г. приняла участие в качестве представителя М.О. в судебном заседании этого суда по указанному гражданскому делу на основании приложенной к исковому заявлению доверенности, без предоставления суду ордера адвоката, подтверждающего полномочия адвоката Ш. на представление интересов доверителя М.О.;

3) в нарушении подп. 4 п. 1 ст. 7, пп. 2, 6 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, подп. 1, 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в предоставлении 18 января 2022 г. М.Е. целевого займа на сумму …руб. на имущественные права, которые были предметом рассмотрения в М. районном суде г. Москвы, а также в последующем предъявлении 14 января 2025 г. Московской коллегией адвокатов «…» в лице председателя – адвоката Ш. в Л. районный суд г. Владимира иска к наследственному имуществу, принадлежавшему умершему доверителю адвоката Ш. – М.Е., что, по оценке заявителя, свидетельствует о наличии у адвоката Ш. своего личного интереса в деле указанного доверителя.

Рассмотрев первую группу дисциплинарных обвинений, Совет приходит к следующим выводам.

Подпунктом 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусмотрено, что адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он имеет самостоятельный интерес по предмету соглашения с доверителем, отличный от интереса данного лица, а также оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

В соответствии с п. 1 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему. Согласно требованиям п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. В силу п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката.

Подпунктом 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлено, что адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя. В соответствии с п. 1 ст. 8 названного закона, любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, являются адвокатской тайной.

Статьей 6 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрено:

«1. Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации.

2. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени.

3. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

4. Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу…».

Адвокатская тайна не имеет срока давности. Адвокат обязан хранить ее независимо ни от срока прекращения взаимоотношений с доверителем, ни от оснований и причин их прекращения (см.: Рекомендации Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов о действиях адвокатов при их вызовах на допросы в следственные органы, органы дознания и в суды, утв. Решением Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов (Протокол № 7 от 25 ноября 2022 года // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2023. № 1 (160). С. 136–140).

В силу п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе: действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне (подп. 1); занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного (подп. 2); разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц (подп. 4); оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката (подп. 10).

Вышеуказанные профессионально-этические предписания находятся в неразрывной взаимосвязи с общими требованиями подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката о честном, разумном и добросовестном исполне-

нии адвокатом своих обязанностей перед доверителем.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что оказание адвокатом Ш. юридической помощи доверителю М.О. в виде представления ее интересов по гражданскому делу имело место уже после смерти ее бывшего доверителя М.Е. (отца М.О.). При этом М.О. была осведомлена о вынесении определения М. районного суда г. Москвы от 30 декабря 2022 г. об аресте имущества М.Е. непосредственно от него. Кроме того, к адвокату Ш. М.О. и ее мать обратились в ноябре 2024 г., когда при открытии наследства М.О. после его смерти стало известно, что все имущество им было подарено ее неполнородному (единокровному) брату М.А. К адвокату Ш. М.О. и ее мать обратились для выяснения законности отчуждения всего имущества в период действия обеспечительных мер, а также возможности оспаривания заключенных сделок, поскольку «*при жизни папа всегда говорил, что все имущество после его смерти будет поделено поровну в равных долях между его детьми*», а потому «*невозможно представить*», что его действительной волей было лишение М.О. прав «*даже на единственную квартиру*», в которой М.О. проживала совместно с М.Е., а М.А. «*сменил замки и планировал поселить свою мать*» в этой квартире.

По общему правилу судьба адвокатской тайны определяется волей доверителя, что предлагает оформление согласия доверителя на прекращение ее действия в письменной форме в присутствии адвоката и в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны самого адвоката и иных лиц. Данные профессионально-этические предписания являются важной гарантией соблюдения прав и законных интересов лица, нуждающегося в квалифицированной юридической помощи, поскольку их соблюдение позволяет обеспечить доверительный характер правоотношений, возникающих в связи с оказанием юридической помощи. Однако после смерти доверителя описанный механизм прекращения обязанности по сохранению адвокатской тайны не может быть реализован, поскольку согласно п. 2 ст. 17 ГК РФ правоспособность гражданина прекращается его смертью. По этим причинам запрет на использование адвокатом сведений, ставших ему известными в ходе оказания юридической помощи доверителю, после смерти последнего не является универсальным и может не соблюдаться в случаях, когда усматриваются законная цель и разумное обоснование необходимости раскрытия конфиденциальных сведений. Соответственно, использование адвокатом сведений, полученных в ходе оказания юридической помощи умершему доверителю, может рассматриваться в качестве дисциплинарного проступка только в том случае, если такое использование осуществляется в незаконных или не связанных с оказанием квалифицированной юридической помощи целях и в силу этого влечет негативные публично-правовые последствия и носит неэтичный характер.

Однако, исходя из описанных выше обстоятельств настоящего дисциплинарного производства, такая направленность действий адвоката Ш. не усматривается. Так, она оказывает юридическую помощь дочери и наследнице умершего М.Е. – М.О., которая сама обратилась за юридической помощью именно к адвокату Ш. Кроме того, из представленной в материалы дисциплинарного производства копии завещания М.Е. от 16 марта 2021 г., удостоверенного нотариусом нотариального округа г. Владимира П., усматривается, что при

его совершении М.Е. исходил из равенства долей наследников в принадлежащем ему имуществе, при этом к числу таковых он отнес лиц, входящих ко дню его смерти в круг его наследников по закону первой очереди. Таким образом, довод адвоката Ш. о том, что с этической точки зрения оказание ею юридической помощи М.О. направлено на обеспечение баланса имущественных интересов наследников М.Е., соответствующего также и его волеизъявлению, в результате дисциплинарного разбирательства не опровергнут.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что, принимая и исполняя поручение М.О. – дочери своего умершего доверителя М.Е., адвокат Ш. не действовала вопреки нормам профессиональной этики адвоката, включая и общие предписания подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката о честном, разумном и добросовестном исполнении адвокатом своих обязанностей перед доверителем. По этой же причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованным и дисциплинарное обвинение в совершении адвокатом Ш. действий вопреки законным интересам М.Е. Кроме того, вследствие прекращения правоспособности умерший доверитель адвоката Ш. – М.Е. не может являться носителем законных интересов, равно как и формировать волю.

Выводы о совершении или несовершении адвокатом действий, направленных к подрыву доверия, как и действий вопреки законным интересам доверителя, не могут быть сформированы безотносительно позиции конкретного доверителя, воля и интересы которого в данном случае не могут быть установлены. При этом дисциплинарное обвинение, как оно сформулировано заявителем, относится именно к подрыву доверия М.Е. как бывшего доверителя адвоката Ш. Вывод о дисциплинарном проступке, основанный на предполагаемых интересах участника правоотношений без учета его собственной позиции, являлся бы недопустимым как не отвечающий задачам объективного и справедливого рассмотрения представления в отношении адвоката.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в нарушении адвокатом Ш. пп. 2, 3 ст. 5, п. 2 ст. 6, подп. 1, 2, 4, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в принятии и исполнении поручения доверителя М.О., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Ш. 14 января 2025 г. подала в интересах доверителя М.О. в О. районный суд г. Владимира исковое заявление о признании недействительными сделок, а затем 12 февраля 2025 г. приняла участие в качестве представителя М.О. в судебном заседании этого суда по указанному гражданскому делу на основании доверенности, без представления суду ордера адвоката, Совет приходит к выводу о том, что они также не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Согласно ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «пол-

номочия адвоката, участвующего в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, а также в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации» (п. 1); «в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый адвокатским образованием, в котором адвокат осуществляет адвокатскую деятельность, или адвокатской палатой, членом которой является адвокат. …В иных случаях адвокат представляет доверителя на основании доверенности…» (п. 2).

Часть 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

В силу ч. 5 ст. 53 ГПК РФ полномочия адвоката на ведение дела в суде удостоверяются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием.

Согласно ч. 1 ст. 54 ГПК РФ представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия. Однако право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного постановления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что поступившее 14 января 2025 г. в О. районный суд г. Владимира исковое заявление М.О. о признании сделок недействительными подписано Ш. как представителем истца М.О. по доверенности. Вместе с тем в материалах дисциплинарного производства имеется копия ордера адвоката Ш. от 11 февраля 2025 г. № … на представление интересов М.О. в указанном гражданском деле с 12 февраля 2025 г., представленная О. районным судом г. Владимира в ответ на запрос Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве. Указанный ордер приобщен к материалам дела. Кроме того, из протокола судебного заседания от 12 февраля 2025 г. следует, что представитель истца – Ш. действует на основании ордера с приведенными выше реквизитами. При этом данное заседание являлось первым по указанному гражданскому делу.

Таким образом, адвокатом Ш. в подтверждение своих полномочий представителя по упомянутому гражданскому делу были представлены суду как доверенность, так и ордер. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства и в данной части.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в нарушениях адвокатом Ш. норм

профессиональной этики, выразившихся в предоставлении 18 января 2022 г. М.Е. целевого займа на сумму …руб. «на имущественные права, которые были предметом рассмотрения в М. районном суде города Москвы», Совет отмечает следующее.

Как указано выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что перечисление М.Е. денежных средств в сумме …руб. с расчетного счета Московской коллегией адвокатов «…» на основании платежного поручения от 18 января 2022 г. № 11 было связано с оказанием адвокатом указанной коллегии Б.И. юридической помощи доверителю Б.М., а не с профессиональной деятельностью адвоката Ш.

Пункт 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает возможность принятия адвокатом поручения доверителя по распоряжению принадлежащими ему денежными средствами при обязательном соблюдении правил, предусмотренных абз. 2–5 п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката. В рамках исполнения поручения Б.М., данного адвокату Б.И., денежные средства Б.М. в иностранной валюте были зачислены на валютный счет Московской коллегии адвокатов «…», конвертированы в рубли и перечислены на расчетный счет М.Е. Участие адвоката Ш. как руководителя адвокатского образования в предоставлении М.Е. целевого займа от Б.М. исчерпывается лишь описанными выше финансовыми операциями 18 и 19 января 2022 г., осуществленными в связи с оказанием Б.М. юридической помощи адвокатом Б.И. При описанных обстоятельствах эти финансовые операции не могут быть квалифицированы как предоставление адвокатским образованием под руководством адвоката Ш. целевого займа своему доверителю М.Е. По этим причинам дисциплинарное производство и в данной части подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом Ш. норм профессиональной этики, выразившемся в последующем предъявлении 14 января 2025 г. Московской коллегией адвокатов «…» в лице председателя – адвоката Ш. в Л. районный суд г. Владимира иска к наследственному имуществу, принадлежавшему умершему доверителю адвоката Ш. – М.Е. (гражданское дело № …), что, по мнению заявителя, свидетельствует о наличии у адвоката Ш. личного интереса в деле указанного доверителя, Совет отмечает следующее.

В представлении заявителя указанные доводы сформулированы именно применительно к оказанию адвокатом Ш. юридической помощи доверителю М.Е., а не какому-либо другому лицу. Эту позицию подтвердила и представитель заявителя в заседании Квалификационной комиссии 06 августа 2025 г.

Как указано выше, адвокат Ш. с 25 декабря 2022 г. действительно оказывала юридическую помощь доверителю М.Е. в виде представления его интересов по гражданскому делу по иску ООО «…» к М.Е. о признании недействительными сделками односторонних отказов М.Е. от исполнения договоров участия в долевом строительстве, применении последствий недействительности сделок, взыскании долга по данным договорам. Определением М. районного суда г. Москвы от 27 ноября 2024 г. производство по вышеуказанному гражданскому делу было прекращено в связи со смертью ответчика М.Е. В этой связи Совет вновь отмечает, что в силу п. 2

ст. 17 ГК РФ правоспособность гражданина прекращается его смертью.

Таким образом, приобретение Московской коллегией адвокатов «…» права требования долга М.Е. по Договору уступки права требования от 22 ноября 2024 г. и последующее предъявление указанным адвокатским образованием иска к его наследственной массе, произошедшие уже после смерти М.Е., не могут рассматриваться ни как действия вопреки законным интересам указанного доверителя, ни как оказание ему юридической помощи по соображениям собственной выгоды, руководствуясь безнравственными интересами или под воздействием давления извне. Иных дисциплинарных обвинений в данной части заявителем не выдвинуто. При этом в силу п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не вправе выходить за пределы представления. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства также и в данной части.

Вместе с тем, признавая неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Ш. в части выдвинутого в отношении нее дисциплинарного обвинения в действиях в личных интересах, направленных к подрыву доверия к ней со стороны доверителя М.Е., Совет считает необходимым отметить следующее.

Как последовательно утверждает адвокат Ш. и как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, между Московской коллегией адвокатов «…» в лице ее руководителя адвоката Ш. и Б.М., являющимся доверителем одного из адвокатов той же коллегии – Б.И., заключена коммерческая сделка уступки права требования, в соответствии с условиями которой Б.М. уступил коллегии право требования денежного долга к бывшему доверителю адвокат Ш. – М.Е. Впоследствии коллегия в лице ее руководителя – адвоката Ш., реализуя приобретенное право, обратилась с судебным иском к наследственной массе должника. При этом денежные средства, являющиеся предметом приобретенного коллегией права требования, являются частью наследственной массы М.Е., на которую претендует в том числе нынешний доверитель адвоката Ш. – М.О., которой адвокат Ш. оказывает юридическую помощь по этому наследственному делу. Таким образом, предмет коммерческой сделки, стороной которой (цедентом) является коллегия адвокатов, непосредственно связан с предметом юридической помощи, оказываемой адвокатами этой коллегии своим доверителям. Подобное смешение адвокатской и предпринимательской деятельности является недопустимым и причиняет вред достоинству адвокатской профессии и авторитету адвокатуры, поскольку противоречит требованию п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокатская деятельность не является предпринимательской.

То обстоятельство, что согласно объяснениям адвоката Ш. доход коллегии от этой сделки предполагается направить на финансирование ее уставной деятельности, не меняет этой оценки, поскольку она предопределена характером и предметом сделки, а не способом распоряжения доходом от нее. Не ставя под сомнение право адвокатского образования на получение дохода от иной (не адвокатской) законной деятельности для финансирования уставных целей, Совет подчеркивает, что реализация этого права должна осуществляться при неукоснительном соблюдении всех требований профессиональной этики, в частности, вне какой-либо связи с исполнением адвокатами поручений

своих доверителей. Ответственность за соответствие деятельности адвокатского образования указанным требованиям несет его руководитель с учетом положений п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым исполнение адвокатом полномочий руководителя адвокатского образования является его профессиональной деятельностью.

Однако, поскольку заявителем не выдвинуто соответствующее дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Ш., органы адвокатского самоуправления не могут дать правовую оценку ее профессиональному поведению в качестве руководителя адвокатского образования в данной части.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 05 марта 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.6. Совет прекратил статус адвоката, который ввел доверителя в заблуждение, вынудив заключить с ним соглашение об оказании юридической помощи, а затем уклонялся от его исполнения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. и адвоката Л. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 22 июля 2025 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Л. взаимосвязанных предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что, заключив 21 января и 09 февраля 2025 г. с доверителем З. соглашения об оказании юридической помощи и получив от доверителя сумму в размере …руб. в счет оплаты вознаграждения за оказание юридической помощи по указанным соглашениям, адвокат Л. не выдал доверителю З. квитанции к приходным кассовым ордерам, подтверждающие внесение денежных средств в кассу адвокатского образования;

2) о нарушении адвокатом Л. положений пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившемся в том, что 27 января 2025 г. адвокат Л. сообщил доверителю З. в переписке в мессенджере *WhatsApp* не соответствующую действительности информацию о возбуждении уголовного дела по факту дорожно-транспортного происшествия, в котором пострадала ее мать, чем ввел З. в заблуждение, побудил ее заключить 09 февраля 2025 г. соглашение об оказании юридической помощи ее матери в качестве представителя по-

следней по уголовному делу и оплатить по указанному соглашению вознаграждение в размере …руб.;

3) о неисполнении адвокатом Л. предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в уклонении адвоката Л. до настоящего времени от исполнения добровольно принятого на себя на основании Дополнительного соглашения от 25 апреля 2025 г. к Соглашению об оказании юридической помощи от 09 февраля 2025 г. обязательства о возврате до 15 мая 2025 г. доверителю З. …руб. как части вознаграждения, полученного им по указанному соглашению, при этом данное обязательство было принято адвокатом Л. перед З. именно как перед доверителем;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 22 июля 2025 г., основанному на жалобе З. от 23 июня 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, согласился с выводами Комиссии только в части невыдачи квитанций и в части вывода о необходимости прекращения дисциплинарного производства. Подтвердил доводы письменных возражений. Дополнительно пояснил, что начал выплачивать деньги З. и хотел бы примириться. В указанных возражениях адвокат Л. вновь утверждает, что уголовное дело по факту ДТП, в котором пострадала мать З., действительно было возбуждено 27 января 2025 г., однако он не мог об этом сообщить ранее в силу отобранной у него подписки о неразглашении данных предварительного следствия. «В настоящий момент» он получил разрешение от дознавателя, в связи с чем приложил к своим возражениям копию постановления от 27 января 2025 г. о возбуждении уголовного дела, вынесенного дознавателем ОД УМВД России по г. о. К. В. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, в отношении А. Номер уголовного дела не указан. Как следует из описательно-мотивировочной части указанного постановления, в результате допущенного водителем А. наезда на К. ее здоровью причинен тяжкий вред. Кроме того, к возражениям адвоката Л. приложена копия подписки от 21 февраля 2025 г., из содержания которой следует, что *«защитник Л.»* дал настоящую подписку о том, что он предупрежден об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ *«за разглашение без разрешения следователя, дознавателя данных предварительного расследования материалов уголовного дела по уголовному делу № …»* (так в тексте. – *Прим. Совета*). Далее указано, что «*подписку взял*» дознаватель ОД УМВД по г. о. К. капитан полиции В. Помимо этого, к возражениям приложена копия чека Сбербанка, согласно которой 29 октября 2025 г. выполнен перевод в размере … тыс. руб., получатель перевода – «З.», отправитель – «Л.». Как следует из содержания письменных возражений адвоката Л., оставшуюся сумму он может выплатить в течение ноября 2025 г., в связи с чем просит Совет отложить рассмотрение дисциплинарного производства на один месяц.

Представитель заявителя – Главного управления Министерства юстиции

Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета пояснила, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлена и согласна. Настаивает на применении к адвокату Л. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката в связи с тяжестью допущенных нарушений и несовместимостью подобных действий со статусом адвоката. Возможности для примирения, а также оснований для отложения рассмотрения дисциплинарного дела не видит.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, включая письменные возражения адвоката Л. и приложенные к ним материалы, выслушав участников дисциплинарного производства, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Совет не находит оснований для отложения рассмотрения дисциплинарного производства, поскольку все его существенные обстоятельства установлены, а обстоятельства, на которые ссылается адвокат Л. в обоснование этой просьбы, не влияют на разрешение дисциплинарного дела, в том числе и с учетом того, что заявитель не готов рассматривать вопрос о возможности примирения и отзыва представления.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

З. заключила с адвокатом Л. два соглашения об оказании юридической помощи в интересах своей матери К., пострадавшей в ДТП 16 января 2025 г. По Соглашению от 21 января 2025 г. № 1 вознаграждение адвоката составило …руб., предметом поручения являлись подготовка и направление адвокатского запроса на предмет получения материалов административного расследования по факту ДТП. 29 января 2025 г. адвокат Л. сообщил З. в мессенджере *WhatsApp* информацию о возбуждении по факту указанного ДТП уголовного дела по ч. 1 ст. 264 УК РФ. На основании этого сообщения 09 февраля 2025 г. было заключено Соглашение № 2, сумма вознаграждения адвоката по которому составила …руб., а предметом поручения являлось представление интересов потерпевшей на стадии предварительного расследования и в суде по указанному уголовному делу.

З. оплатила адвокату Л. вознаграждение по обоим соглашениям в полном объеме (…руб.), однако адвокат Л. не выдал ей квитанции к приходным кассовым ордерам, подтверждающие внесение денежных средств в кассу адвокатского образования.

25 апреля 2025 г. стороны заключили Дополнительное соглашение к Соглашению № 2, в котором был зафиксирован факт отказа органа дознания в возбуждении уголовного дела о том же ДТП, в связи с чем Соглашение № 2 было расторгнуто. Данным дополнительным соглашением установлено обязательство адвоката Л. возвратить З. …руб. в срок не позднее 15 мая 2025 г. Однако адвокат Л. к исполнению этого обязательства в указанный срок даже не приступил.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным и доказанным факт умышленного введения адвокатом Л. своего доверителя З. в заблуждение с целью побудить ее к заключению нового соглашения и получить дополнительное вознаграждение. В Заключении Квалификационной комиссии приведены исчерпывающие обоснования этого вывода, основанные на анализе переписки между адвокатом Л. и З. и других исследованных ею доказательствах. С этими обоснованиями Совет также соглашается.

Совет отклоняет как несостоятельные и ложные доводы адвоката Л. о возбуждении уголовного дела 27 января 2025 г., ранее обоснованно отвергнутые Квалификационной комиссией. Совет отмечает, что адвокату Л. неоднократно предлагалось Квалификационной комиссией представить доказательства, подтверждающие это его утверждение, однако он этого не делал на всем протяжении дисциплинарного разбирательства, голословно ссылаясь на якобы отобранную у него подписку о неразглашении данных предварительного следствия. Такую же оценку Совет дает и голословному утверждению адвоката Л. о получении «в настоящий момент» разрешения дознавателя, что якобы позволило ему представить копии постановления о возбуждении уголовного дела и подписки о неразглашении данных предварительного следствия накануне заседания Совета. Совет отмечает, что эти доводы адвоката Л. опровергаются прежде всего его же собственными действиями, а именно заключением им указанного выше Дополнительного соглашения от 25 апреля 2025 г., в котором прямо указано, что основанием для расторжения Соглашения № 2 послужил «отказ органа дознания в возбуждении уголовного дела». При этом адвокату Л. как профессиональному советнику по правовым вопросам достоверно известно о том, что после возбуждения уголовного дела отказ в его возбуждении уже невозможен, а возможно только прекращение уголовного дела. Из этого со всей очевидностью следует, что уголовное дело до момента заключения Дополнительного соглашения (25 апреля 2025 г.) не возбуждалось, в то время как еще 29 января 2025 адвокат Л. ложно сообщил о его возбуждении З.

Факт представления адвокатом Л. накануне заседания Совета копий «постановления о возбуждении уголовного дела» и «подписки о неразглашении данных предварительного следствия» Совет расценивает как попытку избежать любыми способами дисциплинарной ответственности за нарушение требований пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, влекущее прекращение статуса адвоката. К такому выводу Совет приходит как по изложенным выше причинам, так и в результате анализа содержания указанных «копий», представленных адвокатом Л. Прежде всего Совет отмечает, что обе копии никем не заверены, и источник их происхождения не известен. На них также отсутствует нумерация, обязательная в силу закона для материалов уголовного дела. При этом в «копии» постановления о возбуждении уголовного дела отсутствуют номер дела и подпись начальника органа (отдела) дознания, подтверждающая согласие с принятым дознавателем процессуальным решением. Вместе с тем в этой «копии» содержится следующий текст от имени автора постановления, полностью опровергающий утверждение адвоката Л. о недопустимости разглашения его содержания (в случае, если бы это постановление действительно было вынесено): «О принятом решении сообщить заинтересованным лицам». К числу таких «заинтересованных лиц», безусловно, относится лицо, пострадавшее в результате ДТП и подлежащее признанию потерпевшим, что также следует из содержания ч. 2 ст. 145 УПК РФ («О принятом решении сообщается заявителю»). Из этого, в свою очередь, следует, что факт возбуждения уголовного дела, если бы он имел место, не мог составлять тайну ни от пострадавшей в ДТП К., ни от ее представителя – адвоката Л., который во исполнение принятого им поручения должен был незамедлительно после возбуждения уголовного дела вступить в него в этом

качестве. Однако К. никогда не уведомлялась органом предварительного расследования о возбуждении уголовного дела, в то время как адвокат Л., вопреки нормам закона и здравому смыслу, пытается утверждать, что «тайная информация» о возбуждении уголовного дела была сообщена органом расследования ему, но не была сообщена его доверителю.

Кроме того, согласно п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ, подследственны следователям органов внутренних дел, но не дознавателям. Это означает, что и полномочием по возбуждению таких дел по общему правилу наделены именно следователи, а не дознаватели. В случае же возбуждения уголовного дела дознавателем для производства неотложных следственных действий оно подлежит передаче по подследственности в срок не позднее десяти дней (п. 3 ст. 149, чч. 1 и 3 ст. 157 УПК РФ). Это означает, что, даже если бы уголовное дело действительно было возбуждено дознавателем 27 января 2025 г., оно ни при каких обстоятельствах не могло бы находиться в производстве дознавателя ни 21 февраля 2025 г., в день, указанный в «копии» представленной адвокатом Л. «подписки о неразглашении данных предварительного следствия» в качестве даты ее отобрания дознавателем, ни, тем более, «в настоящий момент», когда, согласно утверждению адвоката Л., он получил от дознавателя разрешение на разглашение. Помимо этого, вопреки содержанию этой «копии» подписки, адвокат Л., представлявший интересы пострадавшей в ДТП К., ни при каких обстоятельствах не мог иметь в уголовном деле процессуальный статус защитника.

Совокупность приведенных обстоятельств вне разумных сомнений приводит Совет к выводу о том, что представленные адвокатом Л. накануне заседания Совета указанные «копии» постановления о возбуждении уголовного дела и подписки о неразглашении данных предварительного следствия не могут быть учтены при разрешении настоящего дисциплинарного производства, поскольку они не отвечают требованию достоверности и противоречат достоверно установленным Квалификационной комиссией фактическим обстоятельствам.

Завершая анализ рассматриваемого дисциплинарного обвинения, Совет отмечает, что действия адвоката Л. являются сознательным обманом доверителя, находившегося в уязвимом положении, и были совершены им с целью получения дополнительного вознаграждения. Эти действия Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает нарушением требований пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. опровергнутой в части данного дисциплинарного обвинения, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Поскольку Квалификационной комиссией установлено, что адвокат Л. сообщил З. ложную информацию о возбуждении уголовного дела 29 января 2025 г. (с. 13–14 Заключения Квалификационной комиссии), Совет полагает необходимым внести соответствующее уточнение даты совершения этих действий в резолютивной части настоящего решения.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в невыдаче доверителю З. финансового документа, подтверждающего внесение полученных адвокатом Л. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи денежных средств в размере …руб. в кассу или на

расчетный счет адвокатского образования, Совет исходит из следующего.

В соответствии с п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет. При этом адвокат обязан обеспечить получение доверителем финансового документа, подтверждающего эту операцию. В ходе разбирательства адвокат Л. признал, что эту обязанность не исполнил, соответствующие квитанции доверителю не выдал. Сам факт того, что соглашения, заключенные в январе и феврале 2025 г., были зарегистрированы в коллегии лишь в апреле 2025 г., а денежные средства внесены в кассу спустя несколько месяцев после их получения от доверителя, свидетельствует о системном пренебрежении адвокатом обязательными требованиями по надлежащей формализации отношений с доверителем.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Л. опровергнутой и в данной части.

Как указано выше, 25 апреля 2025 г. адвокат Л. подписал Дополнительное соглашение, в котором обязался вернуть своему доверителю З. …руб. в срок до 15 мая 2025 г. Однако данное обязательство им до настоящего времени не исполнено. При этом факт частичного возврата …руб. накануне заседания Совета, 28 октября 2025 г., не меняет оценки его профессионального поведения применительно к рассматриваемому дисциплинарному обвинению, поскольку не свидетельствует о надлежащем исполнении им обязательства перед доверителем.

При этом Совет отмечает, что адвокат Л. в ходе дисциплинарного разбирательства в Квалификационной комиссии не только не предпринимал попыток исполнить просроченное обязательство перед доверителем, но и, стремясь уклониться от его исполнения и избежать ответственности за это, прибегнул к ложному доводу о якобы заключенном 17 мая 2025 г. «новом соглашении» с З. с другими – более поздними сроками возврата долга. Указанный довод адвоката Л. обоснованно признан Квалификационной комиссией несостоятельным, и Совет соглашается с этим выводом Комиссии. З. категорически отрицает не только существование и подписание ею этого «нового соглашения», но и наличие вообще каких-либо коммуникаций с адвокатом Л. после 15 мая 2025 г. При этом в представленной адвокатом Л. копии «нового соглашения» фамилия доверителя написана с ошибкой (в середине фамилии написана другая буква), что дополнительно ставит под сомнение подлинность ее подписи. Поведение адвоката Л., уклонившегося от предоставления Квалификационной комиссии полной переписки с З. в подтверждение своих доводов, также свидетельствует о несостоятельности его версии о наличии «нового соглашения». Кроме того, в письменных возражениях, представленных Совету, адвокат Л. уже не ссылается на наличие «нового соглашения», а просит дополнительный срок для погашения долга перед З. С учетом описанного поведения адвоката Л. Совет не находит оснований для предоставления ему такого срока, тем более что с момента истечения срока исполнения добровольно и письменно взятого им обязательства прошло уже более пяти месяцев.

Уклонение адвоката Л. от исполнения прямого финансового обязательства перед доверителем является проступ-

ком, грубо нарушающим требования честного и добросовестного исполнения профессиональных обязанностей (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Л. опровергнутой и в данной части, а его умышленную вину в совершении описанного дисциплинарного нарушения установленной.

Совет также соглашается с Квалификационной комиссией в том, что в части дисциплинарного обвинения в указании адвокатского запроса как самостоятельного предмета соглашения дисциплинарное производство подлежит прекращению. Комиссия обоснованно пришла к выводу о том, что истинной целью соглашения от 21 января 2025 г. было получение доступа к материалам административного расследования в целом, в том числе путем подачи адвокатского запроса. Совет соглашается с этим выводом и его обоснованием, приведенными в Заключении Квалификационной комиссии.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Л. за совершенные нарушения, Совет учитывает как тяжесть и умышленный характер каждого из них, так и их совокупность, свидетельствующую о крайней степени недобросовестности профессионального поведения адвоката Л. Совершенные адвокатом Л. нарушения носят не случайный, а системный, умышленный и корыстный характер. Профессиональное поведение адвоката Л., сопряженное с намеренным и систематическим обманом доверителя в течение длительного времени с целью прикрытия неисполнения обязательств, Совет оценивает как недопустимое и несовместимое со статусом адвоката, в том числе и с учетом императивного характера требования, содержащегося в п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Его позиция в ходе настоящего разбирательства демонстрирует не раскаяние, а лишь стремление любым способом избежать ответственности. Совет дополнительно отмечает, что 19 августа 2025 г. к адвокату Л. Решением Совета № … уже применялась мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения. Однако и это обстоятельство не побудило его к эффективным действиям по заглаживанию вины перед доверителем и исполнению просроченных обязательств перед ней. Таким образом, профессиональное поведение Л. демонстрирует полную утрату им необходимых нравственных ориентиров, пренебрежение к основополагающим принципам и традициям российской адвокатуры и свидетельствует о том, что при осуществлении профессиональной деятельности он преследует цели, чуждые назначению адвокатской профессии и ее достоинству.

При таких обстоятельствах Совет считает необходимым применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит оснований для применения к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как с учетом тяжести нарушений и необходимости обеспечения требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что это могло бы создать ложное впечатление о совместимости подобного поведения

с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Л. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая совокупность установленных по настоящему дисциплинарному делу обстоятельств, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности Л., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 4 (четыре) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

нарушение взаимосвязанных предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что, заключив 21 января и 09 февраля 2025 г. с доверителем З. соглашения об оказании юридической помощи и получив от доверителя сумму в размере …руб. в счет оплаты вознаграждения за оказание юридической помощи по указанным соглашениям, он не выдал доверителю З. квитанции к приходным кассовым ордерам, подтверждающие внесение денежных средств в кассу адвокатского образования;

нарушение положений пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившееся в том, что 29 января 2025 г. адвокат Л. сообщил доверителю З. в переписке в мессенджере *WhatsApp* не соответствующую действительности информацию о возбуждении уголовного дела по факту дорожно-транспортного происшествия, в котором пострадала ее мать, чем ввел З. в заблуждение, побудил ее заключить 09 февраля 2025 г. соглашение об оказании юридической помощи ее матери в качестве представителя последней по уголовному делу и оплатить по указанному соглашению вознаграждение в размере …руб.;

неисполнение предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в уклонении до настоящего времени от исполнения добровольно принятого на себя на основании Дополнительного соглашения от 25 апреля 2025 г. к Соглашению об оказании юридической помощи от 09 фев-

раля 2025 г. обязательства о возврате до 15 мая 2025 г. доверителю З. …руб. как части вознаграждения, полученного им по указанному соглашению, при этом данное обязательство было принято адвокатом Л. перед З. именно как перед доверителем.

Установить в отношении Л срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 4 (четыре) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 22 июля 2025 г., основанному на жалобе З. от 23 июня 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.7. Адвокат получил предупреждение, так как после принятия поручения на осуществление защиты доверителя отказался от исполнения обязательств, а также за то, что за 71 день принял 72 новые заявки АИС АПМ, которые заведомо не мог исполнить.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя адвоката Б.Б. – адвоката Б.А. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Л. районного суда г. Москвы Р. от 25 июня 2025 г. в отношении адвоката Б.Б.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Б.Б. положений подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с ч. 7 ст. 49 УПК РФ, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., выразившемся в отказе от осуществления защиты М. по уголовному делу, находящемуся в производстве Л. районного суда г. Москвы;

2) о нарушении адвокатом Б.Б. положений подп. 5 п. 1 ст. 9 («Адвокат не вправе… принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить») Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что, несмотря на принятие поручения на осуществление защиты подсудимого М. по уголовному делу, рассматриваемому указанным судом, он за последующий 71 календарный день принял 72 новые заявки АИС АПМ, что повлекло за собой совпадение дат сразу нескольких судебных заседаний по различным уголовным делам, в которых он являлся защитником, назначенным на 25 июня 2025 г., и невозможность явки адвоката Б.Б. 25 июня 2025 г. в судебное заседание по упомянутому уголовному делу;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б.Б. по обращению судьи Л. районного суда г. Москвы Р., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат Б.Б., извещенный надлежащим образом и своевременно получив-

ший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, представил письменные возражения, в которых с выводами Комиссии не согласился, изложил доводы о допущенных, по его мнению, нарушениях его прав в ходе дисциплинарного разбирательства, выходе Квалификационной комиссии за пределы обращения заявителя, недоказанности причинно-следственной связи между срывом судебного заседания и принятием поручений об оказании юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить. Выразил несогласие с тем, что заявленное им ходатайство о замене может рассматриваться как отказ от принятой на себя защиты. В заседании Совета представитель адвоката Б.Б. – адвокат Б.А. поддержал доводы письменных возражений адвоката Б.Б., утверждал об отсутствии в действиях адвоката Б.Б. отказа от защиты, поскольку в силу требований ст. 52 УПК РФ суд мог отклонить его ходатайство.

Совет, рассмотрев в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное производство в отсутствие адвоката Б.Б., выслушав его представителя, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В Адвокатскую палату города Москвы, помимо указанного выше обращения заявителя, поступило также частное постановление от 25 июня 2025 г., вынесенное судьей Р. по тем же обстоятельствам, по которому дисциплинарное производство не возбуждалось, так как не имелось информации о его вступлении в законную силу, и соответствующая информация судом не была предоставлена по запросу. Адвокат Б.Б., со своей стороны, информировал об обжаловании этого частного постановления, приложив копию своей апелляционной жалобы. По информации представителя адвоката Б.Б. – адвоката Б.А. частное постановление суда вступило в законную силу 14 октября 2025 г.

Против адвоката Б.Б. заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения в:

– отказе от защиты подсудимого М. в суде первой инстанции путем подачи ходатайства о его замене другим защитником;

– проявлении неуважения к суду и другим участникам уголовного судопроизводства неявкой в судебное заседание 25 июня 2025 г.;

– принятии поручений на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что с 08 апреля 2025 г. в производстве судьи Л. районного суда г. Москвы Р. находилось уголовное дело по обвинению М. и других лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 2 ст. 210 УК РФ. По заявке № … размещенной судом 15 апреля 2025 г. в АИС АПМ, защитником подсудимого М. был назначен адвокат Б.Б., который вступил в уголовное дело 15 апреля 2025 г. на основании ордера от 15 апреля 2025 г. № …

Адвокат Б.Б. принял участие в шести судебных заседаниях в период с 22 апреля по 20 июня 2025 г. Кроме того, он в течение 9 дней знакомился с материалами дела. В судебном заседании 20 июня 2025 г. с участием адвоката Б.Б. государственный обвинитель продолжал изложение существа обвинения, затем по ходатайству защитника – адвоката К. судебное заседание было отложено на 10.00 час. 25 июня 2025 г. с учетом ранее согласованных с участниками уголовного судопроизводства дат судебных заседаний.

Начиная с 20 июня 2025 г. адвокат Б.Б. предпринимал инициативные действия, направленные на свою замену в качестве защитника подсудимого М. на другого адвоката, т.е. на свое устранение из данного уголовного дела, а именно: 20 июня 2025 г. в устной форме просил об этом помощника судьи Р.; 23 июня 2025 г. отправил сообщение в мессенджере *WhatsApp* сотруднице аппарата судьи Р., от которой получил ответ, что его замену не произвели; в тот же день, 23 июня 2025 г., через личный кабинет на официальном портале судов общей юрисдикции г. Москвы направил в Л. районный суд ходатайство о замене, необходимость которой мотивировал участием в судебных заседаниях по другим уголовным делам, назначенных на 25 июня 2025 г.; 24 июня 2025 г. продублировал ходатайство от 23 июня 2025 г. через мессенджер *WhatsApp* на телефон помощника судьи Р.

В судебное заседание 25 июня 2025 г. адвокат Б.Б. не явился, что повлекло за собой его отложение на 10.00 час. 27 июня 2025 г. Отложение судебного заседания 25 июня 2025 г. не было связано с неявкой защитника подсудимой Ч. – адвоката И., так как участвовал другой защитник данной подсудимой – адвокат К.М.

Адвокат Б.Б. был заменен судом на другого защитника по назначению по причине неявки. В 14.29 час. 25 июня 2025 г. по заявке № … размещенной судом в АИС АПМ, защитником подсудимого М. была назначена адвокат Ф.

В период с 15 апреля по 25 июня 2025 г., когда адвокат Б.Б. являлся защитником подсудимого М. по назначению суда, он принял размещенные различными инициаторами 72 заявки в АИС АПМ, вследствие чего был назначен защитником в порядке ст. 50, 51 УПК РФ, в том числе по заявкам:

– от 17 апреля 2025 г. № … для осуществления защиты Ш. на стадии предварительного расследования по уголовному делу № …

– от 20 апреля 2025 г. № … для осуществления защиты А. на стадии предварительного расследования по уголовному делу № …

– от 18 мая 2025 г. № … для осуществления защиты К.Д. на стадии предварительного расследования по уголовному делу № …

– от 27 мая 2025 г. № … для осуществления защиты Э. на стадии предварительного расследования по уголовному делу № …

Указанные четыре уголовных дела были переданы в суд, и по ним были назначены судебные заседания на 25 июня 2025 г., на необходимость участия в которых адвокат Б.Б. сослался в качестве обоснования своей защитительной позиции. При этом он документально подтвердил фактическое участие лишь в двух из них: в З. районном суде г. Москвы по делу в отношении К.Д. и в Б. районном суде г. Москвы по делу в отношении Ш. Доказательств фактического участия 25 июня 2025 г. в двух других уголовных делах адвокатом Б.Б. не представлено. Кроме того, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что по уголовному делу, рассматриваемому З. районным судом г. Москвы, защитником Э. 24 июня 2025 г. по заявке № … АИС АПМ был назначен другой адвокат – Р.

Оценивая выдвинутые дисциплинарные обвинения и профессиональное поведение адвоката Б.Б. в описанной ситуации, Совет исходит из общего правила о запрете на отказ адвоката от принятой на себя по уголовному делу защиты подозреваемого обвиняемого, который основан на публично-правовом характере адвокатской деятельности и необходимости обеспечения этой деятельностью конституционных ценностей (Разъяснение Комиссии по этике и стан-

дартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденное Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г.). Данный запрет является универсальным и действует в равной степени при осуществлении защиты как по соглашению, так и по назначению. Этот запрет прямо предусмотрен ч. 7 ст. 49 УПК РФ, подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Из п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката следует, что адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда. В п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., закреплено, что адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим Решением от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4) утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок). Абзацем 2 п. 2.1 Порядка установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 и согласованными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (далее – Правила).

В соответствии с п. 15 Правил адвокат, принявший на себя защиту, представительство по назначению, не вправе без уважительных причин отказаться от исполнения своих обязанностей по оказанию правовой помощи до полного исполнения принятых на себя обязательств иначе как в установленном законом порядке и с учетом соответствующих разъяснений Комиссии по этике

и стандартам, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, и разъяснений Адвокатской палаты города Москвы. Замена адвоката допускается только на основании мотивированного постановления дознавателя, следователя или суда.

В соответствии с Разъяснением № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» эффективная квалифицированная юридическая помощь при защите по уголовному делу подразумевает постоянное и системное оказание ее обвиняемому (подозреваемому) с учетом стадийного построения уголовного судопроизводства. Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению в досудебном производстве, обязан участвовать не только в процессуальных действиях, проводимых следователем (дознавателем), но и в судебно-контрольном производстве в первой и апелляционной инстанциях (при избрании, изменении и продлении меры пресечения, мер процессуального принуждения, обжаловании действий (бездействия) и решений в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, и др.). Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению в суде первой инстанции, обязан участвовать также в суде апелляционной инстанции при обжаловании промежуточных судебных решений. Явившись к инициатору заявки, адвокат обязан выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению.

Принцип непрерывности защиты исключает фрагментарное участие адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве.

В Разъяснении № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью», утвержденном Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 февраля 2018 г., указано, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд и согласовать с ним время совершения процессуальных действий (п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката). Адвокат не вправе принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить (подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката). Адвокат не должен принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения (п. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката). Имея в производстве несколько дел от доверителей, адвокат, не дожидаясь официального уведомления суда о назначении судебного заседания, обязан следить за их движением и по возможности согласовывать (заблаговременно) с судом даты судебных заседаний в целях исключения назначения их на одну дату.

Из приведенных нормативных требований ясно следует, что назначенный защитником в порядке ст. 50, 51 УПК РФ адвокат может инициировать свою замену только в исключительных случаях наличия у него уважительных обстоятельств, препятствующих его участию в уголовном деле в течение длительного времени, таких как переезд в другой город на постоянное местожительство,

длительная болезнь и прочее. Несмотря на открытость данного перечня, профессиональная занятость адвоката по другим делам к таким обстоятельствам отнесена быть не может, в связи с чем адвокат Б.Б. обязан был заблаговременно уведомить суд о невозможности своей явки в судебное заседание 25 июня 2025 г. по уважительной причине и согласовать с судом вопрос об отложении судебного заседания или объявления в нем перерыва, а не добиваться своей замены.

Совет в этой связи отмечает, что высказанное адвокатом Б.Б. в ходе дисциплинарного разбирательства несогласие с таким (по его мнению, необоснованно жестким) подходом в корпоративном регулировании не освобождает его от обязанности исполнять все перечисленные требования, что прямо следует из подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Ходатайство адвоката Б.Б. о его замене на другого защитника, будучи сформулировано ясно и недвусмысленно, в сочетании с его неоднократными и настойчивыми просьбами о такой замене, адресованными сотрудникам аппарата судьи Р. в период с 20 по 24 июня 2025 г., вне разумных сомнений свидетельствуют о его принципиальном нежелании далее участвовать в уголовном деле в качестве защитника подсудимого М. Такая позиция адвоката Б.Б., вопреки его утверждениям об обратном, не может быть расценена иначе, как отказ от принятой на себя защиты. Довод адвоката Б.Б. о том, что его ходатайство содержало лишь просьбу, в удовлетворении которой суд мог отказать или удовлетворить ее частично, Совет отклоняет как несостоятельный и носящий демагогический характер, поскольку наличие у суда полномочия по разрешению ходатайства ни в коей мере не свидетельствует об отсутствии у адвоката желания и намерения устраниться от участия в деле. Ссылка представителя адвоката Б.Б. – адвоката Б.А. на ч. 2 ст. 52 УПК РФ оценивается Советом как неуместная, поскольку указанной нормой регулируется отказ доверителя от своего защитника. Вместе с тем эта ссылка на норму об отказе от дальнейшего участия в деле защитника сама по себе подтверждает, что со стороны адвоката Б.Б. имел место именно отказ от защиты, поскольку она была приведена его представителем по аналогии.

На то, что ходатайство адвоката Б.Б. было направлено на его устранение из уголовного дела и, следовательно, являлось отказом от защиты подсудимого М., указывают и ссылки адвоката Б.Б. в своих пояснениях на распространенную, по его мнению, в городе Москве практику замены защитников судами в случае их невозможности явки в судебное заседание. Совет в этой связи отмечает, что подобная практика, вне зависимости от степени ее распространенности, не может быть поддержана адвокатской корпорацией как не основанная на нормах закона и профессиональной этики. Кроме того, Совет подчеркивает, что с учетом индивидуальных особенностей каждого уголовного дела подобные замены защитников могут быть рассмотрены как недопустимое фрагментарное осуществление адвокатами защиты с соответствующими дисциплинарными последствиями. Во всех случаях адвокат по причинам, описанным выше, не вправе провоцировать или способствовать какими-либо своими действиями, в том числе угрозой срыва судебных заседаний, принятие судом решения о замене адвоката, назначенного защитником, по причине его профессиональной занятости.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Б.Б. в части дисциплинарного обвинения в отказе от защиты опровергнутой, а его умышленную вину в совершении данного нарушения при описанных обстоятельствах установленной.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит и в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Б.Б. установленного подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката запрета адвокату принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить. Доводы адвоката Б.Б. и его представителя о выходе Квалификационной комиссии за пределы обращения и о невозможности оценки этого нарушения, поскольку в отсутствие установленных фактов некачественного оказания юридической помощи по принятым поручениям отсутствуют объективные критерии оценки индивидуальных способностей каждого адвоката, Совет отклоняет как несостоятельные. Данное дисциплинарное обвинение выдвинуто заявителем в явной форме, и Квалификационная комиссия в пределах своих полномочий провела его полную и всестороннюю проверку при соблюдении всех требований к дисциплинарному разбирательству, предусмотренных п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом, как указано выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что после назначения 15 апреля 2025 г. адвоката Б.Б. защитником подсудимого М. им были приняты еще 72 заявки АИС АПМ, в том числе четыре заявки, наличием профессиональной занятости по исполнению которых он мотивировал невозможность явки в судебное заседание Л. районного суда 25 июня 2025 г.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что принятие в течение 71 дня, с 15 апреля по 25 июня 2025 г., адвокатом Б.Б., возраст которого составляет 66 лет, 72 заявок АИС АПМ и назначение защитником по 72 уголовным делам с учетом его обязанности продолжать осуществление защиты по ранее принятым поручениям вне разумных сомнений указывают на экстремальную нагрузку, которая физически лишала его возможности квалифицированно и своевременно исполнять профессиональные обязанности по каждому из дел (имея в виду как расстояния в городе Москве, так и то, что обязанности защитника далеко не сводятся только к участию в судебных заседаниях). Следовательно, принятые в таком объеме поручения изначально было заведомо невозможно исполнить надлежащим образом, что прямо нарушает запрет, установленный подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б.Б. как профессиональный советник по правовым вопросам не мог не осознавать, что, принимая в среднем по одному новому поручению в день, он будет осуществлять свои обязанности формально, поскольку не оставляет себе временного ресурса для надлежащей защиты каждого доверителя. Если же выходом из такой ситуации являлось предпочтение участия в одних делах в ущерб другим, в том числе ранее принятым поручениям, то такой подход свидетельствует лишь о пренебрежении адвокатом требованиями профессионализма и добросовестности.

Между тем в период с 15 апреля по 25 июня 2025 г. адвокат Б.Б. был заменен по 12 уголовным делам. В своих пояснениях он признал, что в данный период заменялся на других защитни-

ков в связи с совпадением дат судебных заседаний по уголовным делам в З. и С. районных судах г. Москвы. На умышленный и системный характер принятия адвокатом Б.Б. чрезмерного количества поручений, которые он заведомо не может исполнить, указывает и то, что свою неявку в заседание Л. районного суда 25 июня 2025 г. он мотивировал профессиональной занятостью по уголовному делу в З. районном суде, где также был заменен на другого адвоката.

Выдвинутое дисциплинарное обвинение в проявлении неуважения к суду в результате неявки адвоката Б.Б. в судебное заседание 25 июня 2025 г. охватывается обвинением в отказе от защиты и дополнительной квалификации не требует.

Совет также соглашается с Квалификационной комиссией в том, что суд не наделен правом выдвигать дисциплинарные обвинения в проявлении адвокатом неуважения к иным (помимо суда) участникам уголовного судопроизводства. Обвинение в проявлении неуважения к иным участникам судопроизводства по своей правовой природе направлено на защиту прав и достоинства именно этих иных участников (подсудимого, потерпевшего, свидетеля и т.д.), а не суда. Таким образом, суд не является надлежащим заявителем по данному основанию, поскольку его процессуальные права и полномочия поведением адвоката, выражающим неуважение к другим лицам, непосредственно не нарушаются. Жалоб от иных участников уголовного судопроизводства по уголовному делу № … в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Проверив доводы адвоката Б.Б. о допущенных, по его мнению, иных нарушениях его прав при разбирательстве в Квалификационной комиссии, Совет отмечает, что им реализован весь комплекс прав и полномочий участника дисциплинарного производства. Оснований для вывода о нарушении требований к дисциплинарному производству, предусмотренных п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет не усматривает.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Б.Б. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый и системный характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил осуществления защиты по назначению, которая по своей сути не отличается от защиты, осуществляемой на основании соглашения, и не предполагает возможности адвоката устраняться из уголовного дела по собственному усмотрению без наличия исключительных обстоятельств, а также не предполагает возможности осуществления защиты формально и фрагментарно. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат Б.Б. имеет длительный стаж адвокатской деятельности, действующих дисциплинарных взысканий не имеет. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Б.Б. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию

справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату Б.Б. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Б.Б. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение:

– положений подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с ч. 7 ст. 49 УПК РФ, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., выразившееся в отказе от осуществления защиты М. по уголовному делу, находящемуся в производстве Л. районного суда г. Москвы;

– положений подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат не вправе… принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить»), выразившееся в том, что, несмотря на принятие поручения на осуществление защиты подсудимого М. по указанному уголовному делу, рассматриваемому Л. районным судом г. Москвы, он за последующий 71 календарный день принял 72 новые заявки АИС АПМ, что повлекло за собой совпадение дат сразу нескольких судебных заседаний по различным уголовным делам, в которых он являлся защитником, назначенным на 25 июня 2025 г., и невозможность явки адвоката Б.Б. 25 июня 2025 г. в судебное заседание по упомянутому уголовному делу.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б.Б. по обращению судьи Л. районного суда г. Москвы Р. от 25 июня 2025 г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2.8. Адвокаты получили предупреждения за отказ от участия в прениях, однако в части дисциплинарного обвинения в самоустранении от защиты доверителя Совет прекратил дисциплинарное производство, не найдя допустимого повода для его возбуждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи З. районного суда г. Москвы К.Н. от 29 июля 2025 г. в отношении адвокатов И. и К.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатами И. и К. взаимосвязанных положений подп. 1, 4

п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, пп. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности; соблюдать Кодекс профессиональной этики и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; участвуя… в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства…»), что выразилось в отказе указанных адвокатов – защитников подсудимого А. от участия 29 июля 2025 г. в судебных прениях по уголовному делу, находящемуся в производстве 3. районного суда г. Москвы;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвокатов И. и К. по обращению судьи К.Н. от 29 июля 2025 г. № … в части дисциплинарных обвинений в том, адвокаты И. и К. самоустранились от осуществления защиты подсудимого А., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

В Адвокатскую палату города Москвы поступили совместные возражения адвокатов И. и К. на 9 листах с 8 приложениями, в которых они, изложив обстоятельства судебного разбирательства по делу А., включая развитие событий после их отвода из процесса, указали, что с выводами Квалификационной комиссии не согласны, так как действовали обоснованно и правомерно, и в следующий раз поступят так же, поскольку подсудимый А. был лишен права на защиту и его права они отстаивали своими действиями.

Авторы возражений указали, что на всем протяжении судебного процесса председательствующая судья К.Н. препятствовала адвокатам в реализации полномочий стороны защиты, поступала «лицемерно и цинично». Они не выступили в прениях по причине неготовности к ним, хотя от участия в прениях не отказывались. Их подзащитный А. предупредил их, что без допроса свидетелей и представления других доказательств защиты считает участие своих защитников в прениях недопустимым, а если они примут в них участие, то он откажется от их услуг и обратится с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы.

Со ссылкой на подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, запрещающий адвокату занимать позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, поясняют, что их доверитель по причине болезни отказался от участия в судебных прениях и запретил участвовать в них им – своим защитникам, посчитав подобные действия имитацией прений. А так как адвокаты связаны позицией доверителя, то они не предали его интересы и «не приняли участия в судебных прениях, то есть поступили и как добросовестные защитники, и как порядочные люди».

Адвокат И., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, 30 октября 2025 г. сообщением посредством мессенджера *WhatsApp* уведомил о невозможности участвовать в рассмотрении дисциплинарного дела в связи с плохим самочувствием, поддержал позицию, изложенную в письменных возражениях.

Адвокат К., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, 30 октября 2025 г. через мес-

сенджер *WhatsApp* уведомил о невозможности своего участия в заседании в связи с планируемой госпитализацией, поддержал письменные возражения и настаивал на изложенных в них доводах.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся адвокатов И. и К.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве З. районного суда г. Москвы (судья К.Н.) находилось уголовное дело по обвинению А. в совершении двух эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Уголовное дело поступило в суд 10 января 2025 г., а 08 августа 2025 г. по нему постановлен обвинительный приговор. Защиту А. на основании заключенных соглашений осуществляли адвокаты И. и К.

Из протокола судебного заседания усматривается, что 10 июля 2025 г. государственный обвинитель заявил об окончании представления доказательств, после чего право представления доказательств было предоставлено судом стороне защиты. Затем защитником – адвокатом И. были заявлены ходатайства о признании недопустимыми ряда доказательств. После разрешения указанных ходатайств судебное заседание было отложено на 11.00 час. 25 июля 2025 г. В указанный день адвокатом И. было заявлено ходатайство о предоставлении двухнедельного срока для дальнейшего представления доказательств и вызова свидетелей. Судом был объявлен перерыв в судебном заседании до 09.30 час. 28 июля 2025 г.

В этот же день, 25 июля 2025 г., состоялось заседание Квалификационной коллегии судей города Москвы, на котором было принято решение о прекращении полномочий судьи К.Н. с 08 августа 2025 г.

28 июля 2025 г. судебное заседание было открыто в 10.21 час., но подсудимый А. в него не явился. Адвокатом И. суду был предоставлен листок нетрудоспособности и даны пояснения о том, что А. находится «на больничном» с субботы 26 июля 2025 г. В 14.52 час. 28 июля 2025 г. судебное заседание было продолжено в том же составе, но без подсудимого А. Государственный обвинитель заявил ходатайство об изменении подсудимому А. меры пресечения с подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу. В судебном заседании был объявлен перерыв на 10 мин., после чего оно было продолжено в 15.34 час. уже с участием явившегося подсудимого А.

Адвокат И. повторно заявил ходатайство о предоставлении защите двухнедельного срока для подготовки позиции. В удовлетворении указанного ходатайства судом было отказано. Затем судом было предложено подсудимому А. дать показания. Сославшись на плохое самочувствие, а также на то, что он хочет давать показания после представления доказательств стороной защиты, подсудимый от дачи показаний отказался. После этого председательствующий по ходатайству государственного обвинителя принял решение об оглашении показаний подсудимого А., данных им на предварительном следствии, расце-

нив поведение подсудимого как отказ от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ.

После оглашения показаний А. в судебном заседании был объявлен перерыв. 28 июля 2025 г., в 17.12 час., судебное заседание было продолжено. На вопрос председательствующего о готовности сторон выступить в прениях защитник И. сообщил, что они привыкли свою позицию излагать в письменном виде, но такой возможности у них нет, поскольку было предоставлено слишком мало времени. В судебном заседании был объявлен перерыв до 09.10 час. 29 июля 2025 г.

В 09.46 час. 29 июля 2025 г. судебное заседание было продолжено. Суд перешел к судебным прениям, в которых выступили государственный обвинитель и представитель потерпевшей. Затем право выступления в прениях было предоставлено стороне защиты. В ответ на это адвокат И. обратился к суду, указав на допущенные судом в ходе судебного разбирательства нарушения, в том числе на непроведение предварительного слушания, обратил внимание на «недопустимую спайку прокурора и суда», на нарушение судом прав стороны защиты, сообщил о лишении судом стороны защиты возможности подготовиться к судебным прениям и выступить по существу, еще раз пояснив, что защитники привыкли «всё делать в письменной форме», и в конце заявил, что выступать в прениях они не будут. Защитник – адвокат К. заявил, что поддерживает коллегу. В судебном заседании был объявлен тридцатиминутный перерыв для подготовки защитников и подсудимого к прениям. После перерыва адвокат К. сообщил, что отказа от выступления в прениях с их стороны не было, и что 30 минут на подготовку недостаточно.

Судом еще раз было разъяснено защитникам И. и К. о необходимости выступить в прениях, после чего вновь объявлен тридцатиминутный перерыв для подготовки адвокатов и подсудимого к прениям. В 11.10 час. 29 июля 2025 г. судебное заседание было продолжено. Адвокат И. обратился к суду, сообщив, что подсудимый А. запретил своим защитникам участвовать в «имитации судебных прений», заявил о том, что они настаивают на возобновлении судебного следствия и предоставлении возможности стороне защиты представить свидетелей и свои доказательства, а также просил дать защитникам соответствующий срок для того, чтобы они реализовали свои полномочия. Адвокат И. также сообщил, что защитники не отказываются от защиты, а отказываются от имитации. Защитник – адвокат К. заявил, что поддерживает коллегу. Подсудимый А. также поддержал своего защитника.

Суд расценил позицию защиты как фактический отказ от представления интересов и защиты прав и законных интересов своего подзащитного и отвел защитников подсудимого А. – адвокатов И. и К. от участия в уголовном деле, поскольку их поведение и действия нарушают права и законные интересы подсудимого А.

29 июля 2025 г. в Адвокатскую палату города Москвы по электронной почте поступило обращение судьи К.Н. в отношении адвокатов И. и К. с описанием их поведения на судебном процессе, где особо отмечено, что сторона защиты «фактически самоустранилась от участия в прениях, отказавшись по сути в них выступать, сославшись на то, что им запретил это делать доверитель (подсудимый А.)». Заявитель также указала, что адвокаты И. и К., апеллируя к своему опыту и знаниям, посчитали, что «несогласие с действиями суда освобождает их от защиты подсудимого согласно принятых на себя обязательств».

Полагая, что такое поведение не соответствует этике и профессиональным обязанностям адвоката, заявитель просила принять меры в отношении адвокатов И. и К.

Изучив представленные участниками дисциплинарного разбирательства процессуальные документы, оценив доводы заявителя, а также изложенные выше пояснения адвокатов И. и К., Совет отмечает следующее.

«Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду» (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката). При этом «существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры (абз. 2 Преамбулы Кодекса)».

Применительно к рассматриваемому случаю Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятый 20 апреля 2017 г. VIII Всероссийским съездом адвокатов, в п. 15 предусматривает: «Защитник не вправе уклоняться от участия в судебных прениях». Никаких исключений данное императивное предписание не содержит.

Оценивая доводы адвокатов И. и К. относительно выдвинутых против них дисциплинарных обвинений, Совет признает, что у них имелись основания для оспаривания действий председательствующего, в том числе рассмотрения и обсуждения 28 июля 2025 г. ходатайства государственного обвинителя об изменении отсутствовавшему по уважительной причине подсудимому А. меры пресечения с подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу, что очевидно свидетельствовало о согласованных с государственным обвинителем действиях суда по фактическому принуждению подсудимого А. к участию в судебном заседании 28 июля 2025 г. при наличии у того заболевания, подтвержденного медицинским учреждением; решения председательствующего об оглашении показаний А., данных на предварительном следствии, в условиях, когда подсудимый от дачи показаний не отказывался, а ссылался на плохое самочувствие; решения председательствующего о назначении судебного заседания на 29 июля 2025 г. несмотря на имеющийся у подсудимого А. листок нетрудоспособности.

Иные доводы адвокатов – о необходимости отложения слушания на две недели для подготовки к представлению доказательств защиты, требование выдачи полного объема протоколов судебных заседаний, необходимости предоставления им времени для изложения позиции защиты непременно в письменной форме – Совет отклоняет как несостоятельные по причине их явной избыточности, в том числе с учетом небольшого объема уголовного дела (9 томов), в котором адвокаты И. и К. участвовали в качестве защитников со стадии предварительного расследования. Кроме того, Совет отмечает неконкретность и голословность довода адвокатов о том, что суд не предоставил защите возможность представить доказательства, поскольку ни в ходе судебного процесса, ни на протяжении дисциплинарного разбирательства адвокаты И. и К. не указали, какие именно доказательства в пользу подзащитного А. они планировали представить суду.

Адвокатам И. и К., безусловно, должно быть известно, что, возражая против действий судей, адвокат обязан делать это способами, предусмотренными уголовно-процессуальным

законодательством: жалобами, заявлениями, ходатайствами, возражениями на действия председательствующего. Такая форма реагирования на действия (бездействие) и решения председательствующего, как отказ от участия в прениях, в законе отсутствует, а приведенным выше корпоративным нормативным актом такое поведение адвокату запрещено. Не предусматривает действующее законодательство и возможности для участников судопроизводства обусловливать свое участие в прениях выполнением судом выдвигаемых ею требований, в том числе о возобновлении судебного следствия, выдаче протоколов судебного заседания или предоставлении именно того количества времени на подготовку к судебным прениям, которое этот участник считает необходимым.

Совет особо обращает внимание на несостоятельность выдвинутого адвокатами И. и К. довода о запрете для них на выступление в прениях со стороны их доверителя А., поскольку этот довод прямо противоречит требованиям п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя; никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных данным кодексом, не могут быть исполнены адвокатом.

В этой связи Совет считает нужным отметить и выработанную ранее советами присяжных поверенных оценку неправомерных попыток апеллировать к указаниям клиента, актуальную до настоящего времени и применимую в полной мере к настоящему дисциплинарному делу: «Ссылка присяжного поверенного на волю доверителя указывает на слабое сознание им того положения, что закон, долг и совесть в его профессии выше воли доверителя. Такая оригинальная особенность присяжного поверенного во взглядах на элементарные понятия о законности и нравственности может служить лишь к увеличению, а не к смягчению его вины» *(Марков А. Н.* Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1913. С. 281).

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что адвокаты И. и К. нарушили взаимосвязанные положения подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, отказавшись при описанных обстоятельствах от участия в судебных прениях. Презумпцию добросовестности обоих адвокатов в данной части Совет признает опровергнутой, а их вину в указанном дисциплинарном нарушении установленной.

Что касается дисциплинарного обвинения в уклонении адвокатов И. и К. от защиты доверителя А., то Совет вновь напоминает, что во всех случаях, когда адвокат-защитник или адвокат-представитель приглашается получателем юридической помощи или по его поручению (с его согласия) иными лицами, только доверитель адвоката, которому последний оказывает юридическую помощь, вправе выдвигать в отношении него дисциплинарные обвинения, связанные с отказом от принятой на себя защиты и ненадлежащим оказанием юридической помощи. В рассматриваемом случае адвокаты И. и К. осуществляли защиту подсудимого А. по соглашению, при этом жалоб на качество оказываемой ими юридической помощи в Адвокатскую палату города

Москвы от самого А., являющегося ее получателем, не поступало. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части дисциплинарного обвинения в самоустранении адвокатов И. и К. от осуществления защиты А. подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвокатов И. и К., Совет принимает во внимание грубый и умышленный характер допущенного ими нарушения, свидетельствующий об игнорировании адвокатами требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом данные в ходе дисциплинарного разбирательства объяснения своим действиям, включая заявление, что и впредь в подобных случаях они будут поступать так же, подтверждают упорное нежелание адвокатов И. и К. следовать предписаниям закона и корпоративной этики, что могло бы обусловить исключение их из рядов адвокатского сообщества.

В то же время Совет учитывает, что ранее адвокаты И. и К., имеющие длительный стаж профессиональной деятельности, к дисциплинарной ответственности не привлекались, а их протестное поведение в рассмотренном случае хотя и осуществлялось недопустимым способом, но в определенной мере имеет под собой объективные основания.

С учетом изложенного Совет считает необходимым применить к адвокату И. и адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения (каждому) как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет с учетом описанного отношения адвокатов к своему профессиональному поведению считает необходимым указать адвокатам И. и К. на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленной профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокатам И. и К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения (каждому) за нарушение взаимосвязанных положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности; соблюдать Кодекс профессиональной этики и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; участвуя… в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соот-

ветствующего процессуального законодательства…»), выразившееся в отказе указанных адвокатов – защитников подсудимого А. 29 июля 2025 г. от участия в судебных прениях по уголовному делу, находящемуся в производстве З. районного суда г. Москвы.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов И. и К. по обращению судьи З. районного суда г. Москвы К.Н. от 29 июля 2025 г., в части дисциплинарного обвинения в самоустранении от осуществления защиты подсудимого А. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2.9. Дисциплинарное производство прекращено в части обвинений адвоката в игнорировании интересов доверителя и неуважении к участникам судопроизводства ввиду отсутствия допустимого повода для возбуждения производства, в оставшейся части – ввиду отсутствия в действиях адвоката нарушения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи В. городского суда Московской области Б. от 27 января 2025 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 08 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по обращению судьи Б., в части дисциплинарных обвинений в игнорировании интересов подсудимого и иных участников процесса на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки, а также в явном неуважении к иным участникам уголовного судопроизводства (помимо суда), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по обращению судьи Б., в оставшейся части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, письменно уведомила о получении Заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве В. городского суда Московской области находилось уголовное дело по обвинению Г. в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 6 ст. 290 УК РФ, и С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 291.1 УК РФ. Уголовное дело поступило в суд 05 августа 2024 г. По делу

состоялись многочисленные судебные заседания. 27 января 2025 г. судом постановлен обвинительный приговор, который был обжалован защитой в апелляционном порядке.

Защиту Г. в В. городском суде Московской области по вышеуказанному уголовному делу на основании заключенного соглашения осуществляла адвокат К., представившая суду ордер от 12 августа 2024 г.

Заявитель – судья В. городского суда Б. выдвигает в отношении адвоката К. дисциплинарные обвинения в том, что она:

– в ходе судебного разбирательства указанного суда по упомянутому уголовному делу по обвинению Г. и С., не вставая с места, допускала высказывания, реплики и комментарии повышенным тоном, заглушая и не давая возможности иным участникам процесса давать какие-либо объяснения, фактически срывая судебное заседание, игнорируя мнение иных лиц, чем допустила нарушение установленного регламента судебного заседания. Кроме того, допускала циничные высказывания в отношении внешнего вида государственного обвинителя;

– неоднократно срывала судебные заседания путем неявок в них;

– игнорировала интересы подсудимого и иных участников процесса на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки, а также проявляла неуважение к иным участникам уголовного судопроизводства (помимо суда).

Адвокат К. в ходе дисциплинарного производства все указанные дисциплинарные обвинения последовательно отрицала. Указывала, что при судебном разбирательстве она как защитник действовала исключительно в интересах своего доверителя и по согласованию с ним. Относительно обвинений, связанных с неявками в судебные заседания, пояснила, что все они связаны с уважительными причинами, о которых был заранее осведомлен суд. Приговор В. городского суда отменен апелляционной инстанцией М. областного суда по ее апелляционной жалобе, дело направлено в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в некорректном поведении адвоката К., Совет учитывает, что в соответствии с подп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката бремя доказывания тех обстоятельств, на которых заявитель основывает свои требования, возлагается на последнего. Дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не наделены полномочиями по формулированию за заявителя дисциплинарных обвинений, в том числе по их конкретизации.

Вместе с тем такие дисциплинарные обвинения сформулированы заявителем исключительно в общем виде, они не содержат указаний на то, какие именно действия (бездействие), нарушающие, по мнению заявителя, Кодекс профессиональной этики адвоката, регламент судебного заседания и распоряжения председательствующего судьи, совершались адвокатом К., какие ее высказывания суд расценивает как «дискредитацию суда», стремление «поставить суд в состояние презрения, смущения, чтобы принизить его авторитет», «оскандалить процесс», настроить участников процесса против суда, «высказывать неуважение к суду».

Доводы обращения о том, что адвокат К. перебивала председательствующего по делу, не вставая и без разрешения председательствующего с места высказывала реплики и комментарии повышенным тоном, заглушая и не давая возможности иным участникам процесса давать какие-либо объяснения, также не содержат указаний на то, когда именно эти нарушения были до-

пущены адвокатом К. Представленные заявителем протоколы судебного заседания состоят из 568 листов, и в них не выделены места, отражающие, по мнению заявителя, недопустимое поведение адвоката К. В результате самостоятельного изучения Квалификационной комиссией протокола явных признаков подобного поведения адвоката К. и реакции на него со стороны суда и иных участников уголовного судопроизводства не обнаружено. Совет соглашается с этим выводом Комиссии.

В свою очередь, адвокат К., возражая против указанного обращения, ссылалась на то, что в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства, подтверждающие доводы обращения судьи Б., а в ходе судебного разбирательства уголовного дела она как защитник действовала исключительно в интересах своего доверителя и по согласованию с ним.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части, поскольку презумпция добросовестности адвоката К. не опровергнута, а сформулированные в обращении дисциплинарные обвинения неконкретны.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неоднократном срыве адвокатом К. судебных заседаний путем неявок в них без уважительных причин, Совет также отмечает его неконкретность. Так, в обращении заявителем конкретизирован лишь факт неявки адвоката К. в судебное заседание 29 ноября 2024 г. Дата неявки адвоката К. в судебное заседание по причине ее участия в похоронах У. (17 сентября 2024 г.) установлена лишь благодаря объяснениям адвоката К.

В связи с изложенным оценка может быть дана только этим двум фактам неявки адвоката К. в судебные заседания.

В материалах дисциплинарного производства имеется копия письменного ходатайства адвоката К. в адрес суда об отложении 17 сентября 2024 г. судебного заседания на иную, ранее согласованную дату, в связи с назначенной на 10.00 час. этого же дня похоронной церемонией ее бывшего доверителя У., которого она также считает другом семьи.

Совет отмечает, что в соответствии с п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании адвокат должен по возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

В Разъяснениях № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О неявках в судебное заседание» указывается: «Если разбирательство дела откладывается в связи с непредвиденными или чрезвычайными обстоятельствами в жизни адвоката, о которых он сообщает суду срочным звонком либо через своих коллег, родственников или иных лиц, ему следует затем представить суду официальный или личный документ, подтверждающий уважительность его неявки, даже если суд не обращает к нему подобной просьбы. Такое поведение адвоката свидетельствует об уважении судебной власти, оно также ограждает судью при длительном рассмотрении дела от возможных упреков в волоките, а самого адвоката от сообщений в адвокатскую палату о срывах судебного разбирательства, поскольку судья может запамятовать не зафиксированную в протоколе судебного заседания причину неявки адвоката» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2007. № 4–5 (42–43). С. 15–18; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Ад-

вокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 117–121).

Оценивая профессиональное поведение адвоката К. в связи с ее неявкой 17 сентября 2024 г. в судебное заседание, Совет не усматривает проявления в ее действиях (бездействии) неуважения к суду и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства, поскольку приведенные выше требования ею были соблюдены, а причина ее неявки в судебное заседание является уважительной.

При этом ранее судья Б. уже направляла в Адвокатскую палату города Москвы обращение от 17 сентября 2024 г., в котором указывала на допущенные, по ее мнению, адвокатом К. нарушения положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с неявкой последней в судебное заседание 17 сентября 2024 г. Распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 11 октября 2024 г. в возбуждении дисциплинарного производства по указанному обращению было отказано со ссылкой на следующие обстоятельства:

«Из обращения следует, что в производстве В. городского суда Московской области находится уголовное дело в отношении Г. и С. [инициалы подсудимого С. указаны ошибочно. – *Прим. Совета*]. Защиту подсудимого Г. осуществляет адвокат К. В обращении указано, что в судебное заседание, назначенное на 17 сентября 2024 года, адвокат К. не явилась, хотя о дате и времени рассмотрения дела была извещена. В адрес суда адвокатом К. было направлено ходатайство об отложении судебного заседания в связи с назначенной на 17 сентября 2024 года в 10 часов похоронной церемонией усопшего У., хотя доказательства того, что У. является близким родственником адвоката К., не представлены. Суд расценивает неявку адвоката К. в судебное заседание не только как действия, направленные на затягивание рассмотрения дела и препятствование осуществлению правосудия, но и как ее фактический отказ от защиты своего доверителя, и просит принять к адвокату К. соответствующие меры, указав на недопустимость такого поведения.

От адвоката К. получено письменное объяснение, в котором она указала, что умерший У. являлся не только ее доверителем, но и другом ее семьи, и она посчитала своим долгом проститься с ним и принять участие в похоронной церемонии. В связи с этим 16 сентября 2024 года она подала в канцелярию В. суда свое письменное ходатайство об отложении судебного заседания, назначенного на 17 сентября 2024 года. Намерений затягивать рассмотрение уголовного дела у нее не было.

В соответствии с п. 1 статьи 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (далее по тексту – Кодекса), при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании адвокат должен по возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

Это предписание Кодекса адвокатом К. было соблюдено.

Из текста обращения следует, что причину неявки адвоката К. в судебное заседание в связи с ее участием в похоронной церемонии У. суд считает неуважительной, поскольку она не является его близким родственником.

Между тем тягостное чувство потери близкого человека независимо от того, является ли он его родственником или другом, желание проститься с умершим и присутствовать на его похоронах не должно подвергаться моральному осуждению, в т.ч. со стороны дисципли-

нарных органов адвокатской палаты, путем указания этому лицу, в данному случае адвокату К., на недопустимость такого поведения.

Применительно к содержащимся в обращении доводам о нарушении по вине адвоката К. права на защиту подсудимого Г. вследствие ее неявки в судебное заседание, допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства согласно подп. 1 п. 1 статьи 20 Кодекса является жалоба, поданная в адвокатскую палату доверителем адвоката.

Между тем от доверителя Г. никаких жалоб на действия (бездействие) адвоката К. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

В соответствии с подп. 6, 7 п. 2 статьи 20 Кодекса жалоба, представление, обращение признаются допустимыми поводами к возбуждению дисциплинарного производства, если в них указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса, обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Между тем доказательства, свидетельствующие о том, что адвокат К. намеренно затягивала рассмотрения дела, не представлены.

При таких обстоятельствах обращение судьи В. городского суда Московской области Ба. не может быть признано допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства».

О принятии Президентом Адвокатской палаты города Москвы данного распоряжения судья В. городского суда Московской области Б. была уведомлена письмом от 15 октября 2024 г.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, 29 ноября 2024 г. адвокат К. не явилась в судебное заседание по причине заболевания, которое подтверждено электронным листком нетрудоспособности, открытым на период с 27 ноября по 11 декабря 2024 г. При этом адвокат К. уведомила председательствующую судью Б. о своем заболевании, направив на ее электронную почту в 09.39 час. 29 ноября 2024 г. ходатайство об отложении судебного заседания.

Получение данного ходатайства адвоката К. заявителем не оспаривается, при этом она усматривает нарушение в том, что та, имея открытый листок нетрудоспособности, 28 ноября 2024 г. представляла интересы Л. по гражданскому делу в В. городском суде Московской области, а 27 ноября, 03, 09 и 20 декабря 2024 г. посещала своего подзащитного в ИВС УМВД России по Л. городскому округу Московской области.

Адвокат К. объясняет выдачу ей листка нетрудоспособности полученной травмой, сообщает, что врачом ей был назначен курс лечения, который включал в себя в том числе проведение физиотерапии.

Из ходатайства адвоката К. от 29 ноября 2024 г. об отложении судебного заседания усматривается, что в судебных заседаниях 21 и 22 ноября 2024 г. она сообщала суду о том, что ей необходимо принимать лекарственные препараты в строго установленное время (делать уколы в 19.00 час.), а также то, что по состоянию здоровья она не имеет возможности принимать участие в судебных заседаниях, продолжающихся более восьми часов, но данное сообщение судом было проигнорировано.

Из протокола судебного заседания от 21 ноября 2024 г. усматривается, что оно было открыто в 14.29 час., а за-

крыто в 18.56 час., а из протокола судебного заседания от 22 ноября 2024 г. усматривается, что оно было открыто в 11.23 час., а закрыто в 21.00 час. Таким образом, сообщенные адвокатом К. в ходатайстве от 29 ноября 2024 г. сведения о продолжительности судебных заседаний нашли свое подтверждение.

Совет отмечает, что право на жизнь и охрану здоровья является фундаментальным и неотчуждаемым конституционным правом человека, не подлежащим ограничению, поэтому осуществление адвокатами профессиональной деятельности в условиях, создающих угрозу их жизни и здоровью, недопустимо.

При таких обстоятельствах Совет считает, что, имея открытый листок нетрудоспособности, адвокат К. была вправе самостоятельно принимать решение о возможности осуществления той или иной профессиональной деятельности, исходя из своего самочувствия в конкретные день и время и с учетом необходимости проведения медицинских процедур. При таких обстоятельствах Совет признает причину ее неявки 29 ноября 2024 г. в судебное заседание уважительной, в связи с чем эта неявка не свидетельствует о проявлении неуважения к суду.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к вводу о прекращении дисциплинарного производства и в указанной части.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что описанное в обращении поведение адвоката К. при осуществлении защиты подсудимого Г. свидетельствуют об игнорировании интересов подсудимого и иных участников процесса, а также о явном неуважении к ним, Совет отмечает, что только при реализации судьей (судом) в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ своих полномочий по обеспечению участия адвоката-защитника для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, судья (суд) обладает правом на выдвижение в отношении такого адвоката дисциплинарного обвинения в отказе от принятой на себя защиты по уголовному делу и (или) ненадлежащем исполнении защитником профессиональных обязанностей перед доверителем. Такое полномочие судьи (суда) в отношении назначенного по его поручению защитника основано на взаимосвязанных положениях чч. 1 и 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующих каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно, а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления – право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, и ч. 7 ст. 49, ч. 2 ст. 50, ст. 51 УПК РФ, регламентирующих вопросы участия защитника в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя и суда, и недопустимость отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого. Однако во всех случаях, когда адвокат приглашается получателем юридической помощи или по его поручению (с его согласия) иными лицами, только доверитель адвоката, которому адвокат оказывает юридическую помощь, вправе выдвигать в отношении него дисциплинарные обвинения, связанные с отказом от принятой на себя защиты и (или) ненадлежащим оказанием юридической помощи.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат К. осуществляла защиту подсудимого Г. по соглашению, при этом жалоб от последнего в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Кроме того, Совет отмечает, что дисциплинарные обвинения, связанные

с совершением адвокатом действий (бездействия), свидетельствующих о проявлении им неуважения к иным участникам судопроизводства (помимо суда), вправе выдвигать только сами эти лица. Обвинение в проявлении неуважения к иным участникам судопроизводства по своей правовой природе направлено на защиту прав и достоинства именно этих иных участников (государственного обвинителя, защитника, подсудимого, потерпевшего, свидетеля и т.д.), а не суда. Таким образом, суд не является надлежащим заявителем по данному основанию, поскольку его процессуальные права и полномочия поведением адвоката по отношению к другим лицам не нарушаются. Другие участники уголовного судопроизводства могут самостоятельно обратиться с соответствующей жалобой в Адвокатскую палату города Москвы при наличии у них оснований для этого. Однако каких-либо жалоб в Адвокатскую палату города Москвы от иных участников судопроизводства по упомянутому выше уголовному делу не поступало.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части дисциплинарных обвинений вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по обращению (частному постановлению) судьи В. городского суда Московской области Б. от 27 января 2025 г.:

в части дисциплинарных обвинений в игнорировании интересов подсудимого и иных участников процесса, а также в явном неуважении к иным участникам уголовного судопроизводства (помимо суда) вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.10. Адвокат получил предупреждение за неявку в судебное заседание без уважительной причины и неуведомление суда о расторжении соглашения на защиту подсудимого. В остальной части производство прекращено вследствие отсутствия в иных действиях адвоката нарушений.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Ч. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи К. городского суда Владимирской области М. от 10 апреля 2025 г. в отношении адвоката Ч.

Квалификационная комиссия 23 июля 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Ч. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…»), выразившемся в том, что, участвуя в качестве защитника подсудимого К.Р.

по находящемуся в производстве К. городского суда Владимирской области уголовному делу в отношении К. и О., он не явился без уважительных причин 04 и 18 февраля 2025 г. в судебное заседание указанного суда по упомянутому уголовному делу;

2) о нарушении адвокатом Ч. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду») во взаимосвязи с Разъяснениями № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвоката-защитника по соглашению», выразившемся в том, что он не уведомил данный суд о расторжении 16 марта 2025 г. соглашения на защиту К.Р.;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ч. по обращению судьи М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ч., своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседании Совета с ее выводами согласился частично, пояснил, что не усматривает в своих действиях нарушений норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также Кодекса профессиональной этики адвоката, просил Совет прекратить в отношении него дисциплинарное производство.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Ч., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

С 10 октября 2023 г. в производстве К. городского суда Владимирской области находится уголовное дело по обвинению К.Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, и О. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. Защиту подсудимого К.Р. осуществлял адвокат Ч. на основании Соглашения от 04 августа 2022 г. № … об оказании юридической помощи и Дополнительного соглашения к нему от 15 октября 2023 г. № …

20 февраля 2024 г. протокольным постановлением судьи данного суда А. на основании ходатайства подсудимого К.Р. и адвоката Т. в качестве защитника подсудимого К.Р. наряду с адвокатом была допущена Р.

18 декабря 2024 г. указанное уголовное дело было передано на рассмотрение судье М., из обращения которого следует, что им против адвоката Ч. выдвигаются дисциплинарные обвинения в неявках в судебные заседания 04 и 18 февраля, 11, 18 и 25 марта, 01 и 08 апреля 2025 г., а также в неуведомлении суда о невозможности участия в судебных заседаниях 04 февраля, 25 марта, 01 и 08 апреля 2025 г. и непредставлении доказательств уважительности причин неявок в судебное заседание в эти даты. Заявитель отмечает, что неявки адвоката Ч. в указанные судебные заседания без уважительных причин нарушают установленное ст. 6.1 УПК РФ право подсудимых, содержащихся под стражей с июля 2022 г., на осуществление судопроизводства в разумный срок. Также из-за неявок

адвоката Ч. в судебные заседания 04 и 18 февраля, 11 и 25 марта 2025 г. не представилось возможным допросить вызванных свидетелей.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

«Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении» (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Согласно п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду.

Пункт 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

В Разъяснении № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» содержатся следующие указания о профессиональном поведении адвоката, необходимом для надлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей в том числе и перед судом: «Имея в производстве несколько дел от доверителей, адвокат, не дожидаясь официального уведомления суда о назначении судебного заседания, обязан следить за их движением и по возможности согласовывать (заблаговременно) с судом даты судебных заседаний в целях исключения назначения их на одну дату. При отложении судом разбирательства дела и решении вопроса о назначении судебного заседания на новую дату адвокат обязан по возможности сообщить суду о своей занятости в судебных заседаниях по иным делам, назначенным к рассмотрению. В том случае, если, несмотря на предпринятые адвокатом меры, дела, которые ведет адвокат, назначены к рассмотрению в разных судах на одну дату, адвокат, отдавая приоритет своего участия по одному из них, должен учитывать следующие обстоятельства:

– отложение разбирательства дела в связи с невозможностью явки адвоката в судебное заседание может повлечь для его доверителя, в том числе подзащитного, наступление неблагоприятных последствий, нарушение разумных сроков рассмотрения дела судом, в том числе и по причине неоднократного отложения разбирательства дела в свя-

зи с неявкой адвоката в судебное заседание, а также нарушение прав иных участников процесса;

– тяжесть предъявленного подзащитному обвинения;

– длительность содержания обвиняемого под стражей;

– сложность административного, гражданского дела и т.п.

С момента, когда адвокату стало известно о совпадении дат рассмотрения дел, он обязан при возможности заблаговременно уведомить суд о невозможности своей явки в судебное заседание по уважительной причине, а также сообщить об этом адвокатам, участвующим в данном деле (ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Одновременно адвокат должен сообщить суду информацию о назначенных с его участием делах с целью исключения отложения судом разбирательства дела на указанные адвокатом даты.

По общему правилу, при совпадении даты следственных действий с датой судебного заседания адвокат должен отдать приоритет участию в судебном заседании, заблаговременно уведомив об этом дознавателя, следователя и согласовав с ними новую дату проведения следственных действий.

При участии адвоката в мероприятиях, не связанных с профессиональной деятельностью, адвокат всегда должен отдавать приоритет участию в качестве защитника, представителя в уголовном, административном, гражданском и арбитражном процессе (п. 4 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката)».

Кроме того, согласно Разъяснениям № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О неявках в судебное заседание» «если разбирательство дела откладывается в связи с непредвиденными или чрезвычайными обстоятельствами в жизни адвоката, о которых он сообщает суду срочным звонком либо через своих коллег, родственников или иных лиц, ему следует затем представить суду официальный или личный документ, подтверждающий уважительность его неявки, даже если суд не обращает к нему подобной просьбы. Такое поведение адвоката свидетельствует об уважении судебной власти, оно также ограждает судью при длительном рассмотрении дела от возможных упреков в волоките, а самого адвоката от сообщений в адвокатскую палату о срывах судебного разбирательства, поскольку судья может запамятовать не зафиксированную в протоколе судебного заседания причину неявки адвоката».

Эти разъяснения приняты органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции и в силу приведенных выше нормативных требований подлежат безусловному исполнению адвокатами.

Неявки адвоката Ч. в судебные заседания по указанному уголовному делу 04 и 18 февраля, 11, 18 и 25 марта, 01 и 08 апреля 2025 г. подтверждаются протоколами судебного заседания и адвокатом Ч. не оспариваются.

Довод защитительной позиции адвоката Ч. о том, что он не явился в судебное заседание 04 февраля 2025 г., поскольку заблаговременно направил в суд как почтовой связью, так и по электронной почте ходатайство от 30 января 2025 г. об отложении судебного разбирательства в связи с неознакомлением подсудимого К.Р. с материалами уголовного дела, Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку заявление указанного ходатайства не освобождало адвоката Ч. от необходимости явиться в судебное заседание, в том числе и для участия в его рассмотрении судом.

Как следует из протокола судебного заседания от 04 февраля 2025 г., в него

явились свидетели, суд отказал в удовлетворении ходатайств подсудимого К.Р. и его защитников об отложении судебного разбирательства, а судебное разбирательство было отложено по причине неявки адвоката Ч. и защитника Р., не сообщивших суду о причинах неявки и не представивших суду доказательств уважительности причин их неявки.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Ч. без уважительной причины не явился в судебное заседание 04 февраля 2025 г., проявив неуважение к суду.

При проверке дисциплинарного обвинения в неявке адвоката Ч. в судебное заседание 18 февраля 2025 г., повлекшей отложение судебного разбирательства, Совет учитывает следующее.

Из объяснений адвоката Ч. следует, что 17 февраля 2025 г. он на основании заключенного в 2018 г. соглашения об оказании юридической помощи другому доверителю и в связи с совершением в отношении этого доверителя насильственных действий с причинением вреда здоровью в Республике И. был вынужден срочно вылететь к этому доверителю для оказания ему помощи. В тот же день, 17 февраля 2025 г., в суд по электронной почте им было направлено ходатайство об отложении судебных заседаний, назначенных на 18, 25 февраля и 04 марта 2025 г. В судебном заседании 18 февраля 2025 г. защитник Р. передала судье М. подлинник данного ходатайства вместе с электронным билетом и маршрутной квитанцией на имя Ч.

Согласно протоколу судебного заседания от 18 февраля 2025 г. адвокат Ч. в него не явился, о времени и месте рассмотрения дела был извещен надлежащим образом; остальные участники уголовного дела явились, также явились два свидетеля. После обсуждения вопроса о возможности продолжения разбирательства дела в отсутствие неявившегося защитника подсудимого К.Р. – адвоката Ч. суд отложил разбирательство дела на 10.00 час. 25 февраля 2025 г.

Представленные адвокатом Ч. суду документы не подтверждают его иную профессиональную занятость, поскольку авиабилеты о перелете в Республику И. достаточным доказательством указанного обстоятельства не являются. Кроме того, согласно приведенным выше Разъяснениям № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью», по общему правилу, адвокат должен отдать приоритет участию в судебном заседании.

Адвокат Ч. в заседании Совета не смог привести каких-либо исключительных обстоятельств, потребовавших от него иной расстановки приоритетов, тем более что право и возможность оказывать юридическую помощь доверителю в иностранном государстве у него отсутствовали, а предмет заключенного в 2018 г. соглашения с этим доверителем состоит в оказании ему юридической помощи в России.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Ч., зная о назначенном на 18 февраля 2025 г. заседании К. городского суда Владимирской области, без уважительной причины не явился в это судебное заседание, вновь проявив неуважение к суду.

При проверке выдвинутого против адвоката Ч. дисциплинарного обвинения в неявке в судебные заседания 18, 25 марта, 01 и 08 апреля 2025 г., повлекшей отложение судебного разбиратель-

ства, Совет учитывает следующие обстоятельства.

Согласно протоколам судебного заседания от 18 и 25 марта 2025 г. адвокат Ч. и защитник Р. не явились, о времени и месте рассмотрения дела были извещены надлежащим образом; остальные участники уголовного дела, включая адвоката Д., назначенного в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, явились. Председательствующий довел до участников процесса информацию, что адвокат Ч. не приехал на судебные заседания по причине необеспечения родственниками К.Р. транспорта для приезда в г. К. Владимирской области или финансирования этой поездки.

Адвокат Ч., возражая против дисциплинарных обвинений в этой части, пояснил, что 07 марта 2025 г. он, посещая К.Р. в следственном изоляторе, подписал с последним соглашение о расторжении ранее заключенных соглашения об оказании юридической помощи и дополнительных соглашений к нему. К.Р. также подписал заявление об отказе от защитника – адвоката Ч. 16 марта 2025 г. адвокат Ч. почтой направил в суд ходатайство, которым поставил судью К. городского суда Владимирской области М. в известность о том, что подсудимый К.Р. отказался от него.

В подтверждение доводов своих объяснений адвокат Ч. предоставил заверенные им копии:

– соглашения от 16 марта 2025 г. о расторжении Соглашения от 04 августа 2022 г. № … об оказании юридической помощи и дополнительных соглашений к нему с даты подписания этого соглашения;

– письменного заявления подсудимого К.Р. от 16 марта 2025 г., в соответствии с которым К.Р. отказывается от помощи защитника Ч., с которым у него заключено соглашение, и выражает желание о его дальнейшей защите защитником, который ему назначен судом 25 февраля 2025 г. в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ;

– ходатайства адвоката Ч. от 16 марта 2025 г., в котором он сообщает судье М. о том, что подсудимый К.Р. и его доверенные лица не смогли обеспечить транспорт адвокату Ч. для поездок в город К. Владимирской области, К.Р. отказался от защиты его адвокатом Ч. в порядке, предусмотренном ст. 52 УПК РФ, и заверил последнего, что заявит отказ от его защиты в судебном заседании 18 марта 2025 г.;

– почтовой квитанции и описи Почты России с почтовым идентификатором от 16 марта 2025 г. … о направлении адвокатом Ч. в адрес К. городского суда Владимирской области ходатайства от 16 марта 2025 г., заявления К.Р. от 16 марта 2025 г.;

– ходатайства адвоката Ч. от 22 марта 2025 г., в котором он повторно сообщает судье М. об отказе К.Р. от его юридической помощи;

– почтовой квитанции и описи Почты России с почтовым идентификатором … об отправке адвокатом Ч. 22 марта 2025 г. судье М. ходатайства от 22 марта 2025 г. и копии заявления К.Р. от 16 марта 2025 г. об отказе от его защиты адвокатом Ч.

В представленных адвокатом Ч. описях Почты России от 16 и 22 марта 2025 г. указаны ходатайство от 16 марта 2025 г. и заявление К.Р. от 16 марта 2025 г. Вместе с тем документальное подтверждение уведомления суда в марте и апреле 2025 г. именно о расторжении адвокатом Ч. соглашения об оказании юридической помощи с К.Р. не представлено.

Заявитель отрицает получение от адвоката Ч. письма от 16 марта 2025 г. с подлинником заявления К.Р. об отказе от защитника – адвоката Ч. Из сведений официального сайта Почты

России в сети «Интернет» следует, что почтовое отправление… от отправителя «…» получателю «Суд» отправлено не 22 марта 2025 г., как утверждает адвокат Ч., а лишь спустя два месяца – 23 мая 2025 г. и вручено получателю 29 мая 2025 г., а информация об упомянутом почтовом отправлении «временно недоступна».

Из протокола судебного заседания от 03 июня 2025 г. следует, что подсудимый К.Р. отрицал подписание им заявления об отказе от защитника – адвоката Ч., а сведения, указанные адвокатом Ч. в ходатайстве от 22 марта 2025 г., назвал не соответствующими действительности.

Учитывая, что подсудимый К.Р. не является участником дисциплинарного производства и не сообщил в суде о том, было ли расторгнуто им соглашение на защиту с адвокатом Ч., а также поскольку дисциплинарное разбирательство осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в обращении, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что на основании имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств нет возможности установить факт расторжения или нерасторжения указанного Соглашения об оказании юридической помощи от 04 августа 2022 г. Однако, руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката и принципом состязательности дисциплинарного производства, Совет исходит из того, что Соглашение от 04 августа 2022 г. № … об оказании юридической помощи, заключенное между адвокатом Ч. и К.Р., вместе с дополнительными соглашениями к нему было расторгнуто, о чем адвокат Ч. не уведомил суд.

Как указано выше, К. городским судом Владимирской области не было получено письмо адвоката Ч., якобы отправленное им 16 марта 2025 г. вместе с ходатайством и оригиналом заявления подсудимого К.Р. от 16 марта 2025 г., а на официальном сайте Почты России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информация о почтовом отправлении … «временно недоступна», и такой же ответ получен при отслеживании почтовых отправлений с заведомо несуществующими почтовыми идентификаторами. При этом адвокат Ч. не представил оригинал почтовой квитанции от 16 марта 2025 г. ни суду, ни в материалы дисциплинарного производства. Утверждения адвоката Ч. о повторном направлении в суд 22 марта 2025 г. ходатайства и заявления К.Р. об отказе от защитника опровергаются сведениями официального сайта Почты России, согласно которым почтовое отправление … отправлено лишь 23 мая 2025 г., т.е. далеко за пределами дат судебных заседаний, в которые адвокат Ч. не явился. Кроме того, адвокат Ч. в указанных почтовых отправлениях от 16 и 22 марта 2025 г. именно о расторжении соглашения об оказании юридической помощи суду не сообщал. Никаких иных доказательств уведомления суда об уважительной причине неявок в судебные заседания 18 и 25 марта 2025 г. адвокатом Ч. не представлено.

При таких обстоятельствах Совет, оценивая в совокупности все доказательства, имеющиеся в материалах дисциплинарного производства, и соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Ч. не представил достоверных доказательств надлежащего своевременного уведомления им суда о расторжении заключенного с доверителем К.Р. соглашения на его защиту и об отказе последнего от юридической помощи адвоката Ч.

В соответствии с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Мо-

сквы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвоката-защитника по соглашению» адвокат обязан незамедлительно направить суду, прокурору, следователю или дознавателю письменное уведомление о расторжении соглашения и о прекращении на этом основании своего дальнейшего участия в деле.

Бездействие адвоката, выразившееся в ненаправлении лицу (органу), в производстве которого находится уголовное дело, письменного уведомления о расторжении доверителем соглашения об оказании юридической помощи, расценивается как проявление неуважения к соответствующему участнику уголовного процесса, несущему персональную ответственность за обеспечение конституционного права обвиняемого на защиту, с привлечением к дисциплинарной ответственности по ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Таким образом, поведение адвоката Ч., выразившееся в неуведомлении суда о расторжении 16 марта 2025 г. соглашения на защиту подсудимого К.Р., свидетельствует о проявлении им неуважения к суду.

Проверяя дисциплинарное обвинение в неявке адвоката Ч. в судебное заседание 11 марта 2025 г., повлекшей невозможность допроса вызванных свидетелей, Совет отмечает следующее. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в период с 24 февраля по 14 марта 2025 г. адвокат Ч. болел, в связи с чем ему были выданы листки нетрудоспособности. 10 марта 2025 г., после приема у врача, адвокат Ч. направил в суд ходатайство об отложении судебного разбирательства, назначенного на 11 марта 2025 г., с приложением листка нетрудоспособности, а в 08.30 час. 11 марта 2025 г. дополнительно передал телефонограмму, которую приняла помощник председательствующего судьи М. Заявитель подтвердил получение от адвоката Ч. указанных ходатайств и листков нетрудоспособности, а также представил телефонограмму, составленную помощником председателя суда К.Н. в 09.22 час. 11 марта 2025 г., согласно которой защитник Р. сообщила о болезни адвоката Ч.

С учетом изложенного Совет признает причину неявки адвоката Ч. в указанное судебное заседание уважительной, а уведомление суда о ней надлежащим, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ч. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый и неоднократный характер, свидетельствующий об умышленном и злостном игнорировании адвокатом требований Кодекса профессиональной этики адвоката, сопряженном с неуважением к суду.

Подобное профессиональное поведение адвоката Ч. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Ч. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет, в том

числе с учетом избранной адвокатом Ч. защитительной позиции, также считает необходимым указать ему на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности адвоката постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ч. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

нарушение положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…»), выразившееся в том, что, участвуя в качестве защитника подсудимого К.Р. по находящемуся в производстве К. городского суда Владимирской области уголовному делу в отношении К.Р. и О., он 04 и 18 февраля 2025 г. не явился без уважительных причин в судебные заседания по вышеуказанному уголовному делу;

нарушение положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду») во взаимосвязи с Разъяснениями № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвоката-защитника по соглашению», выразившееся в том, что он не уведомил указанный суд о расторжении 16 марта 2025 г. соглашения на защиту К.Р.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч. по обращению судьи К. городского суда Владимирской области М. от 10 апреля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.11. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав необоснованными обвинения в проявленном адвокатом неуважении к суду, злоупотреблении процессуальными правами, провокационных высказываниях и неуважительном поведении в отношении иных участников процесса.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Я. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (определению) судьи Арбитражного суда г. Москвы от 20 февраля 2025 г. в отношении адвоката Я.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Я. по обращению (определению) судьи Арбитражного суда г. Москвы, в части дисциплинарных обвинений, связанных с заявлением 19 декабря 2023 г. отвода

всему составу Арбитражного суда Московского округа в ходе рассмотрения указанным судом дела № … а также дисциплинарных обвинений, связанных с процессуальным поведением адвоката Я. в отношении иных участников арбитражного разбирательства в ходе рассмотрения указанного дела Арбитражным судом г. Москвы, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Я. по обращению (определению) судьи Арбитражного суда г. Москвы, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Я. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Я. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, сообщил, что с выводами, изложенными в Заключении, согласен.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Я., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат Я. представлял интересы К., являющегося истцом по делу, находившемуся в производстве судьи Арбитражного суда г. Москвы, при первоначальном и повторном рассмотрении дела, участвовал в интересах К. в судебных заседаниях при рассмотрении дела судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, подавал процессуальные документы, заявлял устные и письменные ходатайства. При повторном рассмотрении дела судебные заседания в суде первой инстанции проходили в течение года – с февраля 2024 г. по февраль 2025 г., и в течение этого времени адвокат Я. дважды заявлял упомянутому судье отводы. Определением этого судьи от 14 июня 2024 г. на адвоката Я. как представителя истца К., а также на самого истца К. был наложен судебный штраф. Указанное определение было отменено в апелляционном порядке, Арбитражный суд Московского округа оставил постановление … арбитражного апелляционного суда без изменения. Суды вышестоящих инстанций не усмотрели в действиях адвоката Я. проявления неуважения к суду.

В обращении заявителя дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Я. сформулированы следующим образом: «Оценив поведение адвоката Я. суд полагает необходимым обратить внимание Адвокатской палаты г. Москвы на нарушения Кодекса профессиональной этики адвоката, допущенные адвокатом в ходе рассмотрения арбитражного дела, демонстрирующие явное проявление неуважение к суду и другим участникам процесса при недобросовестном маневрировании процессуальными правами в ходе рассмотрения дела, и принять меры по недопущению подобных нарушений в будущем как нарушающее Кодекс профессиональной этики адвоката, свидетельствующих о неуважении к суду…[1]», «В данном случае, суд считает, что попытки лица, адвоката Я., реализовать соответствующие процессуальные права, которыми он наделен Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, отклоняются от стандартного и ожида-

[1] Орфография и пунктуация оригиналов сохранены (*примеч. ред.*).

емого поведения профессионального участника судебного разбирательства», «В ходе судебного разбирательства адвокат осуществлял прямое вмешательстве в дискреционные полномочия суда, с провокационными высказываниями в адрес представителей судебной власти с недвусмысленными формированием мнения у других участников процесса о панибратских отношений представителя истца с судьями кассационной инстанции, акцент представителя Я. на привлечение внимание СМИ к личности судьи является явным проявлением неуважения к суду (аудиопротокол от 08.02.2024)», «Адвокат дважды заявлял необоснованный отвод судье с содержанием пренебрежительных суждений о личности и профессионализме судьи, что отражено в аудиопротоколах судебного заседания (08.02.2024, 04.06.2024). Цель первичного как и повторного немотивированного заявления об отводе, было оказать давление на формирование убеждений судьи, метод, способ и оценку доказательств, а также навязать суду свой порядок рассмотрения дела и стандарт доказывания», «…в ассортименте адвоката в качестве способа оказания юридических услуг, широко применяется не только заявление необоснованных отводов, но и подача немотивированной жалобы в квалификационную коллегию судей, все доводы и утверждения которой были основаны на передергивании действительного хамского поведения представителя истца как в отношении судьи, так и в отношении других участников процесса, о чем, суд неоднократно обращал внимание представителя истца, и что также следует из аудиопротоколов судебных заседаний», «В ходе судебного разбирательства адвокат систематически декламировал неуважение к суду в виде злоупотребления процессуальными правами, заявлении регулярных необоснованных отводов и жалоб, которые являются завуалированным продавливанием своей позиции по делу с исключительной целью принятия ему угодных судебных актов», «Обжалование каждого принятого судебного акта в вышестоящие инстанции безусловно является правом стороны, однако данное право должно реализовываться при неукоснительном соблюдении мотивированной и необходимости таких действий», «…неоднократно имели место нарушения порядка поведения в судебном заседании… что следует из аудиопротокола судебного заседания от 06.02.2025», «Полагаю такое поведение адвоката непрофессиональным и недопустимым, не имеющим отношение к типичной форме представительства со стороны квалифицированного лица», «Незнание арбитражного процесса и его стадий, порядок заявление ходатайств, недопустимость выкрикиваний, отсутствие знания и значение стадии реплик, в которой недопустимо заявление каких-либо ходатайств, адвокат Я. регулярно демонстрировал в судебных заседаниях (аудиопротоколы 08.02.2024, 04.06.2024, 17.12.2024, 06.02.2025)», «Исходя из такой совокупности действий адвоката, суд считает, что адвокат Я. своим поведением нарушил Кодекс профессиональной этики адвоката, при стойкой убежденности собственного превосходства проявил неуважение к суду, а также к другим участником процесса, злоупотребил и манипулировал предусмотренными формами процессуального реагирования, предоставленными арбитражно-процессуальным кодексом, чем создал препятствия для объективного, всестороннего и своевременного рассмотрения дела».

Кроме того, в обращении заявителя содержатся обвинения в том, что адвокат Я. необоснованно заявил отвод всему составу Арбитражного суда Московского округа.

Рассматривая доводы обращения, содержащие дисциплинарные обвинения в ненадлежащем поведении адвоката Я. в судебных заседаниях Арбитражного суда г. Москвы и неуважении к суду, Совет пришел к следующим выводам.

Согласно подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, представление, обращение в отношении адвоката должны, помимо прочего, содержать указание на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении. При этом в отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность: заявлять многочисленные ходатайства, возражения на действия председательствующего и так далее, однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие способы реализации адвокатом процессуальных прав при осуществлении профессиональной деятельности предусмотрены процессуальным законодательством РФ (см.: Пункт 1 Обзора дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с публичным (в том числе протестным) поведением адвоката при осуществлении профессиональной деятельности, а также в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», опубликованного для всеобщего сведения на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/>).

Анализируя приведенные выше дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Я., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что они сформулированы исключительно в общем виде, т.е. не содержат никаких указаний на то, когда именно и какие именно действия (бездействие), расцениваемые заявителем как образующие дисциплинарное нарушение, допустил адвокат Я., какие именно его высказывания, фразы, реплики расценены заявителем как нарушающие требования адвокатской этики.

Из Арбитражного суда г. Москвы в материалы дисциплинарного производства поступили «аудиопротоколы судебных заседаний» по делу № … однако в обращении не приведено ни одной цитаты, ни одной конкретной ссылки на то, когда (в какое время от начала судебного заседания) и в каком конкретно заседании адвокат Я. допустил высказывания, реплики либо замечания, которые суд оценивает как проявление неуважения к суду и/или нарушение установленного порядка в судебном заседании.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в рассматриваемой части, признав презумпцию

добросовестности адвоката Я. неопровергнутой, а сформулированные в обращении дисциплинарные обвинения неконкретными.

Рассматривая довод обращения о том, что заявления об отводе судьи являются немотивированными и неоднократно заявлялись адвокатом Я., что свидетельствует о злоупотреблении им процессуальными правами, а также о том, что при оглашении данных заявлений адвокат Я. проявил неуважение к суду, Совет пришел к следующим выводам.

Из представленных участниками дисциплинарного производства протоколов в письменной форме судебных заседаний Арбитражного суда г. Москвы по делу… состоявшихся 26 марта, 23 апреля, 04 июня, 01 и 30 октября, 17 декабря 2024 г. и 06 февраля 2025 г., усматривается, что адвокат Я. участвовал во всех этих заседаниях и действительно неоднократно подавал различные ходатайства и делал заявления, в том числе неоднократно заявлял отвод председательствующему судье.

Проанализировав содержание этих заявлений, Совет признает его соответствующим требованиям как процессуального закона, так и профессиональной этики, поскольку они сформулированы в деловой манере, с использованием правовой лексики и терминологии.

В материалах дисциплинарного производства имеется определение от 14 июня 2024 г., в соответствии с которым на адвоката Я. был наложен судебный штраф за неуважение к суду, а именно за то, что он, «действуя от своего имени и от имени К. неоднократно в судебных заседаниях необоснованно и без представления доказательств подвергал сомнению беспристрастность судьи», неоднократно подавал заявления об отводе судьи, одно из которых «содержало пренебрежительные суждения о личности и профессионализме судьи в форме мнения, субъективных оценочных суждений, экспрессивных слов и выражений».

Как отмечено выше, указанное определение отменено в апелляционном порядке, при этом в постановлении … арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2024 г. среди прочего указано следующее: «Право на заявление отвода прямо предусмотрено арбитражным процессуальным законом, наложение судебного штрафа только за сам факт заявления отвода, даже если в его удовлетворении отказано, является неправомерным. В данном случае из обжалуемого судебного акта суда первой инстанции усматривается, что судебные штрафы наложены на К., адвоката Я., представителя Компании Я. В. фактически за заявление отвода судье. При этом заявление об отводе не содержало уничижительных суждений о профессиональных и личных качествах судьи, а также не выражало неуважения к суду», «В данном случае суд первой инстанции… пришел к выводу о том, что неоднократные отводы судье, заявленные одним и тем же лицом по одним и тем же основаниям, ничем не подтвержденные доводы о заинтересованности судьи в исходе дела, свидетельствуют о злоупотреблении процессуальными правами. Вопреки выводам суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции принимает довод апелляционных жалоб о праве на выражение процессуальной позиции по делу, что прямо предусмотрено нормами АПК РФ. Так высказывание мнения относительно заявленного ходатайства об отводе суду является и обязанностью, установленной частью 1 статьи 25 АПК РФ, и правом на реализацию таких принципов процессуального права, как состязательность судопроизводства и равноправие сторон (статьи 8,

9, 41 АПК РФ), гарантирующих каждому лицу, участвующему в деле, свободно высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, а также пользоваться равными правами на заявление отводов и ходатайств, представлять доказательства, участвовать в их исследовании, выступать в судебных прениях, представлять арбитражному суду свои доводы и объяснения, осуществлять иные процессуальные права и обязанности, предусмотренные АПК РФ». Указанное постановление суда апелляционной инстанции оставлено без изменения постановлением Арбитражного суда Московского округа от 02 декабря 2024 г.

Помимо этого, Совет отмечает, что в соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении профессиональной деятельности мнение.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства и в рассматриваемой части, признавая презумпцию добросовестности адвоката Я. неопровергнутой.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокатом Я. 19 декабря 2023 г. был заявлен отвод всему составу Арбитражного суда Московского округа, Совет пришел к следующим выводам.

Согласно подп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства является обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат, в адрес адвокатской палаты.

Согласно нормам разд. VI АПК РФ Арбитражный суд г. Москвы является нижестоящей инстанцией по отношению к Арбитражному суду Московского округа. Судья Арбитражного суда города Москвы – заявитель рассматриваемой жалобы в состав судей Арбитражного суда Московского округа при рассмотрении этим судом дела № … в кассационном порядке не входила и, следовательно, не обладает полномочиями на подачу обращения в отношении профессионального поведения адвоката Я. при рассмотрении дела указанным судом. При этом обращений от судей Арбитражного суда Московского округа в отношении адвоката Я. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

При таких обстоятельствах Совет пришел к выводу о прекращении дисциплинарного производство в данной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении довода обращения о «*недопустимо хамском поведении адвоката Я. по отношению к процессуальным оппонентам, сделанных им унизительных оценках и фамильярных высказываниях, колких, экспрессивных и клеветнических замечаниях в адрес процессуальных оппонентов*». Дисциплинарные обвинения, связанные с проявлением адвокатом неуважения к иным (помимо суда) участникам судопроизводства, вправе выдвигать лишь сами эти лица в защиту своих прав и интересов. Таким образом, суд не является надлежащим заявителем по данному основанию, поскольку его процессуальные права и полномочия поведением адвоката, выражающим неуважение к другим лицам, не нарушаются.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального

закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Я. по обращению (определению) судьи Арбитражного суда г. Москвы от 20 февраля 2025 г.:

в части дисциплинарных обвинений, связанных с заявлением 19 декабря 2023 г. отвода всему составу Арбитражного суда Московского округа в ходе рассмотрения указанным судом дела № … а также связанных с процессуальным поведением адвоката Я. в отношении иных (помимо суда) участников арбитражного разбирательства в ходе рассмотрения указанного дела Арбитражным судом г. Москвы, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Я. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.12. Совет прекратил дисциплинарное производство против трех адвокатов, не найдя в одном случае допустимого повода для возбуждения производства, в другом – нарушений норм закона, отвергнув тем самым обвинения в самоустранении от защиты подсудимого и неуважении к суду.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращениям судьи Т. районного суда г. Москвы С. от 25 июля 2025 г. в отношении адвоката Г., от 18 июля 2025 г. в отношении адвоката К., от 25 июля 2025 г. в отношении адвоката К.Н.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по обращению судьи С. от 25 июля 2025 г., в части доводов о нарушении права подсудимого П. на защиту вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по обращению судьи С. 25 июля 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по обращению судьи С. от 18 июля 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

4) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К.Н. по обращению судьи С. от 25 июля 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокаты Г., К., К.Н., извещенные надлежащим образом и своевременно

получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились, просили о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся адвокатов Г., К., К.Н.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве судьи Т. районного суда г. Москвы С. находится уголовное дело в отношении П., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, и еще двух лиц, обвиняемых в совершении ряда преступлений. Защиту подсудимого П. осуществлял защитник по соглашению – адвокат Е. Помимо этого, судьей С. для осуществления защиты подсудимого П. наряду с адвокатом Е. была назначена защитник в порядке ст. 51 УПК РФ – адвокат К.

07 июля 2025 г. в судебном заседании П. сообщил председательствующему, что им расторгнуто соглашение об оказании юридической помощи с адвокатом Е. и заключено соглашение с адвокатом Г., который представил суду ордер от 04 июля 2025 г. Вместе с этим П. вручил адвокату К. письмо от 07 июля 2025 г., в котором потребовал, чтобы та покинула судебное заседание в связи с наличием у него защитника по соглашению.

Адвокат К. сообщила суду, что не сможет принимать участие в деле при наличии у П. защитника по соглашению, и просила освободить ее от участия в деле. Подсудимый П. заявил, что он запрещает адвокату К. участвовать в судебном заседании, поскольку у него имеется защитник по соглашению. Однако судьей С. было отказано в освобождении защитника К. от участия в деле. В этом же судебном заседании до сведения участников процесса председательствующим директивно доведен график рассмотрения уголовного дела – понедельник, среда, пятница в 11.00 час. После этого по ходатайству адвоката Г. судебное заседание было отложено на 14 июля 2025 г. В названное судебное заседание адвокат К. не явилась, защиту П. осуществлял адвокат Г.

В период нахождения судьи С. в совещательной комнате адвокат Г. через приемную суда подал ходатайство об отложении судебного заседания на более позднюю дату в связи с тем, что подсудимый П. проинформировал его о рассмотрении М. городским судом 14 июля 2025 г., в 16.15 час. и 16.30 час., апелляционных жалоб П. на постановление Т. районного суда г. Москвы о продлении ему срока содержания под стражей. После этого адвокат Г. покинул судебное заседание и убыл в М. городской суд для участия в этих судебных заседаниях в качестве защитника П.

Очередные судебные заседания были назначены на 18, 25, 28, 30 июля, 01, 04 августа 2025 г. В указанные судебные заседания адвокат Г. не явился.

21 июля 2025 г. судьей С. адвокат К. была заменена и для осуществления защиты подсудимого П. наряду с адвокатом Г. в порядке ст. 51 УПК РФ защитником была назначена адвокат К.Н. В судебном заседании 23 июля 2025 г.

адвокат К.Н. заявила ходатайство об ознакомлении с материалами уголовного дела, при этом подсудимый П. от юридической помощи адвоката К.Н. отказался, сообщив, что он письменно уведомил ее о том, что его защитник по соглашению – адвокат Г. по уважительной причине (ввиду состояния здоровья) отсутствует в судебном заседании, а также о том, что адвокат не вправе принимать участие в судебном разбирательстве против воли подсудимого, в связи с чем у адвоката К.Н. нет законных оснований для принятия его защиты. Также подсудимый П. сообщил, что от его защитника – адвоката Г. поступило ходатайство об отложении судебного разбирательства, заявил ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела квитанции об отправке указанного документа посредством официального портала государственных услуг Российской Федерации.

По ходатайству адвоката К.Н. судебное заседание было отложено на 25 июля 2025 г. В это судебное заседание явились защитник П. по соглашению – адвокат Ж., а также адвокат К.Н. В указанном судебном заседании подсудимый П. заявил отвод адвокату К.Н. в связи с тем, что у него имеется защитник по соглашению – адвокат Г., который находился на больничном. П. также сообщил, что его родственниками заключено соглашение об оказании ему юридической помощи другим защитником – адвокатом Ж. Адвокат К.Н. поддержала позицию подсудимого П. и подала собственное письменное ходатайство, которым просила освободить ее от участия в деле. Однако судья С. отказала в освобождении защитника К.Н. от участия в деле. После этого адвокат К.Н. покинула зал судебного заседания и более в уголовном деле участия не принимала.

В обращении заявителя против адвоката Г. выдвигаются дисциплинарные обвинения в том, что 14 июля 2025 г. он самовольно покинул зал судебного заседания, не представив документов, подтверждающих уважительность причины этого действия, а также в неявках в судебное заседание 18, 25, 28, 30 июля, 01, 04 августа 2025 г.

Против адвоката К. выдвигается дисциплинарное обвинение в самоустранении от осуществления защиты подсудимого П., выразившемся в неявках в судебное заседание по указанному уголовному делу начиная с 14 июля 2025 г.

Против адвоката К.Н. выдвигается дисциплинарное обвинение в самоустранении от осуществления защиты подсудимого П., выразившемся в покидании судебного заседания 25 июля 2025 г. и последующих неявках в судебное заседание.

В обращениях также указано, что названные действия (бездействие) адвокатов Г., К. и К.Н. повлекли за собой нарушение права подсудимого П. на защиту.

Адвокат Г., не соглашаясь с дисциплинарными обвинениями, отметил, что вынужденно покинул зал судебного заседания 14 июля 2025 г. по указанной выше причине, о которой он уведомил судью С. письменным ходатайством. Не отрицал, что после покидания судебного заседания ему звонил сотрудник суда, сообщивший, что апелляционные жалобы П. сняты с рассмотрения М. городским судом в связи с расторжением соглашения об оказании юридической помощи с адвокатом Е. Однако он посчитал, что данное обстоятельство не являлось основанием для снятия апелляционных жалоб с рассмотрения судом апелляционной инстанции. Ввиду позднего времени возвратиться в Т. районный суд г. Москвы он не успел. 18 июля 2025 г. он через другого адвоката – представителя П. по гражданским делам подал в суд ходатайство об

отложении судебного разбирательства на более позднюю дату с приложением информации о дате открытия листка нетрудоспособности и дате предполагаемой выписки.

24 июля 2025 г. адвокат Г. подал ходатайство, в котором указал на невозможность явки в судебное заседание 25 июля 2025 г. в связи с его профессиональной занятостью в судебном заседании Мал. городского суда Республики… а также в судебном заседании Верховного Суда Республики… назначенном на 15.00 час. 28 июля 2025 г.

29 июля 2025 г. адвокат Г. плохо себя чувствовал, у него поднялась температура, 30 июля 2025 г. из-за высокой температуры он дважды вызывал бригаду скорой медицинской помощи, а 01 августа 2025 г. в связи с ухудшением состояния здоровья был госпитализирован в ГБУЗ «…», где находился на стационарном лечении по 04 августа 2025 г.

Адвокаты К. и К.Н., не соглашаясь с дисциплинарными обвинениями, отметили наличие у П. защитников по соглашению (Г., Ж.), а следовательно, на недопустимость дублирования функций защиты в уголовном судопроизводстве. Вместе с этим указали на отказ П. от их юридической помощи и отсутствие мотивированных судебных постановлений, в которых бы содержались указания на поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, противоречащее требованиям закона либо представляющее собой злоупотребление правом на защиту, а также вывод суда о том, что такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход судебного заседания, т. е. направлено на срыв судебного процесса, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода.

Объяснения адвокатов Г., К. и К.Н. ничем не опровергнуты.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

В развитие данного предписания п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

Согласно Разъяснениям № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 февраля 2018 г., Протокол № 1) «имея в производстве несколько дел от доверителей, адвокат, не дожидаясь официального уведомления суда о назначении судебного заседания, обязан следить за их движением и по возможности согласовывать (заблаговременно) с судом даты судебных заседаний в целях исключения назначения их на одну дату. При отложении судом разбирательства дела и решении вопроса о назначении судебного заседания на новую дату адвокат обязан по возможности сообщить суду о своей занятости в судебных заседаниях по иным делам, назначенным к рассмотрению. В том случае, если, несмотря на предпринятые адвокатом меры, дела, которые ведет адвокат, назначены к рассмотрению в разных судах на одну дату, адвокат, отдавая приоритет своего участия по

одному из них, должен учитывать следующие обстоятельства:

– отложение разбирательства дела в связи с невозможностью явки адвоката в судебное заседание может повлечь для его доверителя, в том числе подзащитного, наступление неблагоприятных последствий, нарушение разумных сроков рассмотрения дела судом, в том числе и по причине неоднократного отложения разбирательства дела в связи с неявкой адвоката в судебное заседание, а также нарушение прав иных участников процесса;

– тяжесть предъявленного подзащитному обвинения;

– длительность содержания обвиняемого под стражей;

– сложность административного, гражданского дела и т. п.

С момента, когда адвокату стало известно о совпадении дат рассмотрения дел, он обязан при возможности заблаговременно уведомить суд о невозможности своей явки в судебное заседание по уважительной причине, а также сообщить об этом адвокатам, участвующим в данном деле (статья 14 Кодекса профессиональной этики адвоката). Одновременно адвокат должен сообщить суду информацию о назначенных с его участием делах с целью исключения отложения судом разбирательства дела на указанные адвокатом даты» (Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2018. № 2 (61). С. 171–172).

В соответствии с Разъяснениями № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы «О неявках в судебное заседание» «если разбирательство дела откладывается в связи с непредвиденными или чрезвычайными обстоятельствами в жизни адвоката, о которых он сообщает суду срочным звонком либо через своих коллег, родственников или иных лиц, ему следует затем представить суду официальный или личный документ, подтверждающий уважительность его неявки, даже если суд не обращает к нему подобной просьбы. Такое поведение адвоката свидетельствует об уважении судебной власти, оно также ограждает судью при длительном рассмотрении дела от возможных упреков в волоките, а самого адвоката от сообщений в адвокатскую палату о срывах судебного разбирательства, поскольку судья может запамятовать не зафиксированную в протоколе судебного заседания причину неявки адвоката» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2007. № 4–5 (42–43). С. 15–18).

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными и описанными выше обстоятельствами, Совет приходит к выводу о том, что адвокат Г. действовал в соответствии с ними.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 26 мая 2025 г. Т. районным судом г. Москвы был разрешен вопрос о мере пресечения в отношении подсудимого П. Адвокат Г. участником этого судебного заседания не являлся, поскольку вступил в уголовное дело лишь 07 июля 2025 г. По этой причине сведения о назначении судебного материала по апелляционной жалобе П. на судебное постановление о продлении срока его содержания под стражей адвокат Г. получил от П. в судебном заседании 14 июля 2025 г. Судьей С. также не отрицается факт назначения судебного заседания М. городским судом по апелляционной жалобе П. на указанное постановление, а лишь указывается на то, что адвокат Г. был поставлен в известность о снятии соответствующего судебного материала с рассмотрения. Аналогичная информация усматривается и из содержания протокола судебного заседания и телефонограммы от 14 июля 2025 г., направ-

ленной в адрес адвоката Г. помощником судьи С. Е. Вместе с тем доказательств получения адвокатом Г. информации о снятии судебного материала с рассмотрения до момента покидания им судебного заседания материалы дисциплинарного производства не содержат.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Г. имел разумные основания отдать приоритет своему участию в судебном заседании суда апелляционной инстанции. При этом о причинах покидания им судебного заседания адвокат Г. проинформировал суд письменным ходатайством от 14 июля 2025 г. Совет не усматривает оснований для вывода о проявлении адвокатом Г. этими действиями неуважения к суду.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неявке адвоката Г. в судебное заседание по тому же уголовному делу 18 июля 2025 г., Совет отмечает, что согласно протоколу судебного заседания подсудимый П. в этот день сообщил суду о причинах неявки адвоката Г., заявил ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела листка нетрудоспособности и письменного ходатайства адвоката Г. об отложении судебного разбирательства, полученных через другого адвоката.

В материалах дисциплинарного производства также содержатся уведомление портала государственных услуг о выдаче ГБУЗ «Городская поликлиника № … Департамента здравоохранения города Москвы», филиал № … адвокату Г. листка нетрудоспособности на период с 17 по 23 июля 2025 г. включительно, а также копия протокола врачебного осмотра от 17 июля 2025 г.

Кроме того, из протокола судебного заседания от 21 июля 2025 г. усматривается, что адвокат Г. явился в него и предоставил суду документально подтвержденные сведения о причинах своей неявки (болезнь), после чего судебное разбирательство было отложено на 23 июля 2025 г. по этой причине.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в неявках адвоката Г. в судебное заседание по тому же уголовному делу 25 и 28 июля 2025 г., Совет отмечает, что в материалах дисциплинарного производства содержится ходатайство адвоката Г. от 24 июля 2025 г. об отложении судебных заседаний, назначенных на 25 июля 2025 г. (в связи с профессиональной занятостью в судебном заседании Мал. городского суде Республики…) и на 28 июля 2025 г. (в связи с профессиональной занятостью в Верховном Суде Республики…).

При этом 25 июля 2025 г. в судебное заседание явился другой защитник подсудимого П. по соглашению – адвокат Ж., в связи с чем адвокат Г. имел разумные основания полагать, что его неявка в это судебное заседание не повлечет срыв судебного заседания.

Дисциплинарные обвинения в неявках адвоката Г. в судебные заседания 30 июля, 01 и 04 августа 2025 г. документально не подтверждены заявителем.

При таких обстоятельствах Совет признает причины покидания адвокатом Г. судебного заседания 14 июля 2025 г., а также его неявки в судебные заседания 18, 25 и 28 июля 2025 г. уважительными, уведомления суда о невозможности явки по уважительной причине – надлежащими и своевременными, а презумпцию его добросовестности – неопровергнутой и, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарное обвинение в отказе адвоката Г. от защиты П. не подлежит

оценке по существу, поскольку суд не наделен полномочиями по выдвижению такого дисциплинарного обвинения в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению. Каких-либо жалоб в отношении адвоката Г. от его доверителя – П. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. Следовательно, в данной части отсутствует допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства.

Переходя к рассмотрению дисциплинарных обвинений против адвокатов К. и К.Н., Совет отмечает, что согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

Правовой смысл обязанностей адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять свои обязанности, защищать права, свободы и интересы доверителей (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката) применительно к осуществлению защиты по назначению следователя раскрыт в решениях органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы, исполнение которых является обязанностью адвоката (п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Пунктом 1 Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» (с изменениями и дополнениями от 28 ноября 2019 г.) указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, т. е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений.

В п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. № 11 «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» отмечается, что Совет считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 данных разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и разъяснениями Совета действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе

или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными.

В соответствии с п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению.

Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке ст. 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 07 июля 2025 г. П. отказался от юридической помощи адвоката К., а 23 июля 2025 г. – от юридической помощи адвоката К.Н. в связи с наличием у него защитника по соглашению. Несмотря на позицию П. и ходатайства самих адвокатов К. и К.Н. об освобождении их от участия в деле, судья С. не приняла отказ подсудимого П. от юридической помощи указанных адвокатов. При этом материалы дисциплинарного производства не содержат мотивированных судебных постановлений, в которых бы со ссылкой на конкретные фактические обстоятельства содержались указания на поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, противоречащее требованиям закона либо представляющее собой злоупотребление правом на защиту, дезорганизующее ход судебного заседания, т.е. направленное на срыв судебного процесса.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными и описанными выше обстоятельствами, Совет приходит к выводу о том, что адвокаты К. и К.Н. действовали в соответствии с ними. Согласно п. 3 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета относительно применения положений данного кодекса, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвокатов К. и К.Н. неопровергнутой и прекращает дисциплинарное производство в отношении них.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по обращению судьи Т. районного суда г. Москвы С. от 25 июля 2025 г.:

в части дисциплинарных обвинений в нарушении права подсудимого П. на защиту – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Г. нарушения норм за-

конодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по обращению судьи С. от 18 июля 2025 г. и в отношении адвоката К.Н. по обращению судьи С. от 25 июля 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) каждого из адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.13. Адвокат получила предупреждение за нарушения требований законодательства к порядку оформления соглашений об оказании юридической помощи, а также за то, что не изменила членство в АПМ на членство в адвокатской палате субъекта РФ по месту проживания.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя заявителя – Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 05 августа 2025 г. в отношении адвоката Х.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Х. взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 6 п. 5 Требований к заполнению и оформлению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282, выразившихся в том, что она не указала в ордере № … от 23 января 2024 г., выданном Адвокатским кабинетом Х., реквизиты соглашения об оказании юридической помощи по гражданскому делу № … от 23 ноября 2023 г., на основании которого оформлен ордер;

2) о нарушении адвокатом Х. взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 10 апреля 2013 г. № 47 «Об утверждении формы ордера», п. 2.5 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 04 декабря 2017 г. (Протокол № 8), подп. 8 п. 5 Требований к заполнению и оформлению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282, выразившихся в том, что она в ордерах от 23 января 2024 г., 04 февраля, 19, 26 июня, 30 июля, 07 октября (2 ордера), 23 октября, 22 и 27 ноября 2024 г. указала недостоверный адрес адвокатского кабинета, в котором осуществляла свою адвокатскую деятельность, а именно: г. К., ул. … д. … офис … вместо г. Москва, ул. … д. … корп. … кв. …

3) о нарушении адвокатом Х. взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282 «Об утверждении формы ордера, требований к его заполнению и оформлению», выразившихся в том, что она:

– использовала в ордерах от 23 октября, 22 и 27 ноября 2024 г. форму

ордера, утратившую силу с 20 октября 2024 г.;

– указала в ордерах от 23 января и 11 марта 2025 г. не предусмотренный утвержденной формой ордера адрес для корреспонденции в г. К., отличный от адреса места нахождения адвокатского кабинета адвоката Х.;

4) о нарушении адвокатом Х. взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6, подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в том, что она, осуществляя свою деятельность в Коллегии адвокатов «М.» (г. Москва, пер. … д. …), при заключении Соглашения об оказании юридической помощи № … от 23 ноября 2023 г. не указала свою принадлежность к адвокатскому образованию и отразила в данном соглашении недостоверный адрес осуществления своей деятельности («Московская обл., г. Москва, ул. … д. … корп. …»);

5) о нарушении адвокатом Х. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации (утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2010 г. (Протокол № 4), с дополнениями от 30 ноября 2010 г. (Протокол № 7), с изменениями от 16 февраля 2018 г. (Протокол № 1), с изменениями от 21 марта 2018 г., с изменениями от 14 февраля 2020 г.) и п. 3.1 Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 01 июля 2025 г. (Протокол № 3), что выразилось в несовершении ею до настоящего времени действий по изменению членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате К. области после регистрации 08 ноября 2021 г. по месту жительства на территории К. области;

6) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Х. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 05 августа 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель заявителя – Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета пояснила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено, с его выводами она согласна, просила применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Адвокат Х., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, заявила ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие по причине занятости, в котором также указала, что вопрос ее регистрации по месту пребывания в г. Москве с нанимателем помещения разрешен, документы переданы для регистрации. С учетом этого и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно

которому неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившейся адвоката Х.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав позицию заявителя, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № … от …2016 г. адвокат Х. принята в Адвокатскую палату города Москвы в связи с изменением членства в Адвокатской палате К. области.

Адвокат Х. осуществляла адвокатскую деятельность в следующих адвокатских образованиях:

– с 01 декабря 2016 г. по 15 марта 2017 г. в Коллегии адвокатов города Москвы «К.»;

– с 28 марта 2017 г. по 01 апреля 2022 г. в адвокатском кабинете;

– с 12 апреля 2022 г. по 31 декабря 2023 г. в Коллегии адвокатов «М.»;

– с 01 января 2024 г. по настоящее время в адвокатском кабинете.

Адвокат Х. заключила с доверителем Р.Е. следующие соглашения об оказании юридической помощи:

1) от 08 апреля 2022 г. № … в соответствии с которым адвокат Х. приняла поручение представлять интересы доверителя в С. районном суде г. К. по гражданскому делу по иску о разделе совместно нажитого имущества. Вознаграждение адвоката составило …руб.;

2) от 23 ноября 2023 г. № … в соответствии с которым адвокат Х. приняла поручение представлять интересы доверителя в К. областном суде по рассмотрению апелляционной жалобы доверителя на решение С. районного суда г. К. от 29 сентября 2023 г. по гражданскому делу по иску о разделе совместно нажитого имущества. Вознаграждение адвоката составило …руб.;

3) от 23 ноября 2023 г. № … в соответствии с которым адвокат Х. приняла поручение представлять интересы доверителя в С. районном суде г. К. по гражданскому делу по иску А. Вознаграждение адвоката составило …руб.;

4) от 10 октября 2024 г. № … в соответствии с которым адвокат Х. приняла поручение представлять интересы доверителя в С. районном суде г. К. по гражданскому делу по иску доверителя к Р.А. «об изменении суммы алиментов в твердой денежной сумме». Вознаграждение адвоката составило …руб.;

5) от 03 ноября 2024 г. № … в соответствии с которым адвокат Х. приняла поручение представлять интересы доверителя в С. районном суде города К. по гражданскому делу по иску доверителя к Р.А. о взыскании неосновательного обогащения. Вознаграждение адвоката составило …руб.

Также адвокат Х. заключила с Р.Е. следующие дополнительные соглашения:

– от 18 января 2024 г. к Соглашению от 23 ноября 2023 г., в соответствии с которым п. 2 Соглашения изложен в новой редакции: «Стоимость услуг Поверенного составляет …руб.»;

– от 10 января 2025 г. к Соглашению № … об оказании юридической помощи по гражданскому делу, в соответствии с которым п. 2 Соглашения изложен в новой редакции: «Стоимость услуг Поверенного составляет …руб.»;

– от 10 мая 2025 г. к Соглашению № … об оказании юридической помощи по гражданскому делу, в соответствии с которым п. 2 Соглашения изложен в новой редакции: «Стоимость услуг Поверенного составляет …руб.».

В рамках оказания юридической помощи адвокат Х. представила в материалы гражданского дела по иску А. к Р.А. и Р.Е. о взыскании неосновательного обогащения, рассматриваемого С. районным судом г. К., ордер от 23 января 2024 г. № … выданный Адвокатским кабинетом Х., согласно которому адвокату Х. с 12 ноября 2023 г. поручается представление интересов Р.Е. по иску А. в суде первой инстанции. В графе «Основание выдачи ордера» указано: «Соглашение № __ от___». Также Адвокатским кабинетом Х. был выдан ордер от 11 марта 2025 г., согласно которому адвокату Х. с 08 декабря 2024 г. поручается представление интересов Р.Е. в суде кассационной инстанции. В качестве основания выдачи ордера указано Соглашение от 08 декабря 2024 г. № …

Указание в ордере более ранней даты принятия поручения, чем дата выдачи самого ордера, не противоречит закону. Вместе с тем в нарушение подп. 6 п. 5 Требований к заполнению и оформлению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282, адвокат Х. в ордере от 23 января 2024 г. № … в графе «Основание выдачи ордера» не указала ни номер, ни дату заключения соглашения об оказании юридической помощи, на основании которого оформлен данный ордер. При этом Квалификационная комиссия правильно отметила, что данное нарушение носит исключительно формальный характер, поскольку никаким образом не нарушает ни прав доверителя Р.Е., которая с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы не обращалась, ни прав Р.А. и А.

Кроме того, адвокат Х. в нарушение положений п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 10 апреля 2013 г. № 47 «Об утверждении формы ордера», п. 2.5 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 04 декабря 2017 г. (Протокол № 8), подп. 8 п. 5 Требований к заполнению и оформлению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282, в ордерах от 23 января, 04 февраля, 19 и 26 июня, 30 июля, 07 октября (два ордера), 23 октября, 22 и 27 ноября 2024 г. указала недостоверный адрес адвокатского кабинета, в котором осуществляла свою адвокатскую деятельность, а именно: г. К. вместо правильного адреса: г. Москва, ул. … д. … корп. … кв. …

Также адвокат Х. после утверждения приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282 новой формы ордера представила в суды следующие ордера старой формы:

– в К. областной суд – ордер от 23 октября 2024 г. № … выданный Адвокатским кабинетом Х., согласно которому адвокату Х. с 25 июня 2024 г. поручается представление интересов Р.Е. в апелляционной инстанции;

– в С. районный суд г. К. – ордер от 22 ноября 2024 г. № … выданный Адвокатским кабинетом Х., согласно которому адвокату Х. с 22 ноября 2024 г. поручается представление интересов Р.Е. по делу «о взыскании неустойки»;

– в С. районный суд г. К. – ордер от 27 ноября 2024 г. № … выданный Адвокатским кабинетом Х., согласно которому адвокату Х. с 27 ноября 2024 г. поручается представление интересов Р.Е. по делу «о взыскании алиментов».

Данное нарушение также носит исключительно формальный характер, поскольку использование адвокатом Х.

формы ордера, утратившей силу, не повлекло недостоверности оформленных ею ордеров, которые были приняты судами, а также каких-либо последствий для ее доверителя Р.Е., которая с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы не обращалась, прав Р.А. и А.

Помимо этого, адвокат Х. указала в ордерах от 23 января и 11 марта 2025 г. не предусмотренный утвержденной формой ордера адрес для корреспонденции в г. К., отличный от адреса места нахождения адвокатского кабинета адвоката Х.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что в квитанции к приходному кассовому ордеру от 23 ноября 2023 г. № … адвокат Х. указала, что она выдана адвокатским кабинетом Х., а не Коллегией адвокатов «М.», в которой она осуществляла адвокатскую деятельность на момент выдачи квитанции, Квалификационная комиссия установила, что 2023 г. в квитанции был указан ошибочно, а денежные средства в действительности были уплачены доверителем и оприходованы адвокатом в 2024 г., в связи с чем в квитанции указано правильное адвокатское образование.

Помимо этого, Квалификационная комиссия установила, что в соглашениях об оказании юридической помощи от 23 ноября 2023 г., 10 октября и 03 ноября 2024 г., заключенных адвокатом Х. с доверителем Р.Е., в верхней части первого листа после указания адреса электронной почты адвоката Х. отражен ее регистрационный номер в реестре: № … что указывает на ее принадлежность к Адвокатской палате города Москвы, исключая какую-либо неопределенность относительно данного факта. Кроме того, в соглашениях от 10 октября и 03 ноября 2024 г. отражен адрес осуществления адвокатом Х. своей адвокатской деятельности: г. Москва, ул. … д. … корп. … что также никакой неопределенности у доверителя вызывать не должно.

Вместе с тем в Соглашении об оказании юридической помощи от 23 ноября 2023 г. № … адвокат Х. не отразила наименование адвокатского образования, в котором осуществляет свою деятельность, и указала недостоверный адрес осуществления этой деятельности («Московская обл., г. Москва, ул. … д. … корп. …»), в то время как на дату заключения Соглашения она являлась членом Коллегии адвокатов «М.», расположенной по адресу: г. Москва, пер. … д. … При этом Квалификационная комиссия отметила, что указанные действия адвоката Х. к каким-либо негативным последствиям не привели, сведений о нарушении прав доверителя Р.Е. или иных лиц в материалах дисциплинарного производства не имеется.

Относительно дисциплинарных обвинений в неуказании адвокатом Х. в Соглашении об оказании юридической помощи от 23 ноября 2023 г. № … на принадлежность к Адвокатской палате города Москвы Комиссия правильно отметила, что к представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве приложена лишь первая страница этого соглашения, в то время как заключительная страница, содержащая реквизиты и подписи сторон, отсутствует. Это обстоятельство исключает возможность анализа текста соглашения и достоверного вывода о наличии или отсутствии в данной части нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в связи с чем презумпция добросовестности адвоката Х. в этой части признается Советом неопровергнутой.

В результате дисциплинарного производства также установлено, что адвокат Х. является членом Адвокатской

палаты города Москвы с 20 октября 2016 г., после изменения членства в Адвокатской палате К. области. В качестве основания изменения членства в Адвокатской палате К. области на членство в Адвокатской палате города Москвы адвокат Х. представила свидетельство о регистрации по месту пребывания от 10 октября 2016 г. № …согласно которому она зарегистрирована по месту пребывания по адресу: г. Москва, ул. А. д. … корп. … кв. … на срок с 10 октября 2016 г. по 09 октября 2018 г.

Как следует из представленной адвокатом Х. копии ее паспорта, она была зарегистрирована по месту жительства по следующим адресам:

– с 18 июля 2014 г. по адресу: К. область, Кр. район, дер. Г., ул. С., д. …

– с 28 мая 2020 г. по адресу: Я. область, Н. район, д. Х., д. … кв. …

– 15 апреля 2021 г. по адресу: г. Москва, ул. А.С., д. … корп. … кв. …

– с 08 ноября 2021 г. по настоящее время по адресу: К. область, Кр. район, дер. Г., ул. С., д. …

Также адвокат Х. с 05 июля 2023 г. по 02 апреля 2024 г. была зарегистрирована по месту пребывания по адресу: г. Москва, ул. … д. … корп. … кв. …

Таким образом, в силу действовавших в соответствующий период редакции Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации и Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, согласно которым после 14 февраля 2020 г. юридическое значение для определения членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации имеет не регистрация по месту пребывания, не место фактического проживания, а только регистрация по месту жительства, у адвоката Х. после регистрации 08 ноября 2021 г. по месту жительства по адресу: К. область, Кр. район, дер. Г., ул. С., д. … отсутствовали основания для сохранения членства в Адвокатской палате города Москвы, и она была обязана в месячный срок изменить членство в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате К. области. Однако адвокат Х. эту обязанность не исполнила, в связи с чем презумпция ее добросовестности в данной части признается Советом опровергнутой, а вина в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Х. за совершенные нарушения, Совет принимает во внимание их множественный и систематический характер, свидетельствующий об устойчивом игнорировании адвокатом обязательных требований по надлежащим оформлению документов и формализации отношений с доверителем, а также длительное нарушение нормативных предписаний о надлежащем определении членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации. Такое профессиональное поведение адвоката Х. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что большая часть дисциплинарных нарушений, допущенных адвокатом Х., носит формальный характер, поскольку они не нанесли и не могли нанести вреда доверителю либо авторитету адвокатуры. Совет также принимает во

внимание десятилетний стаж адвокатской деятельности Х., отсутствие у нее дисциплинарных взысканий и частичное признание нарушений. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет предоставляет адвокату Х. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет полагает необходимым установить адвокату Х. срок до 31 декабря 2025 г. для приведения своей профессиональной деятельности в соответствие с требованиями Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, и Разъяснениями Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о недопустимости осуществления адвокатской деятельности на постоянной основе на территории субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого не является адвокат.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 6 п. 5 Требований к заполнению и оформлению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282, выразившееся в том, что она не указала в ордере от 23 января 2024 г. № … выданном Адвокатским кабинетом Х., реквизиты соглашения об оказании юридической помощи по гражданскому делу от 23 ноября 2023 г., на основании которого оформлен ордер;

– нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 10 апреля 2013 г. № 47 «Об утверждении формы ордера», п. 2.5 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 04 декабря 2017 г. (Протокол № 8), подп. 8 п. 5 Требований к заполнению и оформлению ордера, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 282, выразившееся в том, что она в ордерах от 23 января, 04 февраля, 19 и 26 июня 2024 г., июля, 07 октября 2024 г. (два ордера), от 23 октября, 22 и 27 ноября 2024 г. указала недостоверный адрес адвокатского кабинета, в котором осуществляла свою адвокатскую деятельность, а именно: г. К., ул. … д. … офис … вместо г. Москва, ул. … д. … корп. … кв. ...

– нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 23 сентября 2024 г.

№ 282 «Об утверждении формы ордера, требований к его заполнению и оформлению», выразившееся в том, что она:

использовала в ордерах от 23 октября, 22 и 27 ноября 2024 г. форму ордера, утратившую силу с 20 октября 2024 г.;

указала в ордерах от 23 января и 11 марта 2025 г. не предусмотренный утвержденной формой ордера адрес для корреспонденции в г. К., отличный от адреса места нахождения адвокатского кабинета адвоката Х.;

– нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6, подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что она, осуществляя свою деятельность в Коллегии адвокатов «М.» (г. Москва, пер. … д. …), при заключении Соглашения об оказании юридической помощи № … от 23 ноября 2023 г. не указала свою принадлежность к адвокатскому образованию и отразила в соглашении недостоверный адрес осуществления своей деятельности («Московская обл., г. Москва, ул. … д. … корп. …»);

– нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации (утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2010 г. (Протокол № 4), с дополнениями от 30 ноября 2010 г. (Протокол № 7), с изменениями от 16 февраля 2018 г. (Протокол № 1), с изменениями от 21 марта 2018 г., с изменениями от 14 февраля 2020 г.) и п. 3.1 Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 01 июля 2025 г. (Протокол № 3), выразившемся в несовершении ею до настоящего времени действий по изменению членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате К. области после регистрации 08 ноября 2021 г. по месту жительства на территории К. области.

Установить адвокату Х. срок до 31 декабря 2025 г. для приведения своей профессиональной деятельности в соответствие с требованиями Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, и Разъяснениями Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о недопустимости осуществления адвокатской деятельности на постоянной основе на территории субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого не является адвокат.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Х. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 05 августа 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.14. Совет прекратил дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи, признав, что неявка адвоката – представителя потерпевшего в судебные заседания была согласована с судьей и не повлияла на рассмотрение дела, а использование адвокатом в целях защиты интересов доверителя содержания внепроцессуального общения с судьей, имевшего место по инициативе последнего, не образует дисциплинарного нарушения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению мирового судьи судебного участка № … К. района Б. области П. от 29 июля 2025 г. в отношении адвоката Б.

Квалификационная комиссия 8 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по обращению мирового судьи П., в части доводов о проявлении им неуважения к иным участникам судопроизводства (помимо суда), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по обращению мирового судьи П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении Заключения Квалификационной комиссии и согласии с ее выводами, заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства без его участия. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившегося адвоката Б.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве мирового судьи судебного участка № … К. района Б. области П. находилось уголовное дело по обвинению Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ. Интересы потерпевшей П.А. на основании заключенного соглашения представлял адвокат Б.

По уголовному делу состоялись многочисленные судебные заседания, в том числе 13 и 27 декабря 2024 г., 17 января и 11 марта 2025 года. 11 апреля 2025 г. по делу был постановлен оправдательный приговор, который потерпевшая П.А. обжаловала в апелляционном порядке. В своей апелляционной жалобе от 25 апреля 2025 г. потерпевшая указала, что ей случайно стало известно о неоднократном внепроцессуальном общении мирового судьи с адвокатом Б. по вопросам, связанным с рассматриваемым делом. По ее утверждению, судья обсуждал с адвокатом вопросы приобщения и оценки доказательств, сообщал

о планах по разрешению ходатайств, выяснял позицию защиты, а также заранее информировал о том, какой приговор будет вынесен, что является незаконным и умаляет авторитет судебной власти.

15 мая 2025 г. П.А. обратилась с жалобой на действия мирового судьи П. в Квалификационную коллегию судей Б. области. По результатам проверки жалобы 13 августа 2025 г. эта комиссия вынесла заключение о наличии в действиях мирового судьи признаков дисциплинарного проступка. Комиссия констатировала, что выдержки из телефонных разговоров подтверждают факт внепроцессуального общения между судьей и адвокатом Б., в ходе которого судья обсуждал процессуальные действия, давал оценку доказательствам, высказывался о квалификации деяния и предлагал адвокату процессуальные советы. Квалификационная коллегия судей Б. области расценила эти действия как нарушение принципов уголовного судопроизводства, равенства сторон и Кодекса судейской этики, причиняющее ущерб репутации судьи. На мирового судью П. наложено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения.

В отношении адвоката Б. заявителем выдвинуто дисциплинарное обвинение в неуважении к суду, выразившемся в неявке в судебные заседания 13 и 27 декабря 2024 г., 17 января и 11 марта 2025 г. без уважительных причин.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает это дисциплинарное обвинение необоснованным в силу следующего.

Согласно ст. 249 УПК РФ судебное разбирательство проходит при участии потерпевшего и (или) его представителя, однако их неявка не препятствует рассмотрению дела, за исключением случаев, когда суд признал такую явку обязательной. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что рассматриваемое дело не относится к делам частного обвинения, а сведений о том, что суд признал явку потерпевшей или ее представителя обязательной, не представлено. Более того, уголовно-процессуальный закон вообще не содержит императивного требования об обязательном участии представителя потерпевшего в судебных заседаниях. Следовательно, само по себе отсутствие адвоката – представителя потерпевшего в судебном заседании не может рассматриваться как неуважение к суду и поведение, препятствующее отправлению правосудия. Кроме того, фактической причиной отложения всех указанных заявителем судебных заседаний являлась неявка подсудимого или его защитника, а не отсутствие адвоката Б. Квалификационная комиссия также правильно указала и на детализацию телефонных соединений, подтверждающую, что судья лично уведомлял адвоката об отсутствии необходимости явки ввиду болезни других участников.

Исходя из установленных обстоятельств, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката в данной части неопровергнутой и приходит к выводу об отсутствии в его действиях нарушений.

Заявитель также обвиняет адвоката Б. в нарушении норм профессиональной этики, выразившемся в фиксации телефонных разговоров с судьей без его ведома и последующей передаче этих записей доверителю.

Совет, поддерживая Квалификационную комиссию, признает и это обвинение несостоятельным. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Б. не использовал специальные технические средства для скрытой записи, а аудиофайлы были получены им от оператора связи (детализация и запись трафика). Совет в этой связи отмечает, что фиксация одним из участников разговора, касающегося профессиональной деятельности,

его содержания не нарушает законодательных запретов, что подтверждается и позицией Верховного Суда РФ (см.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2016 г. № 35-КГ16–18).

Квалификационная комиссия обоснованно расценила рассматриваемые действия адвоката как допустимый способ защиты прав доверителя. В ситуации, когда судья по своей инициативе допускал внепроцессуальное общение с участником судебного разбирательства, сохранение и использование адвокатом доказательств такого общения в интересах доверителя является реализацией профессиональной обязанности адвоката честно и добросовестно отстаивать интересы доверителя (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При таких обстоятельствах в действиях адвоката отсутствуют признаки нарушения законодательства об адвокатской деятельности и требований профессиональной этики.

Заявитель также указывает, что неявкой в судебные заседания адвокат проявил неуважение к иным участникам процесса. Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части, поскольку судья не является надлежащим заявителем по данному основанию, так как обвинение в неуважении к иным участникам направлено на защиту их прав, а не прав суда и интересов правосудия. Однако суд (судья) не наделен полномочиями выступать в дисциплинарном производстве в интересах иных лиц, за исключением случаев предъявления претензий к адвокату, осуществляющему защиту по назначению суда, в отказе от принятой защиты или ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей. Поскольку жалоб от иных участников процесса не поступало, Совет констатирует отсутствие допустимого повода в этой части.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по обращению мирового судьи судебного участка № … К. района Б. области П. № … от 29 июля 2025 г.:

в части доводов о проявлении им неуважения к иным участникам судопроизводства (помимо суда) – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.15. Адвокат получила замечание за то, что она, будучи назначена защитником подсудимого и вступив в дело, самоустранилась от осуществления его защиты. Совет отметил, что действия адвоката были направлены на обеспечение права обвиняемого на свободный выбор защитника, однако она неправильно сориентировалась в ситуации и избрала неверный способ действий.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Т. районного суда г. Москвы С. от 29 августа 2025 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 22 октября 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом К. взаимосвязанных предписаний ч. 1 ст. 12, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду…»; «Адвокат, принявший в порядке назначения … поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе …»), выразившемся в том, что она, будучи назначенной 21 августа 2025 г. в качестве защитника подсудимого П. в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, по находящемуся в производстве Т. районного суда г. Москвы уголовному делу и вступив 22 августа 2025 г. в указанное уголовное дело в качестве защитника подсудимого П., 25 августа 2025 г. самоустранилась от осуществления защиты подсудимого П., покинув 25 августа 2025 г. судебное заседание без разрешения председательствующего – судьи С. в период ее нахождения в совещательной комнате, а затем не явилась в судебные заседания по вышеуказанному уголовному делу 27 и 29 августа 2025 г.

Адвокат К. в письменных возражениях и в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и не согласилась с его выводами. Просила не рассматривать дисциплинарное производство до разрешения Адвокатской палатой М. области дисциплинарного производства по обращению суда в отношении адвоката Ж., в действиях которого по тому же уголовному делу судом усмотрено злоупотребление правом на защиту. Кроме того, пояснила, что не хотела выступать «защитником-дублером», в связи с чем покинула зал судебного заседания 25 августа 2025 г., уйдя в другое судебное заседание, а также не могла ознакомиться с материалами уголовного дела в течение предоставленного ей судом срока, поэтому настаивала на том, что ей было необходимо еще пять дней в этих целях.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката К., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Заявителем выдвинуто дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката К. от осуществления защиты подсудимого П. по уголовному делу, выразившемся в покидании судебного заседания 25 августа 2025 г. и последующих неявках в судебные заседания 27 и 29 августа 2025 г.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Т. районного суда г. Москвы с 31 мая 2024 г. находилось уголовное дело в отношении П. и других, обвиняемых по ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 160, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Председательствующим судьей был установлен график его рассмотрения – три раза в неделю.

4 июля 2025 г. судом вынесено и оглашено в судебном заседании постановление о злоупотреблении правом на защиту защитником подсудимого П. по соглашению – адвокатом Е., мотивированное неоднократной его неявкой в судебные заседания и занесенное в протокол судебного заседания. В связи с этим судом принято решение о назначении подсудимому защитника в порядке ст. 51 УПК РФ.

Не позднее 25 июля 2025 г. в уголовное дело вступил другой защитник подсудимого П. по соглашению – адвокат Ж., представивший ордер от 22 июля

2025 г. Вступив в уголовное дело, адвокат Ж. не явился в судебные заседания 30 июля, 4, 6, 15, 18, 22, 25, 27, 29 августа 2025 г., покинул судебные заседания 1, 13 и 20 августа 2025 г. без разрешения председательствующего, ходатайствовал об отложении судебных заседаний, назначенных на 25 и 30 июля, 4, 6, 13, 15, 18 и 25 августа 2025 г., ссылаясь на различные причины (свое плохое самочувствие, заболевание, профессиональную занятость, нахождение в другом регионе, необходимость срочного выезда в другой регион).

Судом 20 августа 2025 г. вынесено и оглашено в судебном заседании постановление о назначении подсудимому П. защитника в порядке ст. 51 УПК РФ, занесенное в протокол судебного заседания. Оно мотивировано следующим образом: «…в связи с неоднократной неявкой защитника Ж. в судебное заседание, а также в течение сегодняшнего дня сведений о невозможности явки защитником не предоставлено, самовольно защитник покинул зал судебного заседания, что расценивается судом как действия, направленные на затягивание процесса, а также злоупотребление правами защитником, нарушением прав, как подзащитного, так и иных участников процесса».

По заявке в АИС АПМ от 21 августа 2025 г. защитником подсудимого П. была назначена адвокат К., которая вступила в уголовное дело на основании ордера от 22 августа 2025 года. 22 августа 2025 года находившийся под стражей подсудимый П. вручил адвокату К. заранее подготовленное им письменное заявление, адресованное ей, с указанием на недопустимость назначения ему «защитника-дублера» и на заявление назначенному защитнику отвода, содержащее просьбу поддержать отвод и покинуть зал судебного заседания для недопущения нарушения права на защиту. В этом же заявлении П. указал, что «запрещает» адвокату К. знакомиться с материалами уголовного дела, копировать из него документы, содержащие его «личную и финансовую тайну».

В судебном заседании подсудимый П. заявил отказ от назначенной защитником адвоката К., мотивированный наличием у него защитника по соглашению – адвоката Ж. Адвокат К. это заявление поддержала и просила суд разрешить ей покинуть зал судебного заседания. Судом отказ П. от назначенного защитником адвоката К. принят не был со ссылкой на самовольное неоднократное покидание адвокатом Ж. зала судебного заседания, нарушение порядка участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты П., в том числе адвокатом Ж.

В судебном заседании 22 августа 2025 г., после рассмотрения в порядке ст. 255 УПК РФ вопроса о продлении срока содержания подсудимого П. под стражей, адвокат К. повторно просила суд разрешить ей покинуть судебное заседание, однако суд вновь отказал в этом. Далее адвокат К. заявила, что не готова принимать участие в судебном заседании, так как не ознакомилась с материалами уголовного дела, в результате чего судебное заседание было отложено на 25 августа 2025 г.

В тот же день адвокат К. подала в приемную суда на имя судьи С. письменное ходатайство о замене ее как защитника подсудимого П. на другого адвоката, а также письменно обратилась в Адвокатскую палату города Москвы с просьбой о разъяснении действий в сложной этической ситуации, на которое ей как независимому профессиональному советнику по правовым вопросам был дан письменный ответ о необходимости в сложившейся ситуации принимать решение самостоятельно в соответствии с законодательством

об адвокатуре, Кодексом профессиональной этики и решениями органов адвокатского самоуправления.

В судебном заседании 25 августа 2025 г. подсудимым П. был повторно заявлен отказ от адвоката К., поддержанный ею, в удовлетворении которого судом вновь было отказано со ссылкой на необязательность для суда принятия отказа от защитника и на назначение адвоката К. защитником «в связи с злоупотреблением права на защиту со стороны адвокатов П., в том числе адвоката Ж., неоднократно покинувшего зал судебного заседания без разрешения председательствующего, без указания на то уважительных причин».

В удовлетворении письменного ходатайства адвоката Ж. и ходатайства адвоката К. об отложении назначенного на 25 августа 2025 г. судебного заседания судом также было отказано. В этом судебном заседании подсудимый П. неоднократно заявлял о нарушении его права на защиту, необходимости вызова ему скорой помощи, что во всех случаях поддерживалось адвокатом К.

Во время нахождения председательствующего судьи в совещательной комнате в связи с разрешением ходатайства о прекращении уголовного преследования в отношении подсудимого Н. адвокат К. покинула судебное заседание и больше в уголовном деле не участвовала. При этом судья перед удалением в совещательную комнату заявила о продолжении судебного заседания через 30 минут.

После возвращения судьи из совещательной комнаты судебное заседание было отложено на 27 августа 2025 г. в связи с необходимостью выяснения причин неявки адвоката К. и вызовом бригады скорой помощи для подсудимого П.

В судебное заседание 27 августа 2025 г. не явились защитники подсудимого П. – адвокаты Ж. и К., но явился его новый защитник по соглашению – адвокат Л. В судебное заседание 29 августа 2025 г. защитники подсудимого П. – адвокаты Ж., К. и Л. не явились.

Адвокат К. была заменена судом на другого защитника на основании заявки в АИС АПМ от 1 сентября 2025 г.

Оценивая выдвинутое заявителем дисциплинарное обвинение, Совет исходит из следующего.

Конституционный Суд РФ в Определении от 15 июля 2008 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал: «Сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 г.). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”)».

В п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федера-

ции от 28 ноября 2019 г.) указано: «Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке статей 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению».

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О "двойной защите"» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов об утверждении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению, положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве защищают адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение) с приведением конкретных фактических обстоятельств, свидетельствующих о дезорганизации хода досудебного или судебного процесса. Процессуальное решение лица или органа, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее таких мотивировки и обоснования, а принятое в порядке дискреции с одной лишь ссылкой на ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ и позиции Конституционного Суда РФ служить законным и достаточным основанием для дублирования защитой по назначению защиты по соглашению и вынуждает назначенного защитника устраниться от участия в деле в соответствии с абзацем 1 данного пункта настоящего решения».

В пп. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано, что недопустимо осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 настоящих Разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие)

в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо, осуществляющее от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда РФ, сформулированных в Постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П, и Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т. е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Согласно подп. «а» и «в» п. 4 и п. 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих поручению на защиту или исключающих участие данного защитника в производстве по уголовному делу.

Сопоставляя профессиональное поведение адвоката К. с приведенными обязательными требованиями, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что эти требования ею не были исполнены надлежащим образом, поскольку наличие постановления суда об отклонении отказа от нее, мотивированное недобросовестным поведением защитника по соглашению и содержащее ссылки на конкретные фактические обстоятельства, обязывало ее продолжить осуществление защиты П. несмотря на позицию последнего. Совет в этой связи напоминает, что в соответствии с п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим кодексом, не могут быть исполнены адвокатом.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой в части описанного дисциплинарного обвинения, а ее вину в совершении этого дисциплинарного нарушения установленной.

Вместе с тем обстоятельства, установленные в результате дисциплинарного разбирательства, указывают на отсутствие в поведении адвоката К. злонамеренных действий, направленных как на нарушение права своего доверителя на защиту, так и на дезорганизацию судебного разбирательства. Так, неизменно поддерживая позицию своего подзащитного П. об отказе от нее и полагая, что у нее отсутствуют правовые основания для осуществления его защиты, она в то же время ходатайствовала перед судом об отложении судебного заседания в связи с необходимостью своего ознакомления с материалами уголовного дела, тем самым подтверждая намерение осуществлять его защиту, и одновременно предприняла действия, направленные на исключение своего участия в уголовном деле, заявив в отсутствие законных оснований для этого ходатайство о своей замене на другого адвоката в качестве защитника П. Подавая это ходатайство, адвокат К. ошибочно полагала о наличии у нее такой возможности в связи с отказом от нее подсудимого П., но не учла, что право на свободный выбор защитника уголовно-процессуальным законом предоставляется обвиняемому (подозреваемому) только в отношении защитников, приглашаемых им на основании соглашения.

В судебном заседании 25 августа 2025 г. адвокат К. ссылалась на невозможность своего участия в деле, так как не прошло пять суток с момента неявки защитника подсудимого П. по соглашению – адвоката Ж., а в дисциплинарном производстве она пояснила, что не явилась в судебные заседания в целях исключения своего участия в качестве «защитника-дублера», так как не смогла убедиться в вынесении судом постановления о злоупотреблении адвокатом Ж. правом на защиту, поскольку не была ознакомлена с протоколами соответствующих судебных заседаний.

Занятая адвокатом К. противоречивая позиция указывает на совершение ею дисциплинарного нарушения вследствие грубой неосторожности. Совет в этой связи полагает необходимым отметить, что сложившая по данному уголовному делу ситуация содержала определенную сложность, которая хотя и не исключала обязанности адвоката К. осуществлять защиту П. в качестве назначенного защитника и не давала ей права покидать зал судебного заседания и устраняться от дальнейшего участия в нем, но затрудняла самостоятельную

оценку ситуации в соответствии с обязательными для нее предписаниями решений советов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы.

В соответствии с ч. 1 ст. 256 УПК РФ суд выносит определения или постановления по вопросам, разрешаемым во время судебного заседания, которые подлежат оглашению в судебном заседании. Несмотря на то, что решения суда о назначении подсудимому защитника в порядке ст. 51 УПК РФ не отнесено ч. 2 ст. 256 УПК РФ к числу подлежащих вынесению только в совещательной комнате и в виде отдельного процессуального документа, у суда отсутствуют препятствия для того, чтобы делать это по своему усмотрению. Такой способ принятия указанных решений значительно облегчил бы вступающему в порядке ст. 51 УПК РФ в уголовное дело адвокату исполнение обязанности по ознакомлению с принятым судом процессуальным решением, содержащим ссылки на конкретные фактические обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении правом на защиту со стороны подсудимого и (или) его защитника по соглашению, влекущем нарушение прав других участников уголовного дела и дезорганизацию судебного разбирательства.

Протокольная же форма таких постановлений не всегда дает адвокату возможность своевременного ознакомления с ними, если учитывать особенности составления протокола судебного заседания, что, в свою очередь, затрудняет адвокату оценку законности вступления в дело и требует совершения ряда дополнительных действий.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката К. об уважительности причины покидания судебного заседания 25 августа 2025 г. в связи с необходимостью ее участия в судебном заседании З. районного суда г. Москвы, где она осуществляла защиту другого лица по назначению. Явившись в судебное заседание Т. районного суда г. Москвы, адвокат К. уже отдала приоритет участию именно в нем, что не предполагало его покидания без разрешения председательствующего, в том числе и для участия в другом деле. Более того, покидание адвокатом К. судебного заседания не может быть признано этически обоснованным с учетом того, что ее подзащитный П. в этом судебном заседании неоднократно жаловался на ухудшение самочувствия и просил вызвать ему скорую медицинскую помощь. Покинув судебное заседание в такой ситуации, адвокат К. оставила доверителя П. в уязвимом положении.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание их характер и мотивацию действий адвоката К., свидетельствующие о недостаточном знании и понимании ею обязательных правил осуществления защиты обвиняемого по назначению суда. Это, как отмечено выше, указывает на совершение ею нарушений в силу грубой неосторожности.

С учетом этих обстоятельств, а также того, что адвокат К., имеющая длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, является членом Адвокатской палаты города Москвы с 30 января 2025 г., Совет полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем Совет считает необходимым указать адвокату К. на необходимость неукоснительного исполнения следующих законодательно установленных профессиональных обязанностей: исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение взаимосвязанных предписаний ч. 1 ст. 12, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду…»; «Адвокат, принявший в порядке назначения… поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе…»), выразившееся в том, что она, будучи назначена 21 августа 2025 г. защитником подсудимого П. в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, по находящемуся в производстве Т. районного суда г. Москвы уголовному делу и вступив 22 августа 2025 г. в указанное уголовное дело, 25 августа 2025 г. самоустранилась от осуществления защиты подсудимого П., покинув 25 августа 2025 г. судебное заседание без разрешения председательствующей судьи С. в период ее нахождения в совещательной комнате, а затем не явилась в судебные заседания по вышеуказанному уголовному делу 27 и 29 августа 2025 г.

2.16. Адвокат получил предупреждение за то, что явился в судебное заседание без согласия доверителя на получение юридической помощи. Прекратив дисциплинарное производство в оставшейся части, Совет подчеркнул универсальный характер конституционного права каждого на получение юридической помощи, которое не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., адвоката М.А. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве от 27 июня 2025 г. № … о прекращении статуса адвоката М.А.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом М.А. взаимосвязанных предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса про-

фессиональной этики адвоката (адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать (защищать) права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства), выразившемся в совершении действий (явка в судебное заседание 17 апреля 2025 г. в целях представления интересов Движения «…» в отсутствие предусмотренных законом правовых оснований для оказания юридической помощи, предъявление в судебном заседании 17 апреля 2025 г. удостоверения адвоката и представление ордера от 16 апреля 2025 г., содержащего недостоверные сведения о наличии оснований для его выдачи), направленных на вступление 17 апреля 2025 г. в рассматриваемое Верховным Судом РФ административное дело в качестве представителя Движения «…» в отсутствие предусмотренных законом оснований, в личных интересах, а именно с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации.

Представитель Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась, поддержала позицию о прекращении статуса адвоката М.А. в связи с грубым характером нарушения, несовместимым, по мнению заявителя, с принадлежностью к адвокатуре. Отвечая на вопросы членов Совета, уточнила, что Главным управлением действительно выдвигалось дисциплинарное обвинение в том, что при вступлении в дело адвокат М.А. руководствовался личными целями.

Адвокат М.А. подал письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии с приложением различных документов, из которых следует, что он с Заключением не согласен. Считает, что дисциплинарное разбирательство носило инквизиционный характер, был нарушен принцип состязательности, Комиссия вышла за рамки выдвинутых заявителем дисциплинарных обвинений, при этом презумпция его добросовестности не была опровергнута.

В дополнение к ранее изложенным им в ходе дисциплинарного разбирательства доводам адвокат М.А. указал, что до сих пор находится в постоянном контакте с должностными лицами посольства Исламского Эмирата… в Москве, и они одобряют его деятельность. В подтверждение этого приложил к возражениям фрагменты своей переписки с консулом посольства… Е., а также копию запроса на имя директора …департамента… МИД РФ П.

Адвокат М.А. подчеркивает, что никогда и нигде не заявлял о наличии у него соглашения непосредственно с Движением «…», при этом считает не основанным на законе довод представления о том, что запрет деятельности Движения «…» влечет запрет на судебную защиту его интересов, тем более

когда судом рассматривается вопрос о приостановлении действия запрета деятельности этого Движения. Полагает, что заключить соглашение непосредственно с Движением «…» было невозможно, поскольку это движение никак организационно не оформлено, не обладает правами юридического лица ни в Российской Федерации, ни где-либо еще в мире. Поэтому считает, что в апреле 2025 г. только через посольство Исламского Эмирата… возможна была какая-либо коммуникация с Движением «…». В подтверждение этого довода указывает, что в подготовительной части судебного процесса 17 апреля 2025 г. председательствующий спросил представителей Министерства иностранных дел РФ, известно ли им о направлении Движением «…» каких-либо представителей, на что был получен ответ: «Мы контактируем с посольством Исламского Эмирата… и нам ничего об этом неизвестно». В этой связи считает, что процесс в Верховном Суде РФ 17 апреля 2025 г. представлял собой некий юридический парадокс, аналогичный парадоксальным процессам по осуждению и запрету в Российской Федерации движений «АУЕ», «ЛГБТ» и «сатанизма» как международных экстремистских объединений. Полагает, что на него не может быть возложена ответственность за возникновение данного парадокса, при этом всех, кого можно судить, можно и защищать, в том числе и Движение «…».

Утверждает, что заключенное им Соглашение от 16 апреля 2025 г. № … (далее – Соглашение) в пользу третьего лица было реальным, а вывод Квалификационной комиссии об обратном неверен. При этом указывает, что им были представлены в Верховный Суд РФ два ордера: при подаче заявления об ознакомлении с материалами дела – ордер № … оформленный 16 апреля 2025 г., и непосредственно в судебном заседании ордер № … оформленный им 17 апреля 2025 г. Это обстоятельство Комиссией не учтено. Считает, что имел право публично позиционировать себя в качестве адвоката Движения «…», поскольку все необходимые правовые основания для оказания им юридической помощи Движению «…» на 17 апреля 2025 г. имелись. В то же время обращает внимание на то, что позиционирование в указанных в представлении публикациях адвоката М.А. как адвоката Движения «…» или «адвоката и представителя…» сделано самими авторами публикаций, а не им. Это обстоятельство не свидетельствует о том, что он так им представлялся.

Мотив просьбы об оказании юридической помощи Движению «…», с которой к нему обратилась М.М., заключался в том, что российско-… деловые круги, с которыми она связана, заинтересованы в нормальном установлении добрососедских отношений между народами России и…

Высказывает убеждение в том, что 17 апреля 2025 г. процесс в Верховном Суде РФ был на пользу как Российской Федерации, так и народу… и Движению «…», поскольку он запустил юридический механизм нормализации отношений, что, в свою очередь, способствует развитию сотрудничества в различных сферах общественной жизни. Поэтому действия адвоката М.А. были направлены на достижение общеполезной цели.

По этим причинам адвокат М.А. просит в привлечении его к дисциплинарной ответственности отказать.

В заседании Совета адвокат М.А. подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился, поддержал доводы своих письменных возраже-

ний, в том числе о выходе Комиссии за пределы выдвинутых в представлении дисциплинарных обвинений, о мотивации М.М. при обращении к нему за оказанием юридической помощи Движению «…», о своих контактах накануне заседания в Верховном Суде РФ и до настоящего времени с сотрудником посольства Исламской Республики… При этом до настоящего времени Движение «…» не высказало отрицательного отношения к его попыткам участвовать в судебном процессе. Иск Генеральной прокуратуры РФ, по мнению адвоката М.А., составлен не совсем корректно, а сам он руководствовался мотивом достижения общеполезных целей и не нуждался в дополнительном привлечении внимания СМИ к своей персоне, тем более что защита членов Движения вряд ли создавала бы для него положительный имидж. В глазах обывателей он столкнулся скорее с осуждением. Сожалеет, что не обратился за разъяснением в Совет Адвокатской палаты города Москвы о том, как поступить в этой сложной этической ситуации, однако очевидно, что получить ответ за сутки до судебного заседания было бы невозможно.

Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что М.М. высказала категорическое требование, чтобы соглашение с ней было безвозмездным, поскольку она опасалась обвинений в финансировании террористической деятельности. Уже потом адвокату М.А. стало известно, что М.М. находится в процедуре банкротства. Дело было для него интересным, ранее он занимался соответствующей тематикой и поэтому согласился с этим требованием и заключил соглашение без оплаты. Адвокат М.А. считает, что М.М. руководствовалась законным интересом и имела право заключить с ним соглашение в пользу третьего лица при условии его согласия на это.

На вопрос о том, что он имеет в виду под согласием Посольства Исламской Республики… в лице кого-то из сотрудников на участие в судебном процессе в Верховном Суде РФ, которое ему было выражено, пояснил, что 16 апреля 2025 г. у него был телефонный разговор длительностью более 6 минут с сотрудником посольства по имени В., который сказал, что принимает к сведению информацию от адвоката М.А. о заключении соглашения и возражений против этого нет. Но ясно выраженного, в том числе письменного, подтверждения согласия Движения «…» на оказание ему юридической помощи в Верховном Суде РФ, а также достоверных сведений о позиции этого движения по делу у него не было, и получить их за сутки до процесса было невозможно. Он никогда не утверждал, что ему дали согласие на представление интересов Движения «…», но считает, что это было выражено в конклюдентной форме.

На вопрос о том, в чем конкретно заключалось его участие в судебном заседании Верховного Суда РФ, пояснил, что в подготовительной части судебного заседания устанавливалась явка участников. Председательствующий судья Н. спросил, на основании чего он действует, с кем заключено соглашение, он в ответ сослался на адвокатскую тайну, после чего представитель Министерства иностранных дел РФ на вопрос председательствующего сообщил, что по всем вопросам, касающимся Движения «…», они контактируют с Посольством… С Движением «…» они непосредственно не коммуницируют, и им ничего неизвестно о том, что оно собиралось кого-либо направить в процесс. После этого председательствующий судья предложил адвокату М.А. удалиться, и процесс продолжился без его участия. Вопреки доводам представления, у него действительно было намерение

представлять интересы Движения «…», и, если бы суд его допустил к участию в процессе, первым делом он просил бы предоставить возможность ознакомиться с материалами дела и сформировать позицию. Ему в целом было понятно, о чем нужно говорить, так как решение о приостановлении действия запрета деятельности Движения «…» является половинчатым, а следовательно, не снимает проблем во взаимодействии предпринимателей из России и Исламистской Республики…

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

На 17 апреля 2025 г. Верховным Судом РФ было назначено рассмотрение имевшего гриф «секретно» административного дела по административному исковому заявлению Генерального прокурора РФ о приостановлении запрета деятельности Движения «…», включенного ранее в единый федеральный список организаций, признанных террористическими в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Перед началом судебного заседания в Верховный Суд РФ поступило письменное заявление адвоката М.А. от 17 апреля 2025 г. о предоставлении ему возможности ознакомления с материалами дела, к которому был приложен его Ордер от 16 апреля 2025 г. № … В тот же день адвокат М.А. явился в судебное заседание по указанному делу, представив удостоверение адвоката и Ордер № … выданный Московской коллегией адвокатов «П.» на «защиту интересов “Движения…” в ВС РФ по делу…» с 16 апреля 2025 г., в котором в качестве основания его выдачи указано: «С.».

По результатам проверки председательствующим судьей Н. полномочий адвоката М.А. последний не был допущен к участию в рассмотрении дела. В результате судебного разбирательства в тот же день вышеуказанное административное исковое заявление было удовлетворено.

30 июня 2025 г. в Адвокатскую палату города Москвы поступило представление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве от 27 июня 2025 г. о прекращении статуса адвоката М.А. по следующим основаниям: он в Верховном Суде РФ заявил о наличии у него соглашения с Движением «…», признанным в Российской Федерации террористической организацией. Однако сведения о наличии у адвоката М.А. полномочий на представление интересов Движения «…» подтверждения не нашли, в связи с чем адвокат М.А. не был допущен судом к участию в деле. По мнению автора представления, адвокат М.А. не вправе вступать в договорные отношения с Движением «…» и представлять в суд ордер с недостоверной информацией на его защиту, так как на момент выдачи указанного ордера деятельность Движения «…» была запрещена. В нарушение пункта 2.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8) строки «Поручается» и «Основание выдачи ордера» заполнены адвокатом М.А. в ордере от 16 апреля 2025 г. № … без заключения соглашения с доверителем. Представив в суд ордер, содержащий недостоверные сведения о наличии полномочий на

защиту Движения «…» на основании заключенного с ним соглашения об оказании юридической помощи, адвокат М.А. проявил явное неуважение к суду.

Кроме того, после недопуска адвоката М.А. к участию в судебном заседании Верховного Суда РФ по указанному делу, 17 апреля 2025 г., в 16.09 час., в телеграмм-канале «S.» (более миллиона подписчиков, зарегистрирован Роскомнадзором) опубликовано видеоинтервью, где адвокат М.А. представлялся журналистам как «адвокат и представитель…». Он публично прокомментировал обстоятельства данного дела, рассматривавшегося в закрытом судебном заседании, в котором не принимал участие, и распространил недостоверную информацию о том, что является адвокатом Движения «…» и представлял его интересы в судебном процессе. Информация, что адвокат М.А. якобы является адвокатом Движения «…» и представлял его интересы в суде, его публичные комментарии обстоятельств дела, рассматривавшегося в закрытом судебном заседании, в котором он не принимал участие, также имеются на интернет-сайтах «ВКонтакте», *Life.ru*, «Лента.ру», «Газета.ру», «Вести.ру», «Национальная служба новостей».

Автор представления считает, что данные действия адвоката М.А. могут свидетельствовать о нарушении пп. 2.2.2, 2.2.3, 2.3.3 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 г. (Протокол № 7): не допускается публичное комментирование адвокатами обстоятельств уголовных дел, в которых они не участвуют; при комментировании адвокатами конкретных дел необходимо, чтобы такие комментарии не нарушали положений действующего законодательства; любые заявления адвоката в сети «Интернет» должны быть ответственными, достоверными и не вводить в заблуждение. Кроме того, М.А., представляясь адвокатом Движения «…», вводит суд и общественность в заблуждение, подрывая доверие к себе и адвокатуре, что в соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката недопустимо для адвоката.

Таким образом, по мнению автора представления, действия адвоката М.А. свидетельствуют о нарушении подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, п. 2.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров, приказа Министерства юстиции РФ от 23 сентября 2024 г. № 283, пп. 2.2.2, 2.2.3, 2.3.3 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 г. (Протокол № 7); Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 18 июня 2024 г. (Протокол № 14).

Последовательно отрицая все выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения, адвокат М.А. представил в материалы дисциплинарного производства соглашение, заключенное между ним и доверителем М.М. и зарегистрированное в документации Московской коллегии адвокатов «П.» за № … от 16 апреля

2025 г. В качестве предмета поручения в нем указано: «Защита интересов "Движения…"» (п. 1) и «Участие в судебном заседании ВС РФ по делу…» (п. 2). При этом п. 3 соглашения содержит указание на то, что юридическая помощь оказывается «безвозмездно». Адвокат М.А. дал приведенные выше пояснения о мотивах заинтересованности М.М. в заключении указанного соглашения об оказании юридической помощи Движению «…», а также представил видеозапись, на которой М.М. подтверждает все эти обстоятельства.

Однако Квалификационная комиссия не признала доказанным факт заключения данного Соглашения на момент представления адвокатом М.А. в Верховный Суд РФ Ордера от 16 апреля 2025 г. № … с целью вступления в вышеуказанное административное дело в качестве представителя Движения «…». Этот свой вывод Комиссия обосновала следующими доводами: указанная в ордере дата принятия поручения не соответствует условиям якобы заключенного адвокатом М.А. соглашения; нарушен порядок заполнения ордера; в обращениях адвоката М.А. в посольство… не сообщаются реквизиты соглашения и не содержится каких-либо утверждений о самом факте его заключения; имеются разночтения в пояснениях адвоката М.А. о времени подписания соглашения; условие об оказании юридической помощи «безвозмездно» включено в текст соглашения, чтобы скрыть факт его незаключения в указанный адвокатом момент; объяснения М.М. не содержат в явном виде сведений о законном интересе в заключении соглашения для оказания юридической помощи Движению «…». При этом явка М.М. в заседание Комиссии адвокатом М.А. не была обеспечена даже посредством видеоконференц-связи.

Не признав по указанным причинам факт наличия заключенного соглашения, предусматривающего оказание юридической помощи Движению «…», на момент представления адвокатом М.А. 17 апреля 2025 г. в Верховный Суд РФ удостоверения адвоката и ордера от 16 апреля 2025 г. № … Квалификационная комиссия пришла к выводу и об отсутствии у него правовых оснований для оказания юридической помощи указанному доверителю в судебном заседании Верховного Суда РФ по названному делу. Таким образом, по мнению Квалификационной комиссии, адвокат М.А., явившись 17 апреля 2025 г. в судебное заседание для представления интересов Движения «…» в отсутствие предусмотренных законом правовых оснований и предъявив ордер, содержащий недостоверные сведения о наличии оснований для его выдачи, нарушил предписания подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Квалификационная комиссия также указала на отсутствие, по ее мнению, законного интереса М.М. в оказании юридической помощи Движению «…» и на отсутствие сведений о каком-либо уполномоченном Движением «…» лице, давшем согласие на оказание этому Движению какой-либо юридической помощи. Информирование адвокатом М.А. иных лиц о планируемом им оказании юридической помощи Движению «…» в сочетании с изготовлением соглашения и прочими действиями адвоката М.А., на которые он ссылается как на доказательства формализации отношений с доверителями (М.М. и Движением «…»), Квалификационная комиссия расценила как имитацию наличия не существующего в действительности правового основания для оказания правовой помощи Движению «…». Бо-

лее того, Комиссия пришла к выводу о том, что такое недопустимое поведение адвоката М.А. было направлено не на оказание Движению «…» какой-либо конкретной юридической помощи, а на публичное позиционирование себя в качестве представителя этого Движения с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации. Сославшись на указанные выше комментарии адвоката М.А. *Telegram*-каналу «S.» и различным средствам массовой информации, опубликованные в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где он был представлен как «адвокат и представитель…», Комиссия указала, что адвокат М.А. в силу установленных обстоятельств не мог не понимать, что правовые основания для оказания им юридической помощи Движению «…» фактически отсутствуют, и использовал свои статусные полномочия исключительно в личных интересах.

По мнению Квалификационной комиссии, вводя суд, средства массовой информации и общественность в заблуждение относительно наличия у него правовых оснований для оказания юридической помощи и полномочий на представление интересов Движения «…» и используя статусные полномочия не для оказания юридической помощи, а лишь для публичного позиционирования себя в этом качестве в личных интересах, а именно с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации, адвокат М.А. совершил действия, направленные к подрыву доверия к нему и к адвокатуре, тем самым нарушив требования п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет, оценивая приведенные выводы Квалификационной комиссии во взаимосвязи с установленными ею обстоятельствами и материалами дисциплинарного дела, включая доводы представления и пояснения адвоката М.А., отмечает, что дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не имеют целью своей деятельности дисциплинарное преследование членов корпорации. В соответствии с п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное производство призвано обеспечить объективное и справедливое рассмотрение жалоб, представление и обращений в отношении адвокатов. Во исполнение этих требований дисциплинарным органам адвокатского самоуправления при осуществлении дисциплинарного разбирательства, носящего публично-правовой характер, надлежит исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Именно заявитель в соответствии с подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката должен привести и доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. При этом разбирательство дисциплинарного дела осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении или обращении; изменение предмета и (или) основания жалобы не допускается (п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Основываясь на этих основополагающих требованиях к осуществлению дисциплинарного разбирательства, Совет в первую очередь полагает необходимым дать оценку доводу заявителя об отсутствии у адвоката М.А. правовых оснований и полномочий на представление интересов Движения «…» и, как следствие, о представлении им

ложных сведений о заключении с этим движением соглашения об оказании правовой помощи. Так, согласно представлению (с. 2) «адвокат М.А. не вправе вступать в договорные отношения с Д[вижением "…"], представлять ордер с недостоверной информацией на защиту Д[вижения "…"], **так как на дату выдачи указанного ордера деятельность Д**[вижения "…"] **была запрещена** [*выделено Советом*]». Довод о введении адвокатом М.А. Верховного Суда РФ в заблуждение относительно своих полномочий обосновывается заявителем «представлением ложных сведений о наличии заключенного соглашения с организацией, признанной в Российской Федерации террористической» (с. 3).

Совет не может согласиться с такой позицией, поскольку гарантированное ч. 1 ст. 48 Конституции РФ право каждого на получение квалифицированной юридической помощи является универсальным и не содержит никаких исключений, в том числе и в части оказания такой помощи организациям, включенным в целях соблюдения государственной безопасности в тот или иной реестр, список или перечень. При этом действие ст. 48 Конституции РФ не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах, в том числе в условиях чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ). Не содержит каких-либо изъятий в части субъектов получения юридической помощи и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», определяющий адвокатскую деятельностью как квалифицированную юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (п. 1 ст. 1). По этим причинам Совет отклоняет довод заявителя о том, что адвокат М.А. был не вправе оказывать юридическую помощь Движению «…» и заключать соглашение об этом, поскольку деятельность этого Движения была запрещена.

Оценивая вывод Квалификационной комиссии об отсутствии у адвоката М.А. права представлять интересы Движения «…» ввиду отсутствия соответствующего соглашения об оказании ему юридической помощи на момент представления Верховному Суду РФ ордера для вступления в дело, Совет приходит к выводу о его необоснованности и ошибочности по следующим причинам.

Как указано выше, адвокат М.А. представил в материалы дисциплинарного производства соглашение с доверителем М.М. на оказание правовой помощи Движению «…», а также пояснения М.М. (в том числе и в форме видеозаписи) относительно причин и обстоятельств заключения этого соглашения. Объяснения М.М. о мотивации своих действий понятны, последовательны, непротиворечивы и не содержат каких-либо сведений, позволяющих подвергнуть сомнению наличие у нее законного (в ее собственном понимании и с учетом ее собственных приоритетов) интереса в оказании адвокатом М.А. юридической помощи Движению «…». Продекларированные ею цели оказания юридической помощи Движению «…» не противоречат действующему российскому законодательству. С учетом этого неявка М.М. в заседание Квалификационной комиссии для дачи пояснений не может являться доказательством ее недобросовестности, опровергающим ее пояснения об обстоятельствах (в том числе моменте) заключения соглашения с адвокатом М.А., которые полностью согласуются и с пояснениями послед-

него. Таким образом, пояснения М.М. и адвоката М.А. о заключении ими 16 апреля 2025 г. Соглашения об оказании правовой помощи Движению «…» в результате дисциплинарного разбирательства не опровергнуты. Достоверность даты заключения этого соглашения – 16 апреля 2025 г. подтверждается пояснениями сторон соглашения и также не опровергается ни по отдельности, ни в совокупности приведенными выше обстоятельствами, на которые сослалась Квалификационная комиссия.

Не меняет этого вывода и условие соглашения об оказании юридической помощи безвозмездно, не противоречащее требованиям законодательства и профессиональной этики. При этом адвокат М.А. дал убедительные и непротиворечивые пояснения о причинах такого условия, которые ничем не опровергнуты.

Не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства и выдвинутое против адвоката М.А. дисциплинарное обвинение в том, что он «представлялся журналистам как “адвокат и представитель…”». Такая формулировка со всей очевидностью означает утверждение об активных действиях адвоката М.А., выразившихся в таком самопозиционировании перед журналистами. Однако ни в одном из представленных заявителем материалов, в которых содержатся интервью и комментарии М.А., он не заявляет от своего имени, что представляет интересы… Эти утверждения содержатся во вступлениях соответствующих публикаций, авторство которых принадлежит не адвокату М.А., а соответствующим журналистам или редакции. Адвокат М.А. пояснил, что никогда не представлялся журналистам как адвокат или представитель Движения «…» и не может отвечать за то, как он был воспринят сотрудниками средств массовой информации. При этом Совет отмечает, что М.А. действительно позиционировал себя как адвокат или представитель Движения «…» на страницах интернет-сайтов «Профи.Ру» и Московской коллегии адвокатов «П.», однако эти источники информации в представлении заявителя не указаны и поэтому не могут являться поводом для обоснования дисциплинарного обвинения.

Таким образом, Совет, вопреки доводам представления и Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибки в правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в совершении адвокатом М.А. действий, направленных на вступление в указанное дело в Верховном Суде РФ в качестве представителя Движения «…» в отсутствие правовых оснований для этого в виде соглашения об оказании юридической помощи, а также во введении в заблуждение Верховного Суда РФ по этому вопросу и в публичном распространении недостоверной информации о том, что он представляет интересы Движения «…», вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей.

Вместе с тем Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом М.А. не была исполнена профессиональная обязанность по получению согласия лица, которому он намеревался оказывать юридическую помощь в соответствии с заключенным с М.М. соглашением, и по согласованию с этим лицом позиции по делу. В сложившейся ситуации

адвокат М.А. в силу подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката был обязан руководствоваться Разъяснениями Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу лица, назначенного стороной соглашения (утверждено Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 18 июня 2024 г., Протокол № 14) и применимым к рассматриваемым правоотношениям Разъяснением № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 г., Протокол № 8). Этими обязательными разъяснениями адвокатам предписывается действовать с достаточной степенью осмотрительности и указывается, что по общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к исполнению этой обязанности, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Такое согласие может быть получено и в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой, и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту. Неисполнение (ненадлежащее исполнение) адвокатом указанных обязанностей должно становиться основанием для реагирования органов адвокатского самоуправления, в том числе, при наличии оснований, для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Совет учитывает представленные адвокатом М.А. подтверждения его обращения в посольство Исламской Республики… за получением согласия на оказание правовой помощи Движению «…» в сочетании с имеющейся в открытом доступе информацией о том, что в 2022 г. Министерство иностранных дел РФ аккредитовало дипломата, непосредственно представляющего… (см.: https://ria.ru/… и др.). Однако ни из пояснений адвоката М.А., ни из представленных им документов не усматривается наличие ни явно выраженного согласия Движения «…» на представление адвокатом М.А. его интересов в Верховном Суде РФ 17 апреля 2025 г., ни согласования позиции по делу с доверителем. Ссылка адвоката М.А. на телефонный разговор с сотрудником посольства… «по имени В.» также не свидетельствует ни о получении такого согласия (в том числе и в конклюдентной форме), ни о том, что указанный сотрудник был уполномочен дать его.

По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный и не основанный на указанных выше обязательных нор-

мативных требованиях довод адвоката М.А., приведенный в его письменных возражениях на Заключение Квалификационной комиссии, о том, что он предпринял «все возможные усилия для того, чтобы получить согласие назначенного лица», после чего «имел полное право позиционировать себя в качестве адвоката движения "…", <…> поскольку все необходимые правовые основания для оказания мною юридической помощи "Движению…" на 17 апреля 2025 г. фактически присутствовали».

Совет в этой связи обращает внимание на то, что сам адвокат М.А. в заседании Совета пояснил, что доверитель М.М. имела полное право заключить с ним соглашение в пользу третьего лица при условии, что третье лицо против этого не возражает, а также признал, что не получил в какой-либо явной форме согласия Движения «…» на оказание последнему юридической помощи по указанному делу. Кроме того, адвокат М.А. приложил к своим письменным возражениям распечатку переписки с первым секретарем Посольства… в Москве… в которой адвокат М.А. сам указывает на наличие «конкретных правовых предложений», для реализации которых ему необходимы «полномочия, соглашение, доверенность на представление интересов».

При рассматриваемых обстоятельствах, когда адвокатом М.А. не было получено и зафиксировано ясно выраженное согласие доверителя – получателя юридической помощи на оказание ему такой помощи и не была согласована позиция по делу, он был не вправе вступать в дело и принимать участие в заседании Верховного Суда РФ в качестве представителя Движения «…», несмотря на наличие заключенного с М.М. соглашения об этом.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. При этом согласно п. 2 ст. 430 ГК РФ обязательным условием договора в пользу третьего лица является выражение третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору.

Именно эти требования законодательства к профессиональному поведению адвоката детализированы в приведенных выше Разъяснениях Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Совета Адвокатской палаты города Москвы.

Таким образом, адвокат М.А., явившись 17 апреля 2025 г. в судебное заседание Верховного Суда РФ в целях представления интересов Движения «…» в качестве представителя Движения «…» в отсутствие предусмотренных законом правовых оснований в виде явно выраженного согласия доверителя на получение юридической помощи и без согласования с ним позиции по делу, нарушил предписания ст. 7 и 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М.А. в данной части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Данной квалификацией дисциплинарного нарушения охватывается представление адвокатом М.А. Верховному

Суду РФ ордера. При этом Совет, учитывая установленный факт наличия заключенного адвокатом М.А. соглашения с М.М., не может согласиться с дисциплинарным обвинением в том, что адвокат М.А. указанными действиями проявил явное неуважение к суду и ввел суд в заблуждение относительно своих полномочий, поскольку в результате дисциплинарного разбирательства не установлено совершение адвокатом М.А. умышленно или по грубой неосторожности каких-либо действий, направленных на проявление неуважения к суду и введение его в заблуждение. При этом сам Верховный Суд РФ в рамках своей процессуальной компетенции проверил полномочия адвоката М.А. и отказал ему в допуске для участия в деле, не высказав каких-либо претензий к его поведению.

Не усматривает Совет при установленных Квалификационной комиссией обстоятельствах и оснований для выводов о том, что адвокат М.А. использовал свои полномочия адвоката в личных целях, а также о том, что «недопустимое поведение адвоката М.А. было направлено не на оказание “Движению…” какой-либо конкретной юридической помощи, а на публичное позиционирование себя в качестве представителя “Движения…” с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации». Эти выводы Комиссии не подтверждены доказательствами, носят предположительный характер и в силу этого не могут являться основаниями для его привлечения к дисциплинарной ответственности.

Дисциплинарное обвинение в совершении адвокатом М.А. действий, направленных к подрыву доверия к нему и адвокатуре, Совет также признает необоснованным. Совет в этой связи вновь отмечает, что ни от кого из участников судебного разбирательства (Верховный Суд РФ, Генеральная прокуратура РФ, Министерство иностранных дел РФ), а также от доверителей адвоката М.А. и от посольства Исламской Республики… никаких жалоб или претензий в адрес адвоката М.А. не поступало. При таких обстоятельствах признанное Советом в действиях адвоката М.А. дисциплинарное нарушение, совершенное им в результате неправильной оценки ситуации в условиях жесткого дефицита времени, не может быть признано действиями, способными подорвать доверие к нему или адвокатуре.

По этим причинам Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в совершении адвокатом М.А. при описанных обстоятельствах действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, а также в том, что действия адвоката М.А. были направлены не на оказание Движению «…» юридической помощи, а на публичное позиционирование себя в качестве представителя Движения «…» с целью повышения своей узнаваемости в качестве адвоката и привлечения к своей персоне внимания средств массовой информации.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М.А. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет исходит из следующего.

Прежде всего, Совет отмечает, что в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве о прекращении статуса адвоката М.А., несмотря на название этого документа, не приведены никакие обстоятельства из числа предусмотренных п. 1 ст. 17

Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в качестве обязательных оснований прекращения статуса адвоката.

Далее Совет принимает во внимание грубый характер допущенного адвокатом М.А. нарушения, свидетельствующий об игнорировании им требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и общеобязательных разъяснений органов адвокатского самоуправления. Совет также учитывает, что адвокат М.А. имеет длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, в сложившейся сложной этической ситуации предпринимал меры к ее урегулированию, хотя и явно недостаточные. С учетом изложенного Совет считает необходимым применить к адвокату М.А. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет с учетом описанного отношения адвоката М.А. к своему профессиональному поведению считает необходимым указать ему на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленной профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М.А. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать (защищать) права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами), выразившееся в совершении действий (явка в судебное заседание 17 апреля 2025 г. в целях представления интересов Движения «…» в отсутствие предусмотренных законом правовых оснований в виде явно выраженного согласия доверителя на получение юридической помощи), направленных на вступление 17 апреля 2025 г. в рассматриваемое Верховным Судом РФ административное дело № … в качестве представителя Движения «…».

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главно-

го управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 27 июня 2025 г. о прекращении статуса адвоката М.А., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.17. Совет прекратил дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи, признав правомерными действия адвоката-защитника по недопущению назначения судом «защитника-дублера» в отсутствие законных оснований для этого. Кроме того, Совет указал, что суд не наделен полномочиями по выдвижению дисциплинарного обвинения в нарушении прав подсудимого и иных лиц (помимо суда) в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Р. гарнизонного военного суда К. от 7 августа 2025 г. в отношении адвоката О.

Квалификационная комиссия 8 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката О. по обращению судьи Р. гарнизонного военного суда К., в части дисциплинарных обвинений в том, что, высказав в судебном заседании, состоявшемся 5 августа 2025 г., намерение уйти в очередной ежегодный отпуск на период по 1 сентября 2025 г., заявив в связи с этим ходатайство об отложении судебного заседания на дату после 1 сентября 2025 г., а также совершив некие «активные действия», направленные на отмену размещенной судьей К. в КИС АР заявки, в соответствии с которой защитником подсудимого О.С. была назначена адвокат П., адвокат О. нарушила права подсудимого О.С. и иных участников судебного разбирательства, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката О. по обращению судьи К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката О. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат О., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, письменно уведомила о получении Заключения Квалификационной комиссии и согласии с ее выводами, заявила ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства без ее участия. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившегося адвоката О.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Р. гарнизонного военного суда находится уголовное дело в отношении О.С. и Ш. Защиту подсу-

димого О.С. на основании соглашения осуществляет адвокат О.

В судебном заседании 5 августа 2025 г. адвокат О. уведомила суд о том, что в период с 7 по 31 августа 2025 г. она будет находиться в ежегодном отпуске. Судья К., ссылаясь на необходимость соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, принял решение об обеспечении участия защитника по назначению суда в порядке ст. 51 УПК РФ для проведения судебных заседаний в период отсутствия адвоката по соглашению. 6 августа 2025 г. судьей была сформирована заявка в АИС АПМ (КИС АР) на назначение защитника, которая была распределена адвокату П. Впоследствии данная заявка была отменена. По утверждению заявителя, отмена произошла вследствие «активных действий» адвоката О., направленных на ее аннулирование. Адвокат О. пояснила, что уведомила колл-центр Адвокатской палаты М. области об отсутствии законных оснований для назначения защитника-дублера, поскольку она не отказывалась от защиты и не уклонялась от участия в деле.

В связи с отменой первой заявки суд повторно инициировал заявку в КИС АР, по результатам которой защитником была назначена адвокат К.О.

С целью защиты прав своего доверителя и недопущения нарушения его права на свободный выбор защитника адвокат О. приняла решение прервать свой отпуск. Она приобрела авиабилеты по маршруту Сочи – Москва и лично явилась в судебные заседания 13 и 20 августа 2025 г., обеспечив тем самым непрерывность защиты подсудимого О.С. по соглашению.

В обращении заявителя выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что адвокат О., осуществляющая защиту подсудимого О.С. по соглашению, заявила ходатайство об отложении судебного разбирательства в связи с убытием в ежегодный отпуск, чем якобы поставила под угрозу соблюдение разумных сроков судопроизводства. Кроме того, заявитель указал, что адвокат совершила «активные действия», направленные на отмену заявки суда в системе КИС АР на назначение защитника-дублера, что суд расценил как нарушение прав подсудимого.

Оценивая выдвинутое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает следующее.

Действия адвоката О. должны рассматриваться не изолированно, а в контексте установленных фактических обстоятельств и на основе фундаментальных принципов адвокатской деятельности и корпоративных правил, направленных в том числе на борьбу с незаконной практикой «двойной защиты».

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Совет Адвокатской палаты города Москвы и высшие судебные инстанции, включая Конституционный Суд РФ, неоднократно указывали на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвоката по назначению в качестве «дублера» при наличии в деле защитника по соглашению, от которого обвиняемый не отказался.

Продолжение участия защитника по назначению (или инициирование его назначения) в подобной ситуации допустимо лишь в одном исключительном случае: если суд выносит обоснованное и мотивированное постановление, в котором констатирует факт злоупотребления правом на защиту со стороны обвиняемого или его защитника по соглашению (например, систематические срывы заседаний, уклонение от явки).

Такие требования содержатся, в частности, в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федера-

ции от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Рекомендациях Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» от 28 ноября 2019 г., а также в ряде разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы.

В рассматриваемом деле действия судьи по назначению дублирующего защитника были предприняты в отсутствие таких исключительных обстоятельств и не сопровождались вынесением мотивированного процессуального решения об их наличии. Адвокат О., со своей стороны, не уклонялась от защиты, а ее ходатайство об отложении судебного заседания было обусловлено реализацией конституционного права на отдых (ч. 5 ст. 37 Конституции РФ). Более того, адвокат фактически обеспечила непрерывность защиты, явившись в судебные заседания 13 и 20 августа 2025 г.

При таких обстоятельствах действия адвоката О. по информированию Адвокатской палаты Московской области об отсутствии оснований для назначения защитника были единственно правильным способом исполнения ею профессиональных обязанностей по защите интересов доверителя от навязанной ему юридической помощи и предотвращению создания недопустимой ситуации «двойной защиты».

В силу п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката решения органов адвокатского самоуправления, принятые ими в пределах своей компетенции, подлежат безусловному исполнению адвокатом. В соответствии с п. 3 ст. 18 того же кодекса адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета относительно применения положений кодекса, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что в действиях адвоката О. отсутствуют признаки неуважения к суду. Презумпцию ее добросовестности в этой части Совет признает неопровергнутой.

Кроме того, Совет вновь отмечает, что при осуществлении адвокатом защиты по соглашению только сам доверитель, являющийся получателем его юридической помощи, вправе заявлять о ненадлежащем качестве такой помощи или нарушении его прав действиями адвоката. Однако каких-либо жалоб в отношении адвоката О. от ее доверителя О.С. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. Следовательно, в части дисциплинарного обвинения в нарушении прав подсудимого О.С. и других участников судебного разбирательства отсутствует допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства.

Учитывая описанные выше фактические обстоятельства настоящего дисциплинарного производства, Совет вновь подчеркивает, что размещение защитниками по соглашению заявлений о принятой защите в соответствующем разделе личного кабинета адвоката в АИС АПМ способствует своевременному оповещению об этом назначенных по заявкам адвокатов, облегчая выявление возможных нарушений со стороны дознавателя, следователя и суда и препятствий для вступления назначенного защитника в дело. При этом необходимо учитывать, что согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей, распространяются правила сохранения профессиональной тайны, что требует от адвоката соответствующего согласования с доверителем вопроса о размещении информации в АИС АПМ с учетом складывающейся в конкретном деле ситуации.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката О. по обращению судьи Р. гарнизонного военного суда К. от 7 августа 2025 г.:

в части дисциплинарных обвинений в том, что, высказав в судебном заседании 5 августа 2025 г. намерение уйти в очередной ежегодный отпуск на период по 1 сентября 2025 г. и заявив в связи с этим ходатайство об отложении судебного заседания на дату после 1 сентября 2025 г., а также совершив некие «активные действия», направленные на отмену размещенной судьей К. в КИС АР заявки, в соответствии с которой защитником подсудимого О.С. была назначена адвокат П., адвокат О. нарушила права подсудимого О.С. и иных участников судебного разбирательства, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката О. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.18. Адвокат получила замечание, так как при наличии достаточного времени, предоставленного судом по ее ходатайству, не ознакомилась в полном объеме с материалами дела, что повлекло за собой отложение судебного заседания. Остальные дисциплинарные обвинения, выдвинутые судом, Совет признал необоснованными.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 12 августа 2025 г. в отношении адвоката Д.

Квалификационная комиссия 22 октября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Д. ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…»), выразившемся в том, что, заключив 11 июля 2025 г. соглашение на осуществление защиты Р., адвокат Д. не ознакомилась в полном объеме с материалами уголовного дела, находившегося в производстве судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда, что повлекло за собой необходимость отложения 21 июля 2025 г. судебного заседания на другую дату;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Д. по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда, в части дисциплинарных обвинений в том, что, не явившись в судебное заседание 21 июля, 4 и 11 августа 2025 г. по рассмотрению упомянутого уголовного дела, адвокат Д. нарушила права осужденного Р. и иных участников судебного разбирательства, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Д. по обращению судебной коллегии по уголовным делам М.,

вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Д. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Д., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, просила о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Д.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда находилось указанное уголовное дело по апелляционным жалобам осужденного Р. и его защитника – адвоката Б. на приговор З. районного суда г. Москвы от 19 марта 2025 г. Защиту Р. по Соглашению № … от 11 июля 2025 г. осуществляла адвокат Д.

14 июля 2025 г. адвокат Д. обратилась с заявлением об ознакомлении с материалами уголовного дела, объем которых составлял 30 томов. В указанный день адвокат Д. ознакомилась лишь с тремя томами уголовного дела, 16 июля 2025 г. – еще с шестью томами. В судебном заседании 21 июля 2025 г. она ходатайствовала о его отложении в связи с необходимостью изучения материалов уголовного дела в полном объеме. По этой причине судебное заседание было отложено на 4 августа 2025 г.

4 и 11 августа 2025 адвокат Д. в судебные заседания не явилась, в связи с чем они были отложены на другие даты. Рассмотрение уголовного дела завершено 18 августа 2025 г. с участием другого защитника Р. по соглашению – адвоката К.З.

Судебной коллегией против адвоката Д. выдвигаются следующие дисциплинарные обвинения:

в несвоевременном ознакомлении с материалами уголовного дела в отношении Р.;

в неявке в судебное заседание 4 августа 2025 г. и в несвоевременном уведомлении суда о причинах неявки в указанную дату;

в неявке в судебное заседание 11 августа 2025 г.;

в нарушении указанными неявками в судебные заседания прав подсудимого Р. и иных участников судебного разбирательства.

Адвокат Д. не отрицает, что, ознакомившись 14 и 16 июля 2025 г. в общей сложности с девятью томами дела, она 21 июля 2025 г. в судебном заседании заявила ходатайство о его отложении в связи с необходимостью изучения материалов уголовного дела в полном объеме. 28 июля 2025 г. родственники Р. предоставили ей материалы уголовного дела в электронном виде – с первого по двадцать седьмой том. 30 июля 2025 г. адвокат Д. заболела и обратилась в ГБУЗ ГП… ДЗМ, где ей была оказана медицинская помощь и открыт листок нетрудоспособности на период с 30 июля по 4 августа 2025 г. В связи с этим она обратилась в суд с ходатайством о переносе судебного заседания

на другую дату, к которому приложила листок нетрудоспособности. Поскольку в этом судебном заседании защиту Р. осуществлял защитник по соглашению – адвокат К.А., ее неявка не могла привести к срыву судебного заседания.

6 августа 2025 г. адвокат Д. ознакомилась с остальными материалами уголовного дела, однако 7 августа 2025 г. состояние ее здоровья ухудшилось, ей потребовалось дополнительное лечение, в связи с чем она оформила отпуск на период с 11 по 26 августа 2025 г., предупредив об этом Р. и предложив ему заключить соглашение с другим адвокатом. 8 августа 2025 г. адвокат Д. подала в суд ходатайство о переносе судебного заседания, назначенного на 11 августа 2025 г., приложив справку об отпуске.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле. В развитие данного предписания п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в несвоевременном ознакомлении адвоката Д. с материалами уголовного дела, Совет отмечает следующее.

С учетом того, что соглашение на защиту Р. было заключено адвокатом Д. 11 июля 2025 г., у нее было достаточно времени до судебного заседания 21 июля 2025 г. для того, чтобы ознакомиться с материалами уголовного дела, состоящего из 30 томов. Однако из ее расписок об ознакомлении с материалами уголовного дела следует, что она знакомилась с ними 14 июля 2025 г., с 16.00 час. до 17.55 час., и 16 июля 2025 г., с 14.00 час. до 16.50 час., т.е. в общей сложности менее четырех часов. Поэтому Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом Д. при описанных обстоятельствах положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Д. в части данного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении указанного нарушения установленной.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Д. о том, что в канцелярии М. городского суда находились не все материалы указанного уголовного дела, поскольку этот довод ничем не подтвержден.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неявке в судебное заседание 4 августа 2025 г. и в несвоевременном уведомлении суда о ее причинах, Совет приходит к следующим выводам.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в указанный день адвокат Д. не явилась в судебное заседание по уважительной причине – в связи с болезнью, о чем она проинформировала суд непосредственно в день судебного заседания – 4 августа 2025 г. Несмотря на то, что такое извещение суда не может быть признано заблаговременным, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части, поскольку в указанном судебном заседании защиту Р. осуществлял защитник по соглашению – адвокат К. А. По этой причине неявка адвоката Д. к каким-либо негативным последствиям, в том числе к срыву судебного заседания, привести не могла.

В соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарную ответственность адвоката может повлечь лишь такое нарушение требований законодательства или профессиональной этики, которое совершено умышленно или по грубой неосторожности. Совет не усматривает в действиях адвоката Д. при описанных обстоятельствах ни умысла, ни грубой неосторожности, равно как и негативных последствий несвоевременного извещения ею суда и неявки в судебное заседание 4 августа 2025 г. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в неявке адвоката Д. в судебное заседание 11 августа 2025 г. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что еще 8 августа 2025 г. адвокат Д. обратилась в М. городской суд с ходатайством о переносе судебного заседания, назначенного на 11 августа 2025 г., к которому приложила справку председателя Московской коллегии адвокатов «…» К.Г. от 8 августа 2025 г. о предоставлении ей отпуска с 11 по 26 августа 2025 г.

При таких обстоятельствах Совет признает причину неявки адвоката Д. в судебное заседание 11 августа 2025 г. уважительной, уведомление суда о невозможности явки по уважительной причине надлежащим и своевременным, а презумпцию ее добросовестности неопровергнутой.

В части, касающейся дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Д. прав подсудимого Р. и иных участников судебного разбирательства ее неявками в суд, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку суд не наделен полномочиями по выдвижению такого дисциплинарного обвинения в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению. При этом от Р. и иных участников судебного разбирательства жалоб в отношении адвоката Д. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Д. за допущенное нарушение, Совет учитывает, что, хотя она и проявила неуважение к суду, существенных негативных последствий от ее действий не наступило. Одновременно с этим Совет принимает во внимание, что адвокат Д. имеет длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…»), выразившееся в том, что, заключив 11 июля 2025 г. соглашение на осуществление защиты Р., она не ознакомилась в полном объеме с матери-

алами уголовного дела, находившегося в производстве судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда, что повлекло за собой необходимость отложения 21 июля 2025 г. судебного заседания на другую дату.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда:

– в части дисциплинарных обвинений в том, что, не явившись в судебное заседание 4 и 11 августа 2025 г. по рассмотрению упомянутого уголовного дела, она нарушила права осужденного Р. и иных участников судебного разбирательства, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Д. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.19. Адвокат-защитник покинул судебное заседание по уголовному делу без разрешения председательствующего во время перерыва, объявленного судом для его подготовки к судебным прениям. Учитывая, что конфликтная ситуация создалась в результате действий председательствующего судьи, Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи С. районного суда г. Москвы К. О. от 10 сентября 2025 г. в отношении адвоката К.А.

Квалификационная комиссия 22 октября 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом К.А. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду…), что выразилось в покидании адвокатом К.А. 10 сентября 2025 г. судебного заседания указанного суда по уголовному делу без разрешения председательствующего во время объявленного перерыва для его подготовки к судебным прениям.

Адвокат К. А., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, отношения к Заключению Квалификационной комиссии не выразил, участие представителя не обеспечил.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве С. районного суда г. Москвы (судья К.О.) находилось уголовное дело по обвинению К.К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.3 УК РФ. Уголовное дело поступило в суд 22 ноября 2024 года. 17 января 2025 г. производство по уголовному делу было приостановлено, а 5 августа 2025 г. возобновлено, после чего 18 августа, 10 и 25 сентября 2025 г. состоялись судебные заседания. 25 сен-

тября 2025 г. по делу постановлен приговор, который обжалован в апелляционном порядке.

Защиту подсудимого К.К. по соглашению осуществлял адвокат К.А., представивший суду ордер от 6 декабря 2024 г.

Начиная с 18 августа 2025 г. уголовное дело рассматривалось в соответствии с ч. 5 ст. 247 УПК РФ в отсутствие подсудимого К.К., который был объявлен в федеральный (межгосударственный) розыск.

В судебном заседании 18 августа 2025 г. государственным обвинителем были оглашены письменные доказательства, содержащиеся в 1–4 томах уголовного дела, после чего представление доказательств стороной обвинения было закончено. Адвокатом К. А. было заявлено ходатайство следующего содержания: «По исследованным материалам дела стороне защиты не до конца понятно, каким образом было прекращено финансирование. Прошу суд либо предоставить время для того, чтобы я направил запрос в …Банк, либо прошу, чтобы суд сам направил запрос в …Банк для того, чтобы выяснить, каким образом в период 06.01 [в протоколе судебного заседания окончание даты отсутствует. – *Прим. Совета*] окончены ежемесячные переводы К.К. на реквизиты банка, который находится за границей и принадлежит экстремистской организации… Исходя из позиции моего подзащитного и согласно общению с ним до того, как он убыл за территорию РФ, имеется информация о том, что он добровольно прекратил данное преступление. Согласно ст. 61 УК РФ это является смягчающим фактом».

Рассмотрев указанное ходатайство, суд постановил: «По заявленному стороной защиты ходатайству, по изложенным доводам отказать, так как не имеется оснований для удовлетворения заявленного стороной защиты ходатайства. Разъяснить стороне защиты, что сторона защиты не лишена права представить суду те доказательства, которые посчитает необходимым представить суду».

В этот же день по ходатайству адвоката К.А. об отложении судебного заседания «для направления запроса, подготовки к представлению доказательств стороной защиты» судебное заседание было отложено на 14.30 час. 10 сентября 2025 г.

В судебном заседании 10 сентября 2025 г. адвокат К.А. огласил ряд документов, а также фрагмент протокола допроса К.К., после чего заявил, что сторона защиты закончила представлять свои доказательства. После оглашения государственным обвинителем еще некоторых документов, содержащихся в материалах уголовного дела, стороны выразили согласие на окончание судебного следствия. После того, как председательствующий объявил об окончании судебного следствия, адвокат К.А. заявил суду, что ему понадобится время для подготовки к выступлению в судебных прениях. Судом в указанных целях в 15.35 час. был объявлен перерыв, а в 15.56 час. судебное заседание было продолжено в том же составе. После перерыва адвокат К.А. вновь заявил ходатайство следующего содержания: «Прошу предоставить стороне защиты время для подготовки к прениям сторон, хотя бы один день. Письменное ходатайство сдано в экспедицию суда. К прениям не готов». Председательствующим стороне защиты было разъяснено об отсутствии оснований для отложения судебного заседания ввиду того, что сторонам было предоставлено достаточно времени для подготовки к судебным прениям. Затем в прениях выступил государственный обвинитель, который попросил суд признать К.К. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.3 УК РФ,

и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на семь лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Адвокат К.А. снова заявил ходатайство следующего содержания: «Повторно прошу предоставить стороне защиты время для подготовки к прениям сторон. Я не отказываюсь от выступления в прениях. Я не готов к выступлению в прениях. Мне нужно время». Судом в указанных целях в 16.10 час. был объявлен перерыв, а в 16.20 час. судебное заседание было продолжено. Однако адвокат К.А. после перерыва в судебное заседание не явился, покинув его без разрешения председательствующего, вследствие чего судебное заседание было отложено на 10.30 час. 25 сентября 2025 г.

Заявитель выдвигает в отношении адвоката К.А. дисциплинарное обвинение в том, что 10 сентября 2025 г., во время судебного заседания, последний без разрешения председательствующего покинул здание суда во время объявленного перерыва для подготовки адвоката к судебным прениям.

В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат К.А. выдвинутые дисциплинарные обвинения отрицал. По его мнению, «председательствующий злоупотребила нормами уголовно-процессуального права», требуя от стороны защиты за десять минут подготовиться к судебным прениям. Его решение о невозможности 10 сентября 2025 г. продолжить участие в судебном заседании было основано на положениях ст. 16, 292 УПК РФ. Кроме того, 8 сентября 2025 г. с ним связался доверитель К.К. и сообщил, что он изменил свою позицию по делу и не признает вину. С учетом сложности дистанционной коммуникации с доверителем К.К., невозможности его личного участия в судебном заседании и кардинальным изменением его позиции по делу у стороны защиты была объективная необходимость в предоставлении времени для подготовки к судебным прениям в письменном виде.

Оценивая доводы защитительной позиции адвоката К.А., Совет отмечает, что тот в судебном заседании 10 сентября 2025 г. не сообщал суду о том, что ему требуется дополнительное время для подготовки к судебным прениям в связи с тем, что 8 сентября 2025 г. с ним связался доверитель К.К., находящийся в розыске, и указал на изменение своей позиции по делу. Не содержало ссылок на указанное обстоятельство и письменное ходатайство, поданное адвокатом К.А. через приемную суда во время перерыва. Таким образом, суд не мог учитывать указанное обстоятельство при разрешении ходатайств адвоката К.А. о предоставлении дополнительного времени для подготовки к судебным прениям.

Исходя из формулировки обвинения, объема уголовного дела, состоящего из четырех томов, а также времени, прошедшего между судебными заседаниями (с 18 августа по 10 сентября 2025 г.), Совет полагает, что этого времени было достаточно для подготовки адвоката К.А. к судебным прениям, включая подготовку письменных тезисов. О планируемом завершении судебного следствия и начале судебных прений адвокат К.А. также не мог не знать, поскольку в судебном заседании 10 сентября 2025 г. он был согласен с завершением судебного следствия и не заявлял ходатайств об исследовании и приобщении к делу дополнительных доказательств.

Уголовно-процессуальный закон не только не исключает, но и предполагает оспаривание участниками уголовного судопроизводства действий (бездействия) и решений председательствующего в соответствующих процессуальных формах: заявление возражений на действия председательствующего или отвода составу суда, обжалование дей-

ствий (бездействия) и решений суда. При наличии оснований возможна подача в уполномоченные органы заявления о возбуждении уголовного дела в отношении судьи, а также подача жалоб в дисциплинарном порядке председателю суда либо в квалификационную коллегию судей. Однако ни одна из этих форм выражения несогласия не была использована адвокатом К.А., который предпочел самовольно покинуть судебное заседание. Такое профессиональное поведение адвоката в рассматриваемой ситуации Совет признает недопустимым, поскольку оно является проявлением неуважения к суду.

Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом К.А. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

Вместе с тем Совет отмечает, что заявителем не выдвинуто дисциплинарное обвинение в неготовности адвоката К.А. к судебным прениям. Кроме того, это обстоятельство не освобождало суд от исполнения возложенной на него ч. 3 ст. 15 УПК РФ обязанности по созданию необходимых условий для исполнения защитником – адвокатом К.А. процессуальной обязанности по выступлению в прениях тем более с учетом того, что уголовное дело рассматривалось в отсутствие подсудимого К.К., обвинявшегося в совершении тяжкого преступления.

Объявленных перерывов для подготовки адвоката К.А., заявившего о своей неготовности к судебным прениям, сначала на 21 мин., а затем на 10 мин. было явно недостаточно для надлежащей подготовки. По этой причине указанные действия председательствующего были восприняты адвокатом К.А. как ограничение его процессуальных полномочий, что в конечном счете и спровоцировало последнего на покидание судебного заседания без разрешения председательствующего.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К.А. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает описанные причины и условия его совершения, а также то, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет значительный стаж адвокатской деятельности. Вместе с тем Совет учитывает умышленное игнорирование адвокатом К.А. требований профессиональной этики об уважении к суду. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату К.А. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К.А. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение требований ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду…), выразившееся в покидании 10 сентября 2025 г. судебного заседания С. районного суда г. Москвы по уголовному делу без разрешения председательствующего во время объявленного перерыва для подготовки адвоката-защитника к судебным прениям.

3. Дисциплинарные производства иных категорий

3.1. Адвокат получил предупреждение за то, что, являясь членом АПМ, вел адвокатскую деятельность на постоянной основе в другом субъекте РФ. Адвокату установлен срок для приведения своей деятельности в соответствие с корпоративными требованиями.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя – президента Адвокатской палаты г. С. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам (обращениям) президента Адвокатской палаты г. С. от 26 ноября 2024 г. и 27 марта 2025 г., а также по жалобе Д. от 20 августа 2025 г. в отношении адвоката Н.

Квалификационная комиссия 17 сентября 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Н. положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката, исполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 4 Разъяснения Совета Федеральной палаты адвокатов РФ о недопустимости осуществления адвокатской деятельности на постоянной основе на территории субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого не является адвокат, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 19 октября 2023 г. (Протокол № 7) («…адвокат вправе постоянно осуществлять адвокатскую деятельность на территории субъекта Российской Федерации, если он является членом адвокатской палаты этого субъекта Российской Федерации, а форма адвокатского образования (филиал коллегии или бюро) и место осуществления адвокатской деятельности избраны адвокатом на территории этого субъекта. Осуществление адвокатской деятельности на территории другого субъекта Российской Федерации может носить временный, не предполагающий постоянного нахождения характер <…> осуществление адвокатской деятельности на постоянной основе адвокатом на территории другого субъекта Российской Федерации в иных формах является основанием привлечения к дисциплинарной ответственности <…> об осуществлении адвокатской деятельности на постоянной основе, в частности, могут свидетельствовать организация офиса, не зарегистрированного в реестре адвокатских образований, размещение информации об адвокате, ведение приема доверителей, указание адреса адвоката вне субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого он является <…> и др.»), выразившемся в осуществлении адвокатом Н. по крайней мере с 2020 г. и по настоящее время адвокатской деятельности на постоянной основе на территории г. С., членом адвокатской палаты которого он не является, на что указывают следующие признаки:

– публичное предложение адвокатом Н. своей юридической помощи доверителям на территории г. С.: «*Последние шесть* [лет. – *Прим. Комиссии*] *проживаю и работаю на территории города С. Республики… и оказываю юридическую помощь физическим, юридическим лицам и предпринимателям*»; «*мы как бы организовали эту работу*

на территории города С. и в течение этого времени удачно с этим справляемся»[2]), отраженное на видеозаписи… опубликованной 07 декабря 2020 г. в социальной сети «…» по ссылке… на интернет-сайте видеохостинга *Youtube* по ссылке…

– размещение 07 декабря 2020 г. в социальной сети «…» по ссылке… информации об адвокате Н. со следующим описанием к указанной выше видеозаписи: «*Вопросы можно решить с помощью Команды профессионалов, адвокатов, юристов, которые находятся по адресу: город С. …Адвокат Н. +7 (***) ***-**-***», с приведением номера мобильного телефона, используемого адвокатом Н.;

– публичное предложение адвокатом Н. своей юридической помощи доверителям на территории г. С. («*Да, действительно мой друг Ф. попросил меня оказать ему помощь для того, чтобы оказывать посильную помощь жителям Б. долины, для того, чтобы правильно и надлежащим образом и своевременно оформлять документы о праве собственности, ну и вообще в принципе решать те вопросы юридического характера, которые возникают в обычной жизнедеятельности*»), отраженное на видеозаписи… опубликованной 12 февраля 2024 г. на интернет-сайте видеохостинга *Rutube* по ссылке…

– размещение 12 февраля 2024 г. на интернет-сайте видеохостинга *Rutube* по ссылке… информации об адвокате Н. со следующим описанием к вышеуказанной видеозаписи: «*В селе О. на улице Л. открылся офис <…> Опытный адвокат А. (*А. – первая буква имени адвоката Н. – *Примеч. ред.) которого я лично знаю и всем рекомендую, который помог оформить мне дом и выиграл все суды. Понедельник – пятница с 10.00–18.00. По всем вопросам обращайтесь по телефону +7 (***) ***-**-** А. <…>*», с приведением номера мобильного телефона, используемого адвокатом Н.;

– представление адвокатом Н. интересов доверителей по более чем 100 судебным производствам в Л., Б., Н. и Г. районных судах г. С. с регулярным ежемесячным и непосредственным участием более чем в 100 судебных заседаниях, состоявшихся в судах г. С. в период с 28 июня 2023 г. по 30 июня 2025 г.;

– указание адвокатом Н. в 2023–2025 гг. своих адресов в г. С., т.е. вне субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого он является, для направления ему почтовой корреспонденции упомянутыми выше районными судами;

– использование адвокатом Н. вплоть до настоящего времени адреса в г. С. для получения почтовой корреспонденции, поступающей с адресов «других регионов Российской Федерации»;

– ведение адвокатом Н. приема доверителей по адресу в г. С. по крайней мере в период с 07 декабря 2020 г. по 19 августа 2025 г.;

2) о нарушении адвокатом Н. положений подп. 4 п. 1 ст. 7, п. 8 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката, исполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; порядок изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации определяется Советом Федеральной палаты адвокатов по согласованию с федераль-

[2] Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация автора сохранены (*примеч. ред.*).

ным органом юстиции) во взаимосвязи с абз. 2 п. 3.9 Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 1 июля 2025 г. (Протокол № 3) (адвокат не вправе в информации о себе указывать место осуществления профессиональной деятельности, не соответствующее членству в адвокатской палате субъекта Российской Федерации), выразившемся в указании адвокатом Н. в информации о себе места осуществления профессиональной деятельности, не соответствующего членству в Адвокатской палате города Москвы, а именно:

– в указании адвокатом Н. в ходе судебных производств по делам, рассматриваемым с его участием различными судами г. С. в 2023–2025 гг., адресов в г. С. для направления ему почтовой корреспонденции Л., Б., Н. и Г. районными судами г. С.;

– в указании адвокатом Н. г. С. в качестве места осуществления профессиональной деятельности («*Последние шесть* [лет. – *Прим. Комиссии*] *проживаю и работаю на территории г. С. Республики…*») в ходе видеозаписи, опубликованной 07 декабря 2020 г. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в социальной сети «…», содержащей в ее описании также сведения о конкретном адресе осуществления адвокатом Н. профессиональной деятельности в указанном субъекте Российской Федерации («*…город С. …Адвокат Н. +7 (***) -***-*\-***»), с приведением номера мобильного телефона, используемого адвокатом Н.

Также Квалификационная комиссия 08 октября 2025 г. вынесла Заключение о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 и пп. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Н. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д. (честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившемся в том, что:

– по крайней мере начиная с 14 августа и вплоть до 19 августа 2025 г. адвокат Н. оказывал доверителю Д. юридическую помощь в гражданском судопроизводстве, в том числе в виде устного ее консультирования по вопросам защиты ее имущественных и жилищных прав в связи с производством в Г. районном суде г. С. по гражданскому делу, а также в виде подготовки и подачи апелляционной жалобы на решение этого суда от 12 мая 2025 г., вынесенное по ее гражданскому делу, содержащей просьбу о восстановлении процессуального срока обжалования решения суда в апелляционном порядке,

в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи Д., заключенного в простой письменной форме с соблюдением требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а лишь на основании устного соглашения об оказании юридической помощи доверителю Д.;

– получив от доверителя Д. 18 августа 2025 г. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи наличными денежные средства в размере … руб., адвокат Н. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал указанному доверителю финансовый документ по проведению операции с денежными средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 2.1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, протокольным постановлением объединил дисциплинарные производства, возбужденные в отношении адвоката Н. по жалобам (обращениям) президента Адвокатской палаты г. С. и по жалобе Д., в одно производство ввиду взаимосвязанности их обстоятельств. Адвокат Н., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключения Квалификационной комиссии, участие в заседании Совета не принял, заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Заявитель Д., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, участие в заседании Совета не приняла.

Совет, принимая во внимание изложенные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся адвоката Н. и заявителя Д.

Заявитель – президент Адвокатской палаты г. С. в заседании Совета пояснила, что с Заключением Квалификационной комиссии полностью согласна и поддерживает в полном объеме. В качестве меры дисциплинарной ответственности предложила прекратить статус адвоката Н. с учетом длительного и стойкого характера нарушений, несмотря на все принятые Адвокатской палаты г. С. меры по убеждению адвоката Н. прекратить их совершение.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав заявителя – президента Адвокатской палаты г. С., Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается, что описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлена следующая совокупность фактических обстоятельств.

Из содержания видеозаписи… опубликованной на интернет-сайте социальной сети «…» по ссылке… а также на интернет-сайте видеохостинга *Youtube* по ссылке… копия которой представлена в материалы дисциплинарного производства, усматривается, что адвокат Н. в числе прочего заявил: «*Давайте представлюсь. Фамилия моя Н., зовут меня А., отчество… являюсь адвокатом. Стаж общей работы более пятнадцати лет. Последние шесть* [лет. – *Прим. Комиссии*] *проживаю и работаю на территории города С. Республики… и оказываю юридическую помощь физическим, юридическим лицам и предпринимателям. За время своей рабо-*

ты, нахождения в городе С. понял, что многие жители города С. и Республики… столкнулись с такой проблемой как оформление права собственности в отношении объектов недвижимости, которая у них имеется или которую бы они хотели оформить или с теми проблемами, которые возникали у них… когда они не успели оформить свое право собственности на имеющиеся у них объекты недвижимости. Часто граждане обращаются с просьбой об оформлении права собственности…» (отрезок видеозаписи с 02 мин. 28 сек. по 03 мин. 25 сек.); «*На протяжении всего этого времени человек сталкивается с проблемами, с которыми тяжело справиться обычному человеку без знаний в области права и юриспруденции вообще. В связи с чем мы как бы организовали эту работу на территории города С. и в течение этого времени удачно с этим справляемся. Есть много положительных дел, которые подтверждают правоту граждан при оформлении их права собственности*» (отрезок видеозаписи с 03 мин. 30 сек. по 04 мин. 04 сек.); отвечая на вопрос «Вы готовы помочь жителям С., жителям Республики… в оформлении их земельных участков?», адвокат Н. сообщил: «*Мы не то что готовы, мы уже это делаем на протяжении всего этого времени. Жалоб от граждан, от кого-либо в связи с тем, что мы как-то неправильно это оформляем или кого-то обманываем, в данном случае, в практике у нас такого не было, в связи с чем мы как бы готовы и осуществляем эту работу по сегодняшний день и надеемся осуществлять ее в дальнейшем*» (отрезок видеозаписи с 04 мин. 07 сек. по 04 мин. 35 сек.). В описании данной видеозаписи указывается: «*Вопросы можно решить с помощью Команды профессионалов, адвокатов, юристов, которые находятся по адресу: город С. …Адвокат Н.А. …*», а также приводится номер мобильного телефона: «+7 (***) ***-**-**», соответствующий номеру телефона адвоката Н., указанному им в качестве контактного на последнем листе его письменных объяснений, данных в ходе настоящего дисциплинарного производства.

Эта видеозапись опубликована 07 декабря 2020 г., и, поскольку адвокат Н. в ней заявил, что «последние шесть» лет он проживает и работает на территории г. С., оказывая юридическую помощь физическим и юридическим лицам, из этих сведений, публично сообщенных им самим, следует, что с 2014 г. постоянным местом его нахождения и осуществления профессиональной деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи является г. С. На видеозаписи… опубликованной на интернет-сайте видеохостинга *Rutube* по ссылке… копия которой также имеется в материалах дисциплинарного производства, содержится следующее заявление адвоката Н.: «*Да, действительно мой друг Ф. попросил меня оказать ему помощь для того, чтобы оказывать посильную помощь жителям Б. долины для того, чтобы правильно и надлежащим образом и своевременно оформлять документы о праве собственности, ну и вообще в принципе решать те вопросы юридического характера, которые возникают в обычной жизнедеятельности. В принципе, добро пожаловать, обращайтесь за помощью, будем рады помочь*» (отрезок видеозаписи с 03 мин. 05 сек. по 03 мин. 40 сек.). В описании к данной видеозаписи на сайте видеохостинга *Rutube* указывается: «*В селе О. на улице Л. открылся офис по оказанию социальных услуг по оформлению документов на землю, дом и другие услуги, в том числе и услуги кадастрового инженера. Благодаря Ф. были привлечены опытные специалисты в вопросах юриспруденции. Опытный адвокат А.,*

*которого я лично знаю и всем рекомендую, который помог оформить мне дом и выиграл все суды. Понедельник – пятница с 10.00–18.00. По всем вопросам обращайтесь по телефону +7 (***) ***-**-** А. <…>».*

Приведенный в описании видеозаписи номер мобильного телефона также соответствует номеру телефона адвоката Н., указанному им в качестве его контактного на последнем листе его письменных объяснений.

Осуществление адвокатом Н. адвокатской деятельности на территории г. С. на постоянной основе подтверждается, помимо его собственных упомянутых выше публичных заявлений, также сведениями, приведенными в имеющихся в материалах дисциплинарного производства восьми письмах председателей и заместителей председателей Л., Б., Н., Г. районных судов за период с мая по август 2025 г. Оценивая содержание указанных писем, Квалификационная комиссия установила, что ими подтверждается рассмотрение в период с 28 июня 2023 г. по 04 августа 2025 г. в четырех районных судах г. С. 109 судебных производств с участием адвоката Н., в том числе: в Л. районном суде – трех судебных дел и двух материалов, разрешаемых в порядке исполнения решений в гражданском судопроизводстве, за 2024 г., а также двух судебных дел и четырех материалов, разрешаемых в порядке исполнения решений в гражданском судопроизводстве, и одного уголовного дела за 2025 г. Согласно данным картотеки ПС ГАС «Правосудие» за период с 28 июня 2023 г. по август 2025 г. Н. указан в качестве представителя в 18 судебных делах и в девяти материалах, разрешаемых в порядке исполнения решений в гражданском судопроизводстве, а из содержания итоговых судебных актов по гражданским делам № … усматривается, что представитель Н. принимал в них непосредственное участие на основании доверенности с предоставлением копии паспорта; в Б. районном суде за 2024–2025 гг. – 36 судебных дел; в Н. районном суде за период с 28 июня 2023 г. по август 2025 г. – 11 гражданских и 14 административных дел, а также пять материалов в порядке исполнения судебных решений по гражданским и административным делам;

в Г. районном суде за 2024 и 2025 г. – 16 дел.

Оказание юридической помощи в таких масштабах с личным непосредственным участием более чем в 100 судебных заседаниях судов г. С. в период с 28 июня 2023 г. по 04 августа 2025 г. не может рассматриваться как осуществление адвокатской деятельности, носящее временный характер, и вне разумных сомнений свидетельствует о постоянном характере осуществления адвокатом Н. адвокатской деятельности в г. С.

Кроме того, из указанных выше писем председателей Л., Б., Н. районных судов г. С. следует, что адвокат Н. указывал два адреса в г. С. для направления ему почтовой корреспонденции. В исковом заявлении истца П. к ответчику Л. от 24 июля 2023 г., поданном в Г. районный суд г. С., также указан один из этих адресов представителя – адвоката Н., который был фактически использован судом для направления ему судебной корреспонденции.

Таким образом, адвокатом Н. на постоянной основе использовались три адреса в г. С. для осуществления профессиональной деятельности.

При этом по первому адресу адвокатом Н. организован офис, который используется им для приема граждан, осуществления консультаций и заключения соглашений об оказании юридической помощи, а третий адрес – для получения почтовой корреспонденции,

поступающей ему из других регионов Российской Федерации и связанной с его профессиональной деятельностью. Эти обстоятельства дополнительно подтверждают постоянный характер осуществления адвокатом Н. этой деятельности именно в г. С.

На то, что адвокат Н. даже после возбуждения настоящего дисциплинарного производства 31 марта 2025 г. продолжал принимать доверителей по адресу в г. С., указывает и содержание жалобы Д. на действия адвоката Н. от 20 августа 2025 г., из которой следует, что Д. неоднократно встречалась с адвокатом Н. по вопросам оказания юридической помощи именно в офисном помещении по улице… в г. С. При этом в реестре адвокатских образований Адвокатской палаты г. С. данные офисы не зарегистрированы.

Вместе с тем у адвоката Н. отсутствует офис в г. Москве, что признается и им самим, поскольку адвокатское образование, в котором он состоит наряду с более чем тридцатью другими адвокатами, находится в жилом помещении, принадлежащем на праве собственности президенту Коллегии адвокатов «…» г. Москвы – адвокату А.Е. В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7, п. 8 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов РФ и принятые в пределах их компетенции. Порядок изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации определяется Советом Федеральной палаты адвокатов по согласованию с федеральным органом юстиции.

Согласно п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

В п. 4 Разъяснения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о недопустимости осуществления адвокатской деятельности на постоянной основе на территории субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого не является адвокат, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 октября 2023 г., Протокол № 7 (далее – Разъяснение), указывается, что адвокат вправе постоянно осуществлять адвокатскую деятельность на территории субъекта Российской Федерации, если сведения о нем внесены в реестр адвокатов этого субъекта Российской Федерации, а форма адвокатского образования (филиал, коллегия или бюро) и место осуществления адвокатской деятельности избраны адвокатом на территории этого субъекта. Осуществление адвокатской деятельности на территории другого субъекта Российской Федерации может носить временный, не предполагающий постоянного нахождения характер. В Разъяснении также указано, что об осуществлении адвокатской деятельности на постоянной основе, в частности, могут свидетельствовать организация офиса, не зарегистрированного в реестре адвокатских образований, размещение информации об адвокате, ведение приема доверителей, указание адреса адвоката вне субъекта Российской Федерации, в реестр которого внесены данные об адвокате, осуществление платежей через филиал или обособленное подразделение, не зарегистрированное в реестре адвокатских образований субъекта Российской Федерации, в ко-

тором оно фактически находится, или адвокатом, не состоящим в реестре адвокатов субъекта, в котором находится филиал или обособленное подразделение. В Положении о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, утвержденном Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 01 июля 2025 г. (Протокол № 3), указывается на недопустимость членства и профессиональной деятельности адвоката в адвокатском образовании (филиале, ином обособленном подразделении адвокатского образования) на территории субъекта Российской Федерации, если в реестре членов адвокатской палаты этого субъекта Российской Федерации отсутствуют сведения об адвокате как о члене адвокатской палаты либо адвокатском образовании (филиал, иное обособленное подразделение адвокатского образования), не включенном в реестр адвокатских образований адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой адвокат является, за исключением случаев, предусмотренных разд. 4 данного положения. Из указанного положения следует, что адвокат не вправе в информации о себе указывать место осуществления профессиональной деятельности, не соответствующее членству в адвокатской палате субъекта Российской Федерации.

Заявителем – Президентом Адвокатской палаты г. С. в отношении адвоката Н. выдвигается дисциплинарное обвинение в осуществлении на постоянной основе профессиональной деятельности на территории г. С. в явном противоречии с приведенными выше нормативными требованиями.

Сопоставляя установленную в результате дисциплинарного разбирательства и описанную выше совокупность фактических обстоятельств с этими требованиями, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что в нарушение установленного порядка адвокат Н., являющийся членом Адвокатской палаты города Москвы, в течение длительного времени (как минимум с 2020 г.) постоянно осуществляет адвокатскую деятельность на территории г. С., членом адвокатской палаты которого он не является. Презумпцию добросовестности адвоката Н. в данной части Совет признает опровергнутой, а его умышленную вину в совершении нарушения – установленной.

Вместе с тем Совет полагает избыточной квалификацию действий адвоката Н., выразившихся в указании места осуществления профессиональной деятельности, не соответствующего членству в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, как самостоятельного дисциплинарного нарушения. Приходя к такому выводу, Совет исходит из того, что эти действия адвоката Н. являются составной частью другого, уже признанного в его действиях дисциплинарного нарушения – осуществления на постоянной основе профессиональной деятельности на территории субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого он не является. По этой причине Совет квалифицирует всю совокупность описанных действий адвоката Н. как единое нарушение требований подп. 4 п. 1 ст. 7, п. 8 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 Разъяснения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о недопустимости осуществления адвокатской деятельности на постоянной основе на территории субъекта Россий-

ской Федерации, членом адвокатской палаты которого не является адвокат, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 октября 2023 г., п. 3.9 Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 01 июля 2025 г.

Оценивая дисциплинарные обвинения, выдвинутые в отношении адвоката Н. заявителем Д., Совет, не соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что они не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства в связи со следующим.

Заявитель Д. выдвинула в отношении адвоката Н. дисциплинарные обвинения в неисполнении профессиональных обязанностей по формализации правоотношений с ней – в принятии ее поручения без заключения с ней соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме и в невыдаче ей финансового документа, подтверждающего проведение операции с ее денежными средствами. Данные обстоятельства вызвали у Д. сомнения в законности деятельности адвоката Н.

Оценивая эти дисциплинарные обвинения с учетом установленных Квалификационной комиссией фактических обстоятельств, Совет отмечает следующее.

Приняв в устной форме поручение Д. и согласовав с ней все существенные условия его исполнения, адвокат Н. действовал добросовестно, руководствуясь профессиональным долгом и исходя из необходимости незамедлительно защитить интересы доверителя. Профессионально оценив ситуацию и проконсультировав доверителя Д., он отдал приоритет первоочередным действиям: сразу же подготовил и подал в интересах Д. апелляционную жалобу вместе с ходатайством о восстановлении срока на ее подачу, но не успел оформить письменное соглашение из-за срочности указанных неотложных действий. Как указано выше, действия адвоката Н. были направлены исключительно на защиту интересов доверителя. Формализация отношений, т. е. заключение соглашения в письменной форме, была им обоснованно отложена ввиду срочности поручения, однако по истечении трех дней после начала исполнения этого поручения Д. отказалась от заключения соглашения с адвокатом Н. и получения его юридической помощи. При таких обстоятельствах фразу адвоката Н. о том, что соглашение будет им подготовлено, если Д. этого хочет, Совет, руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката, интерпретирует не как его нежелание заключить письменное соглашение, а как проявление его готовности сделать это, если Д. подтвердит серьезность своего намерения получить именно ту юридическую помощь адвоката Н., которую он считал необходимым ей оказать на основе произведенного анализа ситуации. Общеизвестно, что предмет и условия оказании юридической помощи часто подвергаются различным корректировкам, в связи с чем адвокат при наличии оснований вправе обеспечить надлежащую формализацию отношений с доверителем и после начала оказания юридической помощи, в период действия соглашения. Совет полагает, что такие основания у адвоката Н. в данном случае имелись, при этом, как указано выше, период оказания им юридической помощи Д. составил всего три дня, после чего последняя отказалась от ее

получения. При таких обстоятельствах Совет не усматривает в факте незаключения письменного соглашения с ней вины адвоката Н. как в форме умысла, так и в форме грубой неосторожности, а следовательно, и дисциплинарного проступка. Это же относится и к фактам невнесения в кассу адвокатского образования полученного от Д. вознаграждения и невыдачи ей соответствующего подтверждающего документа, тем более что уже на следующий день после уплаты вознаграждения Д. отказалась от юридической помощи адвоката Н., и денежные средства Н. ей возвратил. Доказательств того, что у адвоката Н. отсутствовало намерение исполнить эту профессиональную обязанность, заявителем не представлено.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, приходит к выводу об отсутствии в действиях адвоката Н. в данной части дисциплинарного нарушения и, соответственно, о прекращении дисциплинарного производства по этому основанию.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Н. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его продолжительный и грубый характер, сопряженный с умышленным игнорированием обязательных требований к месту постоянного осуществления адвокатской деятельности. Такое профессиональное поведение адвоката Н. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что к адвокату Н., имеющему длительный стаж профессиональной деятельности, ранее меры дисциплинарной ответственности не применялись, а также положительные характеристики его профессиональной деятельности, имеющиеся в материалах дисциплинарного производства.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Кроме того, Совет полагает необходимым установить адвокату Н. срок до 31 декабря 2025 г. для приведения своей профессиональной деятельности в соответствие с требованиями Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, и Разъяснениями Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о недопустимости осуществления адвокатской деятельности на постоянной основе на территории субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого не является адвокат.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение предписаний подп. 4 п. 1 ст. 7, п. 8 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 Разъяснения Совета Феде-

ральной палаты адвокатов Российской Федерации о недопустимости осуществления адвокатской деятельности на постоянной основе на территории субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого не является адвокат, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 октября 2023 г., п. 3.9 Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 01 июля 2025 г., выразившееся в осуществлении адвокатом Н. по крайней мере с 2020 г. и по настоящее время адвокатской деятельности на постоянной основе на территории г. С., членом адвокатской палаты которого он не является, на что указывают следующие признаки:

– публичное предложение адвокатом Н. своей юридической помощи доверителям на территории г. С.: «*Последние шесть* [лет. – *Прим. Комиссии*] *проживаю и работаю на территории города С. Республики… и оказываю юридическую помощь физическим, юридическим лицам и предпринимателям*»; «*мы как бы организовали эту работу на территории города С. и в течение этого времени удачно с этим справляемся*»), отраженное на видеозаписи… опубликованной 07 декабря 2020 г. в социальной сети «…» по ссылке… на интернет-сайте видеохостинга *Youtube* по ссылке…

– размещение 07 декабря 2020 г. в социальной сети «…» по ссылке… информации об адвокате Н. со следующим описанием к вышеуказанной видеозаписи: «*Вопросы можно решить с помощью Команды профессионалов, адвокатов, юристов, которые находятся по адресу: город С. …Адвокат Н. +7 (***) ***-**-***», с приведением номера мобильного телефона, используемого адвокатом Н.;

– публичное предложение адвокатом Н. своей юридической помощи доверителям на территории г. С. («*Да, действительно мой друг Ф. попросил меня оказать ему помощь для того, чтобы оказывать посильную помощь жителям Б. долины, для того, чтобы правильно и надлежащим образом и своевременно оформлять документы о праве собственности, ну и вообще в принципе решать те вопросы юридического характера, которые возникают в обычной жизнедеятельности*»), отраженное на видеозаписи… опубликованной 12 февраля 2024 г. на интернет-сайте видеохостинга *Rutube* по ссылке…;

– размещение 12 февраля 2024 г. на интернет-сайте видеохостинга *Rutube* по ссылке… информации об адвокате Н. со следующим описанием к вышеуказанной видеозаписи: «*В селе О. на улице Л. открылся офис <…> Опытный адвокат А., которого я лично знаю и всем рекомендую, который помог оформить мне дом и выиграл все суды. Понедельник – пятница с 10.00–18.00. По всем вопросам обращайтесь по телефону +7 (***) ***-**-** А. <…>*», с приведением номера мобильного телефона, используемого адвокатом Н.;

– представление адвокатом Н. интересов доверителей по более чем 100 судебным производствам в Л., Б., Н. и Г. районных судах г. С. с регулярным ежемесячным и непосредственным участием более чем в 100 судебных заседаниях, состоявшихся в судах г. С. в период с 28 июня 2023 г. по 30 июня 2025 г.;

– указание адвокатом Н. в 2023–2025 гг. своих адресов в г. С., т.е. вне субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого он яв-

ляется, для направления ему почтовой корреспонденции упомянутыми выше районными судами;

– использование адвокатом Н. вплоть до настоящего времени адреса в г. С. для получения почтовой корреспонденции, поступающей ему из других регионов Российской Федерации;

– ведение адвокатом Н. приема доверителей по адресу в г. С. по крайней мере в период с 07 декабря 2020 г. по 19 августа 2025 г.

Установить адвокату Н. срок до 31 декабря 2025 г. для приведения своей профессиональной адвокатской деятельности в соответствие с Разъяснениями Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о недопустимости осуществления адвокатской деятельности на постоянной основе на территории субъекта Российской Федерации, членом адвокатской палаты которого не является адвокат, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 октября 2023 г., и Положения о членстве в адвокатской палате субъекта Российской Федерации и порядке разрешения некоторых вопросов, связанных с определением членства в адвокатской палате субъекта Российской Федерации, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 01 июля 2025 г.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Н. по жалобам (обращениям) Президента Адвокатской палаты г. С. от 26 ноября 2024 г. и 27 марта 2025 г., а также по жалобе Д. от 20 августа 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) Н. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3.2. Совет признал недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры профессиональное поведение адвоката, разместившего в своем Телеграм-канале негативную статью с оскорбительным описанием деятельности коллеги и его искаженной путем монтажа фотографией. Адвокату объявлено предупреждение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката С. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката П. от 28 августа 2025 г. в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 22 октября 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом С. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 4, п. 2 ч. 1 ст. 8, п. 5 ст. 9, подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 4, 5.2 Рекомендаций по ведению сайта адвокатского образования либо персонального сайта адвоката, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ 15 сентября 2022 г. (Протокол № 15), пп. 2.3.1, 2.3.2 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ 28 сентября 2016 г. (Протокол № 7), выразившемся в том, что 25 августа 2025 г. в Телеграм-канале «К.» Коллегии адвокатов «…», председателем которой является адвокат С., была размещена статья (пост) с названием «А.», которая содержала искаженную путем монтажа фотографию бывшего коллеги адвоката С. – адвоката П. и фотографии текста статьи, опубликованной последним 22 авгу-

ста 2025 г. в его Телеграм-канале «П.», и при этом текст статьи, опубликованной в Телеграм-канале «К.», содержит крайне негативное, неуважительное и оскорбительное описание собирательного образа адвоката (доверители которого названы «подопытными»), адвоката-«фрика», адвоката – «цыганского барона», «косплейера в мантии», адвоката, «мозг которого работает по одному шаблону», который «гуглит биткоин в присутствии доверителя и спит на допросе за деньги доверителя», после чего доверитель «будет отсыпаться в СИЗО», адвоката, от которого надо «бежать как можно быстрее», с намерением причинить моральный вред своему коллеге – адвокату П., а также с целью привлечь внимание потенциальных доверителей и продемонстрировать положительный опыт адвокатов Коллегии адвокатов «…» созданием негативного и карикатурного собирательного образа других адвокатов.

Заявитель П., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, отношения к Заключению Квалификационной комиссии не выразил, просил не прекращать статус адвокату С. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося заявителя П.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, с выводами которой полностью согласился. Заверил Совет в том, что сделал все необходимые выводы и впредь подобного не допустит.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

25 августа 2025 г. в публичном Телеграм-канале «К.» размещена публикация под названием «А.». Данный материал содержал искаженную путем монтажа фотографию адвоката П. (с изображением головы анимационного животного) и выдержки из его статьи «И.». Текст публикации содержал уничижительные характеристики («цыганский барон», «косплейеры в мантиях», «мозг работает по одному шаблону»), направленные на создание негативного, карикатурного образа коллеги.

Заявитель – адвокат П. выдвинул в отношении адвоката С. следующие дисциплинарные обвинения:

– в публичном унижении его чести и достоинства путем размещения карикатурного фотомонтажа и использования оскорбительных высказываний («фрики», «цыганский барон») в публикации, находящейся в открытом доступе;

– в недобросовестной конкуренции для привлечения доверителей путем дискредитации профессиональной деятельности других адвокатов;

– в нанесении ущерба авторитету адвокатуры путем трансляции в сети «Интернет» негативного и карикатурного образа представителя профессии;

– в нарушении стандартов поведения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», выразившемся в агрессивных оценках и высказываниях, не соответствующих требованиям делового общения.

Адвокат С., не отрицая факта размещения указанных выше публикаций и не оспаривая их содержание, пояснил, что

в январе 2025 г. привлек SMM-специалиста Ж. для продвижения деятельности коллегии адвокатов через Телеграм-канал «К.». Согласно достигнутой договоренности специалист самостоятельно формировал контент, в том числе подбирая новости и визуальные материалы. Роль адвоката сводилась к предоставлению контактного номера телефона для обращений потенциальных доверителей. Адвокат С. пояснил, что не участвовал в создании и размещении спорного материала лично и не предполагал, что публикации привлеченного специалиста могут затронуть интересы третьих лиц. Указал, что до получения жалобы вообще не знал о том, что у заявителя есть Телеграм-канал. О существовании поста адвокату стало известно 29 августа 2025 г. из текста жалобы, после чего он незамедлительно обеспечил удаление публикации. Выражает сожаление о случившемся и подчеркивает, что оперативно предпринял исчерпывающие меры для исправления ситуации.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката С. о его непричастности к размещению указанных публикаций в Телеграм-канале «К.» и неосведомленности об их содержании, поскольку они размещались привлеченным специалистом Ж.

В соответствии с указанными выше корпоративными нормами, обязательными для всех адвокатов, ответственность за содержание информационных ресурсов адвоката или адвокатского образования несут непосредственно адвокаты, даже если для технического администрирования этих ресурсов привлечены третьи лица.

Размещение в описании Телеграм-канала личного номера телефона адвоката и его фотографий прямо указывает на принадлежность ресурса С.

Защитительную позицию адвоката С. Совет расценивает как свидетельствующую о недостаточном осознании адвокатом базовых требований профессиональной этики к публичному поведению адвоката и ответственности за поддержание достоинства профессии и авторитета адвокатуры.

Совет также отклоняет как несостоятельный довод адвоката С. о том, что он не знал о существовании информационного ресурса заявителя и не контролировал содержание собственного канала. Установлено, что участники производства на протяжении пяти лет (2020–2025 гг.) состояли в одном адвокатском образовании. Учитывая, что Телеграм-канал адвоката П. был создан еще в 2022 г., в период их совместной деятельности, утверждения адвоката С. о неосведомленности об этом расцениваются Советом как надуманные и приведенные исключительно с целью уклонения от ответственности.

Значительный срок личного знакомства и профессионального сотрудничества коллег дает основания для вывода об осознанном характере действий адвоката С. По этой причине размещение материалов, в связи с которыми адвокатом П. подана жалоба, оценивается Советом как целенаправленная попытка причинить последнему моральный вред. Использование искаженной фотографии и заимствованного текста в контексте схожей тематики каналов (криптовалюта и уголовное право) также подтверждает умышленный характер дискредитации коллеги.

Публикация «А.» содержит недопустимые, оскорбительные характеристики членов профессионального сообщества («цыганский барон», «косплейеры в мантиях») и доверителей адвокатов («подопытные»), формирует у аудитории крайне негативный образ адвоката, наносит вред достоинству профессии и авторитету адвокатуры.

Анализ содержания статьи вне разумных сомнений указывает и на цель

публикации – привлечение доверителей путем искусственного противопоставления «положительного опыта» Коллегии адвокатов «…» карикатурному и некомпетентному образу иных адвокатов. Подобный метод самопрезентации через высмеивание и унижение коллег прямо и грубо нарушает принцип корпоративности и требования профессиональной этики.

Совет признает, что адвокат вправе разъяснять доверителям критерии выбора квалифицированного защитника, основываясь на объективных данных об опыте и знаниях. Однако профессиональная этика категорически запрещает использование уничижительных оценок в адрес коллег вне зависимости от того, является их образ персонализированным или собирательным.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает профессиональное поведение адвоката С. недостойным, нечестным, неуважительным, умаляющим деловую репутацию другого адвоката, не соответствующим деловому общению и прямо противоречащим требованиям п. 1 ст. 4, п. 2 ч. 1 ст. 8, п. 5 ст. 9, п. 1, подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет особо отмечает недопустимость использования недобросовестной конкуренции. Распространение информации о себе или о своем адвокатском образовании, демонстрация своего положительного опыта, сопряженные с дискредитацией коллег, является грубым нарушением профессиональных стандартов (подп. 3 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката). Такие методы привлечения доверителей являются недостойными, наносят ущерб авторитету адвокатуры и подрывают доверие общества к ней как к институту гражданского общества.

Совет также вновь подчеркивает, что адвокат обязан самостоятельно контролировать содержание сведений, размещаемых на ресурсах, ассоциированных с его именем или его адвокатским образованием. Делегирование технических функций SMM-специалисту не снимает с адвоката персональной ответственности за этичность контента (раздел 7 Рекомендаций по ведению сайта адвокатского образования). Допустив публикацию оскорбительных материалов, адвокат С. нарушил требования к публичному поведению адвоката в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которые обязывают его избегать любого вида розни и проявлять уважение ко всем участникам информационного обмена (пп. 2.3.1, 2.3.2 Правил поведения адвокатов в сети «Интернет»).

Таким образом, установленная в результате дисциплинарного разбирательства совокупность действий адвоката С. свидетельствует об осознанном игнорировании им профессиональных этических стандартов. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. опровергнутой, а его вину в совершенных дисциплинарных нарушениях установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С., Совет учитывает их умышленный, грубый и злостный характер, сопряженный с явным игнорированием основополагающих норм профессиональной этики. Профессиональное поведение адвоката С. Совет признает недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат С. к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал, устранил его последствия и дал Совету заверения о недопущении подобного впредь. Совет также принимает во внимание

просьбу заявителя – адвоката П. не прекращать С. статус адвоката.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату С. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени соответствующую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату С. на необходимость неукоснительного исполнения следующих профессиональных обязанностей: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов РФ и Адвокатской палатой города Москвы (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 4, п. 2 ч. 1 ст. 8, п. 5 ст. 9, подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 4, 5.2 Рекомендаций по ведению сайта адвокатского образования либо персонального сайта адвоката, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ 15 сентября 2022 г. (Протокол № 15), пп. 2.3.1, 2.3.2 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ 28 сентября 2016 г. (Протокол № 7), выразившееся в том, что 25 августа 2025 г. в Телеграм-канале «К.» Коллегии адвокатов «…», председателем которой является адвокат С., была размещена статья (пост) с названием «А.», которая содержала искаженную путем монтажа фотографию бывшего коллеги адвоката С. – заявителя – адвоката П. и фотографии текста статьи, опубликованной последним 22 августа 2025 г. в его Телеграм-канале «П.», и при этом текст статьи, опубликованной в Телеграм-канале «К.», содержит крайне негативное, неуважительное и оскорбительное описание собирательного образа адвоката (доверители которого названы «подопытными»), адвоката-«фрика», адвоката-«цыганского барона», «косплейера в мантии», адвоката, «мозг которого работает по одному шаблону», который «гуглит биткоин в присутствии доверителя и спит на допросе за деньги доверителя», после чего доверитель «будет отсыпаться в СИЗО», адвоката, от которого надо «бежать как можно быстрее», с намерением причинить моральный вред своему коллеге – адвокату П., а также с целью привлечь внимание потенциальных доверителей и продемонстрировать положительный опыт адвокатов Коллегии адвокатов «…» созданием негативного и карикатурного собирательного образа других адвокатов.

Содержание

Документы Адвокатской палаты города Москвы 2

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 273 от 30 октября 2025 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) 2

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 274 от 30 октября 2025 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 12

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 275 от 30 октября 2025 года «О награждении адвокатов» 15

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 303 от 27 ноября 2025 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) . . .17

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 304 от 27 ноября 2025 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 23

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 305 от 27 ноября 2025 года «О награждении адвокатов» 27

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 329 от 18 декабря 2025 года «О созыве Двадцать четвертой ежегодной конференции адвокатов Адвокатской палаты города Москвы» 29

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 330 от 18 декабря 2025 года «О норме представительства на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы и порядке избрания делегатов» 30

ПОРЯДОК избрания делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы 31

РЕГЛАМЕНТ проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Двадцать четвертую ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы 35

Руководителям органов управления коллегиями адвокатов и адвокатскими бюро, адвокатским кабинетам 37

Руководителю коллегии адвокатов, адвокатского бюро 38

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 331 от 18 декабря 2025 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) . . .39

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 332 от 18 декабря 2025 года «О прекращении процедуры изменения членства адвоката Бересневой Светланы Викторовны в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате города Санкт-Петербурга» 44

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 333 от 18 декабря 2025 года «Об адвокатах, статус которых приостановлен по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 16 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 48

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 334 от 18 декабря 2025 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 50

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 335 от 27 ноября 2025 года «О награждении адвокатов» 53

Адвокатское сообщество 55

Обзор дисциплинарной практики 56

Вестник Адвокатской палаты города Москвы
Выпуск № 3 (168) 2025

Учредитель
Адвокатская палата города Москвы
119002 Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
+7 (499) 241–2020
www.advokatymoscow.ru
info@advokatymoscow.ru

Редакционный совет
С.Б. Зубков (председатель),
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант,
И.А. Поляков, Г.М. Резник

Ответственные за выпуск
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант

Дата подписания в печать
06.03.2026

Редакция и издатель
ООО «Развитие правовых систем»
129226 г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 11,
пом. 1211. +7 (499) 350–0015
www.rpspress.ru, info@rpspress.ru

Отпечатано в типографии
«OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»,
109316 г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru

Формат 70 × 108 / 16. Гарнитура Times.
Усл.-печ. л. 19,625. Тираж 100 экз.
Заказ № 64863

© Адвокатская палата
города Москвы, 2025

© ООО «Развитие правовых систем»
(подготовка, оформление), 2025